

ГОДЪ

Л

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 19.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1909-го года мая 10-го дня.

Содержаніе: I. Задачи и нужды православной миссіи среди инородцевъ на нашихъ восточныхъ окраинахъ. Кир. Тихомировъ. — II. За годъ. Предсѣдатель братства II.—III. Мои воспоминанія. (Продолженіе). Проф. В. Пѣвницкій.

Задачи и нужды православной миссіи среди ино- родцевъ на нашихъ восточныхъ окраинахъ.

Въ засѣданіи св. Синода 10 марта с. г., по сообщенію „Нов. Врем.“, былъ заслушанъ запросъ казанскаго отдѣла союза русскаго народа о массовомъ переходѣ православныхъ инородцевъ въ Казанской епархіи въ магометанство. Св. Синодъ, обсудивъ запросъ, постановилъ препроводить его епархіальному преосвященному Никанору, архіепископу казанскому, для разслѣдованія и дачи заключенія по поводу того, какія мѣры необходимо принять епархіальной власти, — обратиться ли къ правительству съ представленіемъ о нарушеніи мусульманскими муллами закона объ охранѣ правъ господствующей церкви, или же принять рядъ мѣръ религиозно-

нравственнаго характера. — Какое послѣдовало заключеніе преосвященнаго Никанора по затронутому вопросу, намъ пока неизвѣстно.

Вслѣдствіе измѣнившихся условій государственной жизни въ коренной Россіи, у насъ, въ восточныхъ губерніяхъ, замѣчается необыкновенное пробужденіе національныхъ и религіозныхъ стремленій въ сторону отъ Россіи и всего русскаго-православнаго. Въ то время, какъ православная миссія, по независящимъ отъ нея обстоятельствамъ, слабѣетъ и въ силахъ и въ организаціи, когда выбываютъ изъ ея рядовъ опытные дѣятели, враги Православной Церкви съ большею силою и энергіею „дѣлаютъ свое дѣло“. Нагляднымъ доказательствомъ такого печальнаго положенія дѣлъ можетъ служить поднятая теперь магометанами религіозная борьба съ христіанствомъ среди нашихъ восточныхъ инородцевъ.

Въ давно минушія времена, когда восточныя границы нашей Имперіи лежали по Уралу, когда зауральскія степи, отрѣзывавшія восточную полосу Россіи отъ центральной Азіи, заселены были кочующими народами, не принадлежавшими, собственно говоря, ни къ какому вѣроисповѣданію и не нафанатизированными, какъ нынѣ, магометанскимъ ученіемъ; когда въ самой Россіи нынѣшнихъ удобныхъ путей сообщенія не существовало, и когда путешествія въ Мекку, въ особенности же европейскимъ путемъ, чрезъ Константинополь, были крайне затруднительны и доступны лишь немногимъ, — въ тѣ времена постановка миссіонерскаго дѣла на нашемъ Поволжьѣ не могла вызывать особенныхъ заботъ, и на магометанство могли быть направлены взгляды лишь немногихъ миссіонеровъ. Нынѣ же обстоятельства измѣнились: нѣкогда обособленныя восточныя границы наши отъ магометанскаго міра, центръ коего лежитъ въ центральной и юго-западной Азіи, теперь почти слились съ нимъ чрезъ посредство нашихъ территоріальныхъ среднеазіатскихъ пріобрѣтеній, и магометанская пропаганда, не встрѣчая на своемъ пути никакихъ преградъ, хлынула нынѣ широкой волной въ темную

инородческую среду и наводнила весь нашъ Востокъ. А потому противодѣйствию укрѣпленію и распространенію магометанскаго духа и изолированіе его путемъ водворенія прочныхъ христіанскихъ началъ въ нашихъ восточныхъ окраинахъ должно составлять неотложную и существенную задачу правительства, духовенства и общества.

Самымъ безпокойнымъ и фанатичнымъ элементомъ въ религіозномъ отношеніи между нашими восточными инородцами являются татары,—магометане въ душѣ, христіане же только по имени, на удержаніе коихъ въ православіи потеряно много энергіи и доброй воли,—положеніе же дѣлъ, какъ признаетъ и св. Синодъ, нисколько не улучшается нынѣ, а наоборотъ все болѣе ухудшается; усиливается татарско-магометанская пропаганда, борьба съ которой становится все труднѣе и труднѣе. Со времени изданія закона о свободѣ вѣроисповѣданій (17 апр. 1905 г.) въ Казанской и Уфимской губерніяхъ новокрещенные татары снова отпадаютъ въ мусульманство, на мусульманство же мѣняютъ христіанскую религію чувашаи, черемисы; другіе христіане изъ инородцевъ принимаютъ язычество. Отпаденія отъ православія принимаютъ массовый характеръ, увлекая въ общемъ движеніи и тѣхъ немногихъ старокрещенныхъ татаръ, которые оставались еще вѣрными православію. На этихъ послѣднихъ татарско-магометанскія общества стараются дѣйствовать всеми мѣрами, часто даже насильственными, доходившими до истязанія женщинъ и дѣтей, до насильственнаго совершенія обрѣзанія надъ мужчинами и т. п.

Такое печальное положеніе христіанскаго дѣла въ Поволжьи указываетъ на существованіе какихъ-то особыхъ причинъ, по которымъ православная миссія среди восточныхъ инородцевъ нашихъ терпитъ часто тяжелыя неудачи. Приписывать эти неудачи неопытности и неловкости миссіонеровъ или нецѣлесообразности предпринимаемыхъ ими мѣръ было бы не вполне основательно и справедливо, ибо усиленные миссіонерскія дѣйствія и мѣры относятся къ тому вре-

мени, когда отступническое движеніе татаръ уже началось. Первоначально же татары привлекались къ христіанску такими же мѣрами, какъ и прочіе инородцы Приволжскаго края. Особыя причины обаянія и силы фанатической магометанской пропаганды для крещенныхъ инородцевъ—дѣйствительно существуютъ. Онѣ имѣютъ скорѣе религіозный, нежели политическій характеръ, хотя, конечно, подъ вліяніемъ нынѣшнихъ „освободителей“, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, могутъ послужить орудіемъ и политической агитаціи среди мусульманъ. Изученіе ихъ необходимо въ видахъ правильной постановки миссіонерскаго дѣла на нашемъ Востокѣ.

Таковыми причинами являются, напр., сравнительно высокій уровень народнаго образованія у магометанъ, его религіозно-нравственная постановка; особенное усердіе и безкорыстіе так. назыв. „магометанскаго духовенства“; затѣмъ этнографическія условія, изъ коихъ первенствующая роль принадлежитъ, конечно, сходству инородческихъ нарѣчій съ татарскимъ языкомъ, являющимся такимъ образомъ готовымъ орудіемъ магометанской пропаганды; многочисленность мусульманскихъ богослужебныхъ учрежденій, школъ и проч.

Если въ высшихъ сферахъ магометанскаго общества господствуетъ относительное невѣжество, вслѣдствіе односторонности ихъ науки, поставленной въ самыя тѣсныя рамы ихъ ревнивымъ ко всякому обще-человѣческому знанію религіознымъ закономъ, то, съ другой стороны, уровень образованія народныхъ массъ стоитъ вообще значительно выше нежели у насъ; въ особенности же разница эта велика въ нашихъ восточныхъ губерніяхъ, гдѣ для народнаго образованія пока сдѣлано вообще меньше, нежели въ центральныхъ и южныхъ губерніяхъ Россіи. Татарское просвѣщеніе—исключительно религіозное, и въ этомъ его какъ дурныя, такъ и хорошія стороны: дурныя—потому что оно изолируетъ его отъ христіанской цивилизаціи; —хорошія—потому что оно имѣетъ на своей сторонѣ народныя симпатіи, вслѣдствіе чего татары обнаруживаютъ гораздо больше стремленія къ школь-

ному образованію, нежели русскіе, и въ этомъ случаѣ односторонность ихъ школъ служить очевиднымъ свидѣтельствомъ, что въ народныхъ массахъ наилучшее средство привлеченія къ образованію есть постановка школъ *на исключительно религіозно-нравственныхъ началахъ*. Магометанинъ не можетъ себѣ представить школы, имѣющей иную цѣль, а не распространеніе религіозныхъ знаній; потому-то онъ такъ враждебенъ къ христіанскимъ школамъ, и потому-то именно считаетъ свою, магометанскую школу первою потребностію всякаго правовѣрнаго и посѣщеніе ея для своихъ дѣтей нравственно обязательнымъ. Благодаря такому взгляду на дѣло, магометанскія народныя училища, *мектебе*, имѣются чуть ни въ каждой деревнѣ и во всякомъ случаѣ при каждой мечети или молитвенномъ домѣ. Тамъ, гдѣ нѣтъ особаго помѣщенія для школы, мулла собираетъ дѣтей у себя на-дому, но такъ или иначе татарскія дѣти учатся почти всѣ.

Помимо мектебе, гдѣ преподаются лишь первыя начала татарско-магометанской грамоты и образованія, у мусульманъ существуютъ еще высшія школы *медресе*; онѣ являются настоящими разсадниками восточнаго фанатизма, это богословскіе факультеты магометанства. Здѣсь мусульманская наука преподается въ широкомъ объемѣ, и въ старшіе классы медресе поступаютъ молодые люди 16 лѣтъ и болѣе и обучаются въ нихъ въ теченіе многихъ лѣтъ.

Результатомъ такого положенія дѣлъ является то, что среди татаръ по крайней мѣрѣ 60% населенія грамотны, тогда какъ даже среди мѣстнаго русскаго населенія, не говоря уже о язычникахъ, число грамотныхъ не превышаетъ и 10%.

Прибавимъ къ сему, что татарскія школы существуютъ давно, что онѣ имѣютъ свои традиціи, что ученые муллы и шакирды составляютъ гордость населенія, что татарскія мектебе и медресе пользуются авторитетомъ не только среди магометанъ, но и другихъ инородцевъ, какъ язычниковъ, такъ и крещенныхъ, и намъ станетъ понятно, почему такъ

трудно нашей миссіи бороться съ такой могущественной силой, какъ магометанская пропаганда, опирающаяся на вѣковыхъ устояхъ, которые христіанской миссіи и пропагандѣ приходится еще только созидать въ краѣ.

А потому въ интересахъ государства и нашей миссіи желательно, чтобы усиленію и распространію мусульманской пропаганды въ нашихъ восточныхъ губерніяхъ поставлены были нѣкоторыя преграды, безъ нарушенія установленнаго нашими законами принципа вѣротерпимости. Очевидно, не можетъ быть разрѣшено возвращаться въ магометанство, но, съ другой стороны, разумѣется, если бы миссіонерское дѣло было поставлено у насъ на болѣе широкихъ началахъ, если бы оно обладало достаточными матеріальными средствами, определеннымъ числомъ просвѣщенныхъ энергическихъ дѣятелей, то попытки обращенія магометанъ въ православіе могли бы имѣть болѣе благопріятные результаты. Но въ настоящее время, при скромныхъ средствахъ нашихъ миссіонерскихъ обществъ, дѣятельность ихъ, въ видахъ наибольшей пользы для дѣла, должна быть направлена къ распространенію православія среди инородцевъ—язычниковъ и къ удержанію въ немъ тѣхъ изъ нихъ, которые, числясь православными, обнаруживаютъ однако нѣкоторое тяготѣніе къ магометанству. Обращеніе истаго магометанина, упорнаго фанатика, презирающаго христіанство и притомъ слишкомъ тѣсно связаннаго во всѣхъ своихъ вседневныхъ интересахъ со своими единовѣрцами, потребовало бы такой затраты энергіи и настойчивости со стороны нашихъ и безъ того немногочисленныхъ миссіонеровъ, которыя ни въ какомъ случаѣ не соотвѣтствовали бы достигаемымъ результатамъ, тогда какъ то же количество энергіи и труда могло бы принести богатые результаты въ средѣ шаткаго въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ крещеннаго и языческаго инородческаго населенія. А потому ясно, что всѣ усилія нашей православной миссіи должны быть прежде всего направлены въ эту сторону, для того же, чтобы ею могли быть достигнуты наилучшіе результаты, же-

лателенъ былъ бы со стороны правительства и духовенства рядъ мѣропріятій, которыя, оставаясь въ границахъ вѣротерпимости, вліяли бы, съ одной стороны, на ослабленіе обаянія и значенія магометанской пропаганды, съ другой—способствовали искорененію замкнутости и исключительности, въ которую поставило себя татарское населеніе не только на почвѣ религіи, но и на почвѣ гражданственности.

Вѣнцомъ этихъ мѣропріятій миссіи должна быть забота о насажденіи среди инородцевъ православной русской школы: общеизвѣстно выраженіе: „у кого въ рукахъ школа, у того въ рукахъ и народъ“. Поворотъ симпатій инородцевъ въ пользу русскихъ школъ замѣчается лишь въ тѣхъ мѣстостяхъ, гдѣ учреждены миссіонерскія училища со строго религіознымъ направленіемъ, въ особенности же если преподаваніе ведется *на мѣстномъ инородческомъ нарѣчій*; подобнымъ школамъ дѣйствительно удается въ короткое время отвлечь значительную часть учениковъ отъ татарскихъ мектебе, но такихъ школъ среди инородцевъ очень мало. Польза, приносимая ими, несомнѣнна, а потому желательно увеличеніе числа подобныхъ школъ, желательно тѣмъ болѣе, что онѣ доказали свою цѣлесообразность и такимъ образомъ подтвердили на практикѣ непогрѣшимость тѣхъ принциповъ, которые сравнительно недавно еще входили въ область теоріи. Сочувствіе населенія къ учителямъ, владѣющимъ мѣстнымъ нарѣчіемъ инородцевъ, лучше всего доказываетъ, что просвѣщеніе инородцевъ въ христіанскомъ духѣ встрѣчаетъ препятствіе не въ упорствѣ языческихъ суевѣрій инородческаго населенія, не въ исключительной склонности къ магометанству, а главнымъ образомъ въ органическихъ недостаткахъ самыхъ школъ, которыя даютъ инородцамъ не то развитіе, какого они ищутъ. Общеобразовательное направленіе большинства нашихъ школъ, чуждыхъ строго религіозно-нравственной исключительности, характеризующей магометанскія мектебе и медресе, не находятъ себѣ сочувствія въ народныхъ массахъ, а потому инородцы избѣгаютъ ихъ и охотнѣе отдають дѣтей своихъ

въ обученіе къ мулламъ, нежели въ русскія школы. Явленіе это давно подмѣчено людьми, посвятившими себя дѣлу народнаго образованія. Такимъ образомъ, народныя школы съ религіозно-нравственнымъ направленіемъ и съ преподаваніемъ на мѣстномъ инородческомъ нарѣчій, въ небольшомъ числѣ содержимыя на средства или при пособіи Братства св. Гурія, устроенныя по извѣстной системѣ Н. И. Ильминскаго, представляютъ тотъ типъ инородческихъ училищъ, который изъ всѣхъ извѣстныхъ у насъ типовъ наиболее соотвѣтствуетъ мѣстнымъ потребностямъ, симпатіямъ населенія и правительственнымъ цѣлямъ; а потому едва ли есть дѣло, въ которомъ участіе государства представляется болѣе желательнымъ и умѣстнымъ. Расширеніе крайне ограниченныхъ средствъ нашей миссіи на Востокъ есть вопросъ государственной необходимости, и въ настоящее время едва ли не наиболее благопріятный моментъ для правительственной инициативы въ Государ. Думѣ по этому столь полезному и неотложному дѣлу. Въ этомъ дѣлѣ должно принять живое и дѣятельное участіе и общество, такъ какъ въ истинномъ просвѣщеніи инородцевъ—залогъ лучшаго будущаго нашихъ окраинъ.

Если въ интересахъ успѣха христіанской миссіи необходимы учителя, владѣющіе мѣстными нарѣчійми, если необходимы переводы церковно-богослужебныхъ книгъ, то, очевидно, еще большею насущною потребностью является въ инородческихъ приходахъ наличность такихъ священнослужителей, которые могли бы отправлять богослуженіе на языкѣ, понятномъ инородцамъ. Потребность эта, понятная сама собою, подтверждается самымъ нагляднымъ образомъ—практикой, показывающей, что церкви посѣщаются гораздо болѣе въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ богослуженіе совершается на мѣстномъ инородческомъ нарѣчій. Мѣстные инородцы и даже крещенные татары, не отпавшіе еще отъ христіанства, очень любятъ церковное благочиніе и обрядность; сколько-нибудь церковное понятное пѣніе привлекаетъ ихъ въ церковь мас-

сой; пониманіе богослуженія, очевидно, еще болѣе способствуетъ ихъ религіозной ревности, а потому подготовка священнослужителей, знающихъ мѣстныхъ нарѣчія, могла бы сильно подвинуть впередъ христіанское дѣло на нашемъ Востоцкѣ.

Итакъ, въ восточныхъ нашихъ губерніяхъ для православной миссіи открываются широкіе горизонты. Господь видимо влечетъ сердца инородцевъ къ православію, и нива для сѣянія Слова Божія вполне подготовлена. Для истинно вѣрующихъ людей здѣсь, на Востоцкѣ, широкое поле дѣятельности, насущная и самая благодарная почва для произрастанія духовныхъ плодовъ; здѣсь они могутъ съ любовію служить Христу и предъ всей родиной засвидѣтельствовать, какъ жизненно и сильно ученіе православія; но горе наше—нѣтъ сѣятелей на нивѣ Христовой, никто не внемлетъ нашему гласу мольбы, когда мы ходатайствуемъ о расширеніи миссіи и о поддержкѣ матеріальными средствами; никто не откликается, и общество равнодушно молчитъ...

Преосвященный Андрей, епископъ Мамадышскій, на ближайшемъ попеченіи котораго находится дѣло противомусульманской миссіи, въ „Москов. Вѣд.“ отмѣчаетъ равнодушіе православнаго общества къ этому святому дѣлу, особенно рельефно выдающее себя, если сравнить отношеніе магометанъ къ пропагандѣ своей вѣры, для которой магометанское общество не щадитъ никакихъ матеріальныхъ затратъ. Преосвященный авторъ приводитъ въ подтвержденіе этого весьма внушительные факты. Такъ, всѣ болѣе или менѣе важныя мектебе и медресе обезпечены громадными капиталами, доходящими иногда до десяти милліоновъ; штрафы, налагаемые цензурою на магометан. газеты, уплачиваются всегда путемъ общественныхъ сборовъ; милліонеры татары покупаютъ у разорившихся русскихъ совершенно ненужную имъ большую фабрику специально для того, чтобы „своихъ поддержать“, т. е. чтобы сдѣлать фабрику очагомъ мѣстной пропаганды ислама. И вотъ въ то время, какъ магометане

для своей школьно-публицистической деятельности не жалуютъ миллионъ рублей, русское общество не только не проявляетъ въ этомъ отношеніи никакой инициативы, но даже сомнѣвается въ самой необходимости своего содѣйствія отечественной христіанской миссіи. Какъ будто никѣмъ не сознается, какое громадное значеніе представляетъ наша восточная окраина для православія, и что только усиленное распространеніе православія въ нѣдрахъ язычества и магометанства можетъ въ будущемъ спасти Россію отъ новаго грознаго нашествія монголовъ.

Кир. Тихомировъ.

З а г о д ъ.

(Изъ годового отчета приходскаго братства).

1-го января 1909 года наше приходское братство торжественно отпраздновало третью годовщину своего существованія. Послѣ новогодняго молебна былъ отслуженъ благодарственный братскій молебенъ съ присоединеніемъ прошеній о братствѣ и его участникахъ, съ поименнымъ поминовеніемъ cadaго. Послѣ молебна присутствующимъ въ храмѣ былъ доложенъ краткій отчетъ о дѣятельности братства. Кое-чѣмъ изъ этого отчета мы и желали бы подѣлиться съ читателями, полагая, что и небольшой опытъ оживленія приходской жизни не лишень для пастырей читателей своего интереса.

Въ нашемъ пригородномъ селеніи, съ разнообразнымъ населеніемъ, главнымъ образомъ пришлымъ, не имѣющимъ осѣдлости и прочныхъ связей съ аборигенами, братство являлось нерѣдко объединяющимъ центромъ, куда несли свои думы и нужды не только мѣстные жители, но и пришлые.

Братство прилагало всѣ усилія къ тому, чтобы къ братской работѣ привлечь возможно большій кругъ прихожанъ и, слава Господу, какъ въ энергичныхъ работникахъ, такъ и въ жертвователяхъ недостатка не было, и братство имѣло воз-

возможность отзывать на самыя разнообразныя нужды прихода, оказывая и мнѣ, какъ священнику, нравственную поддержку и помощь въ разнообразныхъ случаяхъ. Приведу, на примѣръ, такой случай. Въ бесѣдахъ на братскихъ засѣданіяхъ, обсуждая мѣстныя религіозно-нравственныя нужды съ братчиками, я услышалъ пожеланіе о томъ, чтобы въ церкви было сказано поученіе о болѣе внимательномъ надзорѣ родителей за школьниками. Школъ у меня въ приходѣ нѣскольکو, и вопросъ былъ поднять не маловажный, такъ какъ многіе родители, отдавая дѣтей въ училище, снимаютъ съ себя уже всякія воспитательныя обязанности. Случаемъ я воспользовался и предложилъ братчикамъ высказаться, какіе бы вопросы они предложили для освѣщенія съ церковной каѳедры. Получился цѣлый списокъ темъ, гдѣ, среди наивныхъ и простыхъ, встрѣтилось не мало и цѣнныхъ вопросовъ, откровенно сознаюсъ, мною въ церковной проповѣди не раскрытыхъ. Правда, за такое обращеніе одинъ ригористъ и большой ревнитель моего пастырскаго авторитета наединѣ меня нѣсколько пожурилъ, найдя въ такомъ обращеніи нѣкое умаленіе моего авторитета, но пожеланія братчиковъ я все же усиленно старался выполнить. Пишутъ же и многоопытные и престарѣлыя отцы на заданныя консисторіей темы, отчего же не воспользоваться, гдѣ нужно и совѣтомъ духовныхъ чадъ, указывающихъ, какого они хлѣба алчутъ? Открытая еще въ первомъ году при братствѣ библіотека, составленная изъ церковной и школьной, начала функціонировать съ 300 томовъ; теперь ихъ уже свыше 1000 томовъ; книгами пользовалось 110 душъ, а всѣхъ книгъ выдано 2044 тома. За отсутствіемъ мѣста библіотека находится въ церкви, и книжки можно выдавать только по воскресеньямъ и праздникамъ. Главные читатели—ребята, но уже кое-кто изъ взрослыхъ тоже начинаетъ интересоваться библіотеккой. Особенно памятенъ одинъ старикъ, возвратившійся отъ штунды; зарылся въ братскую библіотеку и теперь уже самъ „даетъ сдачи“, какъ онъ выражается, своимъ бывшимъ учителямъ. Въ дѣлѣ по-

полненія бібліотеки былъ и нѣкій, довольно горькій опытъ, научающій осторожности. Въ журналъ „Христіанинъ“ была помѣщено объявленіе издательства „Народное здравіе“—пятьдесятъ брошюръ по медицинѣ—5 руб. Чего лучше? Дешево и полезно. Выписали. Заказъ былъ исполненъ крайне небрежно: однѣхъ брошюръ совсѣмъ не прислали, другихъ по два экземпляра; какимъ-то образомъ втиснули и пару ярко красныхъ революціонныхъ брошюръ, къ медицинѣ никакого отношенія не имѣющихъ. Чепуху уничтожили и на будущее время рѣшили быть съ объявленіями болѣе осторожными. Изъ журналовъ получали „Христіанинъ“ и газету „Колоколъ“. Считаемо нужнымъ отмѣтить огромный успѣхъ и впечатлѣніе среди простецовъ перваго журнала; дай Богъ здоровья и силъ епископу Едокимову—доброе дѣло онъ создалъ—живое и простое слово о Богѣ и Божьей правдѣ, согласное съ ученіемъ Православной Церкви—такъ необходимо теперь вѣрующей Руси. Для священника этотъ журналъ даетъ не только личную, бодрящую душу, пищу, но и прѣкрасный матеріалъ для бесѣдъ и народныхъ чтеній.

Открытая при нашемъ братствѣ продажа книгъ религіозно-нравственнаго содержанія дала въ настоящемъ году 50 рублей. Книги продавались въ храмѣ, а также и на ярмаркѣ, устраиваемой въ нашемъ селѣ. Большую услугу въ этомъ дѣлѣ оказываютъ братствамъ синодальныя типографіи—намъ московская. Братствамъ они охотно открываютъ кредитъ, дѣлаютъ значительную 10% скидку, аккуратнѣйшимъ образомъ исполняютъ заказы и не требовательны въ отношеніи денегъ; сколько выручимъ—отправимъ; объ остальныхъ не напоминаютъ. Молитвословы и Евангелія бесплатно выдавались братствомъ лучшимъ ученикамъ мѣстныхъ школъ и присоединеннымъ къ православію¹⁾. Изъ новинокъ успѣхомъ въ приходѣ пользовались Евангелія на малорусскомъ языкѣ, из-

¹⁾ Въ настоящемъ году присоединилось къ вѣрѣ православной католиковъ три, старообрядцевъ одинъ и крещена одна еврейка.

данныя синодальной типографіей, пока трехъ евангелистовъ, и дѣтская книжка свящ. Смирнова—„Ангель Хранитель“. Послѣдняя книжка восполняетъ значительный пробѣлъ въ нашей дѣтской литературѣ. Въ то время, какъ въ свѣтской литературѣ вопросу о до-школьномъ воспитаніи удѣляютъ огромное вниманіе, религіозно-нравственной литературы для дѣтей до-школьнаго возраста у насъ не существуетъ, о чемъ нельзя не пожалѣть¹⁾. Книжка „Ангель Хранитель“, изданная очень изящно и недорого, выписана была братствомъ предъ рождественскими праздниками и для многихъ малышей замѣнила праздничные подарки. Недорого и полезно!

Изданная синодальной типографіей компактная Библия на русскомъ языкѣ, выписанная Братствомъ, на нашихъ любителей чтенія божественнаго писанія ожидаемаго впечатлѣнія не произвела: изданіе, правда, очень изящное и удобное для ношенія, особенно для миссіонеровъ, но печать слишкомъ мелкая для постояннаго чтенія²⁾.

Религіозно-нравственному просвѣщенію народа Братство содѣйствовало засѣданіями братскаго совѣта и народными чтеніями. Засѣданія совѣта, на которыя приглашались всѣ интересующіеся братскими дѣлами, не ограничивались только дѣловой и практической стороною, но сопровождались чтеніями выдержекъ изъ религіозно-нравственныхъ журналовъ, краткими докладами и обмѣномъ мнѣній по нимъ; такъ, въ засѣданіяхъ были сдѣланы доклады о кievскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ, о дѣятельности древне-русскихъ юго-западныхъ братствъ, о сектѣ іоаннитовъ, о приходской благотворитель-

¹⁾ Вниманію о.о. законоучителей и пастырей-писателей. Въ Кіевѣ, Фундуклеевская ул. № 10, открытъ пока единственный въ Россіи магазинъ „До-школьное воспитаніе“. Желательно было бы, чтобы всѣ брошюры и книги касающіяся семейнаго и до-школьнаго религіозно-нравственнаго воспитанія, были высылаемы въ этотъ магазинъ.

²⁾ Въ тѣхъ приходахъ, гдѣ есть помѣстительная церковно-приходская школа, продажу книгъ можно устраивать при школахъ. Здѣсь же можно держать для продажи и письменныя принадлежности.

ности въ древней Руси. Общепародныхъ чтеній, съ пѣніемъ хора и туманными картинами, въ отчетномъ году было устроено 10, на нихъ собиралось всегда до 300 человекъ народа. Въ этомъ дѣлѣ Братство крайне было стѣснено отсутствіемъ собственнаго помѣщенія; приходилось просить помѣщеніе въ земскомъ училищѣ, когда то было возможно. Въ настоящемъ году въ земское училище назначена новая завѣдующая, религіозная, энергичная женщина. Преданная дѣлу народнаго просвѣщенія, она ископотала у земства пособіе на чтенія и устраиваетъ ихъ совмѣстно съ братствомъ черезъ двѣ недѣли. Первое отдѣленіе религіозно-нравственнаго содержанія ведутъ братчики, второе—общеобразовательное сама учительница, поетъ хоръ и за порядкомъ наблюдаютъ братчики. Такимъ образомъ у насъ осуществляется въ маленькихъ размѣрахъ мирная и дружная работа земства и церкви, что не вездѣ замѣчается. Устройство братскихъ чтеній встрѣтило, впрочемъ, въ началѣ года неожиданное препятствіе со стороны мѣстнаго представителя власти, съ указаніемъ на то, что на устройство чтеній и связанныхъ съ ними собраній народа требуется разрѣшеніе со стороны высшей власти въ губерніи. На возбужденное совѣтомъ братства соответственное ходатайство предъ начальникомъ губерніи послѣдовалъ отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что на устройство религіозно-нравственныхъ чтеній разрѣшенія не требуется. Благодаря указанному недоразумѣнію, чтеній не было въ теченіе полу-года.

Часто при богослуженіи молящимся раздавались отъ братства листки религіозно-нравственнаго содержанія; всего роздано 10 тысячъ. Признавая всю пользу таковой раздачи, вида, съ какою радостію разбираются листки молящимися. Братство не можетъ не сожалѣть, что цѣна на листки стоитъ у насъ вообще высокая, до 1 рубля съ пересылкою, въ то время, какъ нѣкоторыя изданія имѣютъ возможнымъ продавать ихъ по 35 коп. за сотню и не находятъ это для себя убыточнымъ.

Съ тою же, религіозно-просвѣтительною цѣлію, въ церковномъ дворѣ, за счетъ братства, устроены двѣ витрины. Онѣ представляютъ большое удобство для сношеній братства съ приходомъ; въ нихъ вывѣшивается для чтенія приходомъ листки религіозно-нравственнаго содержанія, протоколы братства, о полезныхъ предпріятіяхъ и вещахъ. Пребывшіе до начала богослуженія прихожане группами собираются возлѣ витрины и имѣютъ полезное занятіе.

Предсѣдатель Братства II.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Мои воспоминаія.

(Продолженіе ¹⁾).

III.

Въ училищѣ.

Мнѣ было девять лѣтъ, когда (въ 1841 году) меня опредѣлили въ Муромское духовное училище, куда, двумя годами раньше меня поступилъ старшій братъ мой Димитрій, нынѣ протоіерей Гребневской церкви въ Москвѣ. Поступилъ я прямо во второй классъ, минуя первый; отецъ мой считалъ меня достаточно приготовленнымъ для второго класса.

Прибывъ въ Муромъ, отецъ прежде всего повелъ меня къ смотрителю училища, игумену Муромскаго Благовѣщенскаго монастыря Варлааму. Это былъ сановитый и добродушный старецъ, скоро, по вступленіи моемъ въ училище, переведенный въ Юрьевскій монастырь, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита. Я ждалъ, что онъ подвергнетъ меня экзамену. Но онъ не задавалъ мнѣ никакого вопроса, и безъ экзамена принялъ меня во второй классъ, довѣряя свидѣтельству мо-

¹⁾ См. №№ 17—18-й за 1909-й г.

его отца о моей подготовленности для второго класса, можетъ быть, потому еще, что мой старшій братъ, поступившій въ училище раньше меня, оказался отличнымъ ученикомъ, и въ спискахъ ученическихъ занималъ первое мѣсто. Отъ смотрителя пошли мы къ учителю второго класса соборному священнику Василию Степановичу Харизоменову. И здѣсь тоже мнѣ не произведено было никакого испытанія.

Училище помѣщалось въ деревянномъ однопэтажномъ зданіи, стоявшемъ на одной изъ глухихъ улицъ города Муромъ. Это зданіе долгое время, и послѣ окончанія мною курса, находилось въ прежнемъ видѣ, кажется, мало ремонтируемое. Когда я, уже будучи профессоромъ академіи, пріѣзжалъ въ Муромъ, зданіе духовнаго Муромскаго училища имѣло такой же видъ, какъ и во время моего обученія въ немъ. Только въ позднѣйшія десятилѣтія прошлаго вѣка, оно было сломано, и на мѣстѣ его воздвигнутъ каменный корпусъ, въ которомъ устроена и церковь. Въ старомъ деревянномъ училищномъ зданіи было четыре большихъ комнаты: въ одной помѣщалось высшее отдѣленіе, въ двухъ—первое и второе низшее отдѣленіе, или два третьихъ класса, а въ четвертой второй классъ. По старому уставу духовныя училища раздѣлялись на уѣздныя училища и на приходскія. Высшее и низшее отдѣленіе,—четвертый и третій классъ,—составляли уѣздное училище, а первый и второй входили въ составъ приходскаго училища. Но помѣщаясь въ одномъ зданіи, и состоя подѣ начальствомъ одного смотрителя, они мало въ существѣ отличались одно отъ другого.

Рядомъ съ главнымъ училищнымъ зданіемъ стоялъ небольшой флигель, отдѣленный отъ него воротами. Въ этомъ флигелѣ помѣщался первый классъ, и была одна квартира для служащихъ въ училищѣ, и при ней комната для сторожа или служителя. Въ этой квартирѣ, въ бытность мою въ Муромскомъ училищѣ, первоначально жилъ учитель Иванъ Гавриловичъ Бѣляевъ, исполнявшій должность помощника инспектора, окончившій курсъ въ Петербургской академіи,

переведенный изъ Мурома преподавателемъ во Владимірскую семинарію, и долгое время бывший здѣсь экономомъ, послѣ Гавріиль Васильевичъ Ястребовъ, а когда смотрителемъ училища назначенъ былъ свѣтскій кандидатъ академіи Сергѣй Андреевичъ Красовскій, эта квартира предназначена была ему.

Комнаты въ зимнее время плохо отаплились, и ученики сидѣли въ классахъ въ теплой одеждѣ, какою у большинства были овчинные тулупы, покрытые нанкою.

Уроки были двухчасовые, утромъ отъ 8 часовъ до 12, и послѣобѣденные отъ двухъ часовъ до четырехъ. Каждый день было три урока, и только въ субботу не было послѣобѣденныхъ уроковъ, а во второмъ классѣ въ субботу былъ только одинъ урокъ. Послѣобѣденные часы назначались для чистописанія и нотнаго пѣнія, а въ третьемъ и четвертомъ классѣ еще для письменныхъ переводовъ съ латинскаго и греческаго языка на русскій, и обратно съ русскаго на латинскій или греческій. При этихъ письменныхъ упражненіяхъ ученики заняты были работою; а учитель часто читалъ что-либо, или ходилъ по классу, наблюдая за учениками, а иногда выходилъ въ сѣни для бесѣды съ своимъ товарищемъ. Ученики, окончившіе свою задачу, подавали свою рукопись учителю, и онъ часто, тутъ же въ классѣ, просматривалъ ученическую работу, и подписывалъ подъ нею рецензію, выражаемую однимъ словомъ: *optime, excellenter, bene, male, βέλτιστα, κάλλιστα, καλῶς, εὖμαλα, κακῶς* и т. д.

Учителя не высиживали полныхъ двухъ часовъ на урокахъ. Приходили они, пожалуй, въ свое время; но часто не на короткое время оставались въ сѣняхъ, бесѣдуя другъ съ другомъ. Въ особенности частыя запаздыванія были у иныхъ учителей на послѣобѣденные уроки. Для наблюденія за аккуратнымъ посѣщеніемъ учителями классныхъ уроковъ заведены были журналы, гдѣ цензоръ изъ учениковъ долженъ былъ записывать, когда пришелъ и вышелъ учитель. Но это была чистая формальность. Обыкновенно писали: „наставникъ при-

шелъ и вышелъ въ свое время“. А если въ журналѣ указывалось точное означеніе времени прихода наставника, запоздавашаго на урокъ (что бывало чрезвычайно рѣдко), наставникъ выражалъ свое неудовольствіе записчику; наказывать его за это не могъ, но запрещалъ въ будущее время писать такъ въ журналѣ. Запись эта дѣлалась по распоряженію смотрителя училища. Понятно, что совершенно неудобно было дѣлать ученика контролеромъ надъ выполненіемъ учителемъ своего долга. Ученикъ—цензоръ долженъ былъ выполнять это распоряженіе; но онъ завѣдомо долженъ былъ лгать, и эта запись (пришелъ и вышелъ въ свое время) на практикѣ ровно не имѣла никакого значенія.

Дѣло наставниковъ состояло главнымъ образомъ въ выслушаніи учениковъ или въ требованіи отъ нихъ отчетовъ въ знаніи уроковъ, которые имъ задавали, но которые мало объясняли. Заведены были списки, съ именами всѣхъ учениковъ, и въ этихъ спискахъ каждодневно отмѣчалось, кто зналъ урокъ, кто плохо зналъ, и кто ничего не зналъ (*scit, 'ergavit, ne scit*). Для повѣрки знанія уроковъ учениками учреждены были аудиторы. Аудиторами назначались лучшіе изъ учениковъ, и наблюденію каждаго изъ нихъ поручалось до пяти учениковъ. До прихода наставниковъ аудиторы должны были выслушивать порученныхъ ихъ наблюденію учениковъ, и отмѣчать въ спискахъ, кто изъ нихъ какъ приготовилъ данный урокъ. Аудиторы должны были вести свое дѣло добросовѣстно; въ случаѣ обнаруженія неправильной отмѣтки аудитору могло угрожать наказаніе. Но, конечно, не всѣ аудиторы были одинаково строги. Многіе дѣлали поблажки своимъ товарищамъ, иные по своей добротѣ, другіе за какія-либо приношенія. У зданія училища продавались булки и пышки, и являлись сбитенчики, и вотъ пышками и сбытнемъ угощали своихъ аудиторовъ въ особенности изъ учениковъ, которые часто лѣнились исправно готовить свои уроки.

Кромѣ аудиторовъ, въ каждомъ классѣ былъ цензоръ. Цензоромъ избирался самый лучшій изъ учениковъ, занимав-

шій высшее мѣсто въ спискахъ. Онъ велъ 'дневной журналъ, въ которомъ записывались всѣ небывшіе въ классѣ, и онъ отмѣчалъ, кто не былъ по болѣзни, и кто по неизвѣстной причинѣ. Кромѣ того, ему поручалось наблюдать за порядкомъ и тишиною въ классѣ, до прихода наставника. Если не слушались его и допускали какіе-либо беспорядки нѣкоторые изъ учениковъ, онъ записывалъ ихъ фамиліи и свои записки (такіе-то ученики весьма шалили или весьма шумѣли) подавалъ наставнику, когда тотъ приходилъ въ классъ, и шумѣвшихъ учениковъ подвергали наказанію; большею частію ставили на колѣни; розга рѣдко употреблялась въ такихъ случаяхъ. А иной разъ дѣло ограничивалось однимъ выговоромъ, или однимъ внушеніемъ, съ угрозою наказаніемъ, въ случаѣ повторенія шалостей. Впрочемъ, записка о шалившихъ цензоромъ подавалась очень рѣдко, хотя цензору опасно было небрежно исполнять свои цензорскія обязанности по наблюденію за порядкомъ въ классѣ. Придетъ наставникъ въ классъ, и увидитъ, что слишкомъ шалятъ и шумятъ ученики,—тотчасъ цензора къ отвѣту, и онъ за чужую вину пожалуй постоитъ на колѣняхъ.

Порядокъ классныхъ занятій былъ такой. Послѣ молитвы наставникъ садился за столъ и просматривалъ списки, въ которыхъ аудиторамъ отмѣчено было, какъ кто знаетъ урокъ. Первое вниманіе его обращалось на тѣхъ, противъ фамиліи которыхъ стояло *erravit* или *ne scit*. Ихъ спрашивали первѣе всего, и старались довести ихъ до того, чтобы они усвоили содержаніе урока. Не знающихъ урока и невнимательныхъ отсылали на колѣни. Розгою за незнаніе урока не наказывали, развѣ кто обнаруживалъ упорную лѣность и рѣшительно не хотѣлъ учиться. По спрашиваніемъ однихъ не твердо или плохо знающихъ свои уроки дѣло не ограничивалось. И знающіе или показанные знающими свои уроки, по выбору наставника, были вызываемы къ отвѣту, при этомъ случалось обнаруживать фальшивую отмѣтку аудитора.

Кромѣ выслушиванія уроковъ, классныя занятія состояли въ грамматическихъ разборахъ, а въ третьемъ и четвертомъ классѣ, или низшемъ и высшемъ отдѣленіи въ переводахъ съ латинскаго и греческаго языка и обратно. Для переводовъ учебною книгою служила христоматія, изданная комиссіею духовныхъ училищъ въ низшемъ отдѣленіи, а въ высшемъ отдѣленіи по-латыни переводили Корнелія Непота, и въ добавокъ къ нему нѣкоторые отдѣлы изъ исторіи Саллюстія объ Югуртинской войнѣ. Но такъ какъ книгъ Саллюстія не было у учениковъ, то они должны были съ единственнаго экземпляра, даннаго учителемъ, списывать латинскій текстъ въ свои тетради. Для этого, въ послѣобѣденные часы, до прихода учителя, цензоръ садился среди класса, и диктовалъ изо всей силы своего голоса латинскій текстъ Саллюстія, и его товарищи, съ его голоса, записывали то, что предполагалось переводить въ ближайшія дни. Когда предполагалась эта диктовка текста Саллюстія, учитель нарочито опаздывалъ приходомъ въ классъ. По греческому языку переводили въ высшемъ отдѣленіи Новый завѣтъ.

Послѣобѣденные часы во второмъ классѣ назначались, попеременно, для чистописанія и нотнаго пѣнія по обиходу. А въ третьемъ и четвертомъ классѣ для письменныхъ переводовъ съ латинскаго и греческаго языка, и наоборотъ съ русскаго на латинскій или греческій. Перваго рода переводы назывались оккупации (occupaciones), и второго версія (uevtiones). По понедѣльникамъ и средамъ въ послѣобѣденные часы ученики писали переводы съ русскаго на латинскій языкъ, или съ латинскаго на русскій (послѣднее было рѣдко), а по вторникамъ и четвергамъ переводы писались съ русскаго языка на греческій или обратно. Въ пятницу въ томъ и другомъ классѣ было нотное пѣніе; а въ субботу послѣобѣденныхъ занятій не было.

Письменные упражненія въ переводахъ съ русскаго на латинскій и греческій языкъ и обратно имѣли главное рѣшающее значеніе, при оцѣнкѣ успѣховъ учениковъ. Чьи упражненія бы-

ли лучше и исправнѣе, тѣ занимали высшее мѣсто въ спискахъ. Были допускаемы при этомъ и состязанія. Считающій себя лучше своего товарища, стоящаго въ спискахъ выше, могъ заявлять, что онъ оспариваетъ мѣсто такого-то N. Въ этомъ случаѣ онъ писалъ на полѣ своей тетрадки, противъ текста оккупации: *certo de loco sum NN*, и если его задача оказывалась лучше N, то онъ садился на его мѣсто; а если состязаніе было для него неудачно, то дѣло оканчивалось его публичнымъ конфузомъ или посрамленіемъ предъ всѣмъ классомъ. Но я не помню, чтобы за это смѣльчака, ищущаго высшаго мѣста, подвергали наказанію. Состязанія эти, впрочемъ, допускались не каждый разъ, когда писались задачи, а въ рѣдкіе извѣстные дни, когда наставникъ самъ вызывалъ желающихъ спорить съ товарищами о мѣстахъ.

Кромѣ переводовъ классическиххъ, которыми занимали учениковъ въ классахъ, ученики, хотя необязательно, приглашались заниматься переводами дома,—переводить (какъ говорили тѣ училищѣ) „отъ себя“ такія статьи, какія въ классѣ при учителѣ не переводились. Усердные изъ учениковъ „отъ себя“ переводили очень много, гораздо больше, чѣмъ сколько проходили въ классѣ, наприимѣръ, прочитывали всего Корнелія Непота. Объ этихъ переводахъ отъ себя при обыкновенныхъ классическиххъ занятіяхъ не спрашивали. Но на экзаменѣ, послѣ перевода извѣстнаго отдѣла, переведеннаго въ классѣ, спрашивали ученика: что ты переводилъ отъ себя? И спрошенный, по приглашенію экзаменующаго, долженъ былъ показать, какъ, хорошо ли онъ переводилъ отъ себя. Въ этомъ случаѣ, при исправности перевода, усердіе ученика, много успѣвшаго перевести отъ себя, вмѣнялось ему въ особенную заслугу, и отмѣчалось высшею похвалою.

Въ видахъ усовершенствованія въ знаніи латинскаго языка, учениковъ четвертаго класса заставляли говорить между собою по-латыни. Не легко это было, и латынь въ устахъ учениковъ была неважная. Но нужно было подчиняться распоряженію начальства. Чтобы вынудить у учени-

ковъ это подчиненіе тяжелому распоряженію, введенъ былъ калькулюсъ (calculus). Калькулюсъ былъ длинный, узкій свернутый въ трубку листъ бумаги. Онъ былъ угрозою для тѣхъ, кто осмѣливался въ присутствіи товарищей въ классѣ говорить по-русски. Калькулюсъ давался въ руки тому, кто сказалъ русское слово вмѣсто латинскаго, и его имя записывалось въ калькулюсъ. Этотъ держалъ у себя калькулюсъ секретно отъ товарищей, и долженъ былъ стараться передать его другому, отъ котораго услышалъ русскую рѣчь вмѣсто латинской, и имя этого другаго записывалось въ калькулюсъ. Неизвѣстно было товарищамъ, въ чьихъ рукахъ былъ калькулюсъ, и потому нужно было быть осторожнымъ, не позволять себѣ безпечно русской рѣчи, чтобы не попасть въ калькулюсъ. Ведутъ между собою бесѣду по русски товарищи, подкрадется къ нимъ ученикъ, у котораго скрывается калькулюсъ, и вдругъ скажетъ: „En tibi calculus“. Волею или неволею долженъ взять въ свои руки калькулюсъ ученикъ, нарушившій распоряженіе начальства объ употребленіи въ разговорѣ латинскаго языка вмѣсто русскаго, и потомъ стараться поскорѣе сбыть его съ своихъ рукъ. У кого долго оставался калькулюсъ, въ особенности у кого ночевалъ онъ, тѣ могли опасаться суроваго замѣчанія учителя, а пожалуй и наказанія. Училищное начальство выражало желаніе, чтобы и дома, на квартирахъ, ученики высшаго отдѣленія вели между собою бесѣды по-латыни. Но это желаніе не исполнялось: калькулюса на квартирахъ не было, а безъ него не было принудительной силы къ веденію разговора на мертвомъ чужомъ языкѣ, которымъ при томъ ученики еще не успѣли овладѣть какъ слѣдуетъ. Если въ классѣ они употребляли его по принужденію, то это была латынь ломаная, часто курьезная, слыша которую, съ неудовольствіемъ поморщился бы хорошій знатокъ латинскаго языка. Но наши учителя твердили намъ: говорите хоть плохо, да по-латыни.

Въ училищѣ латинскій и греческій языки были главными предметами; ими болѣе всего занимались, и для нихъ назначалось болѣе всего учебныхъ часовъ. И нужно замѣтить, что въ знаніи ихъ, въ особенности латинскаго языка, которому отдавали преимущество предъ греческимъ, многіе ученики достигали значительныхъ успѣховъ, — могли безъ затрудненія переводить въ открытой книгѣ какія угодно мѣста. Достигнутое въ училищѣ знаніе латинскаго и греческаго языка оставалось приобрѣтеннымъ капиталомъ на все послѣдующее время. Въ семинаріяхъ не увеличивался этотъ капиталъ, а оставался въ прежней силѣ, вынесенной изъ учи-

лица. Да въ семинаріяхъ и мало занимались этими языками, имѣя въ виду занятія другого рода, и полагаясь на то, что въ училищахъ дано ученикамъ достаточное знаніе тѣхъ предметовъ, которые въ нихъ считались главными.

Кромѣ латинскаго и греческаго языка, изучалась русская грамматика, по руководству Греча. На преподаваніе отечественнаго языка мало обращали вниманія, не изучали и не читали никакихъ образцовъ, и отъ сухой грамматики Греча ничего не оставалось въ головѣ. Нѣкоторое значеніе могли имѣть грамматическіе разборы предложеній, что дѣлалось во второмъ классѣ, а затѣмъ въ дальнѣйшихъ классахъ русская грамматика совершенно заслонялась грамматиками латинскаго и греческаго языка. Въ третьемъ классѣ изучалась грамматика церковно-славянскаго языка. Изученіе ея было чисто формальное: изучали славянскія склоненія и спряженія, а не прибѣгали къ чтенію славянскаго текста. Славянская грамматика была придаткомъ къ русской грамматикѣ, и ей мало времени посвящали въ классѣ. Преподавалась ариѳметика по руководству Куминскаго. При преподаваніи этого предмета имѣли практическое значеніе и способствовали развитію учениковъ ариѳметическія задачи, которыя давали для рѣшенія не только въ классѣ, но и на домъ. Заставляли даже, и во второмъ классѣ, самихъ учениковъ выдумывать какую-либо задачу, и рѣшать ее, и это рѣшеніе выдуманной ученикомъ задачи нужно было записывать въ особой тетради, которую смотрѣлъ хотя не каждый разъ, и не у всѣхъ учениковъ учитель. Образчикомъ этихъ задачъ можетъ быть извѣстная, вѣроятно, во многихъ училищахъ задача о стаѣ гусей. Летѣла стая гусей; на встрѣчу имъ попадается одинъ гусь и говоримъ имъ: здравствуйте сто гусей. Тѣ отвѣчаютъ: насъ не сто гусей; а если бы было столько, да еще столько, да полстолько, да четверть столько, да еще одинъ гусь, — тогда только было бы сто гусей. Для рѣшенія этой задачи высчитывали, сколько четвертей въ счетѣ, показанномъ гусями, и узнать легко было, сколько заключается въ четверти столько. Всѣхъ четвертей одиннадцать, сто безъ одного, раздѣлить на одиннадцать, даютъ девять. Итого девять, одна четверть, полстолько, восемнадцать, а столько 36, а два раза взяты 72. Такимъ образомъ составляется сто изъ 72, два раза взятыхъ столько, 18 полстолько, 9 четверти столько и еще одного прибавочнаго гуса. Значить, въ стаѣ летящихъ гусей было всего 36.

Изучали мы еще Катихизисъ, по руководству Филарета (въ третьемъ классѣ), а въ четвертомъ краткую священную

исторію и географію, по руководству Арсеньева. Катихизисъ и исторію учили буквально, и хорошіе ученики бойко отвѣчали по этимъ предметамъ не только предъ учителемъ, но и на экзаменахъ. Катихизисъ, въ изложеніи Филарета, являлся труднымъ для многихъ учениковъ, и они зубрили текстъ его, иногда не понимая его хорошенько. А изъясненій къ этому тексту учителя почти никогда не давали. Священную исторію можно было бы рассказывать своими словами; но и здѣсь преобладала зубристика. Къ краткой священной исторіи учитель дѣлалъ нѣкоторыя добавленія изъ Библейской исторіи Филарета, на примѣръ изъ періода Судей о Девворѣ, Іефеаѣ и Гедеонѣ. Но эти добавленія не передавалъ устно учитель, а диктовалъ по книгѣ всему классу, и ученики должны были записывать диктуемое, а потомъ выучивать это наизусть. Учитель никогда не дѣлалъ обращенія къ ученикамъ, чтобы они по Библии прочитывали повѣствованія о тѣхъ лицахъ и событіяхъ, о которыхъ кратко говорится въ учебникѣ. Да если бы и было такое обращеніе, трудно, даже почти невозможно было бы выполнить его, потому что у учениковъ не было подъ руками Библии, и не легко было бы найти, если бы кто изъ и захотѣлъ по этому священному первоисточнику прочитать сказаніе о библейскихъ лицахъ и событіяхъ.

Географія изучалась слабо. Географическая карта была одна на весь классъ; а въ классѣ было болѣе шестидесяти учениковъ. Усердные ученики находили возможность пользоваться картою; а менѣе усердные не обращались и не считали нужнымъ обращаться къ картѣ, и потому, когда учитель вызывалъ такихъ учениковъ къ картѣ и спрашивалъ ихъ, гдѣ такія или иныя моря или рѣки, какія границы такого или иного государства, они не въ состояніи были правильно отвѣчать на эти вопросы.

Проф. *Василій Пьотицкій*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 27-го апрѣля 1909 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*.

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 20.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1909-го года мая 17-го дня.

Содержаніе: I. Предъ лицомъ смерти. Свящ. Аѳ. Веселицкаго.—II. За годъ.
(Оковчаніе). Предсѣдатель братства II.—III. Мои воспоминанія
(Продолженіе). Проф. В. Пѣвницкаго.—IV. Замѣтка. Сужденіе Бѣл-
городскаго миссіонерскаго кружка о существующемъ въ нѣкото-
рыхъ церквахъ обычайъ высылать просфоры наиболѣе почетнымъ
прихожанамъ.

Предъ лицомъ смерти.

(По поводу „Разказа о семи повѣшенныхъ“ Л. Андреева).

I.

За послѣднее время на книжномъ рынкѣ появилось вновь
во многихъ изданіяхъ еще прошлогоднее произведеніе Л.
Андреева „Разказъ о семи повѣшенныхъ“, благодаря отказу
писателя отъ авторскихъ правъ на него съ нарочитой цѣлью
большаго распространенія разказа въ русскомъ обществѣ.
Сдѣлано же это Андреевымъ съ намѣреніемъ повліять сво-
имъ произведеніемъ на общественное настроеніе и мысль
для скорѣйшаго рѣшенія вопроса объ отмѣнѣ у насъ смер-
тной казни. Но помимо этого назначенія, „Разказъ о семи
повѣшенныхъ“ долженъ навести читающее русское общество

на нѣкоторыя глубокія размышленія какъ вообще объ умственномъ и нравственномъ состояніи извѣстной своей части, такъ и о достоинствѣ, разумности и нравственной цѣнности тѣхъ принциповъ и убѣжденій, которымъ служатъ и ради которыхъ навлекаютъ на себя страшную кару представители нашихъ крайнихъ политико-общественныхъ группъ. Здѣсь, въ разсказѣ, они, поставленныя предъ лицомъ самой смерти, выдерживаютъ рѣшительное испытаніе нравственного достоинства и вѣрности основныхъ руководственныхъ началъ своей жизни и дѣятельности. Вотъ именно съ этой точки зрѣнія и хотѣлось бы здѣсь рассмотреть произведеніе Л. Андреева и сдѣлать посильные выводы. Попробуемъ.

Намъ всегда думалось, что смерть, въ смыслѣ неотразимаго неизбежнаго факта, висящаго надъ каждымъ человекомъ и угрожающаго ежеминутно разрушить его настоящее существованіе, эту земную жизнь, есть единственно вѣрное мѣрило для оцѣнки абсолютной цѣнности нравственныхъ принциповъ, которыми руководствуется человекъ въ жизни, въ которые вѣрить. Только предъ лицомъ смерти можетъ обнаружиться ихъ истинная цѣнность. Если эти принципы даютъ человеку силы смѣло глядѣть въ глаза смерти, если при неотвратимости ея наступленія въ опредѣленный точно день и часъ онъ не теряетъ свѣтлаго здороваго сознанія, не подчиняется невольно психо-физиологической подавленности, это признакъ присутствія въ человекѣ дѣйствительной нравственной силы, достойной человека, достойной того, чтобы ею руководиться и въ жизни. Для подобнаго человека, можно сказать, смерть не страшна, даже больше—вовсе не существуетъ, и здѣсь—единственно возможная для человека нравственная побѣда, торжество духа, его бессмертіе и его человѣческое величіе.

Но нельзя не усумниться въ безотносительномъ достоинствѣ, жизненности и нравственной цѣнности такихъ руководственныхъ началъ и убѣжденій, которыя, какъ будто, при жизни вполне удовлетворяютъ человека, вдохновляютъ даже

до самоотверженныхъ поступковъ и которыя, однако, при неотвратимо грозящей смерти, не спасаютъ человѣка отъ жалкаго, фізіологическаго трепета при одномъ ея представленіи, когда у него невольно парализуются и разумъ и чувства до полубезсознательности, до самнамбулическаго состоянія. Само собою понятно, что здѣсь должны быть исключены случаи малодушія, упадка твердости, даже до измѣны, до отреченія предъ угрозою смерти со стороны мнимыхъ, лицемѣрныхъ исповѣдниковъ иногда даже несомнѣнно истинныхъ и непреложныхъ истинъ вѣры христіанской, каковы были рѣдкіе отступники отъ нея во времена мученичества. Мы разумѣемъ только такія случаи, гдѣ нѣтъ сомнѣнія ни въ глубинѣ, ни въ сознательности, ни въ увѣренности въ правотѣ своихъ принциповъ и убѣжденій, за которыя грозитъ человѣку неминуемая смерть, и онъ, однако же, оказывается жалкимъ рабомъ фізіологическаго страха, ничѣмъ не отличаясь отъ какого-либо озвѣрѣлаго преступника, дрожащаго предъ плахой подобно животному при видѣ ножа и крови. Пусть даже такой человѣкъ силится предъ своими палачами еле шевелящимся языкомъ высказать свои, сгубившія его, убѣжденія, но это не измѣняетъ нашего утвержденія: его психо-фізіологическое разстройство, подавленность, парализація душевной дѣятельности ясно показываютъ, что онъ уже умеръ еще до казни, съ самаго того момента, какъ узналъ про ея неизбѣжность, значитъ—его побѣдила смерть, и его принципы, его убѣжденія оказались ничтожны и безсильны для торжества надъ нею. А если такъ, если они не выдержали испытанія предъ лицомъ смерти, то ясно—не могли быть достойными человѣка высшими руководственными началами и въ жизни: они не заключаютъ въ себѣ безотнотительной нравственной цѣнности и силы.

Но существуютъ ли, въ самомъ дѣлѣ, для человѣка такія нравственно-могучія основы жизни и дѣятельности, обладая которыми, онъ оказался бы дѣйствительно выше смерти, ея побѣдителемъ? Онъ есть несомнѣнно: это—вѣра, лю-

бовь и истина въ ихъ жизненныхъ религіозныхъ формахъ проявленія главнымъ и совершеннѣйшимъ образомъ—въ христіанствѣ. Исторія христіанства сохранила намъ множество поразительныхъ по духовно-нравственной высотѣ и красотѣ примѣровъ того, какъ встрѣчали смерть, какъ проводили послѣдніе дни, часы и минуты предъ неотвратимою казнію, даже больше—самые моменты иногда длительной смерти глубоко-убѣжденные, вдохновляемые вѣрой исповѣдники—мученики христіане. Вотъ они по-истинѣ „не боялись убивающихъ тѣло“, лишаящихъ низшаго блага—тѣлесной жизни, но безсильныхъ отнять самое дорогое, вѣчное—ихъ душу, полную живой вѣры въ безконечное продолженіе жизни, въ послѣднее торжество правды, истины, добра,—душу, чувствующую ясно свое безсмертіе въ тѣсномъ неразрывномъ союзѣ любви со Христомъ. При такой вѣрѣ и убѣжденіяхъ, оживляемыхъ пламенной любовію, естественно и въ обычныхъ спокойныхъ условіяхъ земного существованія душевный міръ этихъ истинно-великихъ носителей и выразителей человѣческой религіозно-нравственной мощи и достоинства не замыкался въ тѣсныхъ предѣлахъ земного, временнаго. Духовная ихъ жизнь—мысли, чувствованія, волевые стремленія всегда соприкасались съ вѣчностью, переходили за границы чувственнаго, здѣшняго міра; они и здѣсь уже жили идеалами безсмертія, земная жизнь сознавалась ими началомъ жизни вѣчной, для которой нѣтъ перерыва, нѣтъ конца.

Отсюда, понятно, самый фактъ тѣлесной смерти, неизбежный для всякаго, даже въ самой острой, невольной потрясающей, ужасной формѣ неминуче, сейчасъ-вотъ предстоящей казни, не могъ оказывать на вдохновенныхъ исповѣдниковъ Христа того рокового, подавляющаго убійственнаго дѣйствія на психическую и фізіологическую жизнь, какое всегда проявляется не только по отношенію къ людямъ, но и высшимъ животнымъ. Для убѣжденнаго христіанина-мученика тѣлесная смерть представлялась только физически-мучительнымъ моментомъ, состояніемъ, актомъ, который предсто-

яло ему пережить, подобно, напимѣрь, припадку мучительной болѣзни, но который ни мало не грозилъ уничтоженіемъ, разрушеніемъ его духовной жизни; напротивъ, за этой мукой смертной ему реально видѣлось продолженіе и расширеніе той же духовной жизни, только въ несравненно болѣе свѣтозарныхъ, радостныхъ образахъ блаженнаго и уже вѣчно-неразрывнаго общенія со Христомъ. Въ этомъ смыслѣ смерть являлась для христіанина по-истинѣ драгоцѣннымъ „пріобрѣтеніемъ“. Здѣсь-то и скрывается тайна поразительной высоты, мужества и вышечеловѣческой нравственной красоты христіанскаго мученическаго подвига. И кто, въ самомъ дѣлѣ, не придетъ въ умиленіе и восторгъ, кто не преклонится предъ истиннымъ величіемъ человѣческой безсмертной души, читая священныя повѣсти о мужественной побѣдѣ надъ страхомъ смерти, надъ самою смертію христіанскихъ мучениковъ.

Свящ. *Аѳанасій Веселицкій*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

З а г о д ъ.

(Окончаніе ¹⁾).

Въ виду близости къ нашему приходу нѣсколькихъ обителей и скитовъ, братствомъ возбуждено предъ епархіальною властію ходатайство объ устройствѣ весною, въ дни храмовыхъ въ обителяхъ праздниковъ, крестнаго хода.

Такъ какъ въ дни великихъ праздниковъ нашъ приходскій храмъ не вмѣщаетъ всѣхъ молящихся, то братство возбудило предъ епархіальной властію ходатайство о расширеніи храма. За полгода на это дѣло собрано прихожанами свыше 500 рублей.

¹⁾ См. № 19-й за 1909-й г.

Помогало братство въ истекшемъ году церковному причту и старостѣ и въ дѣлѣ наблюденія за чистотою и порядкомъ въ храмѣ. Въ виду обычной давки во время исповѣди, причащенія, помазанія елеемъ молящихся на всенощномъ бдѣннн въ большіе праздники, особенно во время раздачи вербы, братство установило строгій порядокъ, чтобы во всѣхъ этихъ случаяхъ подходили сначала дѣти, затѣмъ женщины и наконецъ мужчины—болѣе слабымъ отдается преимущество. Эта простая и вполне рациональная мѣра потребовала однако не мало усилій со стороны братства, прежде чѣмъ была всѣми принята; одни о ней долго забывали и никакъ не могли усвоить, другіе не одобряли, но все же въ концѣ концовъ она проведена въ жизнь, и теперь въ храмѣ нѣтъ давки и суматохи.

Одному священнику услѣдить за всѣмъ въ храмѣ трудно, нужны помощники, а такими лучше всего и могутъ быть братчики, получающіе на этотъ счетъ указанія и руководство отъ священника. Изъ обновокъ въ храмѣ братствомъ было сдѣлано слѣдующее. Братчики обратили вниманіе на то, что облаченія въ храмѣ на аналойчикахъ разныхъ цвѣтовъ и формы, поэтому братчики собрали денегъ и приобрѣли однообразную матерію кремоваго цвѣта; сшиты покрывала и облаченія бесплатно изъясвившими на то согласіе прихожанками. Братствомъ устроены дѣтскія небольшія хоругви, съ надписями изъ Слова Божія, касающимися дѣтей; оставите дѣтей приходити ко Мнѣ, тацѣхъ бо есть царствіе Божіе (Мрк. 10, 14). Иже аще приметъ отроча во имя Мое, Мене примлетъ (Мѣ. 5, 18). Такія хоругви полезны тѣмъ, что даютъ возможность дѣтямъ принимать живое и непосредственное участіе въ крестныхъ ходахъ; онѣ удобны при погребеніи дѣтей, когда гробикъ и крышку несутъ дѣти, а хоругви, бывало прежде, вслѣдствіе ихъ тяжести, несутъ взрослые. Инициатива въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ ученицамъ церковно-приходской школы.

Братство принимало близко къ сердцу и отзывалось и на явленія общецерковной жизни. Въ виду упорныхъ газетныхъ слуховъ о разрѣшеніи іезуитской проповѣди въ Россіи, братство ходатайствовало предъ членами Государственной Думы о недопущеніи іезуитовъ въ Россію, какъ признанныхъ всюду крайне вредными и причинившими Юго-Западной Руси не мало горя и слезъ.

На всероссійскомъ IV миссіонерскомъ сѣздѣ въ Кіевѣ, по ходатайству братства, присутствовали, кромѣ предсѣдателя, еще три братчика, изъявившіе на то согласіе. Практическая польза отъ этого была та, что братчики познакомились здѣсь съ іоаннитской сектой, ея характеромъ и ученіемъ. Это имѣло профилактическое значеніе, такъ какъ въ нашемъ приходѣ появилось два книгоноши, весьма ярыхъ пропагандиста іоаннитской ереси. Распространяя книжки синодальныхъ типографій и петербургскаго религіозно-просвѣтительнаго общества, эти книгоноши раздають при этомъ изданія „кронштадтскаго маяка“. Подкупая простецовъ видимымъ благочестіемъ, книгоноши послѣ нѣсколькихъ встрѣчъ и бесѣдъ начинали заводить свои спеціальныя рѣчи о томъ, что о. Іоаннъ—Богъ, Пустошкинъ—архангелъ Гавріилъ и т. д.

Значительная часть собранныхъ братствомъ средствъ уходила на помощь бѣднымъ, такъ какъ бѣдности и горя у насъ—цѣлое море 16 человѣкъ пользовалось ежемѣсячнымъ пособіемъ; единовременныхъ пособій на проѣздъ въ больницу, на приглашеніе врачей и на погребеніе выдано было въ 37 случаяхъ—96 рублей. За 120 рецептовъ въ аптеку было уплачено (по половинной цѣнѣ) 47 рублей. Праведно слово Господне: просите и дастся вамъ, ищите и найдете, стучите и отворятъ вамъ. Хотя и есть у насъ частные врачи, но бѣднота обращаться къ нимъ по бѣдности стѣсняется. Стало братство просить уѣздное земство объ открытіи медицинскаго пункта, два раза получало отказъ. Открыта была попечительствомъ о народной трезвости амбулаторія, но за недостаткомъ средствъ скоро закрылась. Наконецъ, земство

смягчилось, обратило вниманіе на мѣстную нужду, и теперь въ селѣ есть амбулаторія съ врачомъ и фельдшеромъ.

Въ прежніе годы на Пасху братство устраивало розговѣны для бѣдныхъ на церковномъ погостѣ; въ прошломъ году устроились поиному. Изъ опасенія плохой погоды, а также чтобы не смущать болѣе застѣнчивыхъ изъ бѣдняковъ продукты выдавались бѣднымъ на руки и отсылались больнымъ на домъ.

Братству удалось въ настоящемъ году опредѣлить лучшую ученицу церковно-приходской школы въ гимназію. Такъ какъ дѣвочка, благодаря добротѣ начальницы гимназіи, была принята безплатно, то расходъ на нее со стороны братства выразился въ покупкѣ учебниковъ и форменнаго платья. Къ радости братства, дѣвочка учится прекрасно и даже по иностраннымъ языкамъ, раньше для нея совсѣмъ невѣдомымъ, получаетъ пятерки.

Въ цѣляхъ лучшей постановки благотворительнаго дѣла для сбора пожертвованій и для собиранія свѣдѣній о бѣдныхъ приходъ раздѣленъ братствомъ на участки съ назначеніемъ на каждый особыхъ попечителей. Одну бѣдную старуху удалось опредѣлить въ земскую богадѣльню.

Братство обратило вниманіе и просило сидѣльцевъ мѣстныхъ винныхъ лавокъ о томъ, чтобы водка совершенно не отпускалась дѣтямъ и нищимъ. Родители приглашались не поручать таковой покупки своимъ дѣтямъ. Нищіе, замѣченные въ нетрезвой жизни и неблаговидномъ поведеніи, по постановленію братства, не будутъ допускаемы на церковный погостъ для прошенія милостыни.

По указанію опыта и жизни въ уставѣ братства внесены утвержденныя епархіальною властію измѣненія и дополненія; братство получило право пріобрѣтать и получать въ даръ недвижимую собственность, имѣть свою печать. Опредѣленный членскій взносъ, вслѣдствіе бѣдности населенія, замѣненъ минимальнымъ по усмотрѣнію каждаго.

Въ цѣляхъ популяризаціи среди мѣстнаго населенія „страхованія жизни черезъ посредства сберегательныхъ кассъ“, какъ весьма благодѣтельной мѣры для обезпеченія трудящихся, братство раздавало правила, тарифы страхованія, вывѣшивало о нихъ плакаты.

Для изысканія средствъ на помощь бѣднымъ братство исхлопотало отъ начальника губерніи разрѣшеніе открыть складъ ненужныхъ вещей; отъ продажи ихъ выручено 76 рублей.

Братство, заботясь объ увеличеніи церковныхъ суммъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ принимало на себя небольшія чисто церковныя расходы. При устройствѣ торжественныхъ богослуженій, на приемъ духовенства отдѣльные братчики устраивали подписку и тѣмъ освобождали и причтъ и церковную кассу отъ расходовъ. Дѣятели братства неоднократно имѣли случаи убѣдиться въ признательности и сочувствіи къ своей дѣятельности какъ со стороны мѣстныхъ жителей, такъ и лицъ постороннихъ. Изъ послѣднихъ для братства особенно цѣнно и дорого слово архипастырскаго утѣшенія, благословенія и поддержки епископа-миссіонера А., совершавшаго въ нашемъ храмѣ богослуженіе. Въ отвѣтъ на предложеніе братства принять званіе почетнаго члена, архипастырь написалъ: „признавая, что вся дѣятельность современной православной миссіи должна сосредоточиваться въ такихъ братствахъ христіанской любви, какъ ваше, я съ величайшей радостію принимаю званіе почетнаго члена братства. Надѣюсь, по указанію сотѣта, сослужить ему посильную свою службу. Призываю Божіе благословеніе на всѣхъ дѣятелей братства“.

Не чужда была жизнь братства въ истекшемъ году и своихъ неудачъ и скорбей. Въ отчетномъ году братство лишилось нѣсколькихъ своихъ усердныхъ братчиковъ и ревностныхъ молитвенниковъ.

Крайняя нужда прихода и братства—неудобное помѣщеніе для церковно-приходской школы. Существующее у насъ помѣщеніе для школы крайне малопомѣстительно и сравни-

тельно съ существующими у насъ школами другихъ вѣдомствъ производятъ довольно жалкое впечатлѣніе. Дѣтей въ ней можно помѣстить не болѣе 25 человекъ, и то получается невозможная тѣснота и давка. Два года тому назадъ братство хлопотало предъ уѣзднымъ отдѣленіемъ о помощи въ устройствѣ благоприличнаго помѣщенія для школы, истратило нѣсколько десятковъ рублей на составленіе плана и смѣты, но отдѣленіе нашло планъ и смѣту неудовлетворительными и возвратило для передѣлки, не указавъ опредѣленно дефектовъ его. Передѣляли, и опять послали; долго ожидали, и наконецъ, дождались сообщенія, что плана и смѣты въ отдѣленіи не оказывается... Такъ возу и до сихъ поръ нѣтъ ходу, а жаль—помимо прямыхъ цѣлей школа могла бы дать пріютъ братству; братскія засѣданія, чтенія, бесѣды въ церковномъ помѣщеніи можно было бы устраивать гораздо чаще.

Была и другая неудача: затѣяли было мы открыть потребительскую лавку, собрали 400 рублей денегъ, но съ такой суммой открыть дѣло не рискнули; широкое развитіе еврейской торговли ручалось за то, что наше дѣло ожидаетъ сильная конкуренція; пока прекратили—будемъ ожидать лучшихъ временъ, когда хотя не много поднимется и улучшится общее матеріальное благосостояніе, разстроенное всюду печальными событіями послѣднихъ лѣтъ.

Братство прилагало всѣ усилія къ тому, чтобы къ братской работѣ привлечь возможно большее число прихожанъ, чтобы „весь приходъ“ принималъ участіе въ братской работѣ. Слава Господу, въ сочувствіи въ поддержкѣ у насъ недостатка не было; но общерусская болѣзнь—абсентизмъ отъ части замѣчался и у насъ. Виновата здѣсь отчасти и наша прославленная русская лѣнь, непривычка къ общественной организованной работѣ, виноваты отчасти и условія жизни, тяжкая, иногда прямо безпросвѣтная борьба пзъ-за насущнаго куска хлѣба, не дающая человѣку отдыха, не оставляющая лично для него ни минуты свободнаго времени. Вообще, трехлѣтняя работа въ братствѣ приводитъ насъ къ

тому убѣжденію, что стремленіе возродить „весь приходъ“, на началахъ „всеобщаго, равнаго“—есть мечта, которая едва ли когда осуществится. Работу въ приходѣ, какъ и вездѣ, будутъ нести не всѣ, а лишь часть прихода, лучшая, болѣе ревностная и энергичная. Въ этомъ отношеніи—идея братства, какъ кружка болѣе энергичныхъ, ревностныхъ приверженцевъ Церкви преимуществуетъ, по нашему мнѣнію, надъ разными проектами церковной реформы, во вкусѣ „всеобщаго равнаго, прямого и тайнаго“, набившаго всѣмъ оскомину въ свое время.

Неизбѣжныя въ жизни неудачи и скорби все же не ослабляютъ энергіи болѣе развитыхъ и преданныхъ дѣлу братчиковъ; вѣримъ и надѣемся, что съ Божьей помощію оно будетъ расти и укрѣпляться и посильно служить религіозно-просвѣтительнымъ и благотворительнымъ нуждамъ прихода.

Предсѣдатель братства II.

Мои воспоминанія.

(Продолженіе ¹).

Три раза въ году производились экзамены,—предъ Рождествомъ, предъ Пасхой и предъ вакаціей, которая начиналась 15 іюля и продолжалась до 1 сентября.

Экзамены были письменные и устные. Письменные предваряли устные испытанія. На нихъ заставляли учениковъ писать латинскія и греческія задачи,—диктовали извѣстный небольшой отдѣлъ русскаго текста, и ученики должны были перелагать этотъ текстъ на латинскій или греческій языкъ. Бывали обратные переводы; продиктованный латинскій или греческій текстъ заставляли переводить на русскій языкъ. При писаніи этихъ задачъ разрѣшалось пользоваться

¹) См. № 19-й за 1909 г.

лексиконами. Могъ ученикъ спрашивать и учителя, если попадалось ему въ текстѣ незнакомое слово, и учитель подсказывалъ ему, какое слово должно быть употреблено имъ при переводѣ. Главное требованіе отъ письменныхъ задачъ состояло въ томъ, чтобы ученики грамматически правильно построили латинскую или греческую рѣчь. Въ большой недостатокъ невмѣнялось имъ, если у того или другого изъ нихъ обнаруживалось недостаточное знаніе лексическаго состава языка. У большинства учениковъ эти письменныя задачи выходили очень исправными и удовлетворительными. Но не обходилось безъ курьезовъ, которые смѣшили не только учителей, но и учениковъ. Такой курьезъ до сихъ поръ помнится мнѣ, когда мой товарищъ, ученикъ третьяго класса, слѣдующимъ образомъ перевелъ латинскую фразу: *Quis detexit Americam? Columbus.* Кто отыкаетъ Америку? Голубь“. Онъ не зналъ, что такое Америка, а въ лексиконѣ онъ нашелъ, что *columbus* значить голубь.

Устные экзамены производились довольно быстро, и на нихъ не назначалось много дней, хотя учениковъ спрашивали всѣхъ. и по всѣмъ предметамъ. Экзамены вели совмѣстно нѣсколько учителей; въ одно и то же время одинъ учитель экзаменовалъ учениковъ по латинскому языку, другой по греческому, третій по катихизису, четвертый, положимъ, по нотному пѣнію, и ученикъ, проэкзаменовавшись у одного учителя, шелъ къ другому, отъ другого къ третьему и т. д. При такомъ порядкѣ экзаменовъ значительно ускорялось ихъ производство; часто въ одинъ день успѣвали переспросить весь классъ. Бальной системы не было, при отмѣткахъ успѣховъ учениковъ или достоинства ихъ отвѣтовъ, а писали словами: превосходно, отлично хорошо, весьма и очень хорошо, похвально, хорошо, довольно хорошо, не худо, худо...

Кромѣ частныхъ экзаменовъ были въ училищѣ экзамены публичные. Они производились въ концѣ каждаго учебнаго года, большею частію наканунѣ роспуска учениковъ предъ вакаціею. Они служили не для испытанія учениковъ, а для

показанія предъ публикою ихъ успѣховъ. Для этого нѣсколькимъ лучшимъ ученикамъ назначались извѣстные отдѣлы изъ науки, которые они должны были вытвердить, и спрашивалъ ихъ только по этимъ указаннымъ имъ отдѣламъ. Но при переводахъ съ латинскаго или греческаго языка предсѣдательствующій на экзаменѣ могъ заставлять ученика переводить не то, что ему назначено, а то, что онъ укажетъ ему въ открытой книгѣ. Это не ставило въ затрудненіе учениковъ, такъ какъ для публичнаго экзамена назначались лучшіе ученики, на которыхъ учитель могъ положиться.

Публичные экзамены обставлялись очень торжественно. Очищалась самая большая комната въ домѣ училища (четвертый классъ); изъ нея выносились столы и скамьи, на которыхъ сидѣли ученики во время классныхъ занятій (партъ, нынѣ употребляемыхъ въ школахъ, тогда не было въ училищѣ). Посрединѣ комнаты ставился небольшой столикъ, покрытый сукномъ. По обѣимъ сторонамъ отъ этого столика разставлялись кресла и стулья. Приглашались на экзаменъ почетные представители города изъ духовныхъ и свѣтскихъ особъ, и они сажались на приготовленныхъ для нихъ креслахъ и стульяхъ. Ученики стояли за этими креслами и стульями. Изъ нихъ обязательно должны были присутствовать на экзаменѣ только тѣ, которые, по напередъ объявленному имъ назначенію, должны были отвѣчать приготовленный ими урокъ, и еще тѣ, которымъ предназначалась награда. Въ одномъ углу комнаты помѣщался ученической хоръ, усиленный голосистыми діаконами; при участіи которыхъ хоръ изъ учениковъ пѣлъ въ церквахъ. Этотъ хоръ въ антрактахъ исполнялъ концерты и пѣлъ патріотическія пѣсни. Послѣ молитвы экзаменъ открывался привѣтственной рѣчью, составлявшеюся зрителемъ или однимъ изъ учителей, произносимую ученикомъ. Главный предметъ, которымъ старались заинтересовать публику на экзаменахъ, и доставить ей удовольствіе, составляли не отвѣты учениковъ, а разныя интермедіи, которыми прерывались испытанія по той или другой наукѣ. Эти интер-

медіи наполнялись не одними концертами и кантами, но занимательными стихотворными произведениями. Такъ на экзаменѣ въ 1844 году предложенъ былъ публикѣ написанный стихами разговоръ и еще стихотвореніе, озаглавленное „Эхо“. То и другое произведеніе составлено было, говорили, сыномъ учителя Спекторскаго, окончившимъ курсъ семинаріи. Разговоръ вели между собою четыре ученика, — вѣтранный, прилежный, способный и рѣзвый. Предложено было выучить этотъ разговоръ четверемъ лучшимъ ученикамъ четвертаго класса, и для веденія его предъ публикою на экзаменѣ они вышли на средину класса, и попарно стали другъ противъ друга. Разговоръ началъ вѣтранный такими словами:

„Вотъ, братцы, и каникулы настали,
 Не стануть сердце грысть у насъ печали,
 Ни разъ не загляну я въ классъ.
 Пойду, куда хочу, черчу,
 Шагомъ или птичкой полечу
 То за рѣку, то въ лѣсъ,
 Тамъ есть хоть земляника.“

Потомъ ведетъ рѣчь прилежный.

Да, вамъ хорошо, вы съ головами.
 Мое такъ горе прямо со слезами
 Инѣмѣсть повторишь на силу въ часъ
 Листа четыре.
 И то забудешь черезъ день.
 Нѣтъ вовсе памяти.
 Бѣда, ей Богу!...

Для произнесенія „Эха“ избраны были два возрастные ученика, обладавшіе порядочнымъ басомъ. Одинъ выходилъ предъ публику и становился на томъ мѣстѣ, на которомъ становились ученики, вызываемые для отвѣтовъ, а другой былъ спрятанъ за печкою, такъ что его не видала публика. Первый громогласно начиналъ рѣчь такъ:

Сердечно признаюсь, учиться не хочу.

Эхо или скрытый за печкою отвѣчаетъ: Чу!

Ба! Чей тамъ слышно гласъ?

Скажи пожалуста безъ смѣха.

Эха!

Нелегкое тебя сюда знать занесло.

О! О! и т. д.

Все это сохранилось у меня въ памяти съ давнихъ лѣтъ.

Послѣ окончанія испытаній раздавались награды ученикамъ, отличавшимся свѣими успѣхами. Казенныя награды отъ училища вездѣ были однѣ и тѣ же: это были книги, которыми награждались четыре или пять учениковъ изъ каждаго класса за успѣхи и благонравіе. Но кромѣ казенныхъ наградъ отъ училища выдавались иногда особенныя награды отъ частныхъ лицъ изъ публики. Такъ въ 1844 году муромскій городничій Пащенко привезъ въ училище на публичный экзамень около дюжины коробокъ конфектъ; послѣ раздачи наградъ отъ училища онъ раздавалъ эти конфекты ученикамъ, которые ему понравились, илѣ которыхъ указывало ему училищное начальство.

Заканчивались экзамены рѣчью, въ которой или благодарили публику за посѣщеніе, или высказывалось, какое впечатлѣніе могли произвести на посѣтителей экзамены. Такъ въ рѣчи, мною произнесенной по окончаніи экзамена въ 1846 году, сочиненной смотрителемъ училища Красовскимъ, было такое обращеніе къ публикѣ: „Достопочтеннѣйшіе посѣтители! Желаніе, привлекающее васъ недавно въ насажденный вертоградъ нашъ, можетъ быть, не получило совершеннаго удовлетворенія. Можетъ быть, плоды съ этихъ молодыхъ розъ показались вамъ такими, что только въ будущемъ можно надѣяться на благое употребленіе ихъ. Но, достопочтеннѣйшіе посѣтители, эта самая надежда служить для насъ не малою наградой...“

Общежитія при училищѣ не было, и ученики всѣ размѣщались по квартирамъ у муромскихъ мѣщанъ. Квартиры, отдаваемые въ наемъ для учениковъ, были очень незатѣйливыя: въ одной комнатѣ помѣщалось человекъ восемь или десять. Рѣдко гдѣ были кровати, а спали большею частию на полу, разостлавши войлокъ, который на день убирался. Плата за квартиру была самая мизерная, чуть ли не два рубля съ полтиной (ассигнаціями) въ треть. За эту плату хозяйка квартиры обязывалась давать приварокъ, готовить обѣдъ и ужинъ и мыть бѣлье. Отцы учениковъ изъ сель привозили муку и крупу, и по случаю еще что-либо для улучшения пищи. Обѣдъ и ужинъ состоялъ изъ двухъ блюдъ, — щей и гречневой каши съ масломъ. Хлѣбъ хозяйка должна была печь изъ доставленной ей муки. Попадались хозяйки очень добрыя и сердобольныя: такія смотрѣли за дѣтьми, почти какъ матери, обмывали ихъ, не давали имъ шалить и заботились о томъ, чтобы они не простудились. Больницы при училищѣ не было, и если кому случалось заболѣть, попеченіе о больныхъ лежало на хозяйкахъ, и онѣ, волею или неволею, должны были смотрѣть за болѣющими. Чаю не было и въ поминѣ на квартирахъ ученическихъ. Если кому случалось пользоваться этимъ удовольствіемъ, то развѣ у родныхъ и близкихъ знакомыхъ, если такіе находились въ городѣ, къ которымъ можно было ходить въ воскресные и праздничные дни.

Костюмы у учениковъ были самые простые. Зимой они носили овчинные тулупы, крытые нанкою, а лѣтомъ ходили въ нанковыхъ халатахъ, подпоясываясь шерстянымъ шнуромъ или кушакомъ, нѣкоторые въ нанковыхъ сюртукахъ; а суконные сюртучки являлись у дѣтей богатыхъ родителей. Обувью въ зимнюю стужу служили валенки (валеные изъ шерсти сапоги), а лѣтомъ самые простые сапоги. Дозволялось лѣтомъ ходить и босикомъ, и въ теплые дни болѣе половины класса являлись босыми, безъ всякой обуви: и де-

шево и легко. О калошахъ никто изъ учениковъ и не помышлялъ.

Для надзора за учениками и ихъ поведеніемъ внѣ класса учреждено было нѣсколько блюстителей порядка. Въ каждой квартирѣ, если въ нихъ жило нѣсколько учениковъ, былъ квартирный старшій, который долженъ былъ смотрѣть за порядкомъ въ квартирѣ и не допускать никакихъ шалостей живущихъ съ нимъ учениковъ, въ случаѣ нарушенія порядка кѣмъ-либо изъ нихъ доносить объ этомъ начальству. Ему давались нѣкія полномочія власти по отношенію къ подчиненнымъ ему соквартирантамъ, и онъ могъ отвѣчать предъ инспекторомъ, если тотъ, помимо его, узнаетъ о какой-либо грубой шалости живущаго съ нимъ ученика. Въ квартирѣ должна была быть записная тетрадь, въ которой старшій каждодневно отмѣчалъ, чѣмъ занимались ученики, и все ли въ квартирѣ было благополучно. Инспекторъ, ревнующій о преуспѣяніи учениковъ въ латинскомъ языкѣ, отъ старшихъ квартирныхъ, если они были учениками четвертаго класса, требовалъ, чтобы запись эта дѣлалась по-латыни, и иные словоохотливые ученики изъ излишняго усердія цѣлыя страницы тетради наполняли описаніемъ занятій учениковъ, и ежедневнаго порядка ихъ жизни на латинскомъ діалектѣ.

Вторую степень блюстителей порядка составляли старшіе районные, которымъ поручалось наблюденіе за цѣлымъ рядомъ квартиръ, расположенныхъ въ извѣстной мѣстности, по близости одна отъ другой. Центромъ квартиръ района, ввѣряемыхъ наблюденію одного старшаго, была церковь, около или вблизи которой расположены были квартиры; и въ которую ученики этихъ квартиръ должны были ходить на богослуженіе. По имени церкви назывались и районные старшіе, — старшіе (района) Вознесенской церкви, старшіе (района) Срѣтенской церкви, старшіе церкви Николая Можайскаго. Если въ районѣ много было квартиръ, тогда назначались два районныхъ старшихъ. Эти старшіе должны были

обходить квартиры своего района, и смотрѣть все ли въ нихъ въ порядкѣ. О своихъ посѣщеніяхъ и замѣченномъ ими въ квартирѣ порядкѣ или безпорядкѣ они записывали въ квартирной книгѣ. Впрочемъ, запись о безпорядкѣ въ квартирѣ было большою рѣдкостію. Главная обязанность районныхъ старшихъ наблюдать за тѣмъ, чтобы ученики исправно ходили въ церковь и къ утренни и къ литургіи въ воскресные и праздничные дни. Сколько помнится, въ этомъ отношеніи ученики не дозволяли себѣ опущеній,—въ церковь ходили исправно и усердно. Въ осеннее и зимнее время (отъ Воздвиженія до Благовѣщенія, утрени совершались очень рано, начинались въ три часа, ученики вставали по первому удару колокола (звонъ былъ во всѣхъ церквахъ въ одно и то же время); услышавшій звонъ первымъ—будилъ другихъ, и тотчасъ же всѣ одѣвались и гурьбою, во тьмѣ ночной, шли въ церковь. Просыпавшихъ утреню почти не бывало. Въ церкви становились въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ; а нѣкоторые на клиросѣ исполняли обязанности чтецовъ и пѣвцовъ. Псаломщики церковей очень довольны были участіемъ учениковъ въ чтеніи и пѣніи церковномъ.

Изъ учениковъ училища образованъ былъ очень хорошій хоръ, который исполнялъ партесное пѣніе и пользовался славою въ городѣ. Хоръ опытный регентъ набиралъ изъ учениковъ, владѣющихъ хорошимъ голосомъ; находились даже басы изъ великовозрастныхъ учениковъ четвертаго класса. Этотъ хоръ пѣлъ обыкновенно въ Рождественской церкви, гдѣ священникомъ былъ инспекторъ училища, и гдѣ диаконъ зналъ регентское дѣло и могъ управлять хоромъ.

Еще былъ главный старшій, которому поручался надзоръ за всѣми квартирами и надъ всѣми учениками училища. Такими полномочіями облакался одинъ изъ самыхъ лучшихъ учениковъ четвертаго класса. Въ случаѣ какой-либо оплошности или небрежности съ его стороны или недонесеніи инспектору о какомъ-либо грубомъ проступкѣ ученика, ему извѣстномъ, его могли разжаловать, и полномочіями главнаго

старшаго облакали другою. Главный старшій было лицо, наиболѣе близкое къ инспектору, и къ нему ученики относились съ нѣкимъ подобострастіемъ, не то боялись, не то уважали; а иные задобривали его малыми приношеніями,— стаканомъ сбитня, или парюю пышекъ.

Высшее наблюденіе надъ учениками принадлежало инспектору, который имѣлъ помощника въ лицѣ одного изъ учителей. Этотъ помощникъ инспектора назывался субъ-инспекторомъ. Но дѣятельность субъинспекторовъ мало замѣтна была ученикамъ. Въ мое пятилѣтнее пребываніе въ училищѣ, я всего два раза видѣлъ въ своей квартирѣ субъинспектора, и въ оба раза одинъ вопросъ субъинспектора удержался въ моей памяти: читаете ли вы молитвы, утреннія и вечернія? Въ одинъ разъ хозяинъ квартиры, довольно видный купецъ, отвѣчалъ: молятся, молятся очень много, въ особенности этотъ (указывая на меня). Въ другое посѣщеніе другою субъинспектора я отвѣчалъ: читаемъ. Да правда ли (говорилъ онъ далѣе)? Какъ начинается первая молитва? „Боже вѣчный (отвѣчалъ я). И въ моемъ отвѣтѣ не было полной правды. Дома молитвы мы исполняли и утромъ и вечеромъ; не помолившись утромъ, не приступали ни къ какому дѣлу, и отходя ко сну, творили молитву и продолжительную, молились предъ обѣдомъ и послѣ обѣда. Но молитвъ вечернихъ и утреннихъ, по молитвеннику, не читали и не могли читать; потому что не было у насъ молитвенника.

Инспекторъ самъ тоже рѣдко посѣщалъ ученическія квартиры,—довѣрялъ старшимъ, которые должны были доносить ему о всемъ, выходящемъ изъ ряда обычныхъ явленій училищной жизни.

Инспекторомъ въ мое время былъ сановитый священникъ Иванъ Ѳедотычъ Грандицкій. Онъ былъ строгъ и грозенъ, хотя не былъ жестокъ. Одинъ видъ его внушалъ трепетъ ученикамъ. Завидя его на улицѣ, ученики чуть не за полверсты скидали шапки. А когда, бывало, придетъ онъ не

въ свой классъ (онъ преподавалъ латинскій языкъ въ четвертомъ классѣ), встрепенется весь классъ. Онъ приходилъ въ чужой классъ обыкновенно для расправы съ какимъ-либо шалуномъ, часто держа въ рукахъ записку, ему поданную кѣмъ-либо изъ старшихъ. Онъ крикнетъ зычнымъ голосомъ, иной разъ топнетъ ногою, и всѣ обратились въ страхъ. Часто эта грозная острастка, приведшая въ трепетъ ученика, была для него внушительнымъ наказаніемъ, и дѣло ограничивалось одними уговорами. Но если шалость очень большая, пускалась въ ходъ розга, для чего призывался въ классъ съ лозою училищный сторожъ. Не могу не замѣтить здѣсь, что въ нашемъ училищѣ въ мое время къ розгѣ, какъ исправительному наказанію, прибѣгали сравнительно гораздо рѣже, чѣмъ въ другихъ духовныхъ училищахъ, о которыхъ доходили до меня устные и письменныя свидѣтельства. Изъ учениковъ Муромскаго училища не одинъ, а нѣсколько прошли школу, не испытавъ ни разу этого унижительнаго наказанія, которое, впрочемъ, было тогда въ употребленіи не только въ духовныхъ училищахъ, но и въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Объ удовольствіяхъ и развлеченіяхъ, какими пользовались ученики, мало сохранилось у меня воспоминаній. Съ этой стороны нельзя не назвать жизнь учениковъ скучною и однообразною. Жили ученики скромно, заняты книгою, и не позволяли себѣ излишнихъ развлеченій. Лѣтомъ на иныхъ квартирахъ играли въ бабки или козны, играли въ ланту, въ свайку. Были любители пѣсень, и въ свободное время распѣвали эти пѣсни. Иные заводили у себя рукописныя пѣсенники, въ которыхъ записано было до ста и болѣе разнообразныхъ пѣсень. Къ зимнимъ развлеченіямъ можно отнести кулачные бои, какіе бойчаки заводили и выдерживали съ мѣщанскими дѣтьми. У дѣтей муромскихъ мѣщанъ былъ какой-то антагонизмъ съ учениками училища. Когда они значительно гурьбою встрѣчались съ учениками, непременно

задирали ихъ, дразнили кутейниками, бросали въ нихъ снѣжками, а потомъ доходили до кулачнаго боя. Были нѣкоторые нарочитые дни, къ которымъ приурочивались, или въ которые ожидалось столкновение двухъ противоположныхъ партій. Это было, во-первыхъ, въ тѣ зимніе вечера, когда въ городѣ, по случаю царскаго дня, зажигалась иллюминація, на примѣръ 6-го декабря, въ день тезоименитства Государя Императора Николая Павловича. Еще до начала иллюминаціи собиралась партія мѣщанскихъ дѣтей и искала противниковъ. Тѣ съ своей стороны не дремали и кучкою ходили по улицамъ, въ надеждѣ дать должный отпоръ нападающимъ. Бои большею частію были нерѣшительные; рѣдко одна партія одерживала полную побѣду надъ другою. Была иногда употребляема и воинская хитрость. Начинали дѣло малыши, а болѣе возрастные стояли назади. Искуснаго и сильнаго борца на нѣкоторое время скрывали отъ нападающихъ, возя его на салазкахъ. Тѣ, думая, что у противниковъ нѣтъ защитника, слишкомъ увлекались и вторгались въ ряды ихъ. Тогда встаетъ изъ-за салазокъ сильный великовозрастный боець, и при видѣ его или отъ его перваго удара толпа нападающихъ въ страхъ бросается назадъ, и верхъ оказывается за тѣми, которыхъ прежде тѣснили. До увѣчій и ранъ никогда не доходило на этихъ бояхъ: хотѣли только погрѣть руки и размять кровь въ зимнюю стужу, доходившую до 20 градусовъ мороза и болѣе. Нѣкоторые изъ учениковъ, отличившіеся въ бояхъ, приобрѣтали славу героевъ-силачей, и эта слава не малое время хранилась въ училищѣ, переходя изъ одного поколѣнія въ другое: извѣстны они были, какъ отличные бойцы, и въ противоположной партіи мѣщанскихъ дѣтей, и потому одно явленіе среди борющихся нагоняло страхъ на противниковъ и обращало ихъ въ бѣгство. Иные изъ нихъ до того увлекались этимъ спортомъ, что не оставляли его, когда переходили изъ отрочества въ болѣе зрѣлый возрастъ. Во Владимірѣ часто бывали большіе бои между жителями Ямской слободы и горожанами, которыхъ не могла

остановить и полиція, являвшаяся въ большомъ числѣ. Нѣкоторые изъ семинаристовъ, начавшіе боевую практику въ училищѣ и снискавшіе славу борцовъ, не могли удержаться, чтобы не принять участія въ этихъ большихъ бояхъ, и ихъ съ радостію и почетомъ принимали въ свою среду горожане.

Да не покажется страннымъ это упоминаніе о мальчишескихъ бояхъ, какъ одномъ изъ оригинальныхъ явленій ученической жизни. Въ нихъ принимали участіе сравнительно немногіе ученики; но интересовали они всѣхъ, и на другой день послѣ оконченнаго побоища о немъ ходили живыя, часто разукрашенныя сказанія, въ которыхъ воздавали славу отличившимся героямъ. Эти мальчишескіе бои были отраженіемъ въ миниатюрѣ обычая, господствовавшаго въ прежнее время въ разныхъ мѣстахъ сѣверной Россіи, который называли иныя варварскимъ. Въ разныхъ мѣстахъ сѣверной Россіи не изъ вражды, а для потѣхи зимою учреждались кулачные бои между сосѣдними селеніями. Въ условленный день, по нарочитому уговору, два села, расположенныя по сосѣдству, рѣшали вступить въ боевое состязаніе между собою. Если одно село было многолюдное, а другое не могло равняться съ нимъ по числу жителей, тогда двѣ деревни, для равновѣсія борцовъ, соединялись вмѣстѣ и дружно выступали противъ большого села. Для боевъ назначались большею частію дни масляницы, а иногда и первые дни Великаго поста, рѣже дни святокъ. Собирались для боя на напередъ намѣченной межѣ или полосѣ, лежащей на срединѣ разстоянія между имѣющими вступить въ бой селеніями. Бой начинала мелюзга, мальчики малолѣтки. Они являлись на мѣсто боя первыми, и едва задирали другъ друга, и между ними бой велся очень вяло. Потомъ постепенно прибывали болѣе возрастные бойцы, и бой разгорался, но не принималъ рѣшительнаго характера. Рѣшителями боевъ бывали атлеты-силачи, искусившіеся въ этомъ родѣ спорта. Они, при началѣ боя, собирались въ одной хатѣ, и подбадривали себя виномъ. Имъ постоянно сообщали о перепетіяхъ боя.

Для нихъ приготовлены были сани, запряженные тройками, съ бубенчиками. Когда прибѣжавшіе съ боя сообщать имъ, что дѣло принимаетъ дурной или опасный оборотъ, они ѣдутъ на тройкахъ къ мѣсту боя; то же самое дѣлаетъ и противная сторона. И вотъ тогда-то происходитъ самая горячая схватка. Одна сторона идетъ и ломится на другую, какъ стѣна на стѣну. Когда одна сторона начинаетъ одолевать другую, та подается и потомъ бѣжитъ къ своему селенію. Побѣдители гоняютъ противниковъ до ихъ села, и побѣждаемые начинаютъ скрываться въ свои дворы и дома. И бой кончается, чѣмъ бы (вы думали)? Признавшіе себя побѣжденными должны ставить магарычъ и угощеніе своимъ побѣдителямъ, и обѣ стороны, повидимому, враждовавшія между собою дружно и мирно распиваютъ согрѣвающую влагу, величая при этомъ отличившихся борцовъ. Побѣдители, угощенные побѣжденными своими противниками, съ пѣніемъ и гикомъ возвращаются въ свое село, и здѣсь снискавшимъ славу побѣдителей подносятъ новую чарку.

На эту потѣху собирались не только участники боя, но и простые зрители, и этихъ было гораздо больше, чѣмъ бойцовъ. Зрители являлись на побоищѣ не только изъ тѣхъ селъ, которыя условливались вести борьбу между собою, но и изъ сосѣднихъ деревень, даже изъ города, если городъ былъ близко, узнавши напередъ, что въ такой-то день будетъ кулачный бой между жителями извѣстныхъ селеній. Нѣкоторые пріѣзжали къ мѣсту боя на саняхъ. Между зрителями были люди разныхъ возрастовъ, положеній и половъ. Всѣ съ участіемъ слѣдили за перипетіями боя, выражая сочувствіе то той, то другой партіи. Вокругъ участниковъ боя слышался шумъ и гамъ не малый. Случалось и то, что иной, явившись на мѣсто боя только посмотреть на него, увлекался боевою потѣхою до того, что изъ рядовъ зрителей переходилъ къ участникамъ боя.

Веселымъ явленіемъ въ жизни училищной были *рекреаціи*. Рекреація были майскія гулянья, и такихъ гуляній давали ученикамъ отъ четырехъ до пяти, а иногда и до шести. Въ дни рекреаций ученики освобождались отъ классныхъ занятій, и временемъ, свободнымъ отъ урочныхъ занятій, могли пользоваться въ свое удовольствіе.

Въ маѣ мѣсяцѣ, въ ясные дни, ученики, собравшись въ классы, снаряжали депутацію изъ старшихъ учениковъ къ смотрителю или инспектору просить рекреацію. Депутація еще до звонка на первые уроки, отправляется къ начальству, и выражаетъ предъ нимъ просьбу учениковъ дать нынѣшній день рекреацію. Заявленіе этой просьбы часто сопровождалось громкимъ пѣніемъ по-латыни: *Reverendissime pater Rector (или Inspector), recreationem humillime rogamus*. Начальникъ выходитъ къ депутаціи, посмотритъ на небо, выражаетъ опасеніе, какъ бы не было тучи, поторгуется съ нею, и потомъ, послѣ недолгаго колебанія, соглашается дать рекреацію. Но если онъ не расположенъ дать рекреацію, онъ строго и сурово принимаетъ депутацію, и, не пускаясь съ нею въ разглагольствіе, отсылаетъ ее въ училище, приказывая всѣмъ идти по классамъ и учиться. Смотритель и инспекторъ жили не близко отъ училища, и когда депутація, ходившая просить реакреацію, возвращалась въ училище, ученики, собравшіеся здѣсь и съ нетерпѣніемъ ожидавшіе ея возвращенія, завидѣвъ издали возвращавшихся, по ихъ лицамъ, веселымъ или хмурымъ, узнавали, какой отвѣтъ несутъ они своимъ товарищамъ. И когда возвѣщаютъ они, что рекреація дана, — открывается радостное ликованіе учениковъ: они послѣшно собираютъ книги, и съ веселымъ крикомъ не плутъ, а бѣгутъ изъ училища въ свои квартиры. Въ первую половину дня, до обѣда, они развлекаются дома, или на улицахъ, близъ своихъ квартиръ. Нерѣдко собираются для забавъ и игръ ученики нѣсколькихъ сосѣднихъ квартиръ. Часу въ первомъ или второмъ ученики всѣ снова собираются въ училище, а отсюда, по указанію субинспек-

тора или подь его руководствомъ, огромною толпою отпра-
вляются въ рошу, отстоящую верстахъ въ четырехъ отъ го-
рода. Узнають о рекреациі торговки и торговцы, и они идутъ,
а иные ѣдутъ, въ рошу вслѣдъ за учениками, и везутъ туда
разныя сласти,—пряники, стручки, орѣхи, дешевыя конфек-
ты, калачи, пышки и т. под. Торговля этими вещами идетъ
въ рощѣ довольно бойко, и хотя привозились и продавались,
товары грошевые, торговцы не бывали въ накладѣ, и они
обыкновенно уходили или уѣзжали изъ роши позднимъ вече-
ромъ, вслѣдъ за учениками, возвращавшимися въ городъ.

Въ рощѣ ученики предоставлены были самимъ себѣ, и
дѣлали, что хотѣли, забавляясь, кто чѣмъ можетъ. Одни уxo-
дили въ глубь роши, другіе на лужайкѣ у окраины роши
предпринимали разныя игры,—въ ланту, въ маршалки, бѣ-
гали взапуски, стараясь перегнать одинъ другого. Соста-
влялся хоръ пѣвчихъ, и они пѣли народныя пѣсни: пѣніе
выходило громкое, стройное и приличное.

Около пяти часовъ по полудни къ рощѣ съѣзжались
учителя, съ смотрителемъ и инспекторомъ во главѣ. Ихъ
обычною забавою здѣсь была игра въ маршалки. Ученики
обступали то мѣсто, гдѣ происходила эта игра, и нѣкоторые
изъ учениковъ снѣжили поднимать и подавать шары участ-
никамъ этой игры. Подходили къ пѣсенникамъ учителя и
поощряли ихъ своимъ одобреніемъ; иногда просили ихъ
снѣть ту или другую пѣсню. Подступали и къ играющимъ
въ ланту иные изъ учителей и ударяли въ мячъ болѣе
сильною рукою, чѣмъ юные ихъ ученики. Смотритель вы-
биралъ нерѣдко двухъ, трехъ учениковъ и заставлялъ ихъ
перегонять другъ друга, и бѣжавшихъ награждалъ мелкою
монетою. На перегонку вызывалось часто нѣсколько паръ
учениковъ, и разъ, начатая, она кончалась не скоро. Во-
кругъ приглашенныхъ на перегонку собиравлись толпы уче-
никовъ; были зрители и изъ учителей. Крикомъ подбодряли
ослабѣвающихъ, громкимъ одобреніемъ награждали побѣжда-
ющихъ скороходовъ. Иные изъ бѣжавшихъ падали, чѣмъ

возбуждали смѣхъ и крики у глазѣющихъ.—Покупали учителя, и главнымъ образомъ смотритель у торговыхъ разныхъ сладости, и не раздавали, а бросали ученикамъ; и они толпою бросались за ними, и при этомъ происходила не малая толкотня, при которой болѣе проворнымъ и ловкимъ доставалось больше, а менѣе проворные ничего не получали. Такія и подобныя потѣхи вносили большое оживленіе въ толпу рѣзвящихся учениковъ, и въ средѣ ихъ замѣтно было непритворное веселіе. Учителя между тѣмъ, также весело настроенные, въ виду учениковъ устроили себѣ приличное угощеніе: у нихъ шишѣль большой самоваръ, и они недовольствовались однимъ чаемъ, а привозили изъ города закуски и напитки. Но все было чинно и прилично. У меня въ воспоминаніи не осталось ни одного темнаго пятна изъ этихъ рекреационныхъ гуляній.

Изъ роцци ученики возвращались въ городъ позднимъ вечеромъ, при заходѣ солнца, возвращались въ довольномъ настроеніи духа, часто съ пѣснями. Сопровождалъ ихъ до города помощникъ инспектора; но это не всегда бывало. Когда день склонялся къ темному вечеру, ученикамъ говорили: пора домой, и они всѣ вмѣстѣ гурьбою отправлялись въ путь, и для нихъ, при этомъ отправленіи, излишне было начальственное наблюденіе. Цѣлый день бѣготни не могъ не сопровождаться усталостію. Но при общемъ оживленіи, въ веселый день, былъ такой подъемъ молодыхъ силъ, что онѣ проявляли полную бодрость до конца гулянья, и усталость чувствовалась ими уже послѣ возвращенія домой, когда вступали надъ ними въ свои права обыденная прозаическая жизнь.—На другой день ученики приходили въ школу, но уже они свободны были отъ сдачи уроковъ аудиторамъ и учителямъ; такъ какъ давая ученикамъ рекреацію, ихъ освобождали отъ приготовленія уроковъ.

Проф. *Василій Пьвничій.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКА.

Сужденіе Бѣлгородскаго миссіонерскаго кружка о существующемъ въ нѣкоторыхъ церквахъ обычаѣ высылать просфоры наиболѣе почетнымъ прихожанамъ.

22-го октября 1908 года Бѣлгородскій миссіонерскій кружокъ имѣлъ сужденіе о соблазнительномъ для штундистовъ обычаѣ замѣнять раздачу антидора высылкой просфоръ наиболѣе почетнымъ прихожанамъ, — обычаѣ, имѣющемъ мѣсто во многихъ православныхъ храмахъ.

По обмѣнѣ мыслями по данному вопросу всѣ члены кружка пришли къ единогласному рѣшенію: признать указанный обычай предосудительнымъ, вреднымъ и подлежащимъ отмѣнѣ.

Въ обоснованіе такого рѣшенія кружокъ приводитъ слѣдующіе доводы. Высылка просфоръ почетнымъ прихожанамъ: 1) унижаетъ достоинство пастыря, высылающаго просфоры, свидѣтельствуя о его лицепріятіи и челоуѣкоугодіи; 2) вызываетъ чувство гордости и надменности въ тѣхъ прихожанамъ, которымъ предпочтительно предъ другими высылаются просфоры; 3) порождаетъ чувства оскорбленія, приниженія и зависти въ душѣ тѣхъ прихожанъ, которые не удостоиваются указанной чести; 4) развлекаютъ вниманіе предстоящихъ въ храмѣ, которые вмѣсто того, чтобы усердно молиться Богу, обращаютъ свои взоры или туда, откуда высылаются просфоры, или на тѣхъ, кому онѣ вручаются. Да и самому священнику не до молитвы: ему приходится внимательно и не разъ разсмотрѣть всѣхъ присутствующихъ въ храмѣ, чтобы не проглядѣть между ними тѣхъ, кому онъ обыкновенно высылаетъ просфоры; 5) ставитъ священника въ траги-комическое положеніе, когда число явившихся въ храмъ именитыхъ прихожанъ превышаетъ количество имѣющихся на лицо просфоръ; 6) даетъ поводъ юмористамъ-

прихожанамъ издѣваться надъ пастыремъ, какъ надъ мнимымъ чудотворцемъ, превращающимъ 5 хлѣбовъ въ 5,000, такъ какъ на всенощномъ бдѣніи высылается иногда прихожанамъ болѣе пяти благословенныхъ хлѣбовъ, а на литургіи болѣе пяти просфоръ, и 7) даетъ полное основаніе не только штундистамъ, но и православнымъ христіанамъ осуждать священника за лицепріятіе въ храмѣ предъ Богомъ, предъ Которымъ всѣ равны, и Который зрѣтъ „не на внѣшнее, а на внутреннее въ чловѣкѣ“.

Высказавшись за уничтоженіе обычая высылки просфоръ почетнымъ прихожанамъ, кружокъ выражаетъ пожеланіе, чтобы этотъ обычай во всѣхъ церквахъ замѣненъ былъ задачей антидора.

На заявленіе одного изъ членовъ кружка, что трудно уничтожить искони установившійся обычай высылки просфоръ, предсѣдатель кружка, свящ. Порфирій Амфитеатровъ, доложилъ собранію, какъ онъ отмѣнилъ этотъ обычай въ своемъ приходѣ.

10-го декабря 1892 года, въ первый годъ своего служенія въ приходѣ, совершая литургію въ память кончины Святителя Іоасафа (Горленко), неслѣнно почивающаго въ Бѣлгородскомъ Свято-Троицкомъ монастырѣ, о. Амфитеатровъ рассказалъ прихожанамъ житіе Святителя, при чемъ, между прочимъ, повѣдалъ о святительскомъ епархіальномъ указѣ, которымъ строго возбранялось пастырямъ высылать почетнымъ прихожанамъ просфоры, чрезъ что пастыри, по подлинному выраженію Святителя, „являютъ себя не Богу, а чловѣку—угодниками“.

Сославшись, такимъ образомъ, на высокій и священный авторитетъ Святителя Іоасафа, о. Порфирій съ того дня отмѣнилъ обычай высылки просфоръ, чѣмъ не только не вызвалъ гнѣва у своихъ именитыхъ прихожанъ, а даже заслужилъ со стороны ихъ благодарность. („Курск. еп. вѣд.“).

Редакторъ Рectorъ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 11-го мая 1909 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

Л

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣотъ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 21.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1909-го года мая 24-го дня.

Содержаніе: I. Что такое православный приходъ, и какъ нужно жить приходу. Свящ. В. Пестрякова.—II. Предъ лицомъ смерти. (Окончаніе). Свящ. А. Веселицкаго.—III. Мои воспоминанія. (Продолженіе). Проф. В. Пѣвницкаго.—VI. Запѣтка. О привлеченіи взрослога населенія къ чтенію книгъ изъ школьныхъ библіотекъ.

Что такое православный приходъ, и какъ нужно жить приходу.

Всѣ христіане, исповѣдующіе православную вѣру, управляемые и просвѣщаемые богоустановленными пастырями, освящаемые богоучрежденными таинствами, составляютъ изъ себя Православную Церковь, Главой которой является Спаситель нашъ Господь. Единая по духу исповѣдуемой ею вѣры, неисчислимая по числу своихъ чадъ, Православная Церковь, въ земномъ своемъ устроеніи, по границамъ исповѣдующихъ ее народностей, раздѣляется на меньшія народныя Православныя Церкви; таковы—Россійская, Греческая, Болгарская, Сербская и другія. Народныя Церкви, въ свою очередь, раздѣляются на еще меньшія—епархіи, а епархіи

составляются изъ такъ называемыхъ приходовъ. Каждый приходъ состоитъ изъ большаго или меньшаго числа православныхъ семействъ („домашняя церковь“), живущихъ въ извѣстномъ мѣстѣ, имѣющихъ своего приходскаго пастыря и объединяющій ихъ въ молитвѣ приходскій храмъ.

Православная Церковь—это Тѣло Христово, Имъ возглавляемое и воодушевляемое Духомъ Святымъ; приходы—это малые члены великаго Тѣла Христова. Какъ въ человѣческомъ тѣлѣ, составленномъ изъ многихъ членовъ, каждый изъ нихъ, даже самый малѣйшій, имѣетъ свое опредѣленное назначеніе, несетъ свою работу, но всѣ они питаются одними соками, въ нихъ бьется одна жизнь, управляетъ ими одна душа и свое назначеніе они выполняютъ въ единствѣ и согласіи со всѣмъ тѣломъ, такъ и члены прихода между собою и со всею Церковію должны жить и дѣйствовать въ тѣсномъ единствѣ, ибо единъ у насъ всѣхъ Господь, едина вѣра, едино крещеніе, единъ Богъ и Отецъ всѣхъ. Приходъ—это малая семья, гдѣ отцомъ и руководителемъ является пастырь, а всѣ православные люди прихода—его духовными дѣтьми. Приходъ—это малая Церковь, которая живетъ и дышитъ единымъ со Вселенскою Церковію духомъ вѣры. Начало прихода—въ самой глубокой древности, въ тѣхъ христіанскихъ общинахъ, которыя всегда устраивались первенствующими христіанами тамъ, гдѣ появлялось христіанство. Въ жизни этихъ общинъ главнѣйшія черты—полное единеніе, тѣсная сплоченность ея членовъ, у которыхъ какъ бы была одна душа и одно сердце, и вытекающая отсюда широкая взаимопомощь какъ въ дѣлѣ спасенія, такъ и въ земной нуждѣ и горѣ. Такою сплоченностію и единомыслиемъ въ значительной мѣрѣ отличалась въ древности и церковная жизнь нашихъ благочестивыхъ русскихъ предковъ, что приносило огромную пользу въ дѣлѣ религіознаго просвѣщенія, въ устройствѣ помощи бѣднымъ, а особенно въ защитѣ православной вѣры отъ натиска инославныхъ и иновѣрныхъ угнетателей. Съ теченіемъ времени, по многимъ причинамъ

отчасти даже вслѣдствіе силы и могущества православной Руси, указавшей настоящее мѣсто всѣмъ противникамъ и врагамъ своей родной матери Церкви, древній строй приходской жизни постепенно ослабѣлъ; ослабѣло тѣсное единеніе пасомыхъ между собою и съ пастырями, постепенно если не умерла, то значительно заглохла приходская жизнь.

Нынѣ вѣра православная на Руси находится въ великой опасности; Церкви Христовой у насъ грозятъ такія бѣдствія, которыя требуютъ напряженія всѣхъ ея силъ для самой энергичной борьбы. Безрелигіозность, нравственная распущенность, пьянство и другіе пороки широкою волною охватили русскій православный народъ, разъѣдаютъ и губятъ народную душу. Ереси, секты, старообрядчество и особенно католичество со всѣхъ сторонъ могучимъ натискомъ идутъ на православіе, отторгая отъ него на погибель многихъ ея членовъ, внося раздѣленіе и вражду. Пастыри Церкви усиленно борются со всѣми этими бѣдствіями и врагами, но, стоя одиноко, не встрѣчая ни откуда себѣ помощи и поддержки, они мало могутъ успѣть въ этой великой борьбѣ; необходимо, чтобы на это дѣло, во главѣ съ пастырями, выступили православные приходы, а для этого *необходимо возстановить приходское единеніе, возродить и оживить приходскую жизнь.*

Что для этого нужно, и какъ православнымъ это устроить?

1) Для этого прежде всего необходимо—и это самое главное,—чтобы всѣ живущіе въ приходѣ, преданные своей вѣрѣ православные люди, нынѣ спасающіеся и трудящіеся каждый порознь, сознали и прониклись тою мыслию, что для борьбы со зломъ необходимо тѣсное объединеніе, необходимо, чтобы всѣ добрые прихожане, почувствовавъ въ душѣ потребность *вмѣстѣ спастись, вмѣстѣ трудиться для добра, вмѣстѣ бороться со зломъ*, составили всѣмъ приходомъ одну дружную приходскую семью, которая бы однимъ духомъ дышала, однимъ сердцемъ любила, одними духовными

очами смотрѣла на жизнь; единообразно и сплоченно отзывалась на то, что совершается вокругъ.

2) Необходимо, чтобы такіе православные люди твердо памятовали, что объединеніе прихода возможно только подъ сѣнію православнаго храма, и что *руководителями въ дѣль такого объединенія* и устроенія приходской жизни могутъ и должны быть *приходскіе пастыри*, которыхъ Духъ Святыи поставилъ блюстителями пасти Церковь Господа и Бога. Идти впереди прихода, объединять его, воодушевлять его дѣятельность духомъ жизни, любви и мира, пастырь успѣшно сможетъ только тогда, когда въ приходѣ онъ дѣйствительно будетъ отцомъ, веселящимся о чадѣхъ своихъ, когда встрѣтитъ въ нихъ доброжелательство, уваженіе своего пастырскаго служенія, послушаніе совѣту и руководству. Безъ правильныхъ отношеній пасомыхъ къ пастырю правильной приходской жизни не можетъ быть. Напротивъ, сыновнее отношеніе пасомыхъ даже къ немощному въ какомъ-либо отношеніи пастырю придаетъ ему удвоенную силу и бодрость для приходскаго дѣла.

3) Въ тѣхъ приходахъ, гдѣ окажутся люди съ такимъ настроеніемъ, гдѣ почувствуется жажда приходскаго объединенія, тамъ устроится и *внѣшнее объединеніе*, явятся *религиозно-церковные союзы, общесива, кружки*. Самое радостное и желательное явленіе было бы, чтобы такое настроеніе проникало весь приходъ, всѣхъ его членовъ. Это и былъ бы, въ подлинномъ смыслѣ, возрожденный и объединенный приходъ. Объединяющимъ центромъ такого прихода можетъ быть избранный всѣмъ прихожанами приходскій совѣтъ. Тамъ, гдѣ къ приходскому объединенію примкнетъ только часть прихода, могутъ быть устраиваемы братства, попечительства, кружки ревнителей православія, со своими особыми уставами и правилами. О видахъ приходской жизни и ихъ уставахъ мы говорить много не будемъ; сами прихожане, вмѣстѣ съ пастыремъ, устроятъ то, что будетъ болѣе полезно для даннаго мѣста.

Православная вѣра и Церковь своимъ вліаніемъ обнимаетъ всю жизнь людей—личную, семейную и общественную; то же должна исполнять въ извѣстномъ ограниченномъ мѣстѣ и малая Церковь—приходъ, и трудно указать мѣсто и всѣ случаи, гдѣ можетъ сказаться его благотворное вліаніе.

1) Главная задача Церкви—спасеніе вѣрующихъ, которое достигается вѣрою и доброю христіанскою жизнію; *спасаться вмѣстѣ*—это и есть первая и самая главная цѣль прихода. Тамъ, гдѣ живо сознаніе церковнаго единенія, тамъ не только одинъ пастырь, но и всѣ прихожане, весь приходъ, будутъ поддерживать религіозность въ своей средѣ, приложить усилія къ тому, чтобы росла и крѣпла въ окружающихъ вѣра Христова; одинъ другого будетъ призывать къ молитвѣ, къ посѣщенію богослуженія, къ исполненію церковныхъ законовъ; въ такомъ приходѣ не будетъ нерадивыхъ къ молитвѣ, не станетъ уклоняющихся отъ спасительныхъ таинствъ исповѣди и причащенія; не будетъ младенцевъ, умершихъ, по небрежности родителей, безъ крещенія, не будетъ умершихъ безъ покаянія и христіанскаго напутствія. Тѣсно сплоченный приходъ приметъ всѣ мѣры къ собственному религіозному просвѣщенію, пробудитъ интересъ и вниманіе къ религіознымъ вопросамъ, оживитъ и умножитъ въ своей средѣ бесѣды о вѣчномъ, о божественномъ; организуетъ религіозно-нравственныя чтенія, приходскую школу, бібліотеку, церковный хоръ; возьметъ на себя трудъ распространенія добрыхъ религіозныхъ книгъ; особенно книгъ Св. Писанія.

2) Заботясь о спасеніи другъ друга, прихожане, вмѣстѣ съ пастыремъ должны бороться и съ тѣмъ, что препятствуетъ достиженію спасенія—со зломъ и грѣхомъ, особенно съ открытыми тяжкими грѣхами. Обличенія пастырей и самая горячая проповѣдь ихъ часто остаются безуспѣшными потому, что не находятъ поддержки въ пасомыхъ; отошелъ человекъ отъ духовника, забылъ всѣ его наставленія и, не встрѣчая уже ни въ комъ обличенія своему грѣху, снова принимается

за старое. Пусть открытый грѣхъ встрѣтитъ себѣ открытое осужденіе и вразумленіе во всѣхъ окружающихъ, во всей приходской семьѣ—тогда и нераскаянные грѣшники задумаются надъ своею жизнію, и сократятся такіе открытые всюду распространенные у насъ пороки, какъ сквернословіе, пьянство, воровство, драки, семейные ссоры и вражда.

3) Особой заботы и вниманія со стороны прихода заслуживаютъ бѣдные, обездоленные, утѣшенія и помощи требующіе. Какъ у древнихъ вѣрующихъ, такъ и у насъ, не должно бы быть нищихъ, голодныхъ; каждый приходъ долженъ позаботиться о своихъ бѣднякахъ. Нищелюбцы и добрые люди, слава Богу, не перевелись на Руси, но помощь отдѣльныхъ разрозненныхъ благотворителей, выражаясь, главнымъ образомъ, въ подачѣ небольшихъ денегъ, не въ силахъ существенно поддержать бѣдняковъ; къ тому же такая помощь поступаетъ нерѣдко въ недостойныя руки. Весь же приходъ или его представители, *обсудивши нужду каждаго отдѣльнаго своего брата*, окажетъ ему ту именно помощь, въ какой бѣднякъ больше нуждается: безпріютному онъ устроить пріютъ, безработному дать работу, больному—лѣченіе, голодному—пищу. Приходъ не оставитъ безъ своего вниманія и тѣхъ своихъ братьевъ, которыхъ постигаетъ какое-либо неожиданное несчастіе, которые не привыкли, не могутъ идти къ ближнимъ съ протянутою за помощію рукою, предпочитая молча страдать.

4) Великую услугу Церкви православные приходы могутъ оказать въ борьбѣ съ многочисленными ея врагами: безбожіемъ, ересями, сектами и расколомъ. При многолюдствѣ приходоу, при массѣ работы, священникъ часто не въ силахъ одинъ знать, что переживаетъ каждый изъ его пасомыхъ, какія мысли распространяются въ его приходѣ, тѣмъ болѣе, что лжеучители обыкновенно втайнѣ сѣютъ свое беззаконіе. Всему приходу виднѣе, откуда грозитъ опасность отдѣльнымъ его членамъ; болитъ ли кто изъ его членовъ и какую болѣзнію, туда онъ и направитъ свои заботы, чтобы

оберечь немощнаго брата своего, разрѣшить его сомнѣнія, предупредить отпаденіе отъ Церкви Христовой. Если бы всѣ прихоже близко къ сердцу принимали опасность каждаго, какъ свою личную, то еретики и заблуждающіеся всегда встрѣчали бы себѣ единомушнній отпоръ; тогда совсѣмъ прекратились бы совращенія, и уменьшилось бы число отпадающихъ братьевъ нашихъ.

5) Объединенному приходу, живущему доброй православной семьей, не чужды будутъ и мірскія дѣла, которыя онъ постарается устраивать въ духѣ христіанской любви и смиренія. Правда, для рѣшенія такихъ дѣлъ есть соотвѣтственныя мірскія установленія, но въ приходѣ эти дѣла будутъ освѣщаться и разсматриваться съ христіанской точки зрѣнія. Тамъ, гдѣ обсуждаются мірскія дѣла людьми, собранными во имя Христова, объединенными вѣрою, всегда больше будетъ внѣшняго порядка, взаимнаго довѣрія и уваженія, больше будетъ успѣха, ибо собраннымъ во имя Христова невидимо вспомошествоуетъ самъ Господь. Обсужденіе мірскихъ дѣлъ по приходамъ особенно полезно можетъ быть тамъ, гдѣ православные живутъ среди инославныхъ и иновѣрныхъ, гдѣ какъ показываетъ опытъ, благодаря нашей разрозненности, часто вмѣстѣ съ вѣрою, грубо попираются и земные интересы русскаго народа. Такова можетъ быть польза отъ нашего приходскаго единенія и отъ возрожденія православнаго прихода.

Тѣснѣе же смыкайтесь, православные люди, вокругъ своихъ пастырей на дѣло спасенія, защиты вѣры, улучшенія нравственной и общественной нашей жизни. И да поможетъ намъ Господь устроить нашу жизнь такъ, чтобы и у насъ, какъ у древнихъ христіанъ, было одно сердце, одна душа.

Священникъ *В. Пестряковъ*.

Предъ лицомъ смерти.

(Окончаніе ¹⁾).

II.

Предъ нами—христіане-мученики, брошенные въ смрадную темницу, чтобы назавтра сдѣлаться пищею звѣрей, быть сожженными, или разрѣзанными на части новоизмышленнымъ орудіемъ пытки; они ни мало не теряютъ ни ясности мысли, ни присутствія духа; они живутъ и здѣсь тѣми же мыслями, тѣми же радостями, тою же взаимной любовію и молитвой, какъ жили предъ тѣмъ на свободѣ. Здѣсь же въ тѣснотѣ и мракѣ на истерзанной, окровавленной груди елѣ живого отъ ранъ пресвитера-мученика имъ же самимъ совершается безкровная жертва евхаристіи, и всѣ узники спокойно, съ духовнымъ восторгомъ, какъ бывало тамъ, въ мірѣ, молятся и причащаются съ вѣрой и любовію. Или: стоятъ они, мученики, на безчеловѣчномъ судилищѣ, окруженные языческой толпой, предъ изувѣромъ-игемономъ, предъ котлами съ кипящей смолой, предъ раскиданными орудіями казни, на которыхъ еще дымится кровь ихъ предшественниковъ; но нѣтъ на ихъ лицахъ ни смущенія, ни ужаса, тихо и мирно бесѣдуютъ между собой, молятся, спокойно подтверждаютъ на принужденіе судей къ отреченію: „мы христіане“, и съ радостнымъ видомъ идутъ къ котламъ или къ страшнымъ окровавленнымъ орудіямъ, склоняютъ головы подъ мечи... Нѣтъ среди нихъ ни воплей, ни криковъ, ни припадковъ малодушія: всѣ умираютъ стойко, мужественно. Но умираютъ ли? Нѣтъ, они побѣждаютъ смерть, они—выше ея. Тѣла ихъ обезглавлены, изрублены, сожжены, а они—живы. Это чувствуетъ, понимаетъ даже языческая толпа, отъ которой отдѣляется нѣсколько людей, постигшихъ силу безсмертія, чув-

¹⁾ См. № 20-й за 1909-й г.

ствуе́тъ свое посрамленіе и безсиліе смущенный игемонъ, не „могущій душу убить“.

Приведенные только что несомнѣнно-историческіе факты торжества человѣческаго духа надъ неотвратимыми и ничѣмъ неустрашимыми ужасами смерти, увѣряя въ дѣйствительности нашего безсмертія, краснорѣчиво доказываютъ ничѣмъ не замѣнимую для человѣка цѣнность, непогрѣшимость и безусловную силу религіозно-нравственныхъ основъ жизни, которыя даетъ христіанство. Если, какъ мы видѣли, эти основы оказываются безусловно непоколебимыми, жизненно-могучими даже предъ лицомъ смерти и здѣсь остаются вѣрными, не покидаютъ человѣка, то тѣмъ болѣе могутъ онѣ вдохновлять, руководить его во всѣхъ обстоятельствахъ земной жизни, придавая ей высшій духовно-нравственный смыслъ и цѣнность. Но горе тѣмъ людямъ, которые, отвергнувъ это неложное религіозное „упованіе“, носящее въ себѣ залогъ вѣчности и раскрывающее въ человѣкѣ его безсмертное начало, рѣшаются втиснуть безсмертную душу въ тѣсныя предѣлы только земного существованія, ограничить проявленія духовной жизни только временными, чисто-человѣческими интересами; предъ лицомъ смерти они неизбежно должны оказаться жалкими безпомощными духовно-нравственными банкротами, предъ которыми раскроется весь ужасъ и мракъ бездны небытія. И этотъ ужасъ роковымъ стихійнымъ образомъ еще до наступленія смерти скуе́тъ, охватитъ ледянымъ холодомъ несчастную душу, лишитъ способности проявленія, парализуетъ всѣ и психическія, и тѣлесныя силы. Призрачными, ничтожными покажутся тогда подобному человѣку всѣ его когда-то казавшіеся непогрѣшимыми принципы и убѣжденія, которыми руководился онъ въ жизни, и это потому, что обнимали они лишь уходящую теперь земную жизнь и вмѣстѣ съ нею должны утратить всякое значеніе, всякую нравственную цѣну. Такъ должно быть, такъ и бываетъ въ дѣйствительности, чему даетъ лучшее подтвержденіе и глубоко художественную иллюстрацію, хотя и мрачно-мучительную по

правдивости, Л. Андреевъ въ своемъ „Разказѣ о семи повѣшенныхъ“.

Перейдемъ къ самому произведенію. Простъ и несложенъ разказъ какъ по содержанію, такъ и по построенію, представляя послѣдовательный рядъ душевныхъ и физическихъ состояній, какія испытываютъ, переживаютъ семь различныхъ человѣческихъ существъ, присужденныхъ къ одновременной и одинаковой казни; но глубокая художественная правда изображенія невыразимо тяжелыхъ внутреннихъ психо-физическихъ переживаній человѣка при ясномъ представленіи неотвратимой смерти производитъ на читателя потрясающее дѣйствіе. О силѣ впечатлѣнія отъ разказа можно судить уже по тому, что испыталъ и пережилъ самъ авторъ при творческомъ процессѣ созданія этого произведенія. „Меня упрекають,—говоритъ Андреевъ,—что я не исчерпалъ во всей полнотѣ того многообразія ужаснаго, что испытываютъ приговоренные. Но увѣряю васъ: только думая о казни, только ставя себя на мѣсто одного изъ этихъ несчастныхъ, я приводилъ свой человѣческій разумъ въ то состояніе, при которомъ только тонкая пленка отдѣляла меня отъ сумашествія. И когда по разказу я сталъ приближаться къ моменту казни, меня... уже слѣдовало отправить въ больницу—такъ мало оставалось во мнѣ разумнаго („Новое слово“, № 2, стр. 18)“... Но продолжимъ разсмотрѣніе разказа съ установленной нами точки зрѣнія.

Въ началѣ,—чтобы, очевидно, рельефнѣе отмѣтить безумно-мрачное, беспросвѣтно-мучительное состояніе своихъ героевъ, авторъ для контраста изображаетъ предъ читателемъ живоотно-радостныя душевныя переживанія одного администратора, случайно узнавшаго о заговорѣ на его жизнь и теперь, послѣ минованія опасности, испытывающаго съ удвоенной пріятной остротой чувство жизни, какъ бы опьяненнаго тоже до безумія, но только радостнаго эгоистическимъ сознаниемъ своего здороваго, ничѣмъ не угрожаемаго впереди бытія. И вотъ, слѣдомъ за нимъ выступаютъ, обрисовываются предъ

нами съ постепенно нарастающимъ ужасомъ соснанія, неминуемой смерти семь несчастныхъ осужденныхъ къ повѣшенію. Сведенные случаемъ къ одной висѣлицѣ, они во многомъ отличаются другъ отъ друга, но есть у нихъ и нѣскольکو общихъ, при томъ глубокихъ психологическихъ чертъ, которыя роднятъ всѣхъ и равняютъ предъ лицомъ смерти. Пять изъ семи—политическіе преступники—террористы, осужденные за организацію и участіе въ раскрытомъ своевременно покушеніи на то административное лицо, о которомъ говорится въ началѣ разсказа; двое—просто типичные разбойники, нравственно-извращенные выродки темной народной среды.

На свободѣ, до ареста и осужденія, всѣ пять политическихъ,—трое мужчинъ: Сергѣй Головинъ, Вернеръ, Василий Каширинъ, и двѣ дѣвушки: Муся и Таня Ковальчукъ,—жили и дѣйствовали подъ вліяніемъ своихъ сознательныхъ соціально-политическихъ убѣжденій. Служеніе общему партійному „дѣлу“ составляло главный смыслъ ихъ жизни, вдохновляло на „подвиги“ этихъ развитыхъ по своему интеллигентныхъ и полныхъ силъ молодыхъ людей. Соціальное счастье человѣчества, какъ оно понималось ими, было для нихъ жизненною цѣлію, при чемъ не чужды они были и личныхъ характерныхъ симпатичныхъ чертъ: Муся и Вернеръ отличались замѣчательной стойкостью, выдержанностію и серьезностію—глубиною характера, Головинъ и тѣлесно и психически—сильнымъ, гармоническимъ, здоровымъ развитіемъ и проявленіемъ природныхъ силъ, Каширинъ—экспансивностію и нѣжной чувствительностію, наконецъ, Таня Ковальчукъ, при крѣпкой тѣлесной организаціи, истинно женственной натурой, самоотверженно-чуткой къ страданію другихъ и способной къ нѣжной, возвышенной любви. О двухъ разбойникахъ Иванъ Янсонъ и Цыганкѣ, случайныхъ товарищахъ политическихъ, слѣдуетъ только сказать, что это—полные дегенераты животнаго типа, безъ какихъ-либо ясныхъ человѣческихъ убѣжденій, дѣйствовавшіе и жившіе единственно

подъ вліаніемъ природныхъ скотскихъ эгоистическихъ инстинктовъ; различіе между ними лишь то, что Янсонъ—животное тупого, мрачнаго типа, Цыганокъ—сангвиническаго темперамента, крайне легкомыслень и не лишень грубаго остроумія.

Но, при отмѣченной противоположности между политическими и этими разбойниками, а также и при индивидуальномъ различіи другъ отъ друга между самими политическими, у всѣхъ семи осужденныхъ есть одна общая весьма существенная черта въ ихъ нравственно-умственномъ складѣ міросозерцанія — это полное отсутствіе тѣхъ абсолютныхъ, надземныхъ, вѣчныхъ основъ жизни, которыя однѣ, какъ мы уже видѣли, даютъ побѣду надъ смертію, которыя превращали жестокое мученичество христіанъ въ свѣтлое торжество истинной жизни. Уже одна принадлежность пяти первыхъ осужденныхъ къ атеистической партіи революціонеровъ анархистовъ даетъ право видѣть въ нихъ принципиальныхъ и убѣжденныхъ отрицателей и бытія Бога, и души и безсмертія: они не имѣли ни вѣры, ни любви въ христіанскомъ смыслѣ слова. Это подтверждается и всѣмъ содержаніемъ разсказа. Два послѣднихъ осужденныхъ представлены авторомъ также утратившими всякую вѣру въ Бога, всякое нравственное чувство,—такъ они развратились, пали и озвѣрѣли въ дикой жизни.

III.

Посмотримъ теперь, какъ всѣ эти люди, „не имущіе упованія“, встрѣтились лицомъ къ лицу по существу съ общечеловѣческимъ, неотвратимымъ фактомъ смерти, представшей предъ ними въ формѣ смертнаго приговора и позорной висѣлицы. Помогли ли имъ побороть животный страхъ и, не теряя самообладанія, пережить критическое предсмертное время ихъ физически крѣпкія, молодыя силы и глубокая идейная убѣжденность въ высотѣ и правотѣ „дѣла“, за которое они полагали теперь жизнь?—Оказывается изъ худо-

жественно - вѣрной дѣйствительности разсказа — громадная, бездонно-мрачная идея смерти, ярко, настойчиво и неустрашимо охвативъ сознание несчастныхъ, сразу и физически, и нравственно раздавила ихъ своимъ стихійнымъ ужасомъ, изъ нормальныхъ людей превратила въ подобіе живыхъ труповъ, утратившихъ ясность пространственныхъ и временныхъ представлений, сознательность, разумность дѣйствій, чувствующихъ неустрашимо одно—ледянящій все существо и ближе и ближе надвигающійся мракъ ожидающаго ихъ уничтоженія... Парализующее дѣйствіе страха и трепета смертнаго обнаружили несчастные уже на судѣ своимъ поведеніемъ, странно неестественнымъ, искусственнымъ равнодушіемъ, сквозь которое явно просвѣчивали тревога, порывистость и мелочная безцѣльная заботливость не уронить своего достоинства. Такъ вели себя на судѣ Головинъ, Вернеръ и Муся; а Василій Каширинъ „весь состоялъ изъ одного сплошнаго, невыносимаго ужаса смерти и такого же отчаяннаго желанія сдержать этотъ ужасъ. Онъ задыхался отъ учащеннаго біенія сердца; на лбу все время капельками выступалъ потъ, также потны и холодны были руки, и липла къ тѣлу холодная, потная рубаха. Вокругъ себя онъ ничего не видѣлъ, голоса приносились, какъ изъ тумана. И такъ явственно выступала въ немъ смерть, что судьи избѣгали смотрѣть на него (11 гл.)“. Одна Таня Ковальчукъ оставалась на судѣ живымъ человѣкомъ: святая любовь ко всѣмъ людямъ, какъ-то чудомъ уцѣлѣвшая въ этой дѣвушкѣ, давала ей одной силу забывать ужасъ личной смерти. „Она казалась матерью всѣмъ этимъ людямъ: такъ заботливы, такъ безконечно любовны были ея взгляды, улыбка, страхи... На судѣ она не обращала никакого вниманія и только слушала, какъ отвѣчаютъ другіе. О томъ, что ее также судятъ и также повѣсятъ, она не думала совсѣмъ (11' гл.)“. Но что давало Танѣ превозмочь ужасы смерти и до висѣлицы остаться человѣкомъ, это именно сохраненная ею въ сердцѣ абсолютная основа жизни—любовь, даже и оторванная уже отъ своего корня, религіозной вѣры.

Янсонъ и Цыганокъ тѣмъ болѣе не могли выдержать испытанія смертію и, какъ животныя на бойнѣ, съ самаго суда надъ ними вполнѣ оказались во власти охватившаго ихъ животно-физиологическаго трепета и страха смертнаго (гл. III и IV).

Время послѣ судебнаго приговора до наступленія момента казни было для несчастныхъ сплошнымъ кошмаромъ, постепеннымъ и постоянно-усиливающимся нарастаніемъ невыразимо страшной въ своемъ роковомъ ужасѣ муки смертной. Намъ думается, что едва ли кому-нибудь до Л. Андреева удавалось съ такой реальностію и глубиной изобразить это состояніе внутренней боли, терзаній, отчаянія, безсильнаго возмущенія и, слѣдомъ, подавленности, замиранія всего существа человѣческаго предъ наступающей на него насильственно смертію. Чтобы дать понятіе о силѣ художественной изобразительности автора, слѣдовало бы буквально повторить здѣсь весь рассказъ. Страницы, содержащія описаніе послѣдняго свиданія Головина и Каширина съ родными; главы, описывающія душевныя пытки несчастныхъ, осужденныхъ еще на одиночество предъ казнію и остающихся наединѣ со своими мрачными, безвыходными терзаніями и обрывками мыслей,—все это невольно приводитъ читателя въ нервное содроганіе, смущаетъ, трогаетъ до слезъ, если не до сумашествія... И приходитъ сама собою мысль: каково же было, слѣдовательно, самимъ осужденнымъ пережить такіе нечеловѣческіе ужасы единственно съ тѣмъ, чтобы въ концѣ быть вздернутыми на висѣлицу? Ужасъ, ужасъ и ужасъ!

Но замѣчательна здѣсь художественная чуткость автора къ правдѣ: онъ даетъ нравственныя силы возвыситься и надъ этимъ всеобѣждающимъ смертнымъ ужасомъ, испытывать внутреннее превосходство и независимость отъ него только двумъ изъ осужденныхъ и притомъ—съ человѣческой точки зрѣнія—слабѣйшимъ. Это—опять та же Таня Ковальчукъ и еще другая дѣвушка, Муся, у которой также въ роковыя минуты проясняется въ измученномъ сознаніи идея любви, сво-

бодной жертвы, святого подвига, т. е. своего рода вѣчная, абсолютная жизненная основа, которая, очевидно, и раньше жила въ скрытомъ видѣ въ душѣ дѣвушки. При ощущеніи въ себѣ этой идеи, „несказанная радость охватываетъ Мусю. Нѣтъ ни сомнѣній, ни колебаній, она вступаетъ въ ряды тѣхъ, что извѣка чрезъ костеръ, пытки и казни идутъ къ высокому небу... Точно отошла она уже отъ земли и приблизилась къ невѣдомому солнцу правды и жизни... И это—смерть? Какая же это смерть?—думаетъ Муся блаженно (VII гл.)“. Не то происходитъ съ Вернеромъ, который думаетъ и пытается все время побѣдить всепобѣждающую смерть единственно силой своей желѣзной воли и когда-то ясной, могучей мысли. Это удастся ему лишь наружно, предъ товарищами, но для себя, внутренно онъ остается побѣжденнымъ и отправляется на висѣлицу, видимо, только съ показнымъ спокойствіемъ. Прокуетъ и Каширинъ, болѣе всѣхъ малодушный и жалкій предъ лицомъ смерти, найти въ чемъ-нибудь точку опоры при своемъ отчаяніи: хватается онъ за прежнюю дѣтскую вѣру, давно имъ отвергнутую, словно чувствуя, что тутъ истинное спасеніе. Но для него лично это оказывается поздно и бесполезно,—въ омертвѣлой душѣ и безрелигиозномъ сердцѣ не вспыхнула желанная вѣра. „Теперь, когда ужасъ неразрѣшимой, воочию представшей тайны съ головой покрылъ его,—онъ захотѣлъ молиться... но стыдно стало предъ солдатомъ и, сложивъ руки, онъ тихо шепталъ. Всѣхъ скорбящихъ радость! приди ко мнѣ, поддержи Ваську Каширина... Но было пусто въ душѣ и вокругъ... И стало еще страшнѣе, чѣмъ до молитвы. Исчезло все. Безуміе тяжело напоздало (гл. IX)“...

Заключительныя страницы разсказа, описывающія предсмертную встрѣчу другъ съ другомъ осужденныхъ, поѣздку къ мѣсту казни и самый конецъ произведенія,—довершаютъ эту безнадежно мрачную, полную отчаянія, адски жестокою трагедію человѣческой жизни. И страшно становится на душѣ читателя за общество, за людей и вообще за человѣка,

который безъ высшихъ, вѣчныхъ идеаловъ—вѣры и любви—такъ жалокъ, такъ безвыходно несчастенъ при встрѣчѣ со смертію.

IV.

Таковъ „Разсказъ о семи повѣшенныхъ“; какой же выводъ изъ него съ нашей точки зрѣнія? Мы видѣли — всѣ семь несчастныхъ одинаково не выдержали испытанія смертію, чувствовали себя побѣжденными и умерли духовно еще до наступленія физической смерти. Смерть побѣдила. Не ободрили, не дали нравственной опоры и вдохновенія при встрѣчѣ со смертію несчастнымъ террористамъ ихъ идейныя социаль-революціонныя теоріи и убѣжденія, которыя въ обычныхъ условіяхъ казались имъ столь возвышенными, непогрѣшимыми и вдохновляли на самыя рѣшительныя поступки—въ родѣ покушенія, принесшаго имъ настоящую гибель. Предъ лицомъ смерти вся ихъ пламенная политическая вѣра и все ихъ дѣло представились лично для нихъ совершенно ненужными, бесполезными, ничтожными, покинули ихъ, вылетѣли изъ сознанія, подавленнаго всецѣло однимъ мрачнымъ отчаяніемъ въ предчувствіи неизбѣжнаго полнаго уничтоженія. И это произошло потому, что всѣ идейныя основы жизни несчастныхъ осужденныхъ не выходили изъ границъ и интересовъ только здѣшняго земного существованія, и когда носители ихъ оказались на этой границѣ,—онѣ далѣе, за нею, утрачивали уже, естественно, всякій смыслъ и цѣну, были ни къ чему: ни съ чѣмъ и въ ничто должны были вступать несчастные, подставляя свои шеи подъ петлю. Здѣсь предъ лицомъ смерти, — именно въ невыразимо мрачномъ, полномъ ужаса, безпомощности и отчаянія состояніи равно всѣхъ осужденныхъ,—обнаружилась та неоспоримая истина, что вообще одна сама по себѣ земная жизнь человѣка вмѣстѣ съ ея узко-земными принципами, какъ бы они ни казались возвышенны и вѣрны, не можетъ быть разумно оправдана и не имѣетъ смысла, если каждый человѣкъ роковымъ

образомъ осужденъ на полное уничтоженіе въ актѣ смерти. Между разумною жизнію и смертью, какъ совершеннымъ исчезновеніемъ, превращеніемъ въ ничто, не можетъ быть никакого компромисса и примиренія: или разумная жизнь, или смерть—что нибудь должно остаться одно. Пока мы видимъ въ смерти ужасную бездну небытія, самая свѣтлая счастливая жизнь съ такимъ неизбѣжнымъ для каждаго концомъ будетъ непременно представляться намъ чьей-то жесточайшей шуткой, лишенной всякаго смысла, и мы будемъ „окаяннѣйшіе, въ собственныхъ глазахъ, человѣки“. Одно только живое и ясное представленіе такого полного и рокового прекращенія нашей жизни, должно приводить насъ въ состояніе безумнаго ужаса и невольной подавленности, состояніе, близкое къ пережитому осужденными и испытанному авторомъ „Разказа“, по его собственному признанію, при творческой работѣ. Вотъ именно въ этомъ, яркомъ и художественномъ освѣщеніи вѣчной общечеловѣческой проблемы жизни и смерти, какое даетъ авторъ въ своемъ „Разказѣ“, заключается, по нашему мнѣнію, цѣнность его произведенія.

Мы уже видѣли, возможенъ ли и въ чемъ—выходъ изъ того ужаса и мрака, въ какой повергаетъ человѣка отсутствіе вѣры въ жизнь послѣ смерти. Этотъ выходъ есть, есть въ человѣкѣ сила побѣдить смерть, пережить ее, и она—въ вѣчныхъ абсолютныхъ основахъ жизни, которая даетъ религія. Сверхъ побѣды надъ смертію и вмѣстѣ съ этимъ тѣ же основы даютъ оправданіе жизни, придаютъ ей вѣчную божественную цѣнность.

Такъ мысли, невольно пробуждаемая разказомъ, о бессмысленности предъ лицомъ смерти жизни безъ вѣры въ вѣчность настойчиво заставляютъ признать необходимость этой вѣры: факты дѣйствительнаго торжества при ея помощи надъ ужасами смерти оправдываютъ ее, эту вѣру.

Свящ. *Аванасій Вселмикій.*

Мои воспоминанія.

(Продолженіе ¹⁾).

Училищный персоналъ, во время моего обученія, въ Муромскомъ училищѣ, былъ слѣдующій.

Пять лѣтъ я учился въ Муромскомъ училищѣ, и въ эти пять лѣтъ перемѣнилось три смотрителя. Первымъ смотрителемъ, въ годъ моего поступленія въ училище, былъ игумень Муромскаго Благовѣщенскаго монастыря Варлаамъ, поступившій въ монашество изъ вдовыхъ священникомъ (священникомъ онъ былъ въ селѣ Домнинѣ Меленковскаго уѣзда). Онъ не былъ преподавателемъ, и въ училищѣ являлся рѣдко, только на экзамены. Я помню только, когда меня отецъ приводилъ къ нему, желая опредѣлить меня во второй классъ училища. Къ намъ вышелъ благообразный старикъ, и очень ласково переговорилъ съ моимъ отцомъ, а меня освободилъ отъ всякаго экзамена, сказавъ отцу, что я буду принять во второй классъ. Не долго при мнѣ онъ былъ смотрителемъ. Его скоро перевели въ Юрьевскій Архангельскій монастырь, съ производствомъ въ архимандрита. И когда онъ уѣзжалъ изъ Мурома, уже произведенный въ архимандрита, граждане муромскіе, никогда прежде не выдавшіе священнослужителей въ митрѣ, въ большомъ множествѣ устремились въ соборную церковь, гдѣ онъ, по приглашенію причта и соборнаго старосты, совершалъ литургію, и многихъ сюда увлекло желаніе посмотреть на митру. Въ тѣ годы митра была большою рѣдкостію: настоятели монастырей только болѣе важныхъ были въ санѣ архимандрита, а большею частію настоятели носили санъ игумена, или назывались строителями, нося санъ іеромонаха. Правда, въ Муромѣ въ Спасскомъ монастырѣ настоятелемъ былъ архимандритъ Іеронимъ; магистръ 1 курса С.-Петербургской академіи, изъ ректоровъ семинаріи.

¹⁾ См. № 20-й за 1909-й г.

Но онъ жилъ не въ Муромѣ, а во Владимірѣ, гдѣ былъ членомъ консисторіи, и въ Муромѣ являлся только тогда, когда сюда пріѣзжалъ архіерей при объѣздѣ епархіи; Иеронимъ при этомъ всегда былъ его спутникомъ.

Варлаама смѣнилъ Нифонтъ (Успенскій) изъ студентовъ семинаріи. До опредѣленія его въ смотрителя и игумена Благовѣщенскаго монастыря онъ былъ учителемъ греческаго языка въ высшемъ отдѣленіи училища, и жилъ въ Благовѣщенскомъ монастырѣ, какъ простой іеромонахъ, и въ училище, которое было не близко отъ монастыря, ходилъ обыкновенно пѣшкомъ, даже и въ грязную пору. Извозчиковъ тогда не было въ Муромѣ, а монастырскими лошадьми онъ не могъ распоряжаться. Когда сдѣлался онъ смотрителемъ, онъ оставилъ учительскую должность, находя для себя затруднительнымъ совмѣщеніе этой должности съ должностію смотрителя училища и настоятеля монастыря. Онъ былъ кривой и не такой благообразный, какъ его предшественникъ Варлаамъ, но какъ смотритель, онъ былъ гораздо дѣятельнѣе его. Онъ часто являлся и слѣдилъ за ходомъ училищной жизни. Отъ этого учителя внимательнѣе относились къ своимъ обязанностямъ. Онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы классные цензора изъ учениковъ записывали въ журналъ, когда учитель приходилъ въ классъ и уходилъ изъ класса. Цензора стѣснялись исполненіемъ этого распоряженія, боясь навлечь на себя непріятности, въ случаѣ записи несвоевременнаго прихода въ классъ учителя, и запись о времени прибытія въ классъ наставника и выходѣ изъ класса обратилась въ простую формальность. Но все-таки она не оставалась безъ всякаго значенія: зная о ней, учителя опасались быть не аккуратными въ исполненіи своихъ классныхъ обязанностей. Смотритель Нифонтъ зналъ всѣхъ учениковъ, которыхъ было до четырехъ сотъ и внимательно слѣдилъ за ихъ успѣхами и поведеніемъ. Онъ даже посѣщалъ иногда квартиры учениковъ, чтобы посмотреть, какъ они живутъ, и удобна ли ихъ квартира, чего не дѣлали другіе смотри-

тели, прадоставляя это инспектору. Сложивъ съ себя должность учителя, по опредѣленіи его смотрителемъ училища, онъ не оставлялъ совершенно учительскихъ занятій, и частнымъ образомъ приглашалъ къ себѣ иногда учениковъ, по чему-либо обратившихъ на себя его вниманіе, чтобы помогать имъ въ приготовленіи ими уроковъ. Такъ я съ нѣсколькими товарищами для этой цѣли приглашаемъ былъ къ нему въ его настоятельскіе покои, и онъ показывалъ намъ по географической картѣ расположеніе рѣкъ, озеръ, морей и границъ разныхъ государствъ, и послѣ такихъ учительскихъ указаній онъ еще предлагалъ намъ чай.

Недолго, немного болѣе двухъ лѣтъ, смотрительство валь въ Муромскомъ училищѣ игумень Нифонтъ. Онъ переведенъ былъ изъ Мурома въ Переславль Залѣсскій, съ назначеніемъ смотрителемъ тамошняго духовнаго училища и настоятелемъ переславскаго Никитскаго монастыря, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита. Живя въ Переславлѣ, архимандритъ Нифонтъ имѣлъ сношеніе и знакомство съ профессорами Московской духовной академіи (Переславль Залѣсскій отстоитъ отъ Сергіева Посада въ шестидесяти верстахъ), и нѣкоторые изъ монашествующихъ, служившихъ въ академіи, пріѣзжали къ нему и гостили у него въ вакаціальное время, и онъ съ любовью принималъ ихъ и радъ былъ ихъ посѣщенію. Такъ въ его монастырѣ пожелалъ имѣть пріютъ извѣстный архимандритъ Ѳеодоръ (Бухаревъ), когда по обстоятельствамъ долженъ былъ оставить духовно-учебную службу. Нифонтъ относился къ нему съ полнымъ уваженіемъ, не смотря на то, что Ѳеодоръ былъ въ то время человѣкомъ опальнымъ, и ухаживалъ за нимъ, какъ за близкимъ родственникомъ, стараясь всячески облегчить его тяжелое положеніе. Живя въ Никитскомъ монастырѣ, подъ начальствомъ настоятеля, ни въ чемъ его не стѣснявшаго, онъ свелъ знакомство съ дочерью переславскаго уѣзднаго предводителя дворянства, на которой потомъ, снявши санъ, и женился. И когда послѣ того многіе измѣнили свое отношеніе къ Бухареву, добровольно снявшему санъ, Ни-

фонть остался къ нему съ тѣмъ же расположеніемъ и уваженіемъ, какое питалъ прежде.

Я три раза видѣлъ Нифонта, состоя на службѣ въ Киевской академіи, когда прїѣзжалъ въ вакаціальное время на родину, два раза въ Переяславль, и одинъ разъ въ Муромѣ въ 1877 году, гдѣ въ то время онъ былъ настоятелемъ Муромскаго Спасскаго монастыря. Каждый разъ онъ принималъ своего бывшего ученика съ распростертыми объятіями и видимо старался сдѣлать какъ можно болѣе пріятнымъ мое пребываніе въ гостяхъ у него, о чемъ я до сихъ поръ съ благодарностію воспоминаю, чтя въ немъ своего бывшего наставника.

Третьимъ смотрителемъ былъ Сергѣй Андреевичъ Красовскій, кандидатъ Московской академіи, назначенный смотрителемъ скоро по окончаніи курса въ академіи. Молодой, небольшого роста, выглядывавшій почти юношею, онъ въ первый разъ явился въ классъ къ ученикамъ высшаго отдѣленія, въ сопровожденіи инспектора и учителей, которые почти всѣ были люди пожилые и носили санъ священника, и намъ, мальчикамъ, бросилось въ глаза не обычное для насъ явленіе, какъ это во главѣ сановитыхъ и пожилыхъ людей становится чуть не мальчикъ, и они всѣ должны чтить въ немъ своего начальника. Не дошедши до середины класса, и оставивши учителей позади себя, чуть не у двери, онъ обратился къ намъ съ рѣчью, которую замѣтно произносилъ не смѣло. Но мы, ученики, мало что восприняли изъ его рѣчи; она скорѣе имѣла значеніе для учителей, и къ нимъ первѣе всего была направлена. Намъ казалось, что своею рѣчью, очевидно напередъ заготовленною, новый молодой смотритель хотѣлъ зарекомендовать себя предъ учителями.

Предшественники С. А. Красовскаго жили вдали отъ училища, въ Благовѣщенскомъ монастырѣ, въ которомъ они были настоятелями. А Сергѣй Андреевичъ помѣстился при училищѣ во флигелѣ, въ которомъ, кромѣ его квартиры, отведена была одна комната для перваго класса. Училище чрезъ

это было постоянно предъ его глазами. Но намъ ученикамъ мало была замѣтна его дѣятельность; да, кажется, онъ и мало проявлялъ эту дѣятельность, предоставляя училищной машинѣ работать по прежнему заведенному порядку. Въ похвалу ему нужно сказать, что онъ былъ человѣкъ очень добрый и гуманно относился къ ученикамъ. Я не помню, чтобы онъ кого нибудь изъ учениковъ подвергалъ какому-либо наказанію, и розга, какъ орудіе наказанія, была для него ненавистна, и къ ней, въ годъ моего пребыванія въ училищѣ, сколько помнится, онъ никогда не прибѣгалъ.

Одна была у него слабость, которая замѣчается среди насъ и у многихъ умныхъ людей. Онъ не обладалъ добродѣтелию трезвости и любилъ выпивать, чѣмъ ронялъ свое достоинство въ глазахъ учителей. Эта слабость была повидимому причиною скорого разстройства его здоровья, и онъ скоро скончался, пробывъ на должности не болѣе четырехъ лѣтъ.

Инспекторомъ во все время моего пребыванія въ Муромскомъ училищѣ безсмѣнно былъ одинъ, — Иванъ Ѳедотычъ Грандицкій, бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ священникомъ Рождественской церкви, стоящей на базарной площади Мурома. Занимая долгое время должность инспектора, онъ былъ учителемъ латинскаго языка въ высшемъ отдѣленіи училища. Величавый и суровый по виду, онъ былъ грозенъ для учениковъ, въ особенности для учениковъ низшихъ классовъ, гдѣ онъ не давалъ уроковъ. Къ нимъ онъ являлся для расправы съ шалунами, и говорилъ при этомъ сердитымъ тономъ, и если кто въ училищѣ, то это именно онъ угрожалъ ученикамъ розгою, и подвергалъ упорныхъ шалуновъ этому унижительному наказанію. Но я не могу назвать его жестокимъ. Онъ не часто обращался къ этой суровой мѣрѣ вразумленія. Когда ученики низшихъ классовъ, трепетавшіе предъ инспекторомъ, переходили въ высшее отдѣленіе и дѣлались его учениками, смягчалась и уменьшалась ихъ боязнь предъ нимъ. Послѣ нѣсколькихъ первыхъ уроковъ, они уже видѣли въ немъ не грознаго инспектора, а рядоваго преподавателя, похожаго на дру-

гихъ, даже мягкаго и добраго. Дѣло свое учительское онъ вель хорошо, и по отношенію къ ученикамъ не былъ особенно взыскателенъ. За незнаніе уроковъ онъ никогда не наказывалъ учениковъ розгою; лѣнтяевъ онъ только заставлялъ стоять на колѣняхъ. Еще до времени моего поступленія въ училище, въ немъ утвердился обычай подношенія ему ко дню именинъ не большаго подарка отъ учениковъ, и этотъ обычай отъ одного поколѣнія переходилъ къ другому. Имянины Ивана Федотыча были 15 января, и къ этому дню ученики высшаго отдѣленія дѣлали не большую складчину, и покупали и подносили имениннику или гуся или большой муромскій калачъ, который замѣнялъ кондиторскій тортъ. Этотъ обычай извѣстенъ былъ не только смотрителю, но и высшему начальству, и ни съ чьей стороны не принималось мѣръ къ уничтоженію этого обычая: смотрѣли на это подношеніе инспектору и учителю, какъ на выраженіе ихъ добрыхъ чувствъ по отношенію къ нему.

Другимъ учителемъ въ высшемъ отдѣленіи училища или въ четвертомъ классѣ былъ Василій Николаевичъ Спекторскій, преподававшій греческій языкъ, священникъ Козмодемьянской церкви. Онъ первоначально былъ учителемъ въ низшемъ отдѣленіи, гдѣ и я учился у него нѣкоторое время; въ четвертый классъ онъ перешелъ или переведенъ, когда Нифонтъ, сдѣлавшись смотрителемъ, оставилъ учительскую должность. Это былъ человѣкъ очень добрый, нстребовательный, снисходительный до слабости. Наказаніямъ почти никогда не подвергалъ учениковъ, даже самымъ мягкимъ. Ученики злоупотребляли его добротою, и мало заботились объ исправномъ приготовленіи уроковъ по его предмету. Отъ того успѣхи въ знаніи греческаго языка у насъ въ Муромскомъ училищѣ были гораздо слабѣе, чѣмъ успѣхи по латинскому языку. Во время его уроковъ иногда проявлялись непозволительныя шалости, которыя, благодаря снисходительности учителя, безнаказанно сходили съ рукъ смѣльчакамъ. Въ особенности я не могу умолчать объ одной мальчишеской

выходкѣ, которую неоднократно позволялъ себѣ нашъ шаловливый товарищъ Свѣтозаровъ. Рядомъ съ четвертымъ классомъ былъ второй классъ, отдѣленный отъ него стѣною. Во второмъ классѣ по субботамъ былъ только одинъ урокъ, и въ десять часовъ утра ученики распускались, и классъ оставался свободнымъ. А въ четвертомъ классѣ уроки продолжались до двѣнадцати часовъ. И вотъ въ эти часы, когда во второмъ классѣ никого не было, забирался туда нашъ шаловливый товарищъ, и когда учитель спрашивалъ кого-нибудь или что либо объяснялъ, чрезъ малое отверстіе, продѣланное въ деревянной стѣнѣ, внезапно, для потѣхи цѣлаго класса, раздавались такіе выкрики, какіе бывають въ кукольномъ театрѣ, какъ будто въ пустомъ классѣ появился театральнй Петрушка; иногда приносилъ съ собою шалунъ особаго рода свистульки, чтобы больше потѣшить своихъ товарищей. Эти выкрики и свистки были довольно часты, и не разъ повторялись въ теченіе одного урочнаго часа. И мы, ученики, каждую субботу такъ и ожидали шаловливой выходки своего товарища, которою онъ думалъ доставить удовольствіе всѣмъ намъ. Пытался было учитель поймать шалуна Петрушку, заходившаго въ пустой классъ; но ни разу не удавалось ему это. Товарищи стукомъ черезъ стѣну давали ему знать, что учитель выходилъ изъ класса, чтобы узнать или поймать его, и тотъ успѣлъ скрываться. А когда учитель возвращался въ классъ, Петрушка опять заявлялъ о своемъ существованіи и пребываніи въ пустомъ классѣ. Такъ и не узналъ учитель, кто этотъ дерзкій забавникъ; не узнали ни смотритель, ни инспекторъ, хотя до нихъ доходили слухи о чьей-то продѣлкѣ во время уроковъ Василія Николаевича. Товарищи не хотѣли выдать его. А Василій Николаевичъ такъ привыкъ къ этой продѣлкѣ, что, повидимому, не особенно сердился, когда въ сосѣднемъ пустомъ классѣ являлся Петрушка, желавшій своими выкриками развеселить своихъ товарищей, можетъ быть скучавшихъ за уроками.

Въ третьемъ классѣ было два параллельныхъ отдѣленія, — первое и второе. Я учился въ первомъ отдѣленіи. Учителями у насъ были по латинскому языку Матвѣй Ивановичъ Шеметовъ, священникъ женскаго Троицкаго монастыря, послѣ моего выбытія изъ училища опредѣленный протоіереемъ Меленковскаго собора, а по греческому языку сначала Василій Николаевичъ Спекторскій, а потомъ Иванъ Гавриловичъ Покровскій, перешедшій скоро изъ Муромскаго училища въ Переславское, свѣтскій изъ студентовъ семинаріи. Матвѣй Ивановичъ былъ умѣлый преподаватель, дававшій хорошую заправку ученикамъ. Онъ благодушно обращался съ учениками, въ особенности любилъ ласкать тѣхъ, кто у него хорошо учился. Сердитымъ мы его почти никогда не видали. Нерѣдко онъ назначалъ латинскія задачи, съ предложеніемъ желающимъ спорить о мѣстѣ съ тѣмъ или другимъ изъ своихъ товарищей; что тѣ заявляли на тетради записью: *certo de loco sum NN*. И если соперничество оказывалось удачнымъ, спорившій о мѣстѣ пересаживался на мѣсто побѣжденнаго товарища.

Иванъ Гавриловичъ Покровскій, на короткое время явившійся въ Муромское духовное училище, представлялъ изъ себя безцвѣтную личность, вялую и апатичную. Онъ не влагалъ души въ свое дѣло, и учительскія обязанности исполнялъ какъ бы не хотя, хотя въ классѣ ходилъ исправно. Ни въ какія разглагольствія онъ не пускался въ классѣ. Онъ былъ скупъ на слова, и рѣчь его была всегда медленная; говорилъ онъ тихимъ, ровнымъ голосомъ; держа свой голосъ на одной нотѣ, онъ никогда не возвышалъ его, даже тогда, когда, повидимому онъ долженъ былъ быть въ возбужденномъ состояніи. Тихимъ, безстрастнымъ голосомъ говорилъ онъ ученику, когда хотѣлъ наказать его: „Поди, лозой тебя!“ такую фразу онъ произносилъ такъ же, какъ другую: „дай мнѣ книгу“ или „покажи мнѣ тетрадь“. Случалось, и не разъ, что ученикъ, заслужившій наказаніе, не захочетъ подчиниться приказу наставника идти подъ розгу или на ко-

лѣни, въ выраженіи котораго не видно было и тѣни сильной воли или властнаго тона, и наставникъ не настаивалъ на исполненіи своего приказа. Постоять за партою ученикъ, которому угрожало наказаніе, а потомъ и сядетъ, и наставникъ не обратитъ на это вниманія и какъ будто забудетъ о томъ, что онъ хотѣлъ наказать того или другого ученика. Авторитетъ наставника, который дѣлалъ распоряженія и отдавалъ приказанія и потомъ не настаивалъ на ихъ исполненіи, не могъ стоять высоко у учениковъ, и они по его предмету занимались хуже, чѣмъ по предмету другого его сослуживца Матвѣя Ивановича Шеметова. Латинскій языкъ и здѣсь изучали лучше, чѣмъ греческій.

Во второмъ отдѣленіи третьяго класса учителями были по латинскому языку Гавріиль Васильевичъ Ястребовъ, а по греческому сначала Иванъ Гавриловичъ Бѣляевъ, кандидатъ С.-Петербургской академіи, скоро переведенный во Владимірскую семинарію преподавателемъ математики, и долгое время бывшій въ немъ экономомъ, а послѣ него Иванъ Михайловичъ Тихомировъ, потомъ поступившій въ Московскую академію, принявшій монашество съ именемъ Саввы и скончавшійся въ санѣ архіепископа тверскаго. Я не учился у нихъ, и потому ничего не могу сказать о нихъ, какъ учителейхъ. Скажу только, что когда ученики обоихъ отдѣленій сходились вмѣстѣ, по переводѣ ихъ въ четвертый классъ, ученики перваго отдѣленія оказывались лучше подготовленными, чѣмъ ученики втораго отдѣленія, а въ разрядномъ спискѣ они въ большинствѣ занимали высшія мѣста.

Но личный характеръ ихъ довольно ярко отражается въ моихъ воспоминаніяхъ, и нѣсколько словъ сообщить о нихъ я считаю не излишнимъ.

Гавріиль Васильевичъ Ястребовъ былъ человѣкъ живой, энергическій, даже суетливый, совершенная противоположность Ивану Гавриловичу Покровскому. Любимымъ предметомъ его было нотное пѣніе, и при всякомъ удобномъ случаѣ онъ увлекался имъ. Для нотнаго пѣнія въ третьемъ

классѣ назначались послѣобѣденные часы въ пятницу, и тутъ во всю ширь распускалась его любовь къ пѣнію. Увлекаясь самъ, онъ увлекалъ и учениковъ къ громогласному исполненію всѣмъ классомъ разныхъ церковныхъ пѣснопѣній. Двухъ часовъ мало было для него, чтобы распѣть все, что ему хотѣлось, и онъ часто послѣ звонка задерживалъ учениковъ, чтобы они вдоволь напѣлись, къ его удовольствію. Въ послѣ-пасхальныя недѣли послѣ звонка, онъ пѣлъ съ учениками весь пасхальный канонъ и всѣ пасхальныя пѣснопѣнія, и ученики не тяготились этими задержками ихъ, иногда на цѣлый часъ; пѣніемъ стихиръ разныхъ сверхъ урочнаго времени, они доставляли удовольствіе учителю, но вмѣстѣ съ тѣмъ и себѣ. Еще вотъ примѣръ изъ его пристрастія къ пѣнію. Жилъ онъ во флигелѣ при училищѣ, пока не поселился здѣсь смотритель. Когда въ маѣ мѣсяцѣ депутація учениковъ, ходившая къ смотрителю просить рекреаціи, возвращалась съ извѣстіемъ, что рекреація дана, онъ выходилъ къ ученикамъ, и говорилъ имъ: „Ну, теперь пойте мнѣ“. Затѣмъ становился онъ впереди учениковъ, и они, радостные, что дана рекреація, всею массою во все горло пѣли: *Reocrendissime domine magister, recreationem humillime rogamus*“. А онъ запѣвалъ и рукою махалъ, какъ регентъ. И это пѣніе, по его заказу, повторялось нѣсколько разъ. Но на этомъ онъ не успокоивался. Когда довольно пропѣли ему, онъ говорилъ: пойте теперь моей женѣ. И ей нѣсколько разъ пѣли: *Reocrendissima domina magistra, recreationem humillime rogamus*.

Оставивъ училищную службу, Гавріиль Васильевичъ Ястребовъ поступилъ во священники и былъ настоятелемъ Вознесенской церкви города Муромъ. Онъ очень любимъ былъ прихожанами, за его всегда дружелюбное, доброе отношеніе къ нимъ и за его всегдашнюю готовность удовлетворять всѣмъ ихъ законнымъ желаніямъ. Онъ готовъ былъ и покурить и поиграть въ карты, и не отказывалъ себѣ въ этихъ удовольствіяхъ. Но это не мѣшало ему снискать славу

пастыря образцоваго и великаго молитвенника. Его пастырскій авторитетъ много поднятъ былъ добрымъ словомъ о немъ всѣми чтимаго кронштадтскаго пастыря отца Іоанна Сергіева. Являлись къ отцу Іоанну Сергіеву муромскія купчихи, и просили его молитвъ о себѣ. „Зачѣмъ вы ко мнѣ обращаетесь (сказалъ имъ отецъ Іоаннъ Сергіевъ), когда у васъ въ Муромѣ есть свой молитвенникъ отецъ Гавріилъ“. Это слово, принесенное изъ Кронштадта въ Муромъ муромскими купчихами, быстро разнеслось по всей окрестности, и на отца Гавріила Ястребова начали смотрѣть, какъ на незауряднаго пастыря, такого же мѣстнаго, сильнаго предъ Богомъ, молитвенника, какимъ былъ для всей Россіи отецъ Іоаннъ Кронштадтскій. И когда скончался отецъ Гавріилъ въ концѣ девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія, на его погребеніе стеклись толпы народа, привыкшаго видѣть и чтить въ немъ благоговѣйнаго молитвенника предъ Богомъ.

Объ Иванѣ Гавриловичѣ Бѣляевѣ мнѣ придется говорить, когда въ своихъ воспоминаніяхъ я дойду до моего обученія въ семинаріи. Здѣсь скажу только, что И. Г. Бѣляевъ, кандидатъ Академіи, чувствовалъ себя какъ будто не на своемъ мѣстѣ на должности простого преподавателя въ училищѣ, да еще не въ старшемъ классѣ, и не смотря на то, что женился въ Муромѣ на очень красивой барышнѣ, стремился изъ Мурома на лучшее мѣсто. И это лучшее мѣсто скоро ему было предоставлено: послѣ полуторагодичнаго пребыванія въ Муромѣ онъ переведенъ былъ во Владиміръ, и здѣсь долгое время былъ преподавателемъ математики и физики, и вмѣстѣ съ тѣмъ экономомъ семинаріи, и во Владимірѣ скончался. Какъ преподаватель, онъ не выдавался изъ ряда другихъ учителей училища съ семинарскимъ образованіемъ, и не имѣлъ предъ ними никакихъ преимуществъ, и отношенія его къ своимъ товарищамъ по училищу были исполнѣ дружескія. Его кратковременное пребываніе въ училищѣ осталось совершенно безслѣдно.

Его преемникомъ по должности преподавателя греческаго языка во второмъ низшемъ отдѣленіи былъ Иванъ Михайловичъ Тихомировъ. Въ концѣ 1842 года онъ опредѣленъ былъ учителемъ въ первый классъ Муромскаго училища. Я самъ не учился у него; его учениками въ первомъ классѣ были мой покойный братъ, скончавшійся отъ холеры въ 1848 г., при переходѣ въ семинарію, и мой двоюродный братъ Павелъ Петровичъ Смирновъ, нынѣ протоіерей церкви села Клина Муромскаго уѣзда. Они, равно какъ и другіе ихъ товарищи, вмѣстѣ съ ними учившіеся у Ивана Михайловича Тихомирова, съ любовью относились къ нему, и хвалили его за то, что онъ не строго, гуманно обращался съ ними. Онъ такъ просто, по-отечески, держалъ себя съ ними, что они смѣло обращались къ нему съ разными вопросами, иногда и неумѣстными, и онъ снисходительно давалъ отвѣты на эти вопросы, хотя бы они вовсе не относились къ учебному дѣлу. Для примѣра, къ болѣе наглядному представленію простыхъ, добрыхъ отношеній между учителемъ Тихомировымъ и его учениками, я могу привести слѣдующій вопросъ. Нѣкоторые изъ учениковъ-первоклассниковъ имѣли у себя самодѣльные солнечные часы, и вотъ одинъ изъ владѣльцевъ такихъ часовъ встаетъ и говоритъ: „Иванъ Михайловичъ, у меня на часахъ уже одиннадцать часовъ; отчего звонокъ не бьетъ?“ Иванъ Михайловичъ добродушно принималъ подобныя обращенія, и отвѣчалъ на нихъ мягкой шуткою или ласкою.

Состоя учителемъ, Иванъ Михайловичъ Тихомировъ принялъ санъ священства и опредѣленъ священникомъ Муромскаго собора, женившись на дочери скончавшаго соборнаго священника Царевскаго, оставившаго послѣ себя большое семейство. Но семейная жизнь Ивана Михайловича продолжалась не долго: жена его, черезъ годъ послѣ свадьбы, скончалась. Послѣ ея смерти онъ рѣшилъ поступить въ академію, и готовился къ вступительному экзамену въ академію. Нѣкоторыя тетради, нужныя ему для экзамена, переписи-

сывали ученики старшаго класса училища. Въ 1846 году, когда я окончивъ курсъ училища и переходилъ въ семинарію, Иванъ Михайловичъ поѣхалъ въ Московскую академію, и поступилъ въ нее студентомъ принявъ монашество съ именемъ Саввы, и окончилъ курсъ со степенью магистра въ 1850 году. Дальнѣйшая судьба его извѣстна.

Во второмъ классѣ учителемъ былъ соборный священникъ Василій Степановичъ Харитоменовъ. Это былъ мой первый учитель; такъ какъ я, минуя первый классъ, прямо поступилъ во второй классъ училища. Худощавый, сухой, съ небольшою бородкою, онъ не имѣлъ внушительнаго вида; но мальчики боялись его. Относился онъ къ ученикамъ сухо, формально, и у меня немного сохранилось воспоминаній о немъ. Въ его педагогической методѣ можно отмѣтить одну добрую черту: онъ много упражнялъ насъ грамматическими и синтаксическими разборами предложеній, на урокахъ по русскому языку, и давалъ высшія мѣста въ спискѣ тѣмъ, кто исправно отвѣчалъ ему на этихъ разборахъ. А по ариѳметикѣ онъ и въ классѣ давалъ задачи для рѣшенія, и приказывалъ на дому самимъ выдумывать задачи и рѣшать ихъ, и эти самоизмышленныя задачи и рѣшенія показывать ему, если онъ спроситъ ученика какую задачу онъ рѣшилъ.

Проф. *Василій Пльницкій*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКА.

О привлеченіи взрослога населенія къ чтенію книгъ изъ школьныхъ библіотекъ.

Съ 1894 года Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ стали образовываться при церковно приходскихъ школахъ библіотеки изъ книгъ, разсмотрѣнныхъ и одобренныхъ Совѣтомъ для сихъ школъ. Постенно число школьныхъ библіотекъ увеличилось, и въ настоящее время такихъ библіотекъ организовано 15,000. При учрежденіи сихъ библіотекъ имѣлось въ виду не только удовлетворить потребность въ чтеніи учащихся въ школѣ, но и привлечь къ пользованію книгами изъ школьной библіотеки взрослое населеніе. Эти библіотеки съ теченіемъ времени пополнялись какъ за счетъ суммъ, находящихся въ распоряженіи Училищнаго Совѣта при св. Синодѣ, такъ и на средства епархіальнаго училищнаго совѣта и уѣздныхъ отдѣленій, а также и частныхъ лицъ, благодаря чему во многихъ школьныхъ библіотекахъ число книгъ весьма значительно, притомъ столь же разнообразно по своему содержанию; кромѣ отдѣла религіозно-нравственнаго содержания, въ библіотекахъ имѣются книги по исторіи, географіи, беллетристикѣ, а также книги по сельскому хозяйству, ремесламъ и естествовѣдѣнію. При такомъ составѣ библіотеки церковныхъ школъ въ настоящее время могутъ съ успѣхомъ обслуживать потребность въ здоровомъ и полезномъ чтеніи какъ учащихся въ школѣ, такъ и взрослога населенія. Въ виду этого, а также принимая во вниманіе замѣчаемое нынѣ широкое распространеніе въ народѣ книгъ и брошюръ антирелигіознаго и противоправительственнаго содержания, признавалось бы весьма желательнымъ какъ можно больше привлекать мѣстное населеніе къ пользованію книгами изъ школьныхъ библіотекъ. По симъ соображеніямъ, тобольскій епархіальный училищный совѣтъ, на основаніи циркулярнаго распоряженія Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ, отъ 17

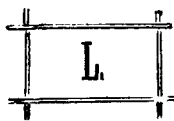
декабря 1908 года за № 79, предлагаетъ всѣмъ завѣдующимъ и учащимъ церковныхъ школъ Тобольской епархіи, при коихъ имѣются организованныя библіотеки съ достаточнымъ числомъ книгъ, озаботиться привлеченіемъ мѣстнаго населенія къ чтенію книгъ изъ школьной библіотеки, а оо. уѣзднымъ наблюдателямъ церковныхъ школъ отмѣчать о семъ въ своихъ отчетахъ. Въ цѣляхъ установленія болѣе тѣсныхъ связей населенія со школьною библіотекою и въ видахъ обезпеченія дальнѣйшаго развитія ея и пополненія, Училищный Совѣтъ рекомендуетъ завѣдующимъ школами священникамъ разъяснить населенію значеніе этого обще-образовательнаго учрежденія, а также приглашать его къ посильнымъ пожертвованіямъ на поддержаніе и развитіе его („Тобольск. еп. в.“).

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 19-го мая 1909 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 22.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1909-го года мая 31-го дня.

Содержаніе: I. Діаконы или вторые священники? Н. Пальмова.—II. Епар-
хіальная хроника. Е. Р.—III. Мои воспоминанія. (Продолженіе).
Проф. В. Пѣвницкаго.—IV. Замѣтки. а) Божья кара—б) Приход-
скія братства молодежи.

Діаконы или вторые священники?

Высказанныя нами на страницахъ „Руководства для сельскихъ пастырей“ мысли о замѣнѣ института діаконовъ по селамъ институтомъ вторыхъ или младшихъ священниковъ¹⁾ встрѣтили возраженія со стороны г. (или о?) Р. въ № 4-мъ „Ярославскихъ епархіальныхъ вѣдомостей“ и о. В. Пестрякова въ № 10 нашего журнала.

На эти возраженія мы хотѣли бы дать посильный отвѣтъ, исходя (считаемъ нужнымъ добавить) изъ болѣе высокихъ мотивовъ при отстаиваніи своего взгляда, чѣмъ тѣ, которые хочетъ приписать намъ г. Р.²⁾

¹⁾ См. „Р. д. с. п.“ за 1908 г. № 49.

²⁾ Онъ начинаетъ статью свою съ заявленія: „Существованіе діаконовъ въ современномъ клирѣ рѣшительно не даетъ покоя іереямъ,—ко-

Въ предложенномъ нами „проектѣ“—два ряда мыслей: одинъ относится собственно къ вопросу о налицномъ состояніи сельскаго діаконата, другой—къ вопросу о младшихъ или вторыхъ священникахъ. Г. Р. старается разсѣять наше сомнѣніе въ полезности діаконскаго института по сельскимъ церквамъ и, подвергая критикѣ ту и другую часть нашего проекта, не видитъ пользы отъ вторыхъ или младшихъ священниковъ, которыми мы проектируемъ замѣнить нынѣшнихъ штатныхъ сельскихъ діаконъ. О. В. Пестряковъ, удѣляя немало вниманія нашимъ разсужденіямъ о вторыхъ или младшихъ священникахъ, считаетъ эти разсужденія практически неосуществимыми и такъ же, какъ и г. Р., встаетъ на защиту діаконъ. Правда, о. В. Пестряковъ усваиваетъ діаконамъ очень несложныя функціи, совсѣмъ не такія, о которыхъ, какъ увидимъ дальше, мечтаетъ г. Р., но интересно, что и г. Р. и о. В. Пестряковъ сходятся въ признаніи положительной необходимости діаконъ по сельскимъ церквамъ.

Познакомимся же ближе съ разсужденіями нашихъ критиковъ.

Если діаконъ въ городской церкви способствуетъ торжественности службы (какъ мы говорили), то „въ сельскихъ, хотя и бѣдныхъ храмахъ развѣ не нужна торжественность богослуженія?“ спрашиваетъ въ недоумѣніи г. Р. И отвѣчаетъ:

.....
 нечно, далеко не всѣмъ. Даже нѣкоторые свѣтскіе люди высказываются въ печати противъ института діаконъ.—Большая укоризна по адресу нѣкоторыхъ „свѣтскихъ людей“ чувствуется въ этомъ *даже!* И, разобравъ, затѣмъ, наши мысли по вопросу о діаконѣхъ, г. Р. заканчиваетъ свою статью патетическимъ восклицаніемъ: „Нѣтъ, господа, не угодимся древнимъ озлобленнымъ евреямъ,—перестанемъ побивать діаконъ камнями!“—Въ успокоеніе г. Р. заявляемъ, что лично мы принадлежимъ къ изряднымъ почитателямъ голосистыхъ оо. діаконъ, но, во-1-хъ, одноличныя симпатіи, а другое—интересы дѣла, и во-2-хъ, „проектъ“ вторыхъ или младшихъ священниковъ клонится именно къ возвеличенію діаконъ, достойнѣйшіе изъ коихъ, при осуществленіи проекта, естественно явятся первыми кандидатами на мѣста вторыхъ священниковъ, а совсѣмъ не имѣтъ цѣли побить діаконъ камнями, какъ неправильно думаетъ г. Р!..

„Да здѣсь-то именно и нужна она: нашъ бѣдный крестьянинъ, живущій въ убогой хатѣ, пусть хоть въ церкви-то насладится торжественностью богослуженія и церковной обстановки; все это неотразимо подѣйствуетъ на его простое, вѣрующее сердце“. Конечно, все это—такъ. Но можно ли говорить о какой-то особенной внѣшней торжественности молитвенныхъ собраний въ сельскихъ храмахъ и требовать отъ сельскихъ церквей такой же пышности обрядовъ, какая наблюдается въ городскихъ храмахъ, и какую, очевидно, г. Р. хотѣлъ бы перенести цѣликомъ въ храмы сельскіе? Вѣдь все внѣшнее, вся эта благолѣпная пышность, требуетъ денежныхъ средствъ. Гдѣ же вы возьмете ихъ, когда богомольцы приходятъ къ вамъ только изъ „убогихъ хатъ“? Напрасно г. Р. упрекаетъ насъ за „удивительно пренебрежительный взглядъ на сельскіе храмы и на молящихся въ нихъ, простыхъ бѣдныхъ людей“. О религіозныхъ нуждахъ бѣдныхъ простыхъ людей, о способахъ лучшаго удовлетворенія этихъ нуждъ, мы думали, вѣроятно, не меньше самого г. Р., и въ данномъ случаѣ, когда рѣчь идетъ о благолѣпности сельскаго богослуженія, мы не такъ ставимъ дѣло, какъ намѣчена его постановка у г. Р. Мы говоримъ: если въ распоряженіи сельскихъ храмовъ нѣтъ болѣе или менѣе значительныхъ денежныхъ средствъ, то имъ нечего особенно тяготѣть къ внѣшней помпѣ: къ богатымъ ризамъ, къ большимъ колоколамъ, къ громогласнымъ діаконамъ. Все это—внѣшнее и ничуть не главное. Главное—та религіозно-молитвенная настроенность священника—совершителя богослуженія, то благоговѣйное отношеніе къ своимъ обязанностямъ у чтеца и пѣвца, стоящихъ на клиросѣ, то, наконецъ, сладостное умиленіе, которое испытываютъ пришедшіе въ храмъ на молитву обремененные житейскими скорбями и лишениями „простые люди“. Разумѣется, молитвенный даръ нуждается иной разъ въ возгрѣваніи, и внѣшняя обстановка мѣста молитвы можетъ оказать благотворное вліяніе въ этомъ случаѣ. Но для этого надобно, чтобы въ ней явственно ощущался, такъ сказать—осязался тотъ религіозный

духъ, которымъ создана внѣшняя молитвенная обстановка. Если сердце почему-либо не ощущаетъ этого духа, то самая пышная обстановка благолѣпнѣйшаго святилища не въ силахъ вызвать въ душѣ подобающаго настроенія. Молитвенная настроенность присутствующихъ въ храмѣ составляетъ самое лучшее средство возжечь ее или усилить въ томъ, кто страдаетъ отъ отсутствія ея въ сердцѣ, или желаетъ, чтобы она поднялась въ немъ на болѣе высокую ступень. Оттого иногда великіе святители горятъ духомъ перенестись отъ окружающаго ихъ церковнаго великолѣпія въ скромную молитвенную обстановку внѣшне убогихъ, но великихъ предъ лицомъ Божиимъ, святыхъ подвижниковъ. Вотъ какъ, напр., выражаетъ свои чувства м. московскій Филаретъ въ словѣ, произнесенномъ по освященіи храма въ воспоминаніе явленія Божіей Матери преп. Сергію (этотъ храмъ былъ устроенъ надъ мощами преп. Михея въ Троице-Сергіевой лаврѣ, въ 1842 г.): „Прости мнѣ великая лавра Сергіева, мысль моя съ особеннымъ желаніемъ устремляется въ древнюю пустыню Сергіеву. Чту и въ красующихся нынѣ храмахъ твоихъ дѣла святыхъ, обиталища святыни, свидѣтелей праотческаго и современческаго благочестія; люблю чинъ твоихъ богослуженій, и нынѣ съ непосредственнымъ благословеніемъ преподобнаго Сергія совершаемыхъ; съ уваженіемъ взираю на твои столпостѣны, не поколебавшіяся и тогда, когда поколебалась было Россія; знаю, что и лавра Сергіева и пустыня Сергіева одно и то же, и тѣмъ же богата сокровищемъ, т. е. Божественною благодатію, которая обитала въ преподобномъ Сергіи, въ его пустыни, и еще обитаетъ въ немъ и въ его мощахъ, въ его лаврѣ; но при всемъ томъ желалъ бы я узрѣть пустыню, которая обрѣла и стяжала сокровище, наслѣдованное потомъ лаврою. Кто покажетъ мнѣ малый деревянный храмъ, на которомъ въ первый разъ начертано здѣсь имя Пресвятой Троицы? Вошелъ бы я въ него на всеобщное бдѣніе, когда въ немъ съ трескомъ и дымомъ горящая лучина свѣтитъ чтенію и пѣнію, но сердца молящихся го-

рять тише и яснѣе свѣщи, и пламень ихъ досязаетъ до неба, и ангелы ихъ восходятъ и нисходятъ въ пламени ихъ жертвы духовной. Отворите мнѣ дверь тѣсной келліи, чтобы я могъ вздохнуть ея воздухомъ, который трепеталъ отъ гласа молитвъ и воздыханій преподобнаго Сергія, который орошенъ дождемъ слезъ его, въ которомъ впечатлѣно столько глаголовъ духовныхъ, пророчесственныхъ, чудодѣйственныхъ. Дайте мнѣ облобызать прагъ ея сѣней, который истертъ ногами святыхъ, и черезъ который однажды переступали стопы Царицы Небесной!..“¹⁾

Итакъ, радѣющимъ о духовномъ благѣ простыхъ, бѣдныхъ поселянъ прежде, чѣмъ прибѣгать къ внѣшнимъ средствамъ привлеченія ихъ къ храму, необходимо позаботиться о созданіи въ сердцахъ ихъ той молитвенной настроенности, которая одна только, повторимъ, даетъ настоящую цѣну внѣшнему храмовому благолѣпію и одна только является условіемъ благотворнаго воздѣйствія этого послѣдняго на людскія сердца.

Но мы нѣсколько уклонились отъ прямого предмета своей рѣчи... Мы говоримъ, что при незначительности служебныхъ обязанностей сельскихъ діаконѣвъ въ настоящее время, когда ихъ роль ограничивается однимъ лишь участіемъ въ богослуженіи, — которое, какъ извѣстно, благочинно можетъ быть совершаемо и безъ діакона, — существованіе ихъ въ сельскомъ клирѣ является излишнею роскошью. Денежныя средства сельскихъ церквей не настолько велики, чтобы позволять эту роскошь. Гораздо лучше обратить причитающееся діакону жалованье и доходъ на содержаніе втораго, младшаго священника, который, намъ кажется, своимъ пастырскимъ служеніемъ принесетъ приходу больше пользы, чѣмъ самый голосистый діаконъ²⁾.

¹⁾ Слова и рѣчи Филарета и Московскаго, изд. 2. М. 1848 г., ч. 2, стр. 67.

²⁾ Въ добавленіе къ этому надо еще и то сказать, что съ хорошимъ голосомъ діаконъ не пойдетъ въ селеніе, да еще — бѣдное. Онъ по-

Разъ средства у прихода скудныя, то нельзя признать резоннымъ и тотъ доводъ въ пользу необходимости существованія сельскихъ діаконовъ, по которому діаконовъ представляется большимъ помощникомъ священнику за богослуженіемъ. Безъ діакона, указываетъ о. В. Пестряковъ, „священнику приходится говорить по 3—4 часа“; это—трудно; „ектенья же, прочитанная діакономъ, великое облегченіе для усталой груди“. Особенно, прибавляетъ о. В. Пестряковъ, священнику трудно бываетъ въ Великій постъ, когда на проскомидіи много поминовеній: „работа въ этомъ случаѣ, непосильная одному, распредѣляется такъ, что діаконовъ читаетъ записки, а священникъ вынимаетъ частицы изъ просфоръ“.—Но намъ думается, трудъ священника, какъ главнаго дѣйствующаго лица при совершеніи богослуженія, можетъ быть облегченъ и помимо діакона. Прежде всего, наше богослуженіе не состоитъ изъ однихъ только возгласовъ священно-служителей: не малая доля участія при отправленіи богослуженія выпадаетъ на сторону чтеца и пѣвца. Полагаемъ, что если чтець и пѣвецъ, достоюдолжнымъ образомъ относясь къ своимъ обязанностямъ, читаютъ положенное по уставу и безъ пропусковъ не спѣша поютъ, то священнику найдется достаточно времени отдохнуть послѣ длинныхъ возгласеній и собраться съ силами на дальнѣйшее. Для чтенія поминаній въ Великій постъ опять таки нѣтъ нужды въ діаконовъ. Читаетъ поминанія можетъ и псаломщикъ безъ ущерба для своихъ прямыхъ обязанностей: на клиросѣ за него можетъ почитать и попѣть кто-нибудь изъ наличныхъ или бывшихъ учениковъ церковно-приходской школы. Какъ свидѣтельствуемъ самъ о. В. Пестряковъ, „съ развитіемъ церковно-школьнаго дѣла, въ каждомъ приходѣ теперь можно найти удовлетворительнаго чтеца и пѣвца, способнаго замѣнить псаломщика“. *Н. Пальмовъ.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

старается найти себѣ мѣсто въ городѣ, при богатой церкви,—благо хорошіе голоса теперь становятся рѣдкостью, и ими все больше начинаютъ дорожить.

Епархіальная хроника.

Современные протесты церковных старостъ. Существующія ненормальности въ системѣ обложенія церквей на обще-епархіальныя нужды и въ порядкѣ кружечныхъ взносовъ. Неправильности въ распредѣленіи казеннаго жалованья между причтами.

Въ № 8 „Церковнаго Вѣстника“ была помѣщена интересная корреспонденція изъ Казани о выступленіи церковныхъ старостъ городскихъ церквей на защиту приходскихъ интересовъ. Дѣло началось съ того, что 30-го ноября 1908 г. собраніе старостъ по инициативѣ г. Якимова постановило: 1) прекратить взносы на нужды духовенства; 2) упорядочить сборы церковныя въ пользу благотворительныхъ обществъ; 3) избрать двухъ старостъ депутатами въ совѣтъ епархіальнаго свѣчнаго завода; 4) уполномочить Якимова разослать журналъ собранія старостамъ всей епархіи и 5) обратиться къ г. оберъ-прокурору Св. Синода съ ходатайствомъ о скорѣйшемъ ассигнованіи государственныхъ средствъ на духовныя школы и на другія епархіальныя нужды. Уполномоченный собраніемъ старостъ Якимовъ отправилъ телеграмму синодальному оберъ-прокурору (она напечатана въ „Новомъ Времени“ отъ 18 янв. с. г.), и затѣмъ напечаталъ и разослалъ какъ церковнымъ старостамъ, такъ и въ редакціи газетъ и журналовъ листокъ съ изложеніемъ состоявшагося рѣшенія. Старосты и печать съ сочувствіемъ отнеслись къ послѣднему. Въ немъ увидѣли попытку упорядочить крайне запутанное церковное хозяйство, страдающее отъ непосильныхъ поборовъ, идущихъ и отъ епархіальнаго начальства и отъ центральной власти, — поборовъ, доходящихъ по мѣстамъ до 100% доходности церквей. Насколько тяжело эти поборы ложатся на церковную кассу, видно изъ того, что большинство церквей съ трудомъ поддерживаетъ благолѣпіе храма и не въ состояніи завести какія-нибудь просвѣтительныя и благотворительныя приходскія учрежденія. Не такъ давно мысль о необходимости придти приходамъ на помощь изъ средствъ

казны была высказана въ Государственной Думѣ г. синодальнымъ оберъ-прокуроромъ, что и дало Якимову поводъ обратиться къ нему съ упомянутымъ ходатайствомъ. Если бы дѣло только этимъ и ограничилось, все было бы спокойно. Но когда старосты приняли рѣшеніе съ новаго года не платить денегъ на енархіальные учрежденія, о чемъ печатно и объявлялось, казанское енархіальное начальство на призывъ къ неплатежу взглянуло, какъ на новое выборгское воззваніе, и приняло свои мѣры. Послѣ пастырскаго собранія подѣ предсѣдательствомъ Выкопреосвященнаго Никанора, въ срединѣ января появились двѣ статьи въ мѣстныхъ органахъ печати, принадлежащія двумъ священникамъ. Въ нихъ приведены ссылки на инструкцію церковнымъ старостамъ, на относящіяся законы, а также указана несостоятельность предположенія церковныхъ старостъ о возможности по прекращеніи взносовъ завести на церковныя средства просвѣтительныя и благотворительныя учрежденія. Отвѣтныя статьи г. Якимова, повидимому, успѣха не имѣли, и онъ былъ отрѣшенъ отъ должности церковнаго старосты и привлеченъ къ уголовной отвѣтственности.

Движеніе среди казанскихъ церковныхъ старостъ не ограничилось Казанью, а имѣло попытку вовлечь старостъ и въ другихъ енархіяхъ въ тотъ же протестъ. По крайней мѣрѣ, въ Орлѣ почти буквально происходило то, что и въ Казани: старосты собирались, писали жалобы, не платили взносовъ. Подобное было во многихъ городахъ. Въ основы всѣхъ этихъ протестовъ была положена мысль, что духовно-учебныя заведенія, на содержаніе которыхъ идетъ большинство взносовъ съ церковей, должны содержаться на общегосударственныя средства, а не на церковныя. Мысль не новая. Высказывалась она и въ нѣкоторыхъ свѣтскихъ органахъ печати. Такъ въ газетѣ „Свѣтъ“ недавно была помѣщена замѣтка по вопросу о возрожденіи прихода, въ которой авторъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „освободите православный приходъ, эту первую ячейку православно-цер-

ковной жизни, дайте ему самостоятельное бытіе, собственное хозяйство, хотя бы только сравняйте въ правахъ православныхъ съ иновѣрцами. Только это нужно и ничего больше. Исполнить это было бы вовсе не трудно, если бы государственная власть рѣшилась сдѣлать, наконецъ, предстоящій ей выборъ между дѣломъ церкви и интересами бюрократіи, эту церковь себѣ подчинившей. Затрудненіе, между прочимъ, въ томъ, что сейчасъ цѣлая сѣть духовно-учебныхъ заведеній существуетъ на тѣ средства, которыя вѣдомство собираетъ путемъ совершенно произвольнаго ихъ обложенія, отнимая иногда до 93% церковнаго дохода. Довольно казнѣ принять на себя этотъ расходъ, всего въ какія-нибудь 4—5 милліоновъ рублей, чтобы церкви было можно совершенно освободить отъ поборовъ и всѣ церковные доходы и хозяйство передать приходамъ. Дѣло ставится просто, какъ выкупъ русской церкви изъ двухсотлѣтняго плѣна, и цѣна, какъ видите, ничтожно мала для такого срашнаго и святого дѣла. Пусть же православное государство торопится выкупить свою небесную плѣницу“. Оптимистическихъ вождельній автора замѣтки о „выкупѣ русской церкви изъ двухсотлѣтняго плѣна“ раздѣлять пока не приходится, но первая половина его положенія заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. Что наши духовно-учебныя заведенія существуютъ на средства, собираемыя съ церковей путемъ обложенія, это ни для кого не секретъ; и что такой порядокъ вещей, какъ воспитаніе за счетъ церковей будущихъ церковнослужителей, вполне естественный, это можетъ отвергать только тотъ, кто не признаетъ самой церкви и ея значенія въ государствѣ. Но вотъ вообще по поводу обложенія церковей, иногда произвольнаго, дѣйствительно, можно поговорить. Упомянутые „бунты“ церковныхъ старость, въ большинствѣ случаевъ, происходили именно потому, что на церкви уже слишкомъ много наложено разныхъ взносовъ. Спросите любого священника, особенно сельскаго, и каждый подтвердитъ это. Наступленіе отчетнаго времени, когда приходится отдавать благочинному требуемыя суммы, доставляетъ

много неприятныхъ минутъ какъ священнику, такъ и старостѣ. Одинъ полтавскій священникъ такъ описываетъ это время. Отчеты поглощаютъ по церкви до 200 рублей, а имѣется всего руб. 80. Какъ быть? Остается—заемъ,—финансовая операція, крайне неудобна для церкви. А тутъ еще вопіющія нужды, которыя за тяжестью налоговъ, забирающихъ всѣ средства бѣдной церкви и доводящихъ ее до долговъ, удовлетворить нечѣмъ. Въ чемъ эти нужды—извѣстно каждому. Церковныя дома въ жалкомъ состояніи. Церковь давно требуетъ ремонта. Богослужебныя книги избиты. Изъ нѣсколькихъ облаченій хорошо если одно—цѣлое. Наступаетъ Новый годъ. Выписать бы хоть одинъ духовный журналъ, но откуда отдѣлать на это нѣсколько рублей, когда и на отчеты не хватаетъ! Всякіе сборы такъ умножились и участились, что уже прискучили народу. Церковь они лишаютъ средствъ, отчуждая отъ народа копейку, которая ужъ никакъ не попадетъ на вопіющія нужды и долги церкви. Пастыря эти безконечныя сборы и воззванія обращаютъ изъ духовника и тайновершителя въ какого-то сборщика—мытаря, во вредъ внутренней приходской миссіи. А о народѣ и говорить нечего: они давно оттолкнули его отъ усердія и искренности къ храму.

Болѣе спокойно, хотя тоже неправильно, обстоитъ дѣло съ „кружками“, и, какъ въ году, такъ и въ концѣ его, приходится подумать и о нихъ. Всякому извѣстно ихъ множество. И куда только онѣ ни идутъ,—на Кавказъ, на славянъ, Палестину, Туркестанъ и мн. др. Въ дѣйствительности самыхъ кружекъ этихъ почти нигдѣ въ церквахъ не существуетъ, и гдѣ и были опыты завести полный ихъ штатъ, онѣ представляли въ церкви пустыми цѣлые годы. Поэтому приходится вмѣсто несуществующихъ кружечныхъ пожертвованій, представлять на упомянутыя мѣста взносы отъ церкви, которая бѣдствуя сама, не въ силахъ оплатить и прямые налоги концѣ года. Неправильность же кружечнаго дѣла состоитъ томъ, что, являясь для церкви только статьей расхода, в

жечные взносы показываются, по формамъ письмоводства, вопреки дѣйствительности, въ шнуровой книгѣ и годичной вѣдомости „А“ поступившими на приходъ и отосланными „переходящими“ суммами; тогда какъ въ приходѣ эти суммы въ качествѣ переходящихъ никогда не поступали и никуда не переходятъ. И труженики по добыванію и доставленію часто вовсе не знаютъ, на что употребляются эти средства, „переходящія“ и переѣзжающія отъ нашихъ церквей за моря и за океаны. Правда, отчуждаемая отъ церкви сумма „переходящихъ“ не велика, и вопросъ о порядкѣ записи ихъ—мелкій, но въ общей массѣ представленій и досадныхъ мелочей они ложатся тягостно на церковь, ея служителей и прихожанъ, вводя церковь въ долги, раздражая народъ и парализуя высшее, духовное служеніе священника, къ коему онъ призванъ.

Конечно, всѣ взносы съ церковей идутъ на доброе дѣло и сами по себѣ, по своимъ цѣлямъ, не могутъ возбуждать неудовольствія, но они тяжелы неправильностію постановки дѣла, несоразмѣрностію съ силами церковей и несоотвѣтствіемъ съ условіями храмовъ и современной жизни. Подавляющая несоразмѣрность цифры налоговъ создается неправильной разверсткой ихъ по церквамъ, причемъ всѣ церкви почему-то признаны находящимися въ одинаковыхъ матеріальныхъ условіяхъ, и для всѣхъ, отъ столичныхъ соборовъ до самыхъ убогихъ храмовъ, установлена одна мѣрка, какъ, напр., 25% взносъ. Между тѣмъ на дѣлѣ взносъ этотъ далеко не всякой церкви одинаково посиленъ. Для церковей, имѣющихъ большія пожертвованія, проценты на вклады, оброчныя статьи и т. п., взносъ этотъ совсѣмъ не ощутителенъ; а для тѣхъ, которыя существуютъ, ремонтируются и содержатся исключительно съ грошевой свѣчной выручки, являющейся единственнымъ ихъ источникомъ, взносъ этотъ убійственно тяжелъ, и, отдавая его, церковь отдаетъ почти все.

Не взято во вниманіе при разверсткѣ этого взноса еще два крупныхъ обстоятельства, усиливающихъ тягость его, — расчлененіе, измелъчаніе приходовъ и вздорожаніе свѣчей. Что было легко для иного прихода прежде, при многолюдномъ составѣ зажиточныхъ членовъ, то невозможно теперь, когда одинъ приходъ распался на 2—3 прихода, и самые прихожане измелъчали землю—главнымъ источникомъ средства; а налогъ, не взирая на это, требуется одинаковый, да еще и увеличенъ. Приходъ въ этомъ отношеніи то же, что домохозяинъ. Что было посильно прежнему домовитому хозяину, имѣвшему достаточный участокъ земли и трудовую помощь нѣсколькихъ сыновей, то недоступно послѣднимъ, разорвавшимъ хозяйство на мелкія слабыя единицы, которыя не въ состояніи оплатить своихъ податей, удовлетворить своихъ нуждъ, а тѣмъ болѣе дать средства церкви. Матеріальныя силы прихожанъ измелъчали, а налоги стали тяжелѣе; отсюда кризисъ и дефициты церквей съ одной стороны; ропотъ, протесты и упреки отъ народа съ другой.

Другимъ обстоятельствомъ, обезсиливающимъ церкви въ уплатѣ налоговъ и упущеннымъ изъ виду при разверсткѣ ихъ, является, какъ сказано, вздорожаніе покупки свѣчей при остающейся той же цѣнѣ въ продажѣ. Такъ какъ въ нашихъ церквахъ только свѣчная выручка служитъ единственнымъ вѣрнымъ источникомъ содержанія, то при прежней покупной цѣнѣ (около 18 р.) кое-что могло оставаться отъ покупки свѣчей. Теперь же не то. Покупка свѣчей забираетъ $\frac{1}{3}$ валовой доходности, а взносы въ теченіе года простирается до 75% всѣхъ поступленій. Вотъ тутъ и крайность: рассчитаться за свѣчи—не достанетъ на взносы; оплатить полностью взносы—не достанетъ на свѣчи, и приходится брать ихъ въ долгъ, подъ залогъ свѣчной книжки. Чѣмъ же покрывать остальные нужды содержанія и поддержанія церкви?

Неправильно начисленъ и душевой окладъ съ церковей. Гдѣ стройный приходъ и условія посѣщенія храма благопрі-

ятны, тамъ еще можно бы мириться. Но много ли такихъ цвѣтущихъ приходовъ? Иной приходъ расположенъ вблизи желѣзной дороги, другой разбросанъ по лѣсамъ, третій находится вблизи торговыхъ центровъ. Отсюда—одни заняты ежедневной службой на линіи, другіе не проберутся въ церковь при разливѣ и непогодѣ, иные—гдѣ базаръ, гдѣ ярмарка, тамъ и они,—это ихъ промыселъ; такъ что многіе и взрослые бывають въ своей церкви въ полгода разъ, а о дѣтяхъ и думать нечего. Что же даютъ они? А церкви накинута обязанность платить за каждую душу. Съ чего?.. Между тѣмъ этотъ душевой окладъ составляетъ крупную статью расхода. Если кто и купить иногда свѣчу въ 2 коп., то изъ нихъ нужно и приобрѣсти свѣчу, а младенцы и дѣти вообще ничего не приносятъ, платежъ же за нихъ одинаковъ со взрослыми.

Можно смѣло заявить, что существующая система подушнаго обложенія церковей можетъ привести не одну церковь къ полному краху и разоренію. Эта система, если ее не измѣнять, будетъ имѣть, а можетъ быть кое-гдѣ и имѣетъ, тотъ плачевный результатъ, что многіе сельскіе храмы останутся безъ свѣчъ и елея, безъ иконъ и облаченій, безъ вина и просфоръ, безъ сторожей и пономарей! А сколько уже и теперь такихъ церковей, старосты которыхъ, при уплатѣ оо. благочиннымъ установленныхъ взносовъ отъ церковей, изъ-за защиты послѣдняго, крайне необходимаго для церкви, рубля, вступаютъ съ этими мучениками долга въ препирательства! Сколько неприятностей и какихъ только волненій изъ-за аккуратнаго сбора церковныхъ взносовъ не испытываютъ оо. благочинные, эти часто убѣленные сѣдинами, старцы, лавируя между двухъ огней, нерѣдко испытывая на себѣ невыносимое *collisio officiorum* за чужіе, можетъ быть, и невольные промахи.

Душевой расчетъ играетъ большую роль и въ другомъ вопросѣ, очень важномъ для духовенства. Издавна у пред-

для духовенства трудомъ благодарнымъ. Тогда только явится возможность выдѣлить дѣйствительно бѣдные приходы и именно имъ назначить въ первую очередь пособіе отъ казны. Параллельно съ этимъ можно будетъ тогда болѣе правильно распредѣлить и взносы отъ церквей на общепархіальныя нужды. (Церк. В. № 8; Епарх. Вѣдомост.: Орловскія № 10, Полтавскія №№ 7, 9, 10, Ярославскія № 12). Р.

Мои воспоминанія.

(Продолженіе ¹⁾).

До сихъ поръ я говорилъ объ училищѣ вообще, какъ въ немъ стояло и велось дѣло, и какіе въ немъ были дѣятели, не касаясь своей личной жизни. Пора поговорить и объ обстоятельствахъ, лично меня касающихся, и оживить въ памяти, какъ мнѣ жилось во время моего пятилѣтняго пребыванія въ Муромскомъ духовномъ училищѣ.

Моя училищная жизнь распадается на два періода. Три года я учился въ училищѣ при жизни отца, и два года послѣ его смерти. Въ жизненной обстановкѣ была большая разница между этими двумя періодами. Въ первомъ періодѣ условія жизни болѣе благопріятны, чѣмъ во второмъ. Въ первые три года я и братья мои не терпѣли никакихъ лишеній, а въ послѣдніе два года пришлось испытать не мало горя.

Отецъ нашъ, сельскій священникъ, не имѣлъ особеннаго достатка, но о дѣтяхъ очень заботился, и когда они поступили въ училище, старался доставить имъ всѣ возможные удобства.

¹⁾ См. № 21-й за 1909-й г.

Я былъ не одинокимъ въ училищѣ. Когда я принять былъ (въ 1841 году) во второй классъ, въ третьемъ классѣ учился мой старшій братъ, нынѣ протоіерей церкви Гребневской Божіей Матери въ Москвѣ, и онъ былъ первымъ ученикомъ, и его успѣхи благопріятно отражались на вниманіи учителей ко мнѣ. Никакихъ репетиторовъ и руководителей мы не знали, а учились и исполняли задаваемую намъ работу совершенно самостоятельно. Я даже и къ старшему брату, шедшему впереди меня въ училищѣ, никогда почти не обращался за указаніями, а дѣлалъ все самъ, полагаясь на свой дѣтскій смыслъ. Мнѣ даже совѣстно было обращаться къ нему съ просьбою разъяснить мнѣ то или другое, чѣмъ я обнаружилъ бы предъ нимъ свое безсиліе и малоуміе.

Въ первый годъ моей училищной жизни мы жили вдвоемъ съ братомъ не въ наемной ученической квартирѣ, а у родственника, дяди моего отца, муромскаго купца Василя Семеновича Дьячкова. У него былъ свой домикъ, небольшой въ три окна, но дваэтажный, раздѣляемый сѣпями на двѣ половины, переднюю и заднюю. Задняя половина нижняго этажа, состоящая изъ двухъ комнатъ, отдавалась въ наемъ, а прочія жилыя комнаты занимались хозяевами, и жившими у нихъ родственниками. Домикъ содержался довольно чисто. Спали мы на верху, гдѣ и хозяйева, но обѣдали и время проводили большею частію въ комнатѣ нижняго этажа, гдѣ за перегородкою была и варистая печка. По вечерамъ въ зимнее время всѣ, жившіе въ домѣ, и даже постояльцы, собирались въ комнатѣ нижняго этажа, и здѣсь занимались разными работами,—кто шилъ, кто прядъ, кто читалъ, а то просто вели бесѣду. Хозяинъ дома, нашъ двоюродный дѣдушка, садился здѣсь и пускался въ рассказы о былыхъ временахъ. Онъ былъ человѣкъ добродушный и улащавъ общія бесѣды своими шутками и мягкими остротами. Случалось иной разъ, что и пѣсню затянетъ. Вообще въ длинные зимніе вечера время проходило въ дружной семейной кампаніи до-

вольно пріятно, какъ это можно встрѣчать въ добрыхъ семейныхъ домахъ. Освѣщенію служили сальные свѣчи; но та комната, въ которой всѣ собирались по вечерамъ для работы и бесѣды, освѣщалась лучиною, и это освѣщеніе лучиною было болѣе яркое, чѣмъ освѣщеніе сальными свѣчами. Для этого въ комнатѣ ставился свѣтецъ, въ который втыкалась лучина, и когда одна лучина догорала, сидящая подлѣ свѣтца вынимала остатокъ догорѣвшей лучины, и вмѣсто нея ставила и зажигала другую.

Изъ домъ дѣдушки съ нами обращались, не какъ съ чужими, а какъ съ родственниками, и онъ и его супруга Екатерина Степановна въ обращеніи не дѣлали никакой разницы между нами и своими дѣтьми, изъ которыхъ впрочемъ только одинъ былъ нашимъ ровесникомъ. Столомъ мы пользовались такимъ же, какой былъ у хозяевъ, и обѣдали вмѣстѣ съ ними, и кормили насъ гораздо лучше, чѣмъ какъ содержались ученики, жившіе на наемныхъ квартирахъ. Екатерина Степановна была отличная хозяйка; у ней варились такія русскія щи, какихъ впослѣдствіи мнѣ ни у кого не приходилось встрѣчать. Я до сихъ поръ не могу безъ чувства глубокой благодарности вспоминать объ этихъ добрыхъ людяхъ, которые пріютили насъ, когда мы, поступивъ въ училище, со скорбію должны были разстаться съ своимъ семействомъ, и своею добротою и родственною любовію улаждали ту горечь, какую приходится испытывать въ юные годы каждому, при опредѣленіи въ училище отрываемому отъ семейства и принужденному жить среди чужихъ людей.

Василій Семеновичъ Дьячковъ былъ церковнымъ старостою Успенской приходской церкви, и усердно посѣщалъ храмъ Божій. Въ Муромѣ всенощныя отъ праздника Воздвиженія честнаго креста до Благовѣщенія служились раннимъ утромъ; звонъ, по удару соборнаго тысяченудоваго колокола, во всѣхъ церквахъ начинался въ три часа, въ воскресные и праздничные дни. Чтобы не опоздать въ церковь, Дьячковъ поднимался съ постели и не разъ подходилъ

къ окну послушать, не звонятъ ли (часовъ въ домѣ не было), и лишь только услышитъ звонъ, тотчасъ же и насъ будить. Домъ его былъ близъ Благовѣщенскаго монастыря, гдѣ настоятелемъ былъ смотритель духовнаго училища, и мы ходили въ монастырскую церковь во всѣ праздники. Мѣстность эта довольно отдаленная отъ училища, и здѣсь квартиръ ученическихъ почти не было, и мы чуть ли не одни обязаны были ходить въ Благовѣщенскую церковь на богослуженія. Въ районѣ этомъ не было и старшаго районнаго; такъ что насъ на квартирѣ никто изъ наблюдателей не посѣщаль. Разъ только приходилъ къ намъ помощникъ инспектора Иванъ Гавриловичъ Бѣляевъ, и мы были удивлены его визитомъ, а еще болѣе изумленъ былъ нашъ дѣдушка, никогда не ожидавшій подобнаго визитера. Дѣдушка расхвалилъ насъ, сказалъ, что мы все учимся, ведемъ себя такъ, что лучше нельзя, а Богу молимся такъ, что нужно останавливать, чтобы мы лба не разбили. Не напрасно сказалъ онъ, что онъ останавливалъ насъ за молитвою. Я былъ мальчикъ очень богомольный, и по вечерамъ долго молился, и онъ неоднократно обращался ко мнѣ съ такими словами: „Ну, полно тебѣ! Что ты мотаешь головой? Какая польза отъ твоей молитвы? Вотъ ямщики (близъ Мурома двѣ ямскія слободы) помолились, и Господь далъ дождичка. А ты молишься, молишься, а дождя не вымолишь“. Онъ ревновалъ о благолѣпїи своего приходскаго храма, гдѣ былъ церковнымъ старостою, не могъ говорить противъ молитвы, и былъ бы очень недоволенъ, если бы не замѣчалъ въ насъ молитвеннаго настроенія. Онъ только говаривалъ, что Богу прїятна не продолжительная молитва, а усердная, хотя и кратковременная. Въ послѣдніе годы онъ потерялъ зрѣніе, но всегда помнилъ насъ и интересовался нашею судьбою. Ему доставляло большое удовольствіе, когда ему сообщали, что мы хорошо учимся въ семинаріи; въ особенности онъ очень радъ былъ, когда ему сказали, что мой старшій братъ, какъ лучшій ученикъ, посланъ на казенный счетъ въ Кіевскую духовную академію.

Въ концѣ первой трети, въ первый годъ моей училищной жизни, я заболѣлъ; боялись, что у меня будетъ горячка, и меня, въ началѣ декабря, взяли изъ Мурома домой. Дома я пролежалъ недѣли двѣ, и меня привезли въ училище предъ самыми рождественскими экзаменами. На экзаменѣ я отвѣчалъ исправно; но смотритель говорилъ, чтобы меня не спрашивали строго; такъ какъ я былъ боленъ, и не поправившись хорошенько, явился на экзаменъ.

Когда я перешелъ въ третій классъ (въ 1842 году), поступилъ въ училище мой младшій братъ Иванъ (скончавшійся отъ холеры въ 1848 году), насъ троихъ отецъ долженъ былъ содержать въ городѣ, и мы уже не жили у родственника купца Дьячкова. Отецъ нанялъ намъ квартиру на самой бойкой улицѣ города у содержателя постоялаго двора колардицкаго крестьянина Сумкина. Приѣзжая въ городъ, и останавливаясь съ лошадью на короткое время у Сумкина, онъ замѣтилъ у него чистую, хорошую комнату, свободную отъ жильцовъ. Она предназначалась содержателемъ, постоялаго двора для почетныхъ временныхъ посѣтителей города, которые изрѣдка останавливались у него. Отецъ нашъ облюбовалъ эту комнату, нашелъ ее весьма удобною для насъ, и Сумкинъ охотно отдалъ ее ему въ наемъ, обѣщавъ въ то же время, что жена его сына, жившаго при немъ, будетъ убирать эту комнату и готовить намъ обѣдъ и ужинъ. Кромѣ насъ трехъ, въ этой квартирѣ помѣстились наши два двоюродные брата,—Иванъ и Павелъ Смирновы,—первый былъ моимъ товарищемъ по классу училища, а другой товарищемъ моего младшаго брата. Послѣдній донинѣ здравствуетъ, и состоитъ протоіереемъ въ церкви села Клина Муромскаго уѣзда. И мы, впятеромъ, прожили съ удобствомъ на этой квартирѣ два года.

Такъ какъ квартира наша расположена была на самой людной улицѣ города, при томъ при постояломъ дворѣ, въ которомъ останавливалось много приѣзжихъ, въ особенности въ субботній базарный день, то начальство семинарское, не

запрещая прямо нанимать эту квартиру, выражало сомнѣніе, хорошо ли, спокойно ли будетъ намъ тамъ. Къ тому же противъ нашей квартиры стояла главная гостинница, изъ которой въ лѣтнее время слышна была музыка и пѣніе. (На время ярмарки, которая въ Муромѣ бываетъ въ іюнѣ мѣсяцѣ, содержатель гостинницы приглашалъ изъ г. Елатымы пѣвчихъ, которые каждый вечеръ, при открытыхъ окнахъ, для приманки публики, распѣвали русскія народныя пѣсли). Въ виду этихъ обстоятельствъ смотритель училища игуменъ Нифонтъ въ началѣ сентябрьской трети 1842 года, нарочито посѣтилъ нашу квартиру и, по видимому, остался доволенъ ею. Увидавши чистенькую просторную комнату, стоящую отдѣльно отъ другихъ жилыхъ помѣщеній, онъ нашель, что намъ здѣсь удобно можно жить и заниматься, и родителямъ нашимъ не дѣлалъ никакихъ заявленій противъ найма квартиры для насъ въ одномъ изъ самыхъ бойкихъ мѣсть города.

Квартира наша, по чистотѣ и простору, была одною изъ лучшихъ ученическихъ квартиръ въ городѣ. Жили мы въ ней, дѣти двухъ родственныхъ семействъ, и семейная родственная святъ объединяла насъ, и въ нашей жизни находили отраженіе тѣ обычаи, какіе держались въ нашихъ семействахъ. Кормили насъ очень хорошо, и мы ни въ чемъ не чувствовали недостатка. Родина моя, гдѣ жили мои родители, была всего въ десяти верстахъ отъ города, и намъ часто привозили оттуда пироги, лепешки и другія печенія, даже молочную кашу. И Смирновыхъ родители, когда прѣзжали въ Муромъ, являлись къ намъ не съ пустыми руками. Не знаю, сколько платили хозяину квартиры, за помѣщеніе и столъ, но намъ давали все свѣжее и хорошо приготовленное. Сумкинъ былъ раскольникъ, и раскола держалось все его семейство. Разъ его внуки увидали, что намъ подаютъ картофель, они съ изумленіемъ обратились къ своей матери съ вопросомъ: развѣ они картофель ѣдятъ? Картофель для раскольниковъ былъ запретный плодъ, и они грѣхомъ считали употреблять его въ пищу.

На богослуженіе ходили мы въ Вознесенскую церковь,— одну изъ самхъ видныхъ приходскихъ церквей города Мурома. Въ районѣ Вознесенской церкви было нѣсколько ученическихъ квартиръ, и было два старшихъ,—которымъ поручалось обходить квартиры и наблюдать за живущими въ нихъ учениками,—мой старшій братъ, другой Иванъ Успенскій, къ фамиліи котораго, для отличія его отъ другого Ивана Успенскаго, присоединена была другая прибавочная фамилія—Шульгинъ, отъ имени того села, откуда онъ родомъ. Этому Ивану Успенскому не удалось кончить курса въ семинаріи, и я въ восьмидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія случайно встрѣтилъ его въ Муромѣ на ярмаркѣ. Онъ былъ дьячкомъ въ пригородномъ селѣ Лазаревѣ и женатъ былъ на дочери дьячка Васильевскаго погоста Грандицкаго, нашего сосѣда по погосту, и самаго близкаго къ намъ изъ жителей погоста.

Въ церкви я всегда почти становился на правомъ клиросѣ и помогаль псаломщику или, по тогдашнему названію, дьячку (Павлу Прохоровичу) въ исполненіи положенныхъ по уставу чтеній,—читаль шестопсалміе, часы и канонъ. Но кромѣ меня, другіе ученики не становились на правомъ клиросѣ. Павла Прохоровича почему-то не долюбливали они: онъ не умѣлъ снискать ихъ расположеніе. Между тѣмъ лѣвый клиросъ былъ переполненъ ими, и тамъ слышалось болѣе громкое пѣніе. Туда привлекалъ учениковъ пономарь (Василій Васильевичъ) живой, общительный, входившій съ участіемъ въ ихъ интересы, къ тому еще владѣвшій лучшимъ голосомъ, чѣмъ его сотрудникъ по должности церковно-служителя.

Въ Вознесенской церкви нерѣдко являлся хоръ пѣвчихъ, который обыкновенно занималь правый клиросъ. Пѣли здѣсь часто есиновскіе пѣвчіе. Это пѣвчіе помѣщика Есинова, который, имѣя мѣстопробываніе (если не ошибаюсь) въ селѣ Монаковѣ, Муромскаго уѣзда, не малую часть года проживаль въ Муромѣ, гдѣ у него былъ домъ, одинъ изъ лучшихъ въ го-

родѣ. Онѣ привозилъ съ собою въ Муромъ и хоръ, который весь состоялъ изъ его дворовыхъ людей, и въ немъ партіи альтовъ и дискантовъ исполняли дѣвицы изъ дворовыхъ. Въ церковь онѣ являлись не въ женской одеждѣ, а въ суконныхъ курткахъ и панталонахъ, и по этому костюму нѣкоторые, въ первый разъ видѣвшіе хоръ, готовы были ихъ считать мальчиками. Хоръ былъ довольно большой, и славился въ Муромѣ художественнымъ исполненіемъ церковныхъ пѣснопѣній и концертовъ, хотя строгая критика могла бы найти въ немъ много недостатковъ. Но жители Мурома, мало и рѣдко слышавшіе партесное пѣніе, были люди невзыскательные, и церковь Вознесенская была всегда переполнена народомъ, когда въ ней пѣли есиновскіе пѣвчіе. Нынѣ нѣтъ и слѣда прежняго помѣщичьяго величія, дозволявшаго себѣ такую роскошь, какъ содержаніе особаго хора пѣвчихъ, и тѣмъ помѣстьемъ, въ которомъ прежде жилъ и роскошествовалъ богатый и тароватый баринъ Есиновъ, нынѣ владѣеть нѣмецъ, отецъ котораго былъ управляющимъ въ имѣніи Есинова.

Другой хоръ, пѣвавшій въ Вознесенской церкви, былъ хоръ елатомскихъ пѣвчихъ, которыхъ изъ Елатмы приглашалъ къ себѣ содержатель главной муромской гостинницы на ярмарочное время. Въ будніе дни онѣ пѣлъ въ гостинницѣ разныя пѣсни, для увеселенія народа, а въ воскресные и праздничные дни являлся въ церковь, и здѣсь показывалъ свое искусство. Но этотъ хоръ являлся рѣже, чѣмъ хоръ Есиновскихъ пѣвчихъ. Онѣ малочисленнѣе былъ по составу и выдающихся голосовъ не имѣлъ; но все-таки и его слушали съ удовольствіемъ.

Къ намъ на квартиру очень часто заходилъ, для участія въ нашихъ развлеченіяхъ, Григорій Владиміровичъ Орловъ, жившій не далеко отъ насъ. Въ Муромское училище онѣ перешелъ изъ Нижегородскаго училища (отецъ его служилъ въ Нижегородской епархіи) и былъ здѣсь въ третьемъ классѣ первымъ ученикомъ во второмъ отдѣленіи, а мой братъ пер-

вымъ ученикомъ въ первомъ отдѣленіи, а когда они перешли въ четвертый классъ, Орловъ занялъ здѣсь только пятое мѣсто въ спискахъ. Онъ впоследствии кончилъ курсъ въ Горьгорѣцкомъ Институтѣ, служилъ по почтовому вѣдомству, и былъ начальникомъ почтово-телеграфнаго округа въ Смоленскѣ. Женатъ онъ былъ на дочери законоучителя Владимірской гимназіи, перешедшаго изъ Владиміра на службу въ Петербургъ. Жена его до сихъ поръ здравствуетъ, здравствуетъ и теща, большая старица, проживавшая въ Кіевѣ у своего зятя Бѣднякова, члена Судебной Палаты, и вмѣстѣ съ нимъ переѣхавшая въ Петербургъ, когда Бѣдняковъ сдѣланъ былъ товарищемъ оберъ-прокурора Сената. Мы всегда были рады, когда Орловъ приходилъ къ намъ: онъ вносилъ оживленіе въ нашу скромную квартиру. Раздѣляя наши забавы, онъ иногда принималъ на себя по отношенію къ намъ роль ментора, и говорилъ старшему брату нашему, бывшему вмѣстѣ съ Орловымъ ученикомъ четвертаго класса, чтобы онъ сдерживалъ насъ (двухъ младшихъ братьевъ и двухъ двоюродныхъ Смирновыхъ) отъ иныхъ игрушечныхъ затѣй, которыя ему не нравились. Но осудивъ и пожуривъ насъ нынѣ, онъ на другой или на третій день снова являлся къ намъ и возился съ нами: живой и бойкій, онъ не могъ долго выдерживать роль серіознаго старшаго.

Въ третьемъ классѣ я не былъ первымъ ученикомъ, а вторымъ. Въ третьемъ классѣ были три наслоенія: одинъ слой составляли ученики, оставшіеся или оставленные въ томъ же классѣ на другой курсъ, т. е., на два года; другой слой составлялся изъ учениковъ, поавшихъ въ третій классъ, какъ говорили тогда, *не въ годъ*. Въ третьемъ классѣ курсъ продолжался два года, а во второмъ только одинъ: переведенные изъ второго класса въ третій въ нечетные годы, должны были сидѣть въ третьемъ классѣ не два, а три года. Послѣдній третій слой составляли ученики, перешедшіе въ третій классъ въ четные годы, въ которые начинались и кончались двухгодичные курсы третьяго и четвертаго класса.

Эти въ два года только проходили курсъ третьяго класса. Я принадлежалъ къ послѣднему двухгодичному слою. Первымъ ученикомъ въ нашемъ отдѣленіи былъ мой двоюродный братъ Смирновъ, попавшій въ третій классъ не въ годъ, т. е., уже годъ проучившійся въ немъ годъ, когда я поступилъ въ этотъ классъ, переведенный въ него изъ изъ второго класса. Онъ кончилъ курсъ студентомъ семинаріи, поступилъ, по окончаніи курса, въ статскую службу, былъ секретаремъ въ какомъ-то судѣ, и скоро скончался, разстроивъ свое здоровье алкоголизмомъ. Изъ перваго слоя, —второкурсниковъ,—хорошо успѣвалъ Василій Соловьевъ. Онъ занималъ третье мѣсто въ спискахъ. Онъ и въ семинаріи хорошо успѣвалъ и посланъ былъ въ 1851 году въ С.-Петербургскую академію, но не принятый въ нее послѣ пріемнаго экзамена, поступилъ въ Педагогическій Институтъ, и здѣсь кончилъ курсъ съ отличіемъ, былъ директоромъ Екатеринбургской, а потомъ Кишиневской гимназіи, и въ Кишиневѣ скончался, оставивъ значительное состояніе, которое распредѣлил на разныя благотворительныя дѣла.

Два года прожили мы въ квартирѣ у Сумкина, видя заботу и попеченіе о насъ своихъ родителей, которые весьма часто навѣщали насъ въ городѣ. И они довольны были нашими успѣхами. Въ 1844 году всѣ мы переведены были въ старшіе классы, и съ наградами,—старшій братъ въ семинарію, я въ четвертый классъ, а младшій братъ въ третій. Когда 15-го іюля,—день роспуска учениковъ,—отецъ нашъ пріѣхалъ за нами въ городъ, я первый увидалъ его, и вышедъ изъ комнаты, на дворъ возвѣстилъ ему, что всѣ мы получили въ награду по книгѣ, а старшему и младшему брату кромѣ того городничій далъ по коробкѣ конфетъ. Возвратились мы домой въ самомъ добромъ, радостномъ настроеніи, и надѣялись провести вакацію при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ жизни. Но не такъ судилъ Богъ, какъ мы располагали. Въ срединѣ вакаціального времени насъ

постигло страшное горе, которое разстроило наше семейное благополучіе и повергло насъ въ глубокую скорбь: неожиданно для насъ скончался отецъ нашъ.

Проф. *Василій Пьеницкій*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКИ.

а) Божья кара.

На дняхъ, около гор. Пинска, рассказываетъ „Юго-Западн. Вѣстн.“, шедшего по дорогѣ изъ города въ какое-то мѣстечко юношу обогналъ извозчикъ. Юноша попросилъ его подвезти. По дорогѣ извозчикъ узналъ, что у юноши есть 100 рублей. Онъ возымѣлъ желаніе отобрать ихъ и для этого свернулъ съ дороги въ лѣсъ. На вопросъ юноши, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, извозчикъ хладнокровно отвѣтилъ, что въ лѣсу никто не помѣшаетъ ему убить и ограбить его.

— Возьми деньги, но отпусти меня!—взмолился юноша.

— Этого я не сдѣлаю, такъ какъ ты выдашь меня.

Юноша клялся, что будетъ молчать, но извозчикъ былъ неумолимъ...

— Я могу только представить тебѣ право выбрать смерть. Хочешь—убью, или, быть можетъ, хочешь быть повѣшеннымъ? Выбирай!..

Видя, что смерти ему не избѣжать, юноша, питая слабую надежду спастись, попросилъ оставить его въ лѣсу голымъ, привязаннымъ къ дереву.

Извозчикъ согласился.

Оставивъ несчастнаго замерзать въ лѣсу, извозчикъ подъѣхалъ къ первому постоялому двору, гдѣ рѣшилъ поѣсть чегонибудь. Сѣлъ за столъ, началъ ѣсть мясо и вдругъ подавился костью. Испуганный хозяинъ бросился за помощью. Увидя стоявшихъ во дворѣ лошадей подавившагося, вскочилъ въ

сани и помчался въ лѣсъ къ лѣсническому, который занимался на досугѣ и медициной. Проѣзжая лѣсомъ, онъ услыхалъ душу раздирающіе крики. Приблизившись на крикъ, онъ увидѣлъ голаго юношу, привязаннаго къ дереву. Когда хозяинъ, захвативши «медика», вернулся домой, извозчикъ былъ уже мертвъ. Спасенный имъ юноша рассказалъ ему исторію. Найденная въ саняхъ одежда подтверждала рассказъ юноши.

в) Приходскія братства молодежи.

Въ нѣкоторыхъ селахъ Таврической епархіи по инициативѣ священниковъ, заботящихся о нравственномъ преуспѣяніи паствы, существуютъ „приходскія братства молодежи“, имѣющія цѣлью религіозно-нравственныя, просвѣтительныя, матеріальныя, благотворительныя и сельско-хозяйственныя потребности. Членами „приходскихъ братствъ молодежи“ состоятъ молодые люди съ 14 лѣтъ до бракосочетанія или достиженія 21 года. Молодежь, вступая въ члены братства, кромѣ незначительнаго денежнаго взноса, обязывается торжественнымъ обѣщаніемъ въ церкви исполнять уставъ братства, именно: посѣщать по возможности въ воскресные и праздничные дни храмъ и чтенія въ школѣ, почитать царя, родителей и старшихъ себя, не пьянствовать, не красть, не божиться, не развратничать и проч.* Вся молодежь обязательно принимаетъ дѣятельное участіе въ работахъ на опытномъ сельско-хозяйственномъ полѣ, которое, кромѣ полезныхъ практическихъ знаній, можетъ дать значительные денежные доходы братству. Братство молодежи подъ предсѣдательствомъ настоятеля церкви и въ присутствіи попечительнаго совѣта, устраиваетъ общія собранія, на которыхъ рѣшаетъ денежные вопросы, составляетъ смѣту расходовъ, принимаетъ новыхъ членовъ, избираетъ изъ своей среды старшину и нѣсколько старость и вообще рѣшаетъ вопросы, поставленные попечительнымъ совѣтомъ. Избранные общимъ собраніемъ молодежи

старшины и старосты, составляя совѣтъ молодежи, ведутъ подъ контролемъ попечительнаго совѣта приходо-расходныя книги, наблюдаютъ за порядкомъ и тишиною на чтеніяхъ, вечерахъ, работахъ и занятіяхъ; на нихъ же возлагается обязанность наблюдать за поведеніемъ и нравственностью молодежи въ домашней жизни и о порочныхъ членахъ докладывать попечительному совѣту; вообще эти лица являются исполнительнымъ органомъ попечительнаго совѣта и общаго собранія молодежи. Порочнымъ членамъ, нарушителямъ устава, сначала дѣлается выговоръ въ попечительномъ совѣтѣ и при повторномъ неодобрительномъ поведеніи такой членъ выключается изъ общества. Во время крестныхъ ходовъ молодежь принимаетъ участіе въ несеніи хоругвей, а старшина съ старостами наблюдаетъ за порядкомъ, при чемъ хоругвеносцы, старшина и старосты надѣваютъ присвоенные хоругвеносцамъ кафтаны. (Совр. лѣт.).

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 26-го мая 1909 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

Л

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣотѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 23.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1909-го года іюня 7-го дня.

Содержаніе: I. По поводу дебатовъ по старообрядческимъ вопросамъ въ Госуд. Думѣ, Н. Гумилевскаго.—II. Діаконы или вторые священники? (Продолженіе). Н. Пальмова.—III. Мои воспоминанія. (Продолженіе). Проф. В. Пѣвницкаго.—IV. Замѣтка. Исповѣдь дѣтей.—V. Воззваніе

По поводу дебатовъ по старообрядческимъ вопро- самъ въ Г. Думѣ.

Въ преніяхъ Г. Думы по старообрядческимъ вопросамъ ярко выступили недостатки нашего народнаго представительства, отъ которыхъ, впрочемъ, едва ли свободенъ и вообще представительный образъ правленія по самому существу своему. Прежде всего въ высшей степени страннымъ представляется такое положеніе дѣла, что чисто русскій вопросъ о взаимоотношеніяхъ между русскими старообрядцами и русской Церковью рѣшаютъ поляки, нѣмцы, татары, армяне, которые своими голосами собственно и дали перевѣсъ защитникамъ законопроекта, такъ что фактически имѣли рѣшающее

значеніе ¹⁾. Но еще болѣе знаменательнымъ, съ принципиальной точки зрѣнія, является тотъ фактъ, что важный въ государственномъ и церковномъ отношеніи вопросъ большинство народныхъ представителей разрѣшаетъ не на основаніи практическаго знакомства съ положеніемъ дѣла въ дѣйствительной жизни, а на основаніи отвлеченнаго теоретическаго принципа; — лишь бы отстоять пунктъ, стоящій въ программѣ партіи, а что изъ этого выйдетъ въ жизни, до этого, повидимому, нѣтъ дѣла.

Вѣдь, въ существѣ дѣла, защитники поправокъ, сдѣланныхъ въ правительственномъ законопроектѣ комиссіей по старообрядческимъ вопросамъ, особенно — свободы пропаганды старообрядцами своего ученія, выдвигаютъ въ качествѣ своего единственнаго аргумента то вполне отвлеченное положеніе, что безъ свободы пропаганды будто бы не можетъ быть свободы совѣсти, а послѣдняя установлена въ Россіи Высочайшими актами 17 апр. и 17 окт. 1905 г. Эта мысль является центральнымъ пунктомъ въ рѣчахъ Маклакова, Миллюкова и Гучкова; она приводится въ формулѣ трудовиковъ („гдѣ нѣтъ свободы проповѣди, тамъ нѣтъ свободы вѣры“); ее поддерживаютъ поляки (которые, если только они искренніе католики, должны были бы быть противъ вѣротерпимости, проклятой въ „непогрѣшимыхъ“ папскихъ буллахъ въ числѣ величайшихъ золъ нашего времени, какъ они и дѣйствительно не проявляютъ никакой терпимости по отношенію къ маріавитамъ) и мусульмане, хотя нѣтъ въ мірѣ религіи болѣе нетерпимой, чѣмъ мусульманство, дозволяющее истреблять людей только за то, что они не мусульмане. Члены правыхъ партій, особенно проф. Вязигинъ, въ самыхъ преніяхъ по данному вопросу доказали принципиальную неспра-

¹⁾ Вопреки ясно выраженной волѣ Государя, что Г. Дума „должна быть русскою по духу“, и хотя въ ней „иныя народности должны имѣть“ престаивателей своихъ нуждъ, но не въ количествѣ, дѣлающемъ ихъ вершителями дѣлъ русскихъ.

ведливость указаннаго положенія. Но въ рѣшеніи практическихъ вопросовъ важнѣе всего то, къ чему приведетъ данное положеніе въ жизни, и положеніе, хотя бы логически и правильное, но ведущее къ вреднымъ практическимъ послѣдствіямъ, должно быть отвергнуто. Поэтому, если мы даже согласимся, что свобода совѣсти немыслима безъ свободы пропаганды, но вмѣстѣ съ тѣмъ увидимъ, что свобода пропаганды ложныхъ ученій вредно отражается въ жизни, то, не желая оставаться оторванными отъ земли теоретиками, мы необходимо должны придти къ выходу, что въ такомъ случаѣ слѣдуетъ ограничить и самую свободу совѣсти. Но изъ защитниковъ свободы пропаганды ¹⁾ никто не захотѣлъ стать на такую практическую точку зрѣнія.

Правда, въ рѣчахъ Гулькина и Гучкова есть попытка стать на практическую почву указаніемъ тѣхъ стѣсненій, которымъ подвергались старообрядцы въ своей религіозной жизни. Но эти указанія къ дѣлу совершенно не относятся, такъ какъ споръ шелъ о свободѣ пропаганды старообрядцами своего ученія, а вовсе не о правѣ ихъ безъ всякаго правительственнаго стѣсненія удовлетворять своимъ религіознымъ потребностямъ, противъ чего не возражали ни представитель правительства и ни одинъ изъ правыхъ ораторовъ—сторонниковъ поправокъ комиссіи. Были попытки и такъ поставить дѣло, что ограниченіе свободы пропаганды дастъ поводъ администраціи вмѣшиваться и во внутреннюю жизнь старообрядческихъ общинъ и, такимъ образомъ, фактически уничтожить самую свободу ихъ вѣры. Но на то и существуютъ законодательныя учрежденія, чтобы формулировать законы по возможности наиболѣе точно, такъ чтобы возможность произвола администраціи сводилась къ минимуму.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ попытка доказать необходимость свободы старообрядческой пропаганды съ цер-

¹⁾ Такъ какъ это—важнѣшая изъ поправокъ, внесенныхъ комиссіей въ законопроектъ, то объ ней только и будетъ рѣчь въ дальнѣйшемъ.

ковной точки зрѣнія. Я разумѣю заявленіе о., Исполтова отъ лица оппозиціоннаго меньшинства духовенства: „находя, что запрещеніе проповѣди не согласно съ ученіемъ Православной Церкви, не вытекаетъ изъ завѣтовъ и примѣра Господа Иисуса Христа и Его апостоловъ, не отвѣчаетъ достоинству и благу святой Православной Церкви, которая, какъ столпъ и утвержденіе истины, одухотворяемая Духомъ Святымъ, не имѣетъ нужды въ пособничествѣ внѣшнихъ репрессивныхъ мѣръ для защиты ея отъ нападокъ неправославной проповѣди, не согласуется съ Высочайшимъ манифестомъ ¹⁾ 17-го октября 1905 года, не достигаетъ положительныхъ результатовъ, къ которымъ направляется, возбуждая фанатизмъ въ отступникахъ, низводя проповѣдь ихъ въ скрытую и тѣмъ болѣе вредную пропаганду, и успокаиваетъ бдительность тѣхъ, кои призваны къ борьбѣ съ врагами Церкви ²⁾, и признавая, что борьба съ проповѣдью старообрядчества должна вестись положительнымъ способомъ при правильномъ устройствѣ прихода и миссіи“ (развѣ противъ этого кто-нибудь возражаетъ?), мы будемъ голосовать за принятіе перваго пункта законопроекта о старообрядческихъ общинахъ“.

Прежде всего не лишне отмѣтить, что думское меньшинство духовенства, повидимому, недостаточно знакомо съ тѣмъ ученіемъ Св. Писанія и Церкви, на которое оно ссылается. Не входя въ подробности, приведу нѣкоторыя мѣста изъ Св. Писанія и изъ церковныхъ каноновъ. Ап. Павелъ пишетъ галатійскимъ христіанамъ: „о дабы отсѣчени были развращающіи васъ“ (Гал. 5, 12), и въ другомъ мѣстѣ говоритъ о лжеучителяхъ: „суть мнози непокориви, суесловцы, и умомъ прелщени, наипаче же сущіи отъ обрѣзанія, ихже

¹⁾ Въ этомъ манифестѣ, какъ извѣстно, нѣтъ ни слова о свободѣ пропаганды неправославныхъ ученій.

²⁾ Относительно этого пункта см. статью „О вѣротерпимости“— „Руководство для сел. паст.“ 1908 г., № 40, 83 стр.

подобаетъ уста заграждати“ (Тит. 1, 10—11). Въ канонахъ же церковныхъ прямо утверждается право Церкви обращаться къ свѣтской власти за помощью противъ раскольниковъ и лжеучителей. Такъ, въ 5 правилѣ Антиохійскаго собора говорится: „аще который пресвитерь, или діаконъ, презрѣвъ своего епископа, отлучить самъ себе отъ Церкви и начнетъ творити особья собранія.., таковой да будетъ изверженъ изъ своего чина... Аще же упоренъ будетъ, возмущая Церковь и возставая противу ея, то яко мятежникъ да будетъ укрощаемъ внѣшнею властію“. А Кареагенскій соборъ 318 г. постановилъ отправить депутацію къ императорамъ, чтобы просить у нихъ помощи противъ раскольниковъ-донатистовъ: „царскому человѣколюбію предлежитъ попещися, чтобы Каѳолическая Церковь... была ограждена ихъ попеченіемъ... Ибо извѣстно и многократно законами оглашено, что производятъ гнусныя скопища отщепенцевъ. Сіе многократно и повелѣніями самихъ благочестивѣйшихъ Самодержцевъ осуждено было. Посему противъ неистовства оныхъ отщепенцевъ просимъ дати намъ Божественную помощь, не необычайную и не чуждую Святимъ писаніямъ. Ибо апостоль Павелъ, какъ показано въ истинныхъ дѣяніяхъ Апостольскихъ, соумышленіе людей безчинныхъ препобѣдилъ воинскою помощію“¹⁾).

Относительно того, что Церковь „не имѣетъ нужды въ пособничествѣ внѣшнихъ репрессивныхъ мѣръ“, прекрасно сказалъ въ Гос. Думѣ проф. Вязигинъ, что проповѣдь заблужденій „грозитъ не матери-церкви, а вѣрующимъ дѣтямъ“. Въ самомъ дѣлѣ, Церкви „и врата адовы не одолѣютъ“ (Мѡ. 16, 18), и если нѣкоторые недостаточно просвѣщенные члены ея уклоняются въ заблужденіе, то она отъ этого не погибнетъ, но сами-то заблудшіеся погибнутъ—прежде всего въ религіозно-нравственномъ смыслѣ, что едва ли можетъ быть признано желательнымъ.

¹⁾ 104 правило.

Теперь перейдемъ къ основному вопросу, дѣйствительно ли предоставленіе старообрядцамъ свободы распространенія своихъ возрѣній можетъ быть полезнымъ или хотя бы безвреднымъ для Русскаго государства и Церкви. Здѣсь прежде всего нужно точно установить, что рѣчь идетъ только о распространеніи старообрядческихъ возрѣній среди православныхъ, а не о проповѣди старообрядческихъ наставниковъ своимъ единовѣрцамъ, свобода которой необходимо предполагается правомъ старообрядцевъ свободно отправлять свое богослуженіе. Разница между тѣмъ и другимъ обстоятельно выяснена правыми ораторами Гос. Думы, хотя представители оппозиціи, для которыхъ дороже всего отстаиваніе во что бы то ни стало разъ затверженнаго отвлеченнаго принципа, остались глухи къ ихъ рѣчамъ. Итакъ, къ чему приведетъ въ жизни свобода распространенія старообрядчества среди православныхъ?

Свобода пропаганды старообрядчества (а эту именно свободу и желаетъ узаконить думское большинство) есть свобода совращенія православныхъ въ старообрядчество. По думскому законопроекту старообрядцы получаютъ право убѣждать православныхъ оставить Православную Церковь и перейти въ расколъ. Но для этого нужно доказать, что истина сохраняется въ расколѣ, а не въ Православной Церкви, что послѣдняя заблуждается, и потому отъ нея нужно удалиться, такъ какъ вѣчнаго спасенія она дать не можетъ. Только такое убѣжденіе можетъ быть единственнымъ заслуживающимъ вниманія мотивомъ для перехода изъ православія въ расколъ, такъ какъ другіе мотивы, какъ напр., экономическій и т. п., прямо безнравственны. Такимъ образомъ, свобода пропаганды старообрядчества (какъ и всякихъ инославныхъ ученій) сводится къ свободѣ доказывать православнымъ, что они напрасно принадлежатъ къ своей Церкви, такъ какъ она заблуждается. Но такъ какъ Церковь Православная, какъ одна только непрерывно и неизмѣнно существующая отъ временъ Самого Христа и Его апостоловъ и потому единственно истин-

ная, имѣеть несомнѣнныя преимущества предъ остальными христіанскими исповѣданіями, то представителямъ послѣднихъ для привлеченія къ себѣ православныхъ неизбѣжно приходится прибѣгать къ собственнымъ измышленіямъ, т. е. ко лжи. Неужели же лжи должна быть предоставлена свобода распространенія?

Остановимся, въ частности, на старообрядчествѣ. Членъ Гос. Думы Каменскій отъ лица фракціи октябристовъ высказалъ въ Гос. Думѣ положеніе, что старообрядцы будто бы не питають вражды къ Православной Церкви. Но въ такомъ случаѣ почему же они отказываются соединяться съ ней на правахъ единовѣрія, т. е. съ правомъ соблюдать всѣ тѣ старыя, излюбленные ими обряды, измѣненіе которыхъ при патр. Никоѣ и вызвало отдѣленіе раскольниковъ отъ Церкви? Исторія раскола приводитъ къ инымъ выводамъ. Изъ сочиненій первыхъ расколоучителей, вождей и основоположниковъ раскола, видно, съ какой ожесточенной ненавистью они относились къ Русской Церкви, которую, они называли никоніанской. По ихъ представленію, Церковь эта является не только еретическою, или заблуждающеюся, а даже царствомъ антихриста. Отсюда вытекало требованіе перекрещивать переходящихъ въ расколъ изъ Православной Церкви, что и до сихъ поръ соблюдается у безповцевъ; это требованіе свидѣтельствуетъ, что основатели раскола не признавали православнаго крещенія истиннымъ и, такимъ образомъ, не считали православныхъ христіанами. Въ дальнѣйшей своей исторической жизни старообрядчество распалось на множество сектъ и толковъ ¹⁾, которые предавали другъ друга анаѣмъ, не желали имѣть другъ съ другомъ „общенія ни въ семь вѣкѣ, ни въ будущемъ“, и общимъ началомъ у всѣхъ нихъ (кромѣ нѣкоторыхъ обрядовъ, какъ двуперстнаго сло-

¹⁾ Это раздѣленіе старообрядчества на множество толковъ также указывалось правыми членами Госуд. Думы, но и это оппозиціоннымъ большинствомъ оставлено опять-таки безъ всякаго вниманія.

женія и имени Иисусъ) осталась лишь общая ненависть къ Православной Церкви. Всѣ эти разнообразныя толки можно свести къ двумъ основнымъ группамъ—безпоповству и поповству. Въ безпоповствѣ вполнѣ сохранилось ученіе основателей раскола о царствованіи въ Русской Церкви антихриста, а въ нѣкоторыхъ безпоповщинскихъ сектахъ это ученіе получило даже дальнѣйшее развитіе. Такъ, по ученію секты странниковъ, антихристъ воплощается въ рядѣ Русскихъ Императоровъ, начиная съ Петра I, всѣ гражданскія власти суть слуги антихристовы, а потому истинный старообрядецъ долженъ порвать съ ними всякую связь, не платить податей, не брать паспорта, а „таится и бѣгати“, укрываясь по лѣсамъ и всякаго рода тайнымъ притонамъ. Это ученіе о царствованіи въ Русской Церкви антихриста является въ системѣ безпоповства существеннымъ и необходимымъ. Дѣло въ томъ, что безпоповцы не имѣютъ священниковъ не потому, чтобы они въ принципѣ отрицали необходимость священства, какъ это дѣлаютъ, напр., молокане или баптисты. Расколъ вѣдь поставилъ своей цѣлью сохраненіе стариннаго до-никоновскаго церковнаго устройства до малѣйшей іоты. Безпоповцы вынуждены оставаться безъ священниковъ лишь вслѣдствіе исторической необходимости; но этимъ отсутствіемъ священниковъ вызывается существенное отличіе безпоповщинскихъ общинъ отъ древней Православной Церкви. Единственное оправданіе для себя въ данномъ случаѣ безпоповцы находятъ въ ученіи объ антихристѣ, который будто бы истребилъ истинное священство, такъ что послѣдняго и не можетъ быть на землѣ. Итакъ, что же можетъ безпоповецъ сказать православному, чтобы убѣдить его оставить Церковь и перейти въ безпоповство? какъ онъ можетъ убѣдить его, что вѣчнаго спасенія слѣдуетъ искать не въ первой, а въ послѣдней?—Если онъ скажетъ, что Православная Церковь содержитъ неправильныя обряды, введенныя патр. Никономъ, то православный (помимо научныхъ, историческихъ данныхъ, оправдывающихъ исправленія Никона)

можетъ отвѣтить ему, что Церковь не запрещаетъ своимъ членамъ-единовѣрцамъ держаться и старыхъ обрядовъ. Очевидно, безпоповщинская пропаганда необходимо должна свестись къ доказательству ученія, что въ Русской Церкви царствуетъ антихристъ, и потому всякій истинный христіанинъ долженъ бѣжать изъ нея. Неужели же такому ученію предоставить свободу распространенія—только во имя торжества отвлеченнаго принципа безусловной свободы совѣсти?

Другая вѣтвь раскольниковъ—поповцы—признала возможнымъ заимствоваться священствомъ изъ той самой Церкви, отъ которой она отдѣлилась,—переманивая изъ нея „бѣглыхъ поповъ“. Вслѣдствіе такого отношенія къ Русской Церкви, поповцамъ неудобно было настаивать на ученіи о царствованіи въ послѣдней антихриста, хотя это ученіе, какъ показываетъ дальнѣйшая исторія, продолжало существовать и у поповцевъ. Когда имъ удалось обзавестись собственной іерархіей, переманивши къ себѣ, за 500 австрійскихъ червонцевъ въ годъ, бывшаго боснійскаго митрополита Амвросія, который и сдѣлался родоначальникомъ такъ называемой „австрійской“ раскольнической іерархіи, то наиболѣе мыслящіе поповцы пришли къ сознанію, что необходимо выяснить взглядъ на Греко-россійскую Церковь, такъ какъ священство Амвросія не можетъ быть признано истиннымъ, если въ этой Церкви царствуетъ антихристъ. Однимъ изъ такихъ поповцевъ было составлено „Окружное посланіе“, въ которомъ проводится мысль, что, хотя Греко-россійская Церковь и не есть истинная, но въ ней все-таки сохраняется благодать Христова, такъ какъ она вѣруетъ въ Того же Сына Божія, Котораго почитаютъ и старообрядцы, хотя и называетъ Его неправильно (съ раскольнической точки зрѣнія) Іисусъ, вмѣсто Ісусъ. Хотя „посланіе“ было написано въ защиту истинности „австрійской“ іерархіи, однако оно вызвало большое смущеніе среди сторонниковъ этой послѣдней; многіе требовали уничтоженія „посланія“, какъ еретическаго. Въ числѣ противниковъ „посланія“ такъ называемыхъ противокружниковъ, оказался тогдашній глава „австрійскаго“ священства

Кирилль, именуемый митрополитомъ Бѣлокриницкимъ. Онъ утвердилъ своей подписью и послалъ для утверженія русскихъ старообрядцевъ въ „истинной“ вѣрѣ, какъ составленную „отъ божественнаго писанія и св. правилъ“, грамоту нѣкоего Лаврентія Баженова, въ которой утверждается мысль, что Греко-россійская Церковь вѣруетъ не въ истиннаго Сына Божія, Котораго почитаютъ старообрядцы подъ именемъ Исусъ, а въ Исуса, Который будто бы есть „Онъ Богъ—антихристъ“, хотя также рожденъ по наитію Духа Святаго. Защитники „посланія“, такъ называемые окружники, возстали противъ такого богохульнаго ученія. Но на московскомъ съѣздѣ въ 1906 г., яко-бы для восстановленія мира церковнаго, т. е. для примиренія съ противниками, окружники согласились на уничтоженіе „Окружнаго посланія“ и тѣмъ самымъ признали своихъ противниковъ побѣдителями. Такимъ образомъ, и поповцы, по крайней мѣрѣ значительная часть ихъ, послѣдній аргументъ для оправданія своего отдѣленія отъ Православной Церкви находятъ въ ученіи о царствованіи въ ней антихриста. Многимъ такое ученіе покажется нелѣпымъ до невѣроятности. Но не слѣдуетъ забывать, что, какъ бы ни идеализировали старообрядцевъ ихъ защитники, исторія съ несомнѣнностью свидѣтельствуетъ, что старообрядчество обязано своимъ происхожденіемъ и дальнѣйшимъ существованіемъ фанатизму и невѣжеству. И вотъ теперь на защиту свободнаго распространенія фанатизма и невѣжества выступаютъ люди, выдающіе себя за сторонниковъ прогресса.

Конечно, практика часто расходится съ теоріей, и вполне возможно допустить, что въ жизни многіе старообрядцы не питаютъ той ненависти къ Православной Церкви, которая должна быть неизбѣжнымъ логическимъ выводомъ изъ ихъ ученія объ антихристѣ. Но устанавливаемая думскимъ законопроектомъ свобода пропаганды,—при томъ представленіи, что законопроектъ этотъ будетъ осуществляться въ жизни (а безъ такого предположенія нѣтъ никакого смысла и издавать законъ),—именно выдвигаетъ на первый планъ

въ сознаниі старообрядцевъ эту мысль объ антихристѣ со всѣми вытекающими изъ нея выводами, потому что, какъ было показано, эта мысль есть послѣдній аргументъ, которымъ старообрядецъ можетъ надѣяться склонить православнаго къ переходу изъ Православной Церкви въ расколъ. Къ тому же не слѣдуетъ упускать изъ виду того положенія, высказаннаго нѣкоторыми членами Г. Думы отъ лица всего старообрядчества, что поправки, внесенныя въ правительственный законопроектъ думской комиссіей по старообрядческимъ вопросамъ, въ томъ числѣ и пунктъ о свободѣ пропаганды, являются предметомъ пламеннаго желанія всѣхъ старообрядцевъ. Не хочется думать, чтобы это утвержденіе было только лишь „тактическимъ приѣмомъ“ для проведенія своего мнѣнія, такъ какъ подобный приѣмъ былъ бы слишкомъ низкимъ въ смыслѣ нравственномъ. Если же это утвержденіе соотвѣтствуетъ дѣйствительности, то оно вовсе не свидѣтельствуетъ о миролюбивомъ настроеніи старообрядцевъ по отношенію къ Православной Церкви. Въ самомъ дѣлѣ, это пламенное желаніе старообрядцевъ добиться права свободно проповѣдовать свое ученіе православнымъ и совращать ихъ въ расколъ можетъ показывать лишь, насколько глубоко старообрядцы проникнуты убѣжденіемъ, что принадлежность къ Православной Церкви гибельна для людей, что ея членовъ необходимо всячески спасать отъ вѣчной гибели, убѣждая ихъ покинуть Церковь. Какое же чувство, кромѣ ненависти, можетъ питать старообрядецъ по отношенію къ той Церкви, которая, по его убѣжденію, губитъ своихъ членовъ, а между тѣмъ всячески удерживаетъ ихъ у себя, ложно увѣряя, что ведетъ ихъ ко спасенію? И этому-то чувству думское большинство желаетъ обезпечить свободу распространенія!

Въ послѣднее время, очевидно, сами сознавая неосновательность и даже нелѣпость своей прежней аргументаціи въ полемикѣ съ православными, многіе старообрядческіе начетчики стараются возвести новыя обвиненія на Православ-

ную Церковь¹⁾. Въ бесѣдахъ съ православными миссіонерами они не говорятъ уже объ антихристѣ, объ имени Ісусъ, о троеперстіи, какъ печати антихристовой, и т. п., а указываютъ на нѣкоторые недостатки современной русской церковной организаціи, напр., на слабое развитіе приходской жизни, на неканоническое (будто бы) устройство Русской Церкви, во главѣ которой будто бы стоитъ оберъ-прокуроръ Св. Синода, на цезаропанизмъ и т. д. Но если ученіе о царствованіи въ Русской Церкви антихриста является убѣжденіемъ, хотя и нелѣпымъ, но все-таки искреннимъ, то въ послѣдней аргументаціи мы имѣемъ дѣло съ преднамѣренной ложью. Вѣдь дѣло идетъ о томъ, чтобы доказать превосходство старообрядчества надъ православіемъ; но превосходство всякой христіанской общины опредѣляется не большимъ или меньшимъ совершенствомъ ея внѣшняго устройства, а прежде всего и главнымъ образомъ ея единеніемъ съ Вселенскою Церковью, тѣломъ Христовымъ, не принадлежа къ которому, нельзя достигнуть спасенія и жизни вѣчной (Еф. 5, 23; Іоанн. 15, 1—8). Поэтому необходимо выяснить, гдѣ сохранилась при возникновеніи раскола въ 1667 году истинная Христова Церковь—въ Русской ли Церкви, принявшей сдѣланныя Никономъ исправленія, или въ обществѣ старообрядцевъ; но къ этому вопросу указываемые раскольниками современные недостатки русской церковной жизни совершенно никакого отношенія не имѣютъ, такъ какъ во время реформъ Никона и собора 1667 г. ни въ приходской жизни, ни въ высшемъ церковномъ управленіи, ни въ отношеніяхъ царя къ Церкви не произошло никакихъ измѣненій, сравни-

¹⁾ Уже составитель „Окружнаго посланія“, высказавши вполнѣ правильную мысль о сохраненіи благодати Христовой въ Греко-россійской Церкви, далѣе старается найти „благословныя и важныя вины“ для оправданія отдѣленія раскольниковъ отъ Православной Церкви и въ качествѣ такихъ причинъ указываетъ на факты, совершавшіеся послѣ возникновенія раскола и бывшіе его слѣдствіями, а не причинами на клятвы собора 1667 г. и на порицанія старыхъ обрядовъ, высказанныя нѣкоторыми православными полемистами.

тельно съ устройствомъ до-никоновской Церкви, которую раскольники считаютъ образцомъ чистѣйшаго православія. Кромѣ того, у насъ есть полное основаніе утверждать, что и при устраненіи этихъ осуждаемыхъ старообрядцами сторонъ русской церковной жизни нельзя ожидать возвращенія старообрядцевъ въ Русскую Церковь, такъ какъ они теперь не ищутъ общенія съ православными восточными церквами, въ которыхъ приходская жизнь и высшее церковное управленіе устроены иначе, чѣмъ въ Россіи. Такимъ образомъ, указаніе на недостатки *современной Русской Церкви* есть, въ существѣ дѣла, сознаніе старообрядческихъ начетчиковъ въ своемъ безсиліи болѣе основательными доводами оправдать упорное отдѣленіе свое и своихъ предковъ отъ *Вселенской Православной Церкви*. Поэтому, если старообрядецъ, убѣждая православнаго въ томъ, что истина—въ расколѣ, а не въ православіи, при этомъ будетъ ссылаться на указанные недостатки Церкви, то такая аргументація будетъ преднамѣренной ложью, рассчитанной на недостаточную освѣдомленность собесѣдника: вѣдь недостатки Православной Церкви (при томъ же вовсе не относящіеся къ существу ея) не доказываютъ истинности старообрядчества. Такъ неужели же государство имѣетъ какія-либо основанія легализовать свободу примѣненія подобныхъ пріемовъ?

Итакъ, свобода пропаганды старообрядчества можетъ привести только къ распространенію, точнѣе сказать — къ стремленію распространять ложь, фанатизмъ и невѣжество. Само собою понятно, что и для Церкви и для государства отъ этого кромѣ вреда ничего не произойдетъ. Поэтому совершенно понятно, что за поправки комиссіи голосовали такія партіи (напр., с.-демократы), которыя неоднократно открыто высказывали свою ненависть къ Православной Церкви. Гораздо удивительнѣе, что за свободу старообрядческой пропаганды высказались и октябристы, которымъ, повидимому, должны бы быть дороги интересы Церкви и государства. Но въ данномъ случаѣ, по всей вѣроятности, и проявилась именно

указанная въ началѣ статьи склонность руководиться не требованіями дѣйствительной жизни, а отвлеченными параграфами партійной программы.

Н. Гумилевскій.

Діаконы или вторые священники?

(Продолженіе ¹⁾).

Въ настоящее время у діакона, по совершенію церковной службы, остается много свободного времени. Спрашивается, чѣмъ заполнить его? Г. Р. указываетъ на занятіе земледѣліемъ. Но видѣть въ земледѣліи то, чѣмъ діаконъ могъ бы занять свой досугъ, нельзя—разъ потому, что и теперь сельскіе клирики не повсемѣстно могутъ заниматься земледѣліемъ, а главное потому, что идеальный порядокъ отношеній именно не допускаетъ совмѣщенія пастырскаго служенія съ занятіями, никакого отношенія къ пастырству не имѣющими, хотя бы сами по себѣ эти занятія были весьма почтенны, какъ то же земледѣліе. Итакъ, праздность—удѣлъ сельскихъ діаконѡвъ. А такъ какъ издавна извѣстно, что праздность—мать всѣхъ пороковъ, то въ ней лежитъ первопричина тѣхъ уклоненій отъ требованій благочинія и благоповеденія, на которыя мы указывали въ предыдущей статьѣ, но въ которыхъ о. В. Пестряковъ склоненъ винить не діаконѡвъ, а скорѣе... настоятелей приходѡвъ.

Мы не понимаемъ, что значитъ заявленіе о. В. Пестрякова, что тамъ діаконы обнаруживаютъ „стропотность“, „гдѣ слово настоятель звучитъ слишкомъ гордо“. Что значитъ: *слишкомъ гордо звучитъ*? Если настоятель требуетъ отъ діакона исправности по службѣ—развѣ можно упрекнуть его за это? Или—если настоятель дѣлаетъ справедливое внушеніе діакону за упущенія по службѣ—развѣ за то слѣдуетъ осуждать настоятеля? Мы

¹⁾ См. № 22-й за 1909-й г.

не склонны во всемъ слѣдовать старинѣ съ ея строжайшею субординаціей, при которой діаконъ бывало въ присутствіи священника садиться даже и не думалъ, но мы знаемъ, что весьма многіе изъ благонастроенныхъ мірянъ съ осужденіемъ относятся къ замѣчаемому нынѣ „панибратству“ въ отношеніяхъ между священникомъ и діакономъ, забывающихъ свои іерархическія отношенія даже на службѣ. „Ему же честь—честь“, и діаконъ внимательно прислушивающійся къ наставленіямъ и справедливымъ замѣчаніямъ строгаго настоятеля не только ничего отъ этого не теряетъ, а наоборотъ—скорѣе приобрѣтаетъ. Вѣдь всѣ мы ревностнѣе начинаемъ относиться къ своему дѣлу, когда ловимъ на себѣ укоризненный взглядъ строгаго начальника и вспоминаемъ, что у начальника есть мечъ, и что мечъ этотъ—онъ не безъ ума (ὁ εἰχῆ=не напрасно) носить!

Взявъ подъ свою защиту діаконѡвъ, утѣсняемыхъ, будто бы, гордыми настоятелями, о. В. Пестряковъ склоненъ не только извинить нѣкоторыхъ изъ „передовыхъ“ діаконѡвъ за выражаемое ими стремленіе заявлять на пастырскихъ собраніяхъ какія-то ихъ особья, „кровныя“ „нужды и обиды“, но считаетъ дѣломъ вполне естественнымъ предоставить діаконамъ и даже псаломщикамъ на благочинническихъ собраніяхъ и епархіальныхъ сѣздахъ то право полного голоса, о которомъ низшіе клирики особенно хлопотали въ пресловутую „освободительную эпоху“.—Какія такія кровныя нужды и обиды имѣютъ наши діаконы и псаломщики, о которыхъ не могутъ они заявить своему епархіальному начальству, Богъ вѣсть. Но насъ удивляетъ высказываемая о. В. Пестряковымъ готовность признать за низшими клириками такую же полноту правъ при обсужденіи дѣлъ на благочинническихъ и епархіальныхъ сѣздахъ, какая, по церковной дисциплинѣ, принадлежитъ однимъ пресвитерамъ. Если благочинническіе и епархіальные сѣзды суть собранія *пастырей*, то какъ же возможно предоставлять на нихъ рѣшающій голосъ *не* пастырямъ?! Пусть дозволено будетъ діаконамъ и

псаломщикамъ собираться на свои собранія, если въ томъ есть дѣйствительная нужда; тогда всѣ такъ и будутъ знать, что одно—собранія пастырей, другое—собранія діаконовъ, третье—собранія псаломщиковъ. Но пастырскія собранія должны быть составляемы изъ однихъ только пастырей, потому что имъ однимъ принадлежитъ полнота голоса при обсужденіи пастырскихъ дѣлъ. Уже и теперь, собственно говоря, сдѣлана *уступка* въ пользу діаконовъ и псаломщиковъ, когда имъ предоставлена нѣкоторая доля участія при рѣшеніи дѣлъ на благочинническихъ и енархіальныхъ съѣздахъ духовенства. Оказывается, этой уступкой они уже не довольны и хотятъ расширить „свои“ права! Но расширение діаконовыхъ и псаломщическихъ правъ,—буде оно состоится,—должно пойти на счетъ правъ пресвитерскихъ. И такъ какъ, при теперешнихъ штатахъ, діаконовъ и псаломщиковъ вмѣстѣ взятыхъ по численности больше, чѣмъ священниковъ, то на пастырскихъ собраніяхъ всегда будутъ имѣть перевѣсъ діаконъ и псаломщики, когда они будутъ голосовать вмѣстѣ. Что же получится? На *пастырскомъ* собраніи рѣшающее значеніе будутъ имѣть не тѣ, по имени кого названы и самыя собранія, а діаконъ и псаломщикъ. Развѣ это порядокъ? Развѣ это естественно? Развѣ нормально, далѣе, то, что проведенное на пастырскомъ собраніи діаконами и псаломщиками рѣшеніе енархіальная власть принуждена будетъ трактовать, какъ голосъ пастырей?! Наконецъ, если предоставлять права полнаго голоса псаломщикамъ на съѣздахъ, то послѣдовательность требуетъ предоставленія такихъ же правъ и мірянамъ, потому что въ сущности между нынѣшними псаломщиками и мірянами нѣтъ никакого различія. Но пусть же пастыри не посѣтуютъ, когда ихъ вѣдѣнію подлежащія пастырскія дѣла возьмутъ въ свои руки міряне, и пасомые станутъ учить своихъ пастырей, какъ принимать на исповѣди и отпускать грѣхи!..

Отъ этой модной благотворительности въ пользу низшаго клира и мірянъ, благотворительности на счетъ досто-

янія пастырѣй, не выйдеть ничего хорошаго: пастырское дѣло отъ того не только не выиграеть, а, напротивъ, проиграеть!

Вѣроятно, г. Р. не раздѣлитъ взгляда о. В. Пестрякова относительно возможности расширенія правъ діаконовъ на пастырскихъ собраніяхъ. Г. Р.—сторонникъ воскрешенія діаконскаго института въ его *древней* формѣ. Не даромъ критикѣ нашихъ взглядовъ г. Р. предюслалъ заявленіе, что „чинъ и должность діакона—древняго происхожденія“; что „эта третья ступень священства относится ко временамъ апостольскимъ“¹⁾. Изъ сего слѣдуетъ, во-1-хъ, то, говоритъ г. Р., что діаконую ступень въ церковной іерархіи никакъ нельзя уничтожать (но мы и не говоримъ о совершенномъ уничтоженіи діаконскаго служенія; мы только сомнѣваемся въ его пользѣ для *сельскихъ* приходовъ!), а во-2-хъ, изъ этого же слѣдуетъ, прибавимъ, то, что положеніе діакона въ клирѣ и церкви должно быть регламентировано не тенденціями духа времени, а *церковными канонами*.

Указавъ на избраніе первыхъ діаконовъ въ христіанской церкви (Стефановскій діаконатъ) и отмѣтивъ, съ одной стороны, то, что діаконы въ первенствующей церкви имѣли право проповѣдывать Слово Божіе, а съ другой—хорошо служившіе діаконы еще въ вѣкъ ап. Павла приготовляли себѣ „вышнюю ступень“ въ церковной іерархіи, г. Р. обращается къ современности. „Въ настоящее время“, говоритъ онъ, „при возрождающейся церковной жизни, какое великое поприще открывается для дѣятельности діаконовъ! Въдѣ и въ настоящее время „вдовицы бывають пренебрегаемы въ

¹⁾ Напрасно, однако, г. Р. обличаетъ насъ въ незнаніи этой истины. Недоумѣваемъ, откуда онъ усмотрѣлъ у насъ это незнаніе. Если мы сказали, что діаконы по селамъ умножились у насъ съ открытіемъ церк.-приходскихъ школъ (съ 1884 г.),—развѣ это не правда? Но вѣдь отсюда до усвоеннаго намъ г. Р. лжеученія, будто діаконская должность возникла въ то время, когда возникли церк.-прих. школы,—дистанція огромнаго размѣра!..

ежедневномъ раздаяніи потребностей“, какъ это было во времена апостоловъ (Дѣян. 6, 1—2). Сколько возникло благотворительныхъ и просвѣтительныхъ учреждений, и сколько еще желательно учредить таковыхъ,—вотъ здѣсь-то и нужны были бы оо. діаконы, помимо ихъ церковно-служебныхъ обязанностей“. А затѣмъ, если ап. Павелъ указываетъ, что хорошо служившіе діаконы готовятъ себѣ высшую ступень (1 Тим. 3, 13), то почему бы, въ самомъ дѣлѣ, „при бѣгствѣ семинаристовъ изъ духовнаго званія на иныя свѣтскія поприща, не воспользоваться діаконами, возведя ихъ въ священный санъ? Есть діаконы благочестивой жизни, знающіе прекрасно церковный уставъ, пѣніе, живущіе въ мирѣ и согласіи съ прихожанами, воздѣйствующіе на послѣднихъ и словомъ и примѣромъ. Они могутъ быть вполне достойными священниками“.

Мысль г. В. о діаконахъ, какъ кандидатахъ въ священники, не новая и, поэтому—не интересная. Въ предыдущей статьѣ¹⁾ мы отмѣтили какъ фактъ, что современные діаконы-учители только и мечтаютъ, какъ бы скорѣе развязаться съ школой, придерживающей ихъ въ діаконскомъ санѣ, и перейти на священническое мѣсто. Само по себѣ діаконское служеніе не привлекаетъ къ себѣ тѣхъ, кто имѣетъ право на высшую іерархическую ступень. Но другая мысль г. В. о возвращеніи теперешнимъ діаконамъ древнихъ функций — заслуживаетъ вниманія. Въ самомъ дѣлѣ, если возможно усвоеніе діаконамъ того, что составляло содержаніе ихъ служенія въ древности, то нечего возражать и противъ необходимости сельскаго діаконата.—Но въ томъ-то и дѣло, что въ нашъ вѣкъ уже нельзя воскресить древніе церковные институты во всей ихъ полнотѣ. То, что въ глубокой христіанской древности выпадало на долю діаконствъ,—добавимъ: вмѣстѣ съ епископами,—по части попеченія о внѣшнемъ благополучіи вѣрующихъ, нынѣ перешло отчасти въ

¹⁾ См. „Р. д. с. л.“ за 1908 г. № 49.

руки священниковъ, а главнымъ образомъ стало предметомъ заботъ самого христіанскаго общества, организующаго у себя различныя благотворительныя общества. Въ первенствующей церкви главнымъ попечителемъ вдовъ, сиротъ и вообще—бѣдствующаго люда былъ епископъ, которому дѣятельно помогали въ этомъ отношеніи діаконъ. Общая работа по части благотворительности и вообще—попеченія о виѣшнемъ благѣ христіанъ тѣсно сближали епископовъ съ діаконами, и, поэтому, неудивительнымъ становилось, что на іерархической лѣстницѣ для діаконъ слѣдующею ступеню было именно епископство („высшая ступень“), котораго діаконъ удостоивался въ награду за ревностное служеніе ¹⁾). Нынѣ въ церкви порядки иные, и какъ нельзя воскресить во всей полнотѣ функціи древняго епископа — высшаго распорядителя внутренней и въ значительной степени — виѣшной жизни первенствующихъ христіанъ, такъ нельзя мечтать о препорученіи діаконамъ дѣлать благотворенія по приходамъ, когда эти дѣла отошли въ болѣе умѣлыя и болѣе надежныя руки. Переустройство порядковъ въ дѣлѣ современнаго благотворенія, конечно, было бы насильственной ломкой уже довольно прочно созданнаго, и эта ломка ничего добраго не обѣщаетъ. Ломать не трудно, но создавать вновь что-нибудь — не такъ-то легко. Не лучше ли нашему духовенству, вмѣсто опасной ломки, усовершенствовать тѣ формы, въ какихъ отливается современная общественная благотворительность, вліяя соответственнымъ образомъ на *настроеніе* дѣятелей въ благотворительныхъ обществахъ и организаціяхъ?..

Замѣчательно, что о. В. Пестряковъ, заявившій, что онъ, въ противоположность свѣтскому человѣку—теоретику, попытается, какъ священникъ, рѣшить вопросъ о функціяхъ діаконъ именно съ практической стороны, древнихъ функ-

¹⁾ См. объ этомъ ст. проф. А. И. Лебедева: „Взаимоотношенія епископа и діаконъ въ глубокой древности“ въ его книгѣ: *Духовенство древней вселенской церкви*. М. 1905, стр. 26—45.

цій нынѣшнимъ діаконамъ не усваеетъ. Самую необходимость діаконовъ въ сельскомъ клирѣ онъ выводитъ изъ ученія о *полнотѣ* церковной іерархіи, утверждая, что „для полноты церковной эта степень (практически) должна существовать вездѣ, гдѣ тому представляется возможность“. — Противъ этого можно возразить, что „полнота іерархіи“ нисколько не пострадаетъ отъ того, что діаконскія мѣста по селамъ будутъ замѣщены священниками, такъ какъ въ каждой епархіи, составляющей своего рода помѣстную церковь, останутся діаконы при соборахъ и большихъ приходскихъ церквахъ. Съ другой стороны—заботиться объ умноженіи діаконовъ въ интересахъ „полноты церковной“ („гдѣ тому представляется возможность“) не значитъ ли начинать дѣло съ конца, разъ та же „полнота церковная“ требуетъ умноженія, прежде всего, епископовъ, какъ главныхъ іерархическихъ лицъ? Не надо ли выразить пожеланіе, чтобы въ каждомъ („по возможности“) приходѣ былъ и епископъ, и пресвитеръ, и діаконъ,—какъ бывало это въ древнѣйшей христіанской церкви? — Но, вѣдь, учрежденіе такого великаго множества епископій, какъ бывало прежде, въ нынѣшнее время—по многимъ причинамъ дѣло—совершенно невозможное. Какое же особое побужденіе есть хлопотать объ умноженіи діаконскихъ вакансій?—По нашему мнѣнію, такого побужденія нѣтъ. Но о. В. Пестряковъ рассуждаетъ иначе. Онъ смотритъ на вещи съ практической точки зрѣнія и, осудивъ насъ за то, что „въ настоящія крайне трудныя времена“ мы хотимъ „умножить“ членовъ причта (вѣроятно, о. В. Пестряковъ предполагаетъ, что при вторыхъ священникахъ мы намѣрены оставить и діаконовъ) вмѣсто того, чтобы, „гдѣ возможно, сокращать это число, т. е. сокращать нищенство въ духовенствѣ“, упрекнувъ насъ за это, нашъ критикъ, во-первыхъ, рекомендуетъ діаконовъ во всѣхъ приходсахъ перевести на псаломщическія вакансіи, чѣмъ будетъ достигнута экономія при распредѣленіи жалованья и доходовъ между членами

клира, а затѣмъ—возложить на нихъ заботу о торжественности богослуженія ¹⁾).

Выходитъ, что какихъ либо спеціальныхъ функцій діаконамъ о. В. Пестряковъ не предоставляетъ. Діаконы оказываются то помощниками священниковъ при богослуженіи (торжественномъ), то чтецами и пѣвцами на клиросѣ, когда нѣтъ нужды облачаться въ стихарь и произносить ектеньи. Но это-то и есть та „какая-то растяжимость“ и та „неопредѣленность“, которыя признаетъ за дяконскою должностію въ нынѣшнее время и г. Р., и которыя заставляютъ насъ продолжать сомнѣваться въ необходимости діаконскаго института для сельскихъ церквей.

О. В. Пестряковъ опасается, что съ упраздненіемъ діаконскихъ вакансій умалятся *доходы* причта, потому что „упразднится тотъ заработокъ, какой получаетъ діаконовъ“. О. В. Пестряковъ не питаетъ надежды на то, чтобы второй или младшій священникъ могъ выработать на свою долю столько, сколько вырабатываетъ діаконовъ. „За мудрые совѣты, даже за проповѣдь, старшаго священника народъ содержать не будетъ—для этого онъ и бѣденъ и мало развитъ. Значитъ, то, что зарабатываетъ теперь священникъ тяжелымъ физическимъ трудомъ, по проекту, онъ долженъ дѣлить на двоихъ. На это не найдется охотниковъ“. Такое, по взгляду о. В. Пестрякова, безнадежное положеніе старшаго священника, оставшагося безъ діакона при помощникѣ второмъ священникѣ, заставляеть о. В. Пестрякова дорожить діакономъ, потому что діакона, даже и на псаломщической вакансіи, народъ усердиѣе „поддержитъ“, чѣмъ псаломщика, „такъ

¹⁾ Любопытно, что тогда, какъ о. В. Пестряковъ приписываетъ намъ стремленіе умножать членовъ причта и осуждаетъ насъ за это, г. Р. усматриваетъ „крайнее недомысліе“ въ нашемъ, будто бы, стараніи сократить число дѣятелей на нивѣ церковной! И тотъ и другой критикъ попали, очевидно, впросакъ, ибо мы говорили и говоримъ о замѣнѣ одной должности въ клирѣ другой, а совсѣмъ не объ увеличеніи или уменьшеніи членовъ клира.

какъ къ рясу народъ относится все же почительнѣе, чѣмъ къ пиджаку“.—Предоставляемъ болѣе опытнымъ людямъ судить, насколько справедливы опасенія о. В. Пестрякова за неизбежное, будто бы, обѣдненіе причта при двухъ священникахъ безъ діакона, но, во всякомъ слѣдствіи, такого рода оправданіе необходимости діаконствъ въ сельскомъ клирѣ не вяжется съ приведеннымъ у автора выше ученіемъ о „полнотѣ церковной“. Автору проекта діаконствъ на псаломщической вакансіи слѣдовало бы съ самаго начала, безъ церемоніи, сказать, что діаконствъ по сельскимъ церквамъ нужны для *увеличенія доходовъ причта*. Однако, будь даже справедливо то, что говоритъ о. В. Пестряковъ,—оправданіе необходимости сельскихъ діаконствъ соображеніями матеріальной отъ того выгоды для причта не принадлежатъ къ разряду тѣхъ соображеній высшаго, идеальнаго порядка, которыя даютъ прочность тѣмъ или другимъ учрежденіямъ и обыкновенно принимаются въ расчетъ при рѣшеніи вопроса о правѣ существованія того или иного служебнаго института. Правда, о. В. Пестряковъ прибавляетъ, что „въ діаконствѣ Церкви будетъ имѣть кадръ кандидатовъ священства, пусть и не всегда блестящихъ, на случай оскуднѣнія въ семинаристахъ, желающихъ идти въ священники“; но какъ можно, съ одной стороны, спорить относительно того, какая подготовка къ настырству цѣлесообразнѣе—въ санѣ ли младшаго священника подъ руководствомъ пожилого, опытнаго настоятеля, или—въ санѣ діакона при молодомъ, только что оставившемъ школьную скамью „пресвитерѣ“, такъ, съ другой стороны, можно высказать и недоумѣніе: почему изъ достойныхъ псаломщиковъ, въ случаѣ нужды, нельзя прямо поставятъ въ пресвитеры, продержавъ псаломщика сначала въ „искусѣ“, допустимъ, тѣ же пять каноническихъ лѣтъ, а затѣмъ—въ должности второго или младшаго священника—еще пять лѣтъ?!

Н. Пальмовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Мои воспоминанія.

Смерть отца.

(Продолженіе ¹⁾).

Отецъ нашъ скончался на сорокъ четвертомъ году своей жизни; былъ онъ крѣпкаго сложенія, и никакъ нельзя было думать, что онъ оставитъ насъ въ такіе ранніе годы. Но у него какъ будто было предчувствіе скорой своей кончины, и онъ случайно выражалъ намеки на то, что скоро можетъ осиротѣть его семья. Большія непріятности, какія пришлось пережить ему въ послѣдующіе годы, удручающимъ образомъ дѣйствовали на него, и онѣ не мало подорвали его здоровье, хотя мы, дѣти, не замѣчали и не могли замѣчать этого, и подѣ влияніемъ ихъ его часто навѣщала тягостная мысль объ угрожающей ему близкой смерти. И вотъ какіе намеки на это припоминаются намъ изъ его случайно брошенныхъ выраженій. Былъ онъ въ селѣ Верхозерья у священника, брата нашей матери, къ которому со всѣмъ семействомъ ѣздилъ на праздники. Пировали гости у этого родственника, и между ними былъ бурмистръ верхозерскій (Верхозерье—вотчина графовъ Апраксиныхъ), по имени Киръ Михайловичъ. И вдругъ, среди пиршественной бесѣды, нашъ отецъ обращается къ верхозерскому бурмистру съ такими словами: „Киръ Михайловичъ! Не оставьте моихъ дѣтей, когда умру я“. И эту фразу онъ повторилъ не одинъ разъ. Какъ ножемъ по сердцу, кольнула насъ и нашихъ близкихъ эта фразу, хотя въ то время намъ казалось, что для этой фразы въ состояніи его здоровья не было вызывающаго повода. Другой разъ онъ поразилъ насъ намекомъ на ожидающее насъ сиротство у себя дома, и вотъ по какому случаю. Изъ деревни Грибкова, бывшей въ приходѣ о. Михаила Воскресенскаго, пріѣхалъ въ

¹⁾ См. № 22-й за 1909-й г.

погость зажиточный крестьянинъ звать священника къ себѣ на крестины. Оставивши лошадь въ погостѣ, онъ побѣжалъ въ д. Михайлово купить вина для угощенія приглашенныхъ на крестины. Михайлово отъ погоста лежитъ верстахъ въ двухъ. Чтобы не заставить священника долго ждать себя, онъ слишкомъ быстро шелъ туда и оттуда, и съ нимъ случился заворотъ кишки, и онъ едва доѣхалъ до дома, и на другой день скончался. Когда его хоронили, большой былъ плачь родныхъ его, и мы рассказывали отцу объ ихъ неудержимыхъ громкихъ рыданіяхъ. Выслушавъ насъ, онъ обращается къ намъ: „а вы какъ будете плакать, когда умру я?“ Послѣ этой фразы замолкла домашняя оживленная беседа, и мы всѣ въ уныніи склонили свои головы.

Послѣдній случай былъ недѣли за двѣ до начала смертельной болѣзни нашего отца. Заболѣлъ онъ, или по крайней мѣрѣ открылась его болѣзнь 15 августа. Отслуживъ на Успенье литургію, онъ, пришедши домой, незахотѣлъ ничего ни пить, ни ѣсть, а прямо слегъ въ постель, которая стала для него роковымъ смертнымъ одромъ. Призванный докторъ сказалъ, что у него горячка или тифъ въ тяжелой формѣ. Всѣ мы почувствовали, что близокъ конецъ его. Суетилась и плакала наша мать; мы ходили, какъ не свои, и едва сдерживали слезы. На шестой день болѣзни (въ воскресенье послали за духовникомъ, какимъ былъ двоюродный братъ матери, о. Михайлъ Зерновъ, занимавшій мѣсто священника въ селѣ Карачоровѣ. Послали и въ Верхозерье извѣстить родныхъ матери объ опасной болѣзни нашего отца: туда поѣхали два нашихъ сверстника, сынъ о. Михаила Воскресенскаго и сынъ покойнаго причетника Грандицкаго. Никого изъ насъ не пустили съ ними, потому что съ часу на часъ ожидали смерти болящаго; а они хотѣли бы, чтобы ктонибудь изъ насъ ѣхалъ, такъ какъ они не знали дороги въ Верхозерье... Помню, за день до смерти посадили его на стулъ, и насъ, всѣхъ дѣтей (тогда насъ было пятеро) подвели къ нему, и онъ каждому изъ насъ благословлялъ ико-

ною, но въ изнеможеніи не могъ ничего говорить. Только выраженіемъ жалости и любви его къ намъ были слезы, лившіяся изъ его глазъ.

Скончался онъ въ ночь на 22-е августа, ровно чрезъ недѣлю послѣ того, какъ слегъ въ постель. Предъ его кончиною его положили въ переднемъ углу, предъ иконами, и мы всѣ окружили его смертный одръ, и стояли недвижимо и въ молчаніи, когда онъ испускалъ послѣдніе тяжелые вздохи. Плачемъ разразились мы, когда онъ испустилъ послѣднее дыханіе.

Невыразимо больно потрясены мы были смертію отца, и насъ ожидала тяжкая участь сиротства, со всѣми ея лишеніями и горестями. Мы, жившіе при отцѣ въ относительномъ довольствѣ, теперь, казалось намъ, все потеряли, и мы не знали, какъ мы будемъ жить, и что съ нами будетъ. До сихъ поръ у меня болѣзненно сжимается сердце, когда вспоминаются мнѣ тѣ тяжелыя, гнетущія чувства, какія составляли наше тогдашнее страданіе.

Но бѣда, говорятъ часто, одна не живетъ. Одна бѣда влечетъ за собою нерѣдко другую бѣду, ей равносильную, и это намъ пришлось испытать. За одною бѣдою, кончиною отца, скоро послѣдовала другая бѣда.

Кончина матери.

Мать наша не долго жила послѣ отца,—годъ и три мѣсяца, и вотъ какъ протекала ея горемычная жизнь. Въ погостѣ, въ домѣ нашего отца, послѣ его смерти, она не прожила и двухъ мѣсяцевъ. На сороковой день его кончины, который приходился на праздникъ Покрова, на поминаеніе покойнаго съѣхались родные и знакомые изъ ближайшихъ селъ, и меня съ меньшимъ братомъ привезли изъ Мурома, съ разрѣшенія училищнаго начальства. Послѣ заупокойной литургіи и панихиды была предложена поминальная трапеза, и за ней съ теплыми слезами вспоминали покойнаго моего отца, говоря, что онъ добрый и хлѣбосольный въ послѣдній

разъ насъ угощаетъ. Разъѣхались родные и знакомые, насъ отвезли въ Муромъ, а мать стала собираться навсегда оставить погостъ и тотъ домъ, въ которомъ жила дотолѣ, который приобрѣлъ за небольшую цѣну преемникъ моего отца по должности приходскаго священника. Рѣшила она переселиться на свою родину въ село Верхозерье, гдѣ прежде былъ священникомъ ея отецъ, а въ то время священствовалъ ея братъ, о. Петръ Ивановичъ Смирновъ, и въ октябрѣ мѣсяцѣ 1844 года переѣхала туда съ малолѣтнею дочерью и малолѣтнимъ сыномъ, взявши съ собою не большой скарбъ. Съ нею не хотѣла разставаться та прислуга, добрая крестьянка Матрена, которая долгое время жила въ нашемъ домѣ, и нянчила всѣхъ насъ. Въ Верхозерьи мать съ дѣтьми поселилась въ маленькой кельѣ, стоявшей подлѣ дома ея брата—священника, гдѣ жила ея тетка, вдова верхозерскаго священника. Здѣсь нѣкоторое время она исполняла должность-просвирни, но скоро за болѣзнію должна была оставить эту должность. Потрясенная смертію мужа, въ сознаніи своей безпомощности, она плохо чувствовала себя, но въ зимніе мѣсяцы, при слабомъ здоровьи, кое-какъ перебивалась. А раннею весною, при разливѣ рѣкъ, она заболѣла изнурительною лихорадкою, которая была началомъ ея смертельной болѣзни. Сосѣдка-крестьянка вызвалась ей помочь, хвалясь тѣмъ, что у ней есть отличное лѣкарство отъ лихорадки: принять его, болѣзнь какъ рукой сниметь. И она дала этого лѣкарства въ ложкѣ меду: оказалось, это лѣкарство, данное въ ложкѣ меду, былъ мышьякъ, и она дала ей въ дозѣ болѣе надлежащаго, весьма опасной для здоровья. Лихорадка прошла, но зато явилась другая болѣзнь, болѣе тяжелая. У ней свело руки и ноги, и въ такомъ состояніи она промучилась восемь мѣсяцевъ, не могли подняться съ постели, изхудала такъ, что у ней оставалась одна кожа да кости. Обращались къ докторамъ, но ни доктора, ни приписываемыя ими лѣкарства не давали ей ни малѣйшаго облегченія. Въ такомъ болѣзненномъ состояніи она терпѣливо переносила посланное

ей испытаніе, съ вѣрою и покорностію Богу, и страдала не столько за себя, сколько за насъ, безпокоясь о томъ, какъ мы будемъ жить, когда у насъ не будетъ ни отца, ни матери. Скончалась она въ половинѣ декабря 1845 года; предъ смертію она пожелала видѣть насъ, учившихся въ Муромѣ, и просила, чтобы послали за нами. Мы съ покойнымъ братомъ Иваномъ пріѣхали вечеромъ, помнится, въ субботу. Она обрадовалась увидѣвши насъ, но мало могла говорить, и въ ту же ночь предала душу Богу. Оплакали мы ее, и послѣ погребенія возвратились въ училище, гдѣ въ то время были экзамены. Привезъ насъ обратно въ Муромъ корачаровскій священникъ Михаилъ Павловичъ Зерновъ, двоюродной братъ нашей матери, и прощаясь съ нами, говорилъ намъ, чтобы мы заявляли ему, если насъ будутъ обижать.

На святки мы пріѣхали въ Верхозерье и проводили грустно время въ кельѣ, гдѣ скончалась наша мать, подъ охраною ея тетки, матери отца Михаила Карачаровскаго. Насъ здѣсь было первоначально четверо: я, братъ Иванъ, и малолѣтки сестра Елизавета и братъ Павелъ. Наканунѣ Рождества пріѣхалъ изъ Владиміра старшій братъ Димитрій, и вошедши въ келью, не раздѣваясь, склонилъ голову на столъ, зарыдалъ и залился горькими слезами.

Такимъ образомъ мы остались круглыми сиротами. Сердобольныя женщины, оплакивавшія нашу мать, когда она была во гробѣ, сравнивали насъ, въ своихъ жалостныхъ причитаніяхъ, съ малыми неоперевшимися птенчиками, прежде времени выброшенными изъ разореннаго гнѣзда. Не имѣя ни дома, ни имущества, не имѣя вѣрнаго пріюта, мы, казалось, выброшены были и подвержены всѣмъ превратностямъ жестокаго случая. Старшему изъ насъ не было шестнадцати лѣтъ, и онъ учился въ низшемъ отдѣленіи семинаріи. Мы двое (я и братъ Иванъ) проходили курсъ училищный, а двое еще не начинали учиться, и какъ малолѣтнія дѣти, крайне нуждались въ родительскомъ призорѣ. Но Господь, защитникъ сирыхъ, призрѣлъ насъ и не далъ намъ погиб-

нуть. Двоихъ (брата Ивана и брата Павла) Онъ взялъ къ Себѣ, скоро послѣ смерти родителей, а мы, оставшіеся въ живыхъ, возрастая подъ кровомъ Промыслителя, Защитника сирыхъ, находили доброе пристанище, и идя указанною намъ дорогою, достигли такого положенія, какое достается не многимъ, пользующимся заботливыми родительскими попеченіями. Господь даровалъ намъ и хранилъ для насъ попечителя въ лицѣ дѣда нашего, отца нашей матери іеромонаха Иринаея. Онъ былъ священникомъ въ селѣ Верховзерья, и, сдавши мѣсто сыну, самъ поступилъ въ Муромскій Спасскій монастырь, гдѣ принялъ монашество. Въ годъ смерти нашего отца онъ былъ казначеемъ въ Юрьевскомъ Архангельскомъ монастырѣ. Но когда мы осиротѣли, онъ перепросился опять въ Муромскій Спасскій монастырь, чтобы быть близко отъ насъ, и прилагать возможные заботы о благоустроеніи нашемъ. Онъ, прилежавшій прежде къ семейству своего сына, преемствовавшего ему въ Верховзерья, и показывавшій больше расположенія къ нему, чѣмъ къ нашему семейству, теперь всецѣло обратилъ свое расположеніе на насъ, и былъ, можно сказать, нашимъ вторымъ отцомъ. Въ Муромскомъ Спасскомъ монастырѣ онъ тоже сдѣланъ казначеемъ, а затѣмъ въ 1848 году переведенъ въ г. Вязники настоятелемъ тамошняго Благовѣщенскаго монастыря. Въ немъ мы находили нужную опору и поддержку, и у него проводили вакаціальные дни. Не даромъ сказалъ я, что Господь хранилъ его для насъ до глубокой старости, въ крѣпости силъ. Онъ скончался безболѣзненно и скоропостижно, за работою, 30 іюня 1853 года, въ тотъ день, когда кончилъ курсъ Академіи старшій изъ насъ Димитрій, получившій скоро мѣсто преподавателя Владимірской семинаріи. Послѣ этого опека старца надъ осиротѣлымъ семействомъ оказывалась уже не-
нужною.

Другое благоприятное условіе для насъ въ сиротствѣ давала бурса, которую напрасно такъ немилосердно бранять нѣкоторые. Мы съ братомъ въ семинаріи жили въ казенномъ

общежитіи, или бурсѣ, и не можемъ безъ чувства глубокой благодарности вспоминать о ней. Въ ней находили мы добрый пріютъ и хорошее содержаніе, пожалуй, лучшее, чѣмъ какое имѣли на квартирахъ дѣти, имѣвшіе отцовъ, и что было бы съ нами, если бы она не приняла насъ къ себѣ?

Самое тяжелое положеніе выпало на долю сестры нашей, оставшейся безъ отца и безъ матери дѣвочкою лѣтъ восьми. Самого младшаго изъ насъ, брата Павла, дѣдъ нашъ взялъ къ себѣ, въ свою монастырскую келью, гдѣ онъ, проживши у него около года, скончался скоропостижно отъ крупа. А сестру-дѣвочку онъ не могъ взять къ себѣ. Ее онъ отдалъ въ Муромскій женскій Троицкій монастырь. Здѣсь она жила у игуменьи, и ея воспитаніе и обученіе игуменья поручила жившей при ней барышнѣ, кончившей курсъ института. Ее одѣли въ костюмъ, какой носятъ обыкновенно бѣлицы, живущія въ монастырѣ, и она не рѣдко читала въ церкви при богослуженіи. Ей внушали, что она должна забыть о мірѣ, и готовить себя къ иноческой жизни. Малютка принимала къ сердцу эти внушенія, и въ самые юные годы думала, вполне соглашаясь на то, что ей придется вѣкъ вѣковать въ монастырѣ. Но обстоятельства сложились иначе и указали ей другой путь жизни. Институтка, ея воспитательница, была женщина капризная и жестокая. Свою ученицу-малютку она подвергала ухищреннымъ наказаніямъ, наприкладъ, запирала на ночь въ темный чуланъ, и не оставляя безъ взысканія ни одной мелочной оплошности съ ея стороны, болѣе всего учила ее терпѣнію. О не гуманномъ, прямо жестокомъ, обращеніи институтки съ безпріютною сиротою-дѣвочкою узнали жившія близъ монастыря духовныя лица, приняли участіе въ безродной сиротѣ, и чрезъ одного протоіерея муромскаго объ этомъ доведено было до свѣдѣнія архіерея (владимірскаго архіепископа Царенія). Архіерей, узнавши объ этомъ, велѣлъ институтку-учительницу выслать изъ монастыря, а сестру нашу дѣдъ нашъ, бывший тогда настоятелемъ Вязниковскаго Благовѣщенскаго монастыря,

взялъ изъ монастыря, и помѣстилъ ее у одной доброй, небогатой дворянки, гдѣ она жила до его смерти, или до опредѣленія на должность моего старшаго брата. Когда братъ получилъ мѣсто преподавателя во Владимірѣ и устроился здѣсь, онъ взялъ ее къ себѣ. Но она не долго жила у него, менѣе года: скоро вышла замужъ, какъ я говорилъ выше, за студента семинаріи Цвѣткова, родного брата петербургскаго протоіерея Павла Константиновича.

Проф. *Василій Шьвицкій*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКА.

Исповѣдь дѣтей.

Таинство покаянія, иначе—исповѣдь, въ распоряженіи опытнаго и ревностнаго пастыря церкви является, между прочимъ, могущественнымъ средствомъ духовнаго сближенія его съ пасомыми и благотворнаго религіозно-нравственнаго воздѣйствія на нихъ. Истина эта не требуетъ доказательства, и мы не это имѣемъ въ виду. Цѣль настоящей замѣтки—отмѣтить тѣ ненормальныя отношенія нѣкоторыхъ пастырей къ этому таинству, которыя, къ сожалѣнію, представляютъ не исключеніе въ современной пастырской практикѣ. Религіозно-нравственное воздѣйствіе пастыря на пасомыхъ при посредствѣ исповѣди нужно признать особенно плодотворнымъ въ томъ случаѣ, когда оно начинается съ дѣтства, когда именно въ этотъ чрезвычайно воспримчивый и чуткій ко всему доброму и высокому возрастъ пастырь духовникъ сумѣетъ прочно заложить въ сердцѣ человѣка сѣмена христіанской вѣры и благочестія. Приводитъ человѣка ко Христу, въ Его церковь, нужно съ дѣтства (МѠ. 19, 14).

Что же бываетъ на дѣлѣ? Какъ исповѣдуютъ дѣтей многіе наши пастыри? Съ прискорбіемъ должно отмѣтить

слѣдующіе неправильныя приемы пастырей по отношенію къ исповѣди дѣтей. Установился совершенно непонятный взглядъ, что дѣтей долго, какъ слѣдуетъ, исповѣдывать не представляется необходимымъ. Этотъ взглядъ сдѣлался настолько обычнымъ въ пастырской практикѣ, что измѣненіе его однимъ молодымъ городскимъ священникомъ, правильно понявшимъ свой пастырскій долгъ по отношенію къ „малымъ симъ“, вызвало сперва недоумѣніе, а потомъ искреннее сочувствіе и благодарность со стороны прихожанъ, а со стороны сослуживцевъ — пастырей — частію лукавое покиваніе головами, частію же прямое порицаніе. Обыкновенно дѣтей исповѣдуютъ крайне спѣшно и небрежно, задавая имъ часто неудачныя и непродуманныя вопросы. Нѣкоторые батюшки, вопреки уставу и существу самаго таинства, исповѣдаютъ дѣтей группами. Само собою разумѣется, что при такой исповѣди духовникъ не можетъ довести ребенка до полного сознанія своихъ грѣховъ, не въ силахъ объяснить существо и силу каждаго грѣха и указать средства борьбы съ нимъ, — словомъ, спасительное таинство покаянія обращается въ простой, бездушный обрядъ. Въ этомъ случаѣ пастырь совершаетъ тяжкій грѣхъ, ибо вводитъ дѣтей въ соблазнъ, прививаетъ имъ неправильный взглядъ на таинство покаянія. Нѣкоторые батюшки, ради ускоренія исповѣди дѣтей, рекомендуютъ имъ предварительно записывать на листкахъ свои грѣхи и во время исповѣди прочитывать ихъ съ листка. И въ этомъ случаѣ исповѣдь обращается въ простую обрядность.

Указанныя приемы исповѣди дѣтей приводятъ только къ печальнымъ слѣдствіямъ. Помимо искаженія самаго существа таинства, въ сознаніи дѣтей слагается превратный взглядъ, будто исповѣдь и таинство причащенія — только обрядъ, что причащаться только просто пріятно, и потому нѣкоторые дѣти въ день причащенія своего стараются поспѣть въ нѣсколько церквей и въ каждой причаститься. И пастыри церкви, допускающіе къ причастію св. Таинъ дѣтей, которыхъ они не исповѣдывали, несомнѣнно, творять дѣло Божіе съ небре-

женіемъ. Такъ причащающіяся дѣти, большею частію, дѣти бѣдняковъ, дѣти улицы, которымъ некому преподать правильное христіанское ученіе, кромѣ священниковъ; но, къ сожалѣнію, къ бѣднякамъ даже пастыри церкви относятся часто совершенно равнодушно и даже пренебрежительно. Въ наше время часто слышатся жалобы на сильное охлажденіе даже низшихъ слоевъ населенія къ церкви, къ духовенству, — но не само ли духовенство виновато въ этомъ? Самому духовенству нужно теплѣе относиться къ пасомымъ, къ ихъ нуждамъ и запросамъ, и ревностно и нелицепріятно исполнять свои пастырскія обязанности.

В о з з в а н і е.

Православные христіане!

Въ нашемъ поселкѣ, при ст. Сампуръ церковъ-школа такъ мала по объему, что не помѣщаетъ всѣхъ, желающихъ помолиться въ ней Богу и отдохнуть душою отъ тяжелой будничной жизни. Чтобы дать возможность, хоть сколько-нибудь духовно освѣжить нашу будничную полную суеты жизнь, мы съ своимъ пастыремъ, за неимѣніемъ личныхъ средствъ, умоляемъ Васъ, братья христіане, любовью І. Христа откликнуться на нашъ зовъ и пожертвовать, сколько кто можетъ, на новостроящійся храмъ во имя Михаила-Архангела. Мы же въ своихъ молитвахъ непрестанно будемъ возносить Ваши имена къ Престолу Всевышняго.

Пожертвованія просимъ направлять по адресу: станція Сампуръ, Сатинское почтовое отд., священнику Петру Космодаміанскому.

Редакторъ Рectorъ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Отъ Кіевского Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Кіевъ 1 іюня 1909 года.

Цензоръ проф. Академіи, священникъ *Александръ Глаголевъ.*

Кіевъ Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

Л

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 24.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1909-го года іюня 14-го дня.

Содержаніе: I. Къ вопросу о сближеніи церквей. Свящ. В. Пестрякова.—
II. Діаконы или вторые священники? (Окончаніе). Н. Пальмова.—
III. Мои воспоминанія, (Продолженіе). Проф. В. Пѣвницкаго).—IV
Воззваніе.

Къ вопросу о сближеніи Церквей.

Соединеніе христіанскихъ Церквей съ давнихъ временъ привлекало вниманіе представителей различныхъ христіанскихъ исповѣданій; объ этомъ и нынѣ молится св. Православная Церковь; объ этомъ думали многіе выдающіеся представители нашей отечественной Церкви; дѣло это нѣсколько разъ становилось на практическую почву, дѣлало нѣкоторые шаги къ своему благопріятному разрѣшенію. Извѣстны попытки къ сближенію съ Православной Церковію, сдѣланныя старокатоликами и англиканскою Церковію.

Разрѣшить вопросы; создавшіеся вѣками исторіи, вѣками закрѣпленные въ національныхъ особенностяхъ въ жизни отдѣльныхъ народовъ, трудно; пройдутъ новые вѣка, прежде чѣмъ рознь различныхъ христіанскихъ исповѣданій совер-

шенно прекратить свое существованіе или, по крайней мѣрѣ, потеряетъ свою остроту ¹⁾; но и въ настоящее время не мало есть вопросовъ, практическаго жизненнаго характера, въ равной степени важныхъ для всѣхъ, кому дорого имя Госиода нашего Иисуса Христа, т. е. для всѣхъ христіанскихъ исповѣданій. Совмѣстное обсужденіе такихъ вопросовъ представителями разныхъ христіанскихъ исповѣданій имѣло бы существенное значеніе не только для каждаго исповѣданія въ отдѣльности, но и для всѣхъ ихъ вмѣстѣ, практически разрѣшая вопросъ о сближеніи, а затѣмъ и о соединеніи.

Нѣсколько такихъ вопросовъ мы и хотѣли бы указать въ настоящей разѣ.

Не сегодня, нѣсколько сотъ лѣтъ назадъ, появилось въ Европѣ такъ называемое масонство. Если вѣрить изслѣдователямъ его, на Западѣ оно сдѣлало огромные успѣхи, особенно во Франціи. Гоненіе и всякія притѣсненія, чинимыя тамъ католической церкви, крайнее развитіе тамъ невѣрія, объясняется многими влияніемъ масонства. Ложами масонства покрыта вся Европа; если вѣрить сообщеніямъ печати, правда, рѣдкимъ, краткимъ, масонство дѣлаетъ большіе успѣхи и у насъ въ Россіи, особенно въ интеллигентныхъ кругахъ. Существенная особенность масонства, признаваемая всѣми его изслѣдователями та, что оно враждебно христіанству во всѣхъ его видахъ и, слѣдовательно, для всѣхъ христіанскихъ исповѣданій является противникомъ, съ которымъ необходимо бороться. Придетъ, быть можетъ, не много времени, когда масонство изъ скрытаго состоянія, изъ той тьмы и таинственности, въ которой оно находится, выступитъ во всеоружіи противникомъ всѣхъ тѣхъ, кому дорого имя Христа. Между тѣмъ масонство, благодаря своей таинственности, совершенно не обслѣдовано, и всего чаще говорятъ не о немъ самомъ, а о его послѣдствіяхъ, о его разрушительномъ дѣйствіи на христіанскіе народы и ихъ нравственность. Освѣтить этого

¹⁾ Если только это можетъ когда-либо случиться.

противника, выработать одну опредѣленную точку зрѣнія на него, а вмѣстѣ и мѣры борьбы съ нимъ одинаково входятъ въ интересы всѣхъ христіанскихъ исповѣданій.

Трудно установить связь масонства съ ученіемъ крайнихъ политическихъ партій, но если судить по отношенію ихъ къ христіанству, то несомнѣнно связь или по крайней мѣрѣ сродство между ними есть. Столпы социализма, также какъ и масонство, религіи вовсе не отводятъ мѣста въ будущемъ социальномъ строѣ, такъ какъ социализмъ отрицаетъ всякую религію вообще. „Понятіе Бога, говоритъ Марксъ, необходимо должно быть искоренено, ибо оно есть основной камень извращенной цивилизаціи“. Опредѣленнаго общаго отношенія, а равно и опредѣленнаго согласнаго взгляда на социализмъ у различныхъ христіанскихъ исповѣданій мы не находимъ. Въ то время какъ одни, признавая за социализмомъ религіозное значеніе, смотрятъ на него совершенно трезво и видятъ въ немъ крайне опаснаго врага для христіанства, другіе идутъ съ социализмомъ на компромиссы, считаютъ его не только не враждебнымъ христіанству, но даже родственнымъ ему (христіанскіе социалисты на Западѣ, у насъ въ Россіи — ех-архимандритъ Михаилъ Семеновъ). Нѣкоторое идейное сближеніе представителей различныхъ христіанскихъ исповѣданій въ борьбѣ съ социализмомъ въ настоящее время уже существуетъ; мы видимъ, на примѣръ, что болѣе выдающіяся сочиненія, освѣщающія социализмъ съ общехристіанской точки зрѣнія, переводятся на разные языки, въ томъ числѣ и на русскій (Флейшманъ, Пибоди и др.).

Предъ взоромъ всего христіанскаго міра стоитъ и третій—міровой вопросъ—еврейскій. Въ настоящее время нѣтъ христіанскаго народа, котораго этотъ вопросъ не касался бы. Во Франціи, гдѣ евреевъ всего только нѣсколько десятковъ тысячъ, евреи успѣли занять въ политической и экономической жизни господствующее положеніе. Экономическое господство ихъ даетъ себя чувствовать на всемъ земномъ шарѣ. Главнѣйшая тяжесть этого вопроса ложится, конечно, на

Росію, такъ какъ почти половина всѣхъ евреевъ живетъ въ Россіи. Между тѣмъ, еврейскій вопросъ есть прежде всего вопросъ религіозный; отказавшись отъ вѣры въ Талмудъ, принявши христіанство, еврей перестаетъ быть таковымъ. Вопросъ о миссіи среди евреевъ въ равной степени касается всѣхъ христіанскихъ церквей; общими усиліями всѣхъ ихъ возможно было бы поставить разрѣшеніе этого вопроса на правильную дорогу, выработать общее для всѣхъ христіанъ отношеніе къ нему.

Наблюдая миссіонерскую дѣятельность представителей различныхъ христіанскихъ исповѣданій, мы и здѣсь находимъ такіе вопросы, которые заслуживаютъ нѣкотораго согласенія и совмѣстнаго обсужденія. Не грустно ли, въ самомъ дѣлѣ, для всякаго христіанскаго сердца, что даже у величайшей христіанской святыни — у Гроба Господня, у мѣстъ, освященныхъ пребываніемъ тамъ и дѣлами Господа, мы часто видимъ вражду представителей христіанскихъ исповѣданій. Не грустно ли, что мирное сожителство ихъ здѣсь обезпечивается не столько взаимнымъ между собою согласіемъ, сколько штыками и пушками поддерживающихъ ихъ правительствомъ? Сотни милліоновъ людей пребываютъ доселѣ во тьмѣ невѣдѣнія Христа, а представители христіанства истопаются во взаимной враждѣ, несогласіи. Страдающею стороною всегда и неизмѣнно является св. Православная Церковь. Какъ будто въ страну какихъ-то дикарей, невѣдущихъ Христа, устремились въ послѣднее время представители католичества и различныхъ раціоналистическихъ протестантскихъ сектъ просвѣщать православную Россію. При этомъ допускаются самыя недопустимыя, вовсе не христіанскія средства къ обращенію — насиліе, подкупъ и т. п. Неужели многовѣковая исторія христіанства доселѣ не указала чистыхъ миссіонерскихъ приемовъ, для всѣхъ равныхъ и обязательныхъ? неужели міръ такъ тѣсенъ, что кромѣ православнаго русскаго народа для западныхъ просвѣтителей нѣтъ другого поприща для миссіонерскаго труда? Жизнь въ

настоящее время осложнилась, отношенія экономическія перепутались, представители различныхъ національностей и вѣроисповѣданій перемѣшались между собою; между тѣмъ и доселѣ нѣтъ опредѣленныхъ совмѣстно выработанныхъ правилъ, какъ должны относиться представители одного вѣроисповѣданія къ другимъ исповѣданіямъ; здѣсь мы встрѣчаемъ крайнее разнообразіе, объясняемое больше индивидуальными особенностями лица, чѣмъ правилами самой вѣры. И не хвалясь можно сказать, что такъ называемая терпимость глубже другихъ народовъ проникла въ сознаніе русскаго народа—богоносца, какъ его назвалъ Достоевскій. Въ послѣднее время у насъ, кажется, всѣмъ вѣрамъ стало привольно и хорошо, кромѣ православной.

Въ самой внутренней жизни христіанскихъ народовъ есть не мало печальныхъ явленій и сторонъ, общихъ для всѣхъ или многихъ христіанскихъ народовъ.

Развратъ, порнографія въ жизни, литературѣ и живописи, развитіе самоубійствъ—всѣми этими явленіями въ одинаковой мѣрѣ должны возмущаться представители различныхъ христіанскихъ исповѣданій, а слѣдовательно и бороться съ ними совмѣстно общими мѣрами.

Борьба съ недугами современной культурной жизни, правда, ведется вездѣ, но борьба частичная, не объединенная однимъ общимъ началомъ, однимъ общимъ христіанскимъ духомъ.

Не мало есть въ настоящее время благотворительныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій, которыя проводятъ христіанскія начала въ жизнь, стремятся къ ея улучшенію: антимилитаризмъ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова,—стремящійся къ смягченію ужасовъ войны, общества друзей міра, общества борьбы съ проституціей и другія. Всѣ такія и имъ подобныя учрежденія отъ христіанства еще не отмежевываются, но и не выставляютъ имя Христова, какъ свое знамя. Значительныя области христіанскаго дѣланія ушлывають изъ-подъ вліянія церкви; вліяніе христіанства на общественную,

политическую и нравственную жизнь сокращается. Это грустное скорбное явление наблюдается всюду.

Совмѣстное обсужденіе такихъ воиросовъ (ихъ не мало) содѣйствовало бы не только выработкѣ общихъ нормъ для дѣятельности и борьбы со зломъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сближало бы представителей различныхъ христіанскихъ исповѣданій, приближало бы осуществленіе и на землѣ обѣта Христова: „и будетъ едино стадо и единъ Пастырь“¹⁾.

Свящ. В. Пестряковъ.

¹⁾ Трудно говорить о нашемъ единеніи съ такъ называемою католическою церковію, іерархія которой съ такой ненавистью относится къ Православію и, въ частности, на насъ—русскихъ смотритъ, какъ на диварей, которыхъ надо просвѣщать свѣтомъ Христова ученія. Здѣсь можетъ быть рѣчь развѣ только о присоединеніи католиковъ къ Православной Церкви подъ условіемъ отказа ихъ отъ своихъ заблужденій и новоизмышленныхъ ересей. Вотъ о фактически живомъ, постоянномъ единеніи съ восточными Церквами намъ русскимъ православнымъ слѣдовало бы подумать; слѣдовало бы и настоятельно необходимо установить постоянныя живыя, дѣятельныя сношенія съ восточными Церквами, дабы общимъ соборнымъ голосомъ разрѣшать общіе церковныя воиросы, а, можетъ быть, и воиросы частныхъ Церквей, выдвигаемые современностію.

Ред.

²⁾ См. № 23-й за 1909-й г.

Діаконы или вторые священники?

(Окончаніе ²⁾).

Критикуя мысль о вторыхъ или младшихъ священникахъ, которыми мы предлагаемъ замѣнить сельскихъ діаконъ, г. К. пользуется доводами свящ. Аполлинарія Рождественскаго. Названный авторъ въ статьѣ своей, помѣщенной въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ за декабрь мѣсяць 1908 г. подъ заглавіемъ: „Улучшеніе положенія пастыря, какъ одно изъ главнѣйшихъ средствъ къ оживленію приходской жизни“, выставляетъ такія соображенія противъ раздѣленія священ-

¹⁾ Трудно говорить о нашемъ единеніи съ такъ называемою католическою церковію, іерархія которой съ такой ненавистью относится къ Православію и, въ частности, на насъ—русскихъ смотритъ, какъ на диварей, которыхъ надо просвѣщать свѣтомъ Христова ученія. Здѣсь можетъ быть рѣчь развѣ только о присоединеніи католиковъ къ Православной Церкви подъ условіемъ отказа ихъ отъ своихъ заблужденій и новоизмышленныхъ ересей. Вотъ о фактически живомъ, постоянномъ единеніи съ восточными Церквами намъ русскимъ православнымъ слѣдовало бы подумать; слѣдовало бы и настоятельно необходимо установить постоянныя живыя, дѣятельныя сношенія съ восточными Церквами, дабы общимъ соборнымъ голосомъ разрѣшать общіе церковные вопросы, а, можетъ быть, и вопросы частныхъ Церквей, выдвигаемые современностію.

Ред.

²⁾ См. № 23-й за 1909-й г.

никовъ на старшихъ и младшихъ, на настоятелей и помощниковъ, въ многостатныхъ церквахъ ¹⁾).

Прежде всего свящ. о. А. Рождественскій высказываетъ предположеніе, что старая инструкція, которой регулируются отношенія между членами причта, составлена подъ вліяніемъ монастырскаго устава. Онъ думаетъ, что начертанные въ инструкціи взаимоотношенія настоятеля, священниковъ и прочихъ членовъ причта, представляютъ собою не болѣе, какъ сколокъ съ монастырскихъ порядковъ. Въ монастырѣ всѣмъ вѣдаетъ игумень, и каждый изъ братіи, какую бы должность ни несъ, оказывается лишь безпрекословнымъ послушникомъ игумена. Конечно, если такъ, то, какъ заявляетъ о. А. Рождественскій, „регулировать взаимоотношенія приходскихъ пастырей по образцу монашествующей братіи значить смѣшивать два разнородныхъ организма. Монахъ, хотя бы и въ священномъ санѣ, совершенно не то, что приходской священникъ: первый только отшельникъ отъ міра, безпрекословный послушникъ игумена, постникъ и молитвенникъ; второй же пастырь стада, призванный къ иной службѣ, къ иному дѣланію“ (стр. 613).—Въ приведенныхъ словахъ о. А. Рождественскаго высказано то справедливое положеніе, что монашеское званіе и пастырское служеніе—не одно и то же, и что монахъ, даже облеченный священнымъ саномъ, не есть *eo ipso* и пастырь ²⁾). Но развѣ въ томъ большой ущербъ для дѣла, если, въ цѣляхъ лучшей подготовки къ самостоятельной пастырской дѣятельности, мы

¹⁾ Въ дальнѣйшемъ мы и будемъ считаться съ доводами о. А. Рождественскаго. Такъ поступить мы предпочитаемъ отчасти потому, что г. Р. ничего новаго и оригинальнаго, въ сравненіи съ сказаннымъ у о. А. Рождественскаго, не даетъ, а отчасти и потому, что, сославшись на о. А. Рождественскаго, г. Р. обращается съ его мыслями довольно свободно: онъ то урѣзываетъ ихъ, то сокращаетъ...

²⁾ Это положеніе, какъ извѣстно, ирекрасно обосновано у *Е. Е. Голубинскаго* въ первомъ томѣ „Исторіи русской Церкви“ (см. въ гл. III первой половинѣ тома стр. 456 и дал. по изд. 1901 г. и въ гл. VI второй половины тома стр. 673, по изд. 1904 г.).

отдадимъ начинающихъ пастырское служеніе молодыхъ іереевъ руководству болѣе опытныхъ пресвитеровъ? Какая бѣда въ томъ, что *служебная* дисциплина приходскаго клира *совнѣ* будетъ похожей даже и на монастырскую, поскольку съ монастырской дисциплиной мы привыкли соединять представленіе о порядкѣ и благоустройствѣ? Всякій артистъ, пройдя школу театральнаго искусства и вступивъ на подмостки сцены, долго еще учится искусству игры (или пѣнія) у болѣе опытныхъ товарищей, пока не получитъ доступъ къ отвѣтственнымъ ролямъ. Молодой ученый не раньше начинаетъ дѣлать самостоятельные шаги въ наукѣ, какъ когда усвоить научный матеріалъ, добытый авторитетами въ наукѣ, и овладѣть лучшимъ методомъ изслѣдованія. Почему же пастырское служеніе—это дѣйствительно, по мѣткому замѣчанію великаго западнаго отца, искусство изъ искусствъ—должно быть изъято изъ общаго порядка вещей? Почему мы не должны стараться создать такія условія, при которыхъ подготовка къ самостоятельному пастырству оказалась бы наилучшею? Но что же можетъ быть симпатичнѣе и цѣлесообразнѣе того уклада пастырскихъ отношеній, при которомъ младшіе и начинающіе поступаютъ сперва въ наученіе къ старшимъ и болѣе опытнымъ, а затѣмъ, воспринявъ отъ нихъ вмѣстѣ съ наукой жизни трудную науку *живаго* пастырства, выступаютъ на самостоятельное пастырское дѣланіе?..

Насколько исторически справедливо предположеніе о А. Рождественскаго, будто составители старой инструкціи, опредѣляющей взаимоотношенія членовъ причта, старались дать въ ней лишь копію строя монастырскаго управленія, судить не беремся, хотя и сильно сомнѣваемся въ справедливости такого предположенія. Но другое утвержденіе автора, будто „наша древняя російская церковь не знала дѣленія священниковъ на настоятелей и помощниковъ“, и что, слѣдовательно, въ древности у насъ священники административно были всѣ равны, — это утвержденіе грѣшитъ противъ исторической

правды. Административный строй русской церкви въ древнія времена, по скольку онъ возстановленъ Е. Е. Голубинскимъ, превосходилъ совершенствомъ нашъ современный и былъ тѣмъ именно замѣчательнъ, что каждому клирику указывалъ свое мѣсто на общей іерархической лѣстницѣ. Не одни только высшіе представители Церкви имѣли точно опредѣленные права, но и священники, и діаконы, и низшіе церковные служители. Е. Е. Голубинскій, говоря о составѣ соборныхъ „клириковъ“, не затрудняется употреблять термины: „старшій“ и „младшій“ при обозначеніи преимуществъ и правъ, входящихъ въ составъ каѳедрального клироса священниковъ. Да если, наконецъ, извѣстно, что древніе приходы получали пастырей изъ наличнаго состава духовенства каѳедральныхъ соборовъ¹⁾, то не ясно ли, что эти назначаемые изъ собора пастыри первоначальной подготовкой къ пастырскому служенію обязаны были болѣе опытнымъ собратіямъ, старшимъ сослуживцамъ своимъ по собору? Раздѣленіе на болѣе опытныхъ и менѣе опытныхъ — естественно и такъ понятно. А это раздѣленіе и ведетъ къ тому, что болѣе опытные получаютъ и административныя преимущества, которыми младшіе не могутъ владѣть до поры-до времени. Древній субординаціонный строй сохранился въ каѳедральныхъ соборахъ отчасти и донныѣ. Въ каѳедральныхъ соборахъ есть и старшіе священнослужители—каѳедральный протоіерей и ключарь, есть и младшіе—рядовые соборные священники. Служебная субординація отражается и на матеріальномъ содержаніи причта каѳедрального собора, такъ что каѳедральный протоіерей получаетъ содержанія и доходовъ больше, чѣмъ ключарь, а ключарь больше, чѣмъ рядовые священники. И никого такой порядокъ не смущаетъ. Никто не упрекаетъ каѳедрального протоіерея и ключаря въ узурпированіи чужихъ правъ—правъ

¹⁾ См. объ этомъ, напр., у *А. И. Голубцова* въ его сочиненіи: „Соборные чиновники и особенности службъ по нимъ“. Первая половина изслѣдованія. М. 1907, стр. 110.

рядовыхъ соборныхъ священниковъ. Напротивъ, замѣчаемая въ кафедральныхъ соборахъ большая степень благочинія при совершеніи богослуженія и вообще большій порядокъ въ сравненіи съ приходскими церквами невольно заставляютъ задуматься надъ вопросомъ: не тѣмъ ли объясняется это, что въ кафедральныхъ соборахъ сохраняется еще старинная субординація, и что во главѣ соборной братіи обыкновенно стоятъ образцовые во всѣхъ отношеніяхъ пастыри, которые какъ личнымъ примѣромъ, такъ и начальственными мѣропріятіями подвигаютъ своихъ сослуживцевъ къ вѣщему преуспѣванію въ томъ, что касается благоустройства соборной службы?..

Какъ несоотвѣтствуетъ исторической истинѣ утвержденіе о. А. Рождественскаго, будто древняя русская Церковь не знала дѣленія священниковъ на старшихъ и младшихъ, такъ грѣшитъ противъ той же исторической истины и другое увѣреніе нашего автора, будто древняя русская Церковь осуждала *самыя попытки* къ введенію такого рѣшенія. Это положеніе авторъ старается обосновать на изреченіи м. Кипріяна (1390—1405), что „нѣсть въ поповствѣ ни младости, ни старости“. Слова эти взяты изъ поученія м. Кипріяна къ духовенству о церковныхъ службахъ ¹⁾ и представляютъ собою отвѣтъ на предложенный митрополиту вопросъ, нельзя ли при соборномъ служеніи, за неимѣніемъ діакона, „отъ поповъ которому молодшему діаконovati?“ Къ сожалѣнію, о. А. Рождественскій отвѣтъ митрополита не привелъ полностью. Между тѣмъ, если взять этотъ отвѣтъ въ полномъ содержаніи и вдуматься въ него, то фраза: „нѣсть въ поповствѣ ни младости, ни старости“ получить иной смыслъ, чѣмъ тотъ, который ей даетъ о. А. Рождественскій: онъ хочетъ видѣть въ ней осужденіе дѣленія священниковъ на старшихъ и младшихъ. Вотъ въ полномъ видѣ вопросъ м. Кипріяна и отвѣтъ на него митрополита: „А что мя есте вопросили: аже коли діаконъ не пригодится, а надобѣ многимъ попомъ пѣти вмѣ-

¹⁾ Поученіе относится къ 1395 г.

стѣ, чтобы отъ поповъ которому молодшему діаконовати? Нѣсть въ поповствѣ ни младости ни старости; того дѣля неслично тому быти; а колико бы то было, чтобы попу діаконовати, ино потомъ ни попъ ни діаконь тому дѣля нелзѣ тому такъ быти: попъ есть попъ, а діаконь дьяконь; а коли не пригодится дьякона, и попъ служить одинъ“¹⁾.

Центръ тяжести въ запрещеніи м. Кипріяна священнику „дьяконовати“ заключается, безъ сомнѣнія, въ словахъ, что „попъ есть попъ“, а не дьяконь; т. е. священнику принадлежать свои собственные функціи при богослуженіи, которыми онъ и долженъ довольствоваться, не позволяя себѣ вторженія въ чужую (въ данномъ случаѣ—діаконскую) сферу. Иначе произойдетъ безпорядокъ. Если извѣстное лицо сегодня служить за священника, а завтра будетъ служить за діакона, то какъ же его трактовать—священникомъ или діакономъ? М. Кипріянь находитъ, что его нельзя трактовать ни тѣмъ, ни другимъ; получается что-то среднее: „ни попъ ни діаконь“. „Того дѣля“, и „нелзѣ тому такъ быти“, т. е. „чтобы попу діаконовати“, внушаетъ м. Кипріянь, бывшій, какъ извѣстно, строгимъ блюстителемъ церковныхъ порядковъ. Совопрсники митрополита находили возможнымъ выйти изъ затруднительнаго положенія допущеніемъ къ исправленію діаконскихъ обязанностей за богослуженіемъ на всѣхъ священниковъ, а именно молодыхъ, наивно думая, вѣроятно, что въ дѣлѣ усвоенія іерархическихъ даровъ имѣетъ значеніе и возрастъ, такъ что старые священники большимъ обиліемъ благодатныхъ даровъ священства обладаютъ, чѣмъ молодые, недавно принявшіе хиротонію. Митрополитъ вразумляетъ думавшихъ подобнымъ образомъ, говоря, что благодатные іерархическіе дары одни и тѣ же у стараго и у молодого священника—возрастъ въ данномъ случаѣ не при чемъ. Поэтому какъ старому, такъ и молодому священнику одинаково предо-

¹⁾ Акты историческіе, собранные и изданные Археографическою Комиссіею, т. I. Сиб. 1841 г., стр. 20.

судительно оставлять свое священническое служеніе и братья за чужое—діаконское.

Вотъ какой смыслъ имѣеть, по нашему мнѣнію, отвѣтъ м. Кипріана. Митрополитъ проводитъ мысль о равенствѣ молодыхъ и старыхъ священниковъ въ отношеніи обилія полученныхъ при хиротоніи благодатныхъ даровъ и этимъ доказываетъ, что для молодыхъ священниковъ исполненіе дьяконскихъ обязанностей является такимъ же предосудительнымъ поступкомъ, какъ для старыхъ.

Какъ видимъ, никакого осужденія дѣленія священниковъ на старшихъ и младшихъ, въ соображеніяхъ и цѣляхъ пользы отъ такого дѣленія для пастырскаго дѣла, у м. Кипріана нѣтъ. Напротивъ, въ словахъ митрополита, какъ и въ словахъ совопросниковъ его, нельзя не усмотрѣть лишнее доказательство факта существованія въ прежнія времена старшихъ и младшихъ священниковъ,—однихъ, бѣльшими административными, такъ сказать, преимуществами облеченныхъ, другихъ—меньшими.

Что касается, затѣмъ, до высказываемаго о. А. Рождественскимъ опасенія, что дѣленіе священниковъ на старшихъ и младшихъ „можетъ сказываться ущербомъ для всѣхъ тѣхъ церковныхъ и гражданскихъ учрежденій, въ которыхъ будетъ введено представительство и отъ приходскаго духовенства“, такъ какъ правомъ представительства пользуются одни настоятели приходовъ, а между тѣмъ и изъ среды младшихъ священниковъ могутъ быть лица, достойныя проходить выборныя должности,—то, во-1-хъ, представительство въ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ уже не такое великое дѣло, чтобы изъ-за него оставлять безъ вниманія нужды служенія болѣе важнаго—пастырскаго, даже жертвованіе послѣднимъ въ пользу первыхъ, а во-2-хъ, въ случаѣ крайней нужды можно вѣдь начать хлопоты о предоставленіи правъ представительства и младшимъ священникамъ.

Послѣдній аргументъ у о. А. Рождественскаго—отмѣна (въ 1908 г.) старшинства у учителей министерскихъ второ-

классныхъ школь. Старшинство между лицами одинаковаго служебнаго положенія—учителями было признано, говорить онъ, вреднымъ для интересовъ школьнаго благоустройства и признано кѣмъ?—лицами *свѣтскаго* міра. „Не поучительно ли это для представителей религіи, братства и смиренія“, задаетъ вопросъ нашъ авторъ:—Очевидно, о. А. Рождественскій боится могущихъ возникнуть между двумя священниками дразгъ и рекомендуетъ удалить самый поводъ къ искушенію. Но вѣдь духовное совершенство, къ которому призываютъ людей наши пастыри, именно состоитъ въ борьбѣ съ искушеніями и въ преоблѣженіи ихъ. Въ чьихъ устахъ сильнѣе будетъ проповѣдь о братствѣ и смиреніи, какъ не въ устахъ тѣхъ, кто на примѣрѣ собственной жизни покажетъ это братство и это смиреніе, не взирая на множество опасностей преткновенія? Да и кромѣ того, какіе могутъ быть серіозные поводы къ столкновенію между старшимъ и младшимъ священникомъ, разъ одинъ изъ нихъ знаетъ, что онъ находится подъ руководствомъ другого, а другой помнитъ, что обязанъ наставлять младшаго собрата, приготавливая его къ великому дѣлу самостоятельнаго пастырства, на которое черезъ нѣкоторое время онъ выступитъ въ какомъ-либо приходѣ епархіи?

Напрасно о. А. Рождественскій сближаетъ двухъ священниковъ одного прихода съ двумя министерскими учителями—чиновниками. Вотъ именно священники и не будутъ чиновниками, когда соединятся узами духовной близости, когда одинъ изъ нихъ станетъ въ положеніе попечительнаго духовнаго отца, а другой съ вниманіемъ станетъ воспринимать уроки пастырской мудрости. Чиновниковъ разъединяютъ, а иногда и вооружаютъ другъ противъ друга, буква закона и параграфъ инструкціи, которыми одними они руководствуются. А въ отношеніяхъ пастырей не должно быть этого озлобляющаго и мертвящаго формализма. Ихъ субординація это—та благодѣтельная духовная связь, по которой менѣе зрѣлый духовно преклоняется предъ болѣе совершеннымъ и охотно

слѣдуетъ его указаніямъ, а тотъ—„первый“ и „предъизящный“ служить ему, яко рабъ и послѣдній.

Конечно, необходимо, чтобы начинающій священникъ поступалъ въ приходъ именно къ опытному настоятелю, и чтобы настоятелями приходо́въ назначались только достойныя лица. Въ этомъ весь секретъ предлагаемой нами мѣры воспитанія пастырей. Но такъ какъ назначеніе на мѣста зависитъ отъ епархіальной власти, то къ ней, слѣдовательно, и необходимо обратиться съ мольбой, чтобы она относилась съ строгимъ разборомъ къ наличнымъ кандидатамъ на настоятельскія мѣста и изъ достойныхъ останавливала свой выборъ на достойнѣйшемъ, потому что *дѣло* зависитъ отъ *лицъ*: какъ у хорошихъ работниковъ работа спорится, такъ у дурныхъ—все вываливается изъ рукъ.

И. Пальмовъ.

Мои воспоминанія.

(Продолженіе ¹⁾).

Предавшись воспоминаніямъ о смерти своихъ родителей, я прервалъ свою рѣчь о своемъ пребываніи въ Муромскомъ духовномъ училищѣ. Теперь возвращаюсь къ этому предмету, и слѣдуя порядку времени, хочу рассказать, какъ текла моя жизнь въ училищѣ, по смерти моего отца.

Отецъ мой скончался, когда я переходилъ изъ третьяго класса въ четвертый. Два года пришлось мнѣ провести въ училищѣ, при новыхъ тяжелыхъ условіяхъ сиротской доли, и конечно, въ теченіе ихъ я испыталъ не мало лишеній и скорбей. Но въ общемъ положеніе мое не было безотраднѣе, и я благодарю Бога, что Онъ не далъ мнѣ терпѣть болѣе, чѣмъ сколько я могъ понести.

¹⁾ См. № 23-й за 1909-й г.

Явившись въ училище въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1844 года, послѣ смерти отца, мы съ братомъ Иваномъ приняты были на квартиру купцомъ Дьячковымъ, дядею нашего отца, у котораго я жилъ въ первый годъ своего пребыванія въ училищѣ. Здѣсь намъ было хорошо. Доброе расположеніе родственныхъ намъ людей, по мѣрѣ возможности, облегчало намъ тяжесть нашего сиротскаго положенія, угнетавшую насъ. Но мы прожили у нихъ только полгода. Приѣзжаемъ въ Муромъ послѣ святокъ или масляницы (хорошенько не помню), и являемся въ квартиру, въ которой дотолѣ были приняты. Но намъ говорятъ, что болѣе насъ держать не могутъ, и мы должны были искать для себя новую квартиру. Поспѣшно обратился я къ хозяйкѣ квартиры, мнѣ извѣстной, у которой жило шесть или семь мальчиковъ, и она согласилась принять насъ къ себѣ, на довольно снисходительныхъ условіяхъ, съ малою платою за помѣщеніе, и съ обязательствомъ готовить намъ обѣдъ, состоявшій изъ щей и каши, неизмѣнный во всѣ дни. Плату (по третямъ года) мы могли вносить потому, что намъ, какъ сиротамъ, выдавалось тогда небольшое казенное пособіе.

Квартира, которую мы наняли, не представляла никакихъ удобствъ, и жизнь на ней была болѣе неприглядна, чѣмъ на тѣхъ квартирахъ, которыя намъ предоставлены были при жизни отца, благодаря его заботливости о насъ. Въ одной комнатѣ насъ помѣщалось восемь мальчиковъ. Кроватей не было, и мы спали на полу, растилая каждый разъ войлоки, и одѣяль не было, а мы покрывались тѣмъ платьемъ, какое носили, зимой овчинными тулупами. Отъ тѣсноты и нечисти въ квартирѣ на насъ напала сильная чесотка, отъ которой мы лѣчились сулемою. Страдали мы и отъ обилія насѣкомыхъ, которыя такъ легко разводятся въ нечистыхъ помѣщеніяхъ. Если бы видѣли обстановку нашей жизни наши родители, они не мало погоревали бы съ нами и за насъ.

Одно для насъ было утѣшеніе. Въ воскресные и праздничные дни мы ходили къ своему дѣду, жившему въ Спасскомъ монастырѣ, и онъ поилъ насъ чаемъ.

При всѣхъ неудобствахъ нашей обстановки, мы учились хорошо. Въ четвертомъ классѣ я занялъ въ спискахъ первое мѣсто, и переведенъ былъ въ семинарію первымъ. Мы уступили свое мѣсто два ученика, переведенные подъ 1 № изъ третьяго класса,—изъ перваго отдѣленія мой двоюродный братъ Иванъ Смирновъ, и изъ втораго отдѣленія Иванъ Лавровъ, который сдѣланъ былъ главнымъ старшимъ въ училищѣ. Способный былъ человѣкъ, но сбился съ пути, въ семинаріи учился кое-какъ, и по окончаніи курса не получилъ ничего, кромѣ должности псаломщика.

Вакаціальные дни, зимніе и лѣтніе, въ первый годъ по смерти отца, мы проводили въ Верхозерьи, куда переселилась изъ Васильевскаго погоста мать наша, и гдѣ она, послѣ довольно продолжительной болѣзни, и скончалась. Въ первые рождественскіе праздники она еще была здорова. Грустно намъ было, когда мы явились въ ея скромную и тѣсную келью; тяжело чувствовалось намъ, что нѣтъ нашего отца, нѣтъ прежняго относительнаго довольства. Мать видѣла это, и старалась утѣшать насъ, а сама едва удерживала слезы, и это мы замѣчали, и отъ этого грустили еще болѣе.

На Рождество мы ходили „славить“ по Верхозерскому приходу, къ которому, кромѣ села Верхозерья, принадлежали двѣ большія деревни,—Усадъ и Старинки и часть деревни Малютинки. Не съ легкимъ сердцемъ отправились мы на славленіе по чужому приходу. Но верхозерскіе прихожане принимали насъ добродушно и милостиво. Они хорошо знали, любили и жалѣли нашу мать, уроженку верхозерскую. Въ Васильевскомъ погостѣ дѣтямъ членовъ клира платили за славленіе мѣдяками, а въ Верхозерьи и другихъ сосѣднихъ селахъ славленникамъ платили зерномъ,—рожью,—давали человѣку, сопровождавшему славленниковъ, по большому или меньшему ковшу зерна. Намъ иные сердобольные прихожане предлагали по цѣлой, полной мѣрѣ ржи. Собралось такимъ образомъ изрядное количество ржи, что давало нѣкоторое подспорье къ содержанію сиротствующаго семейства. Другой

разъ уже не повторялось хожденіе наше въ праздники по Верхозерскому приходу.

На Рождественскіе праздники мы отправлялись изъ Мурома въ Верхозерье вмѣстѣ съ своими двоюродными братьями Смирновыми на лошади, присланной за ними ихъ отцомъ, а нашимъ дядею. Но на страстную и пасхальную недѣлю они не взяли насъ, по наказу, данному имъ изъ Верхозерья. Была распутица, по случаю таянія снѣговъ, и дорога была испорчена. Хотя мы были малы и не тяжело-вѣсны, но боялись, что, при дурной дорогѣ, тяжело будетъ везти повозку, перегруженную излишними сѣдоками. И мы съ братомъ должны были идти пѣшкомъ по неизвѣстной намъ и опасной дорогѣ. Отъ Мурома до Верхозерья верстъ двадцать. Но прямая дорога, по которой ѣздить зимой и лѣтомъ, по поймѣ рѣки Оки, и при разливѣ Оки была совершенно непроѣздною. Намъ пришлось идти кружнымъ путемъ по горѣ, и этотъ кружный путь длиннѣе прямой дороги верстъ на семь. Бодро пустились мы въ путь, не зная дороги, и каждого встрѣчнаго спрашивали, туда ли мы идемъ, куда намъ слѣдуетъ, и гдѣ намъ лучше пройти, при повсюдной распутицѣ. Съ ранняго утра до поздняго вечера мы шли, какъ будто не чувствуя усталости. А часто попадались по дорогѣ лужи, которыя мы должны были переходить, и не разъ въ рыхлый снѣгъ ноги наши уходили до колѣна. День выпалъ очень ясный и солнечный, и согрѣваемые солнцемъ, мы совершенно не обращали вниманія на то, что наша обувь совершенно обмокла. Смеркалось, и мы дошли только до села Рѣпина, и намъ до Верхозерья оставалось еще верстъ семь. Но мы не думали почевать на дорогѣ, а хотѣли ночью пробираться далѣе. У Рѣпина протекаетъ рѣчка, въ лѣтнее время очень мелкая, а въ половодье она разбушевалась. Когда мы собирались переправиться чрезъ эту рѣчку, рѣпинскіе крестьяне спросили насъ, кто мы и куда идемъ. Когда мы сказали, что идемъ въ Верхозерье, намъ возвѣстили, что

нѣсколько подводъ верхозерскихъ крестьянъ сейчасъ собираются переѣзжать черезъ рѣку. Они ѣдутъ порожнякомъ,— обратитесь къ нимъ, они охотно примутъ васъ и доvezутъ домой. Дѣйствительно, крестьяне верхозерскіе сами предложили намъ свои услуги, вмѣстѣ съ ними мы переѣхали черезъ бурлившую рѣчку и на своихъ подводахъ они довели насъ до Верхозерья, куда мы прибыли уже поздною ночью. Мать встрѣтила насъ съ большою радостію, и перекрестясь, благодарила Бога, что мы явились въ ея келью цѣлы и невредимы. Зная, что мы должны были идти пѣшкомъ въ полную распутицу по опасной дорогѣ, она болѣла сердцемъ за насъ, особенно послѣ того, когда наши двоюродные братья уже давно были дома. Верхозерскихъ крестьянъ, случайно встрѣтившихся съ нами, и доведшихъ насъ до Верхозерья, она считала спасителями, посланными для насъ Богомъ. Миѣ было тогда тринадцать лѣтъ, а брату моему, сопутствующему миѣ въ дорогѣ, одиннадцать. Въ тѣ годы мы не думали о тѣхъ трудностяхъ и опасностяхъ, какія угрожали намъ во время пѣшаго хожденія въ полную распутицу, на незнакомой дорогѣ. Но когда послѣ, въ зрѣломъ возрастѣ, случилось миѣ обращаться своимъ воспоминаніемъ къ этому путешествію, дрожь пронимала мое сердце, и я не могъ не сознавать, что насъ охраняла тогда высшая небесная сила, не оставляющая сирыхъ. Обмокшіе прибыли мы домой; но это не отразилось на нашемъ здоровьи. На другой день мы чувствовали себя совершенно здоровыми и бодрыми.

Въ обратный путь послѣ Пасхи изъ Верхозерья въ Муромъ мы отправились на лодкѣ по поймѣ рѣки Оки, которая въ ширь разливается болѣе, чѣмъ на десять верстъ. Съ нами ѣхали наши двоюродные братья Смирновы, вмѣстѣ съ нами учившіеся въ Муромскомъ училищѣ, и дѣдъ нашъ іеромонахъ Муромскаго Спасскаго монастыря Иринеи, прибывшій изъ Мурома въ Верхозерье на послѣдніе дни пасхальной недѣли. Ему и принадлежала первая мысль воспользоваться воднымъ путемъ для проѣзда въ Муромъ, при затруднитель-

ности въ распутицу сѣхонутной дороги. Насъ сопровождали три гребца, которые должны были возвратиться лодкою въ свое село. Сѣли мы въ лодку у самаго дома нашего дяди, который окруженъ былъ разлившеюся водою, и благополучно доѣхали до пристани въ Муромѣ, которая была близъ Спаскаго монастыря, гдѣ мы и высадились. Ѣхали мы съ удобствомъ въ благодушномъ настроеніи. Но на половинѣ пути подвергались не малой опасности. Лодка, быстро плывшая по водѣ, въ одномъ мѣстѣ близъ лѣса, натолкнулась на скрытый подъ водою пень срубленнаго дерева, и ударилась объ него съ такою силою, что отскочила назадъ сажени на двѣ. Если бы отъ толчка произошла малѣйшая пробоина въ лодкѣ, мы всѣ бы погибли. До берега было версты двѣ или три, и кругомъ не видно было души человѣческой.

Первую лѣтнюю вакацію по смерти отца мы проводили въ Верхозерья при больной матери, у которой, вслѣдствіе неумѣлаго лѣченія лихорадки мышьякомъ, свело руки и ноги. Мы были въ удрученномъ состояніи духа, потому что болѣзнь матери казалась намъ неизцѣльною. Наѣзжалъ нѣсколько разъ докторъ изъ Выксы, гдѣ была резиденція богатаго помѣщика Шепелева, и гдѣ была аптека. Мы ходили за лѣкарствами на Выксу, которая отстоитъ отъ Верхозерья верстахъ въ восьми, и тамъ заходили и къ доктору. Но приписанныя имъ лѣкарства не оказывали никакого дѣйствія. Велѣлъ онъ растирать сведенныя руки и ноги муравьинымъ спиртомъ. Мы очень охотно и усердно это дѣлали; но страданія нашей матери не уменьшались. Припоминая теперь ея положеніе, мы не можемъ не удивляться ея терпѣнію и рѣдкому благодушію, какое она неизмѣнно сохранила на одрѣ болѣзни. Этимъ благодушіемъ она хотѣла дѣйствовать на насъ, чтобы мы, въ виду ея тяжелаго положенія, не предавались безысходной печали. Она всецѣло предала себя въ волю Божію и насъ часто заставляла читать молитвы, какихъ она не знала. Верхозерскія крестьянскія женщины, когда она скончалась, называли ее праведною страдальцею.

Мнѣніе у крестьянъ о ея праведности еще болѣе усилилось, когда, при разрытіи ея могилы, лѣтъ черезъ тридцать послѣ ея смерти, для изготовленія могилы ея брату, священнику Смирнову, который похороненъ рядомъ съ нею, гробовщики увидали, что ея тѣло не подверглось тлѣнію. Это могло произойти отъ того, что, когда она скончалась, у ней была кожа да кости.

Пасху (въ 1846 году) послѣ смерти матери, мы проводили въ Муромѣ. Сколько помнится, въ вакаціальные и не учебные праздничные дни никто изъ учениковъ училища не оставался въ городѣ, и всѣ разъѣзжались къ родителямъ или ближайшимъ роднымъ. Но въ день отпуска учениковъ предъ Пасхою 1846 года инспекторъ Иванъ Оедотычъ Грандицкій вдругъ спрашиваетъ: не остается ли кто въ городѣ на Пасху? Всталъ я одинъ, и сказалъ, что я остаюсь. Тогда онъ посмотрѣлъ на меня такимъ участливымъ взглядомъ, что мнѣ и моимъ товарищамъ, сидѣвшимъ подлѣ меня, показалось, что ему жаль меня, какъ безпріютнаго сироту. „Ходи ко мнѣ въ церковь“, сказалъ онъ. И я исправно, въ Страстную и Пасхальную недѣлю, ко всѣмъ богослуженіямъ ходилъ въ Рождественскую церковь, стоящую на базарной площади, гдѣ онъ былъ настоятелемъ, хотя это мнѣ было не совсѣмъ удобно, по дальности разстоянія этой церкви отъ мѣста моего жительства.

Но мы съ братомъ не остались безпріютными и одинокими въ праздничные дни. Насъ не оставилъ на скучной квартирѣ дѣдъ нашъ іеромонахъ Иринея, отецъ нашей матери, а взялъ насъ къ себѣ въ свою монашескую келью, въ которой проживалъ и малолѣтній братъ нашъ Павелъ, и мы трое нашли теплый пріютъ въ его тѣсной кельѣ. Своею любовію, своею заботливостію о насъ онъ старался доставить намъ возможное утѣшеніе... Живя у него, мы чувствовали, что мы въ сиротствѣ не предоставлены самимъ себѣ, и что есть вблизи насъ люди, пекущіеся о насъ и по мѣрѣ возможности готовые замѣнить для насъ отца и мать. Мы пили

у него каждодневно чай, чего въ квартирѣ никогда не имѣли, и столъ для насъ готовился такой, какого, вѣроятно, не могли имѣть и многіе изъ жившихъ у своихъ родителей.

15 іюля 1846 года я кончилъ курсъ училища. На послѣднемъ экзаменѣ по всѣмъ предметамъ я давалъ отличные отвѣты, и безошибочно написалъ экзаменскія „окупаціи“. Мнѣ было четырнадцать лѣтъ, но ростомъ я былъ малъ, меньше почти всѣхъ своихъ товарищей. Я поздно началъ расти, и даже въ семинаріи, въ словесности и философскомъ классѣ былъ по росту однимъ изъ самыхъ малыхъ учениковъ. Мой бывшій наставникъ въ философскомъ классѣ М. В. Тихонравовъ, рекомендуя меня, какъ своего ученика въ письмѣ къ И. И. Субботину, по праву могъ назвать меня *малюткою-бурсачкомъ*¹⁾. Я началъ быстро подниматься ростомъ уже на восемнадцатомъ году жизни. Мой старшій братъ, видя мой замедленный ростъ, шутилъ замѣчалъ мнѣ, что я навсегда останусь карликомъ. Отправляясь въ 1849 году въ Кіевскую Академію, онъ оставилъ меня семнадцатилѣтнимъ юношею, но мало поднявшимся по росту. Но когда черезъ два года я явился къ нему въ Кіевъ, онъ едва узналъ меня: въ два года я быстро достигъ мѣры полного возраста, сравнявшись съ людьми, не много выше средняго роста.

Я былъ первымъ ученикомъ, и никто изъ моихъ, болѣе возрастныхъ товарищей не могъ оспаривать у меня перваго мѣста въ спискахъ. Но на экзаменѣ учителя, при полномъ собраніи ихъ, указывая на мое маловозрастіе, говорили мнѣ, что они, несмотря на то, что я первый ученикъ, должны оставить меня на другой курсъ въ четвертомъ классѣ училища, такъ какъ въ семинаріи такихъ малышей не принимаютъ. Я едва не придалъ серіознаго значенія этому полшутливому замѣчанію, и немного потревожился. Но моя тревога скоро разсѣялась.

¹⁾ Церк. Вѣдомости, 1905 г. № 24. Прибавленіе, стр. 980.

Приходилось мнѣ фигурировать на публичномъ экзаменѣ: во время публичнаго экзамена я вызываемъ былъ для отвѣтовъ предъ избранною приглашенною публикою по нѣкоторымъ предметамъ, а въ концѣ экзамена долженъ былъ произнести благодарственную рѣчь посѣтителямъ, составленную смотрителемъ училища С. А. Красовскимъ, а другой мой товарищъ, въ началѣ экзамена говорилъ привѣтственную рѣчь. Одно обстоятельство при этомъ безпокоило меня: у меня не было хорошаго сюртука, въ которомъ бы я прилично могъ явиться предъ публикою. Какъ мнѣ быть, во что одѣться,—думалъ объ этомъ и смотритель училища. Въмѣсто того, чтобы искать мнѣ чужого костюма, онъ разрѣшилъ мнѣ явиться на экзаменъ въ панковомъ халатѣ, въ которомъ я ходилъ на уроки, а халатикъ былъ новый и чистый. И въ этомъ халатѣ я безъ стѣсненія выступалъ передъ публикою. Публика съ похвалами отнеслась ко мнѣ, а одинъ докторъ послѣ экзамена вызвалъ меня, обладалъ и далъ мнѣ въ награду пятнадцать копѣекъ серебромъ, что по тогдашнему счету на ассигнаціи, составляло пятьдесятъ двѣ копѣйки съ половиною. Такъ награждали насъ въ старые годы добрые люди. Но мы цѣнили и эти, малоцѣнные на нынѣшній взглядъ, дары.

Пришло время прощаться съ училищемъ. И насъ, кончившихъ курсъ училища, послѣ роспуска учениковъ, задержали дня на два. Отъ насъ потребовали, чтобы каждый изъ насъ представлялъ по два экземпляра свидѣтельства объ окончаніи нами курса, въ которомъ начальство должно отмѣтить наши успѣхи и поведеніе. Копія или форма этого свидѣтельства намъ была дана. Одно изъ этихъ свидѣтельствъ должно остаться въ училищѣ, а другое имѣло быть посланнымъ въ семинарію. Сказали намъ, что эти свидѣтельства должны быть написаны хорошо, каллиграфически. Каллиграфіею мы не отличались, и каждый изъ насъ долженъ былъ подыскивать писца, который бы могъ надлежащимъ образомъ выполнить эту работу: я обратился съ просьбою изготовить мнѣ

требуемая свидѣтельства къ одному чиновнику Муромскаго духовнаго правленія, родственнику моему по женѣ, который два года назадъ прекрасно выполнилъ эту работу для брата моего. Онъ согласился исполнить для меня это порученіе. Но проходитъ день, другой, а онъ не начиналъ работать: я беспокоюсь,—товарищи мои уже разѣжаются. Отчаявшись получить свидѣтельства, я обращаюсь къ одному іеремонаху Муромскаго Спасскаго монастыря Паисію, изъ кончившихъ курсъ семинаріи, и онъ съ охотою взялся исполнить мою просьбу, и въ нѣсколько часовъ, въ моемъ присутствіи, написалъ два экземпляра нужнаго для меня свидѣтельства.

Представивши свои свидѣтельства, я откланялся своимъ наставникамъ, которые очень любезно распрощались со мною и высказали мнѣ много добрыхъ благожеланій. Въ ихъ обращеніи, при прощаніи, не было и тѣни того сухого, начальственнаго тона, который они выдерживали при управленіи своихъ обязанностей. Говорили они со мною такъ тепло и задушевно, какъ старшіе близкіе родственники. Даже грозный инспекторъ Иванъ Ѳедотовычъ Грандицкій показался при этомъ мягкимъ и добросердечнымъ человѣкомъ: не было и слѣда той суровости, какую мы привыкли видѣть въ немъ, когда онъ являлся въ училище и журилъ виновныхъ учениковъ за ихъ проказы. А другой учитель, Василій Николаевичъ Спекторскій, мнѣ даже далъ пятакъ серебра на дорогу. Какое мизерное награжденіе (подумаете вы)! Но тогда деньги были болѣе дороги, чѣмъ нынѣ, и цѣнность серебряннаго пятакъ была несравненно выше нынѣшней. Какъ бы впрочемъ то ни было, я доволенъ былъ и этимъ малымъ даромъ. Для меня дорого было не количество дара, а то вниманіе, какое добрый учитель оказывалъ своему ученику, хотя оно выражалось, на нынѣшній взглядъ, въ формѣ очень непоказной.

Хозяйка квартиры, въ которой я жилъ въ послѣдніе полтора года, пожилая вдова мѣщанка, когда я уходилъ отъ нея, на прощанье дала мнѣ такой наказъ: можетъ быть, ты

будешь дьякономъ, а можетъ быть, и попомъ, не забудь меня тогда въ своихъ молитвахъ. И я не забылъ 'ея: она берегла насъ и по своему заботилась о насъ.

Проф. *Василій П'євницькій*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

В о з з в а н і е.

Православные христіане!

Въ нашемъ поселкѣ, при ст. Сампуръ церковь-школа такъ мала по объему, что не помѣщаетъ всѣхъ, желающихъ помолиться въ ней Богу и отдохнуть душою отъ тяжелой будничной жизни. Чтобы дать возможность хоть сколько-нибудь духовно освѣжить нашу будничную полную суеты жизнь, мы съ своимъ пастыремъ, за неимѣніемъ личныхъ средствъ, умоляемъ Васъ, братья христіане, любовью І. Христа откликнуться на нашъ зовъ и пожертвовать, сколько кто можетъ, на новостроящійся храмъ во имя Михаила-Архангела. Мы же въ своихъ молитвахъ непрестанно будемъ возносить Ваши имена къ Престолу Всевышняго.

Пожертвованія просимъ направлять по адресу: станція Сампуръ, Сатинское почтовое отд., священнику Петру Космоламіанскому.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Отъ Кіевского Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Кіевъ 6 іюня 1909 года.

Цензоръ проф. Академіи, священникъ *Александръ Глаголевъ.*

Кіевъ Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

Л.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 25.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1909-го года 21 іюня.

Содержаніе: I. Общая исповѣдь. Іерей.—II. О чемъ учать современные фи-
лософы. II. Кал-ій.—III. Мои воспоминанія. (Продолженіе). Проф.
В. Пѣвницкій.

Общая исповѣдь.

Въ жизни человѣка много значить для пользы его дѣла и для его здоровья строгая опредѣленность его занятій. Но есть такія профессіи (пастырская и докторская), когда труды и занятія человѣка не могутъ подчиняться точно опредѣленнымъ условіямъ времени, а зависятъ отъ случайностей. Такъ, на долю пастыря (имѣемъ въ виду преимущественно деревенскаго пастыря въ многолюдныхъ приходахъ) выпадаетъ время, когда приходскихъ требъ не бываетъ по цѣлымъ днямъ; но за то иногда ихъ столько скопляется у него одновременно, что трудъ становится ему не подъ силу. Великій ность съ пасхальною седмицею, по количеству трудовъ и напряженію силъ, самое тяжелое время для пастыря, когда онъ, оставаясь добросовѣстнымъ и истовымъ отправителемъ цер-

ковныхъ службъ и приходскихъ требъ, рѣшительно изнемогаетъ и рискуетъ надломить свое здоровье. Вездѣ и для всѣхъ нужна экономія силъ. Несомнѣнно быстрою ѣздою можно загнать добраго коня и на какихъ нибудь трехъ-четырехъ верстахъ; тогда какъ самая обыкновенная лошадка не потерпитъ ущерба отъ умѣреннаго пробѣга 30-40 верстъ. Такъ и чело-вѣкъ... Къ счастью или несчастью, большинство пастырей входятъ въ компромиссъ съ своимъ пастырскимъ долгомъ и, въ цѣляхъ сбереженія своихъ силъ, принуждены бываютъ дѣлать разныя сокращенія и опущенія въ церковныхъ и частныхъ богослуженіяхъ Великаго поста. Съ этимъ зломъ невольно какъ-то свыкаются нѣкоторые пастыри, мирятся съ нимъ и прихожане. Но какъ съ нимъ помириться въ дѣлѣ исповѣди, когда прихожане обращаются къ пастырю за удовлетвореніемъ священнѣйшей потребности души,—за врачеваніемъ ея недуговъ и съ жаждою духовнаго обновленія?

Излишне упоминать о спасительности таинства покаянія: нераскаянный грѣшникъ находится въ отчужденіи отъ Бога и безнадежномъ для спасенія состояніи. Что по многочисленнымъ приходамъ въ нѣкоторыя недѣли В. поста (1, 4 и 7-я преимущественно) скопляется большая масса исповѣдниковъ, чело-вѣкъ 300—500, для которыхъ исповѣдь проходитъ внѣшне-формально, не затронувъ души,—это фактъ. Можетъ ли быть, въ самомъ дѣлѣ, инымъ, сосредоточеннымъ и глубокимъ исповѣданіе такой громады поодиночкѣ и въ одинъ день, и не окажется ли такая внѣшне-формальная исповѣдь въ сущности профанаціею св. таинства покаянія? Возьмемъ для расчета самое меньшее число исповѣдниковъ—300 чело-вѣкъ, положивши на исповѣдь каждаго изъ нихъ minimum 3 минуты времени, получимъ 15 часовъ въ сутки: прибавимъ къ этому для церковной службы покрайней мѣрѣ 3—4 часа, а съ разными добавленіями (молитва предъ исповѣдію, вечернее правило и причастныя молитвы) и того больше. При наличности такихъ условій винить овященника за допущеніе поспѣшной исповѣди было бы равносильно, пожалуй, обви-

ненію его въ томъ, что онъ не имѣеть силы вѣры Іисуса Навина для увеличенія дня чрезъ замедленіе солнечнаго движенія. Но еслибъ и это было возможнымъ, еслибъ можно было обратить наступающую ночь въ день, тѣлесная природа священника не вынесла бы столь продолжительнаго напряженія. Между тѣмъ ненормальность въ постановкѣ одиночной исповѣди при многолюдствѣ исповѣдниковъ слишкомъ бьетъ глаза, чтобы можно было помириться съ нею, тѣмъ болѣе, что около нея группируются и другія нежелательныя явленія, хотя они въ иныхъ случаяхъ и представляютъ, можетъ быть, попытку борьбы съ главнымъ зломъ.

Такъ, во время исповѣди нѣкоторые немощные іереи дозволяютъ себѣ сидѣніе. Мы противъ этого, допущеннаго, конечно, по нуждѣ обычая, который не гармонируетъ съ важностію и святостію таинства, во время котораго Самъ Христосъ „предстоитъ невидимо, пріемля исповѣданіе“ грѣшника. Да и религіозное настроеніе у кающагося невольно можетъ понижаться при видѣ священника, сидящаго на стулѣ во время совершенія столь великаго таинства. Какъ бы то ни было, но и при сидѣніи священникъ настолько утомляется и физически и нравственно, исповѣдуя поодиночкѣ толпу въ 300 человекъ, что у него является одно только непреодолимое желаніе поскорѣе кончить исповѣдь. Чтобы выгадать время священникъ вынужденъ бываетъ допускать исповѣдь во время вечерняго и причастнаго правила, что въ исповѣдкахъ ослабляетъ внимательное отношеніе и должное уваженіе къ правилу и производитъ задержку въ службѣ, особенно непріятную для причастниковъ, которые подчасъ вынуждены бываютъ лишніе часы дожидаться еще и начала Божественной литургіи. Переисповѣдавъ не одну сотню лицъ разнаго пола и возраста на канунѣ въ пятницу, и въ субботу до утрени, священникъ считаетъ дѣло съ исповѣдію поконченнымъ; но нерѣдко бываетъ, что уже послѣ утрени къ нему является новая толпа исповѣдниковъ въ 30—35 человекъ большее частію изъ среды деревенскихъ же жителей, не

имѣвшихъ почему-либо возможности исповѣдаться наканунѣ, или же иногда въ первый разъ только пришедшихъ „поздотъ“. Не допустить ихъ до покаянія за неподготовленностью къ нему было бы жестоко, вступать съ ними въ бесѣду о небрежномъ отношеніи къ таинству не время и не мѣсто, и пастырь, не находя лучшаго исхода, удѣляетъ на исповѣдь ихъ 1—2 часа времени предъ литургіей къ общему неудовольствію остальныхъ прихожанъ. При такихъ условіяхъ священникъ употребляетъ на исповѣдь каждаго человѣка среднимъ числомъ, какъ мы положили выше, 3 минуты, но одну изъ нихъ необходимо выдѣлить на чтеніе разрѣшительной молитвы. Стало быть, собственно на исповѣдь одного человѣка остаеся не болѣе 2 минутъ. А такое краткое время недостаточно даже для чисто машинальнаго переспрашиванія грѣховъ примѣнительно къ десятословію. Самое же важное въ дѣлѣ исповѣди—расположеніе кающагося къ продуманному, искреннему, чистосердечному раскаянію въ грѣхахъ, когда духовнику, какъ духовному врачу, необходимо бываетъ войти въ положеніе кающагося, какъ бы спуститься въ глубину души его, узнать причины его паденія и подать благопотребный совѣтъ, остаеся въ большинствѣ случаевъ невыполненнымъ за недостаткомъ времени. Трудно поэтому быть увѣреннымъ, чтобы послѣ такъ снѣшно совершенной исповѣди грѣшникъ вышелъ отъ огня духовнаго обновленнымъ и примиреннымъ съ своею совѣстію.

Для устранения указанной ненормальности обыкновенно совѣтуютъ пастырямъ дѣлать равномерное распредѣленіе исповѣдниковъ по всѣмъ недѣлямъ В. поста, если можно, по другимъ постамъ, а также начинать исповѣдь съ первыхъ дней недѣли. Совѣтъ, едва ли вполне цѣлесообразный и, во всякомъ случаѣ, невыполнимый на практикѣ. Никакія настойчивыя убѣжденія священника не въ состояніи измѣнить укоренившійся обычай исповѣдываться непрсмѣнно на одной изъ трехъ вышеуказанныхъ недѣль и притомъ наканунѣ и въ самый день причащенія. Обычай этотъ, впрочемъ, покоится

на болѣе или менѣе резонныхъ основаніяхъ: 1, 4 и 7 недѣли суть наиважнѣйшія недѣли поста,—это во 1-хъ; затѣмъ, ранняя исповѣдь и не желательна по неподготовленности къ ней обычнымъ пощеніемъ и хожденіемъ въ храмъ; съ другой же стороны многодневный промежутокъ между исповѣдію и причащеніемъ опасенъ для душевной чистоты, нужной для достойнаго принятія св. Таинъ. Что касается до излюбленныхъ недѣль, для говѣнія, въ какія скопляется наибольшее число исповѣдниковъ, то на это, кромѣ религіозныхъ, есть причины и хозяйственнаго характера, вооружаться противъ которыхъ было бы безцѣльно.

Что же нужно сдѣлать, чтобы упорядочить дѣло исповѣди, такъ чтобы она сохраняла для всѣхъ силу таинства?

Необходимо, намъ думается, допускать, хотя бы какъ исключеніе, *общую исповѣдь*. Такая исповѣдь не безъ пользы для кающагося практиковалась блаженной памяти о. Іоанномъ Кронштадтскимъ; эту исповѣдь примѣнить на практикѣ, по нуждѣ, пришлось однажды и мнѣ. На одной изъ недѣль В. поста, въ пятницу, совершенно неожиданно пришло въ храмъ, гдѣ я служилъ, для исповѣди и причащенія заводскаго люда до 500 человекъ мужчинъ. Отказать пришедшимъ въ удовлетвореніи религіозной потребности никакъ нельзя было. Поодиночкѣ же я смогъ исповѣдать не больше четвертой части ихъ, а дальше при самой курьезной поспѣшности, я не могъ бы дотянуть и до половины, совершенно изнуривши себя физически и морально. И вотъ я, благословясь, рѣшилъ приступить къ общей исповѣди, продолжавшейся не болѣе часа времени. Послѣдовательно, по порядку десятословія, раскрывая предъ слушателями-исповѣдниками разные грѣхи противъ вѣры и нравственности и порочныя страсти, съ указаніемъ всей ихъ пагубности для нашего спасенія, я приглашалъ исповѣдниковъ отвѣчать на мои вопросы словомъ „грѣшенъ“ или молчаніемъ, соотвѣтственно тому, виновенъ ли кто въ данномъ грѣхѣ, или нѣтъ. Съ внѣпней стороны картина этой общей исповѣди была поражающая, впечатлѣніе получилось самое сильное, соотвѣтственное важности св. таинства. Строгость и

сосредоточенность лицъ исповѣдниковъ, ихъ напряженное вниманіе, выкрикиваніе тяжелоскорбнымъ тономъ слова „грѣшенъ!“ — все указывало на то, что выслушивается не простая, обычная проповѣдь, во время которой допускается слушателями не только разсѣянность, но даже полное иногда невниманіе и неприличіе, — а совершается нѣчто гораздо большее проповѣди, происходитъ, именно, дѣйствительное исповѣданіе грѣховъ, и слышится вопль души человѣческой о всепрощеніи и примиреніи съ Богомъ. Въ теченіе около 30 лѣтней своей священнической службы я привыкъ въ большинствѣ случаевъ видѣть и наблюдать при спѣшной исповѣди одиночекъ какое-то холодно-формальное пересказываніе грѣховъ, словно сдачу багажа; а здѣсь, въ этой массѣ кающихся, я наблюдалъ непритворно-глубокое покаянное настроеніе; здѣсь, какъ бы воочию воспроизводилось предомною древнее Іоанново на берегахъ Іордана и Христово „покайтесь!“ Видно было, что каялись и желали каяться. Когда я, считая исповѣдь конченной, сошелъ съ наскоро импровизированной каедрѣ (табурета), то одинъ изъ исповѣдниковъ напомнилъ мнѣ, что 7-я заповѣдь при исповѣди опущена. Пришлось вторично приглашать къ покаянію во грѣхахъ противъ 7-й заповѣди. Послѣ исповѣди прочитана была общая разрѣшительная молитва и предназначено было исповѣдникамъ, имѣющимъ повѣдать мнѣ что-либо особенное въ дополненіе къ общей исповѣди, подойти ко мнѣ поодионочкѣ. Такихъ оказалось изъ сотенъ только 6 человѣкъ.

Заранѣе предвидя разныя возраженія противъ публичной исповѣди, касающіяся не существа дѣла, а развѣ только формальной стороны его, я смѣло заявляю, что такая исповѣдь несомнѣнно спасительна для кающихся, ибо здѣсь-то и стоитъ невидимо Христось, пріемлющій исповѣданіе грѣшника и подающій ему прощеніе. А вѣдь въ этомъ и вся суть исповѣди, какъ таинства. Само собою разумѣется, что публичная исповѣдь не должна допускаться безъ нужды, а въ видѣ исключенія, только при большомъ скопленіи кающихся.

Въ этомъ случаѣ, въ видахъ большаго удобства и пользы, необходимо раздѣлять исповѣдниковъ на нѣсколько группъ (выдѣлять въ особыя группы дѣтей-мальчиковъ и дѣвочекъ, взрослыхъ юношей и дѣвушекъ, пожилыхъ мужчинъ и женщинъ) и каждую группу исповѣдывать отдѣльно. Будучи не слѣпшою, эта исповѣдь на 300—400 человекъ займетъ не больше 3—4 часовъ, вмѣсто 15-ти, но за то она будетъ гораздо плодотворнѣе той торопливой одиночной исповѣди, во время которой говѣющіе не столько исповѣдываются, сколько какъ бы перебираются, перечитываются, не получая сами пользы для души, а священнику доставляя одно утомленіе и грѣхъ за профанацію св. таинства.

Чтобы въ совершеніи исповѣди дѣло Божіе не творилось съ небреженіемъ, нужна не частная чья-либо инициатива, а голосъ правящей Церкви. Вопросъ объ общей публичной исповѣди настолько важенъ по существу своему, что онъ долженъ найти разрѣшеніе, если не на помѣстномъ соборѣ, въ созывѣ котораго такъ хотѣлось бы вѣрять, то въ высшихъ церковныхъ сферахъ.

Іерей.

О чемъ учать современные философы? ¹⁾

Какіе вопросы ставятъ и рѣшаютъ современные философы? Тѣ же ли „вѣчные“, которые занимали умы съ глубокой древности или, быть можетъ, смѣна времени, общее движеніе специальныхъ наукъ, перемѣны въ жизни народовъ поставили этой области знанія новыя задачи, двинули ее на новый путь? Современному образованному человѣку совершенно невозможно игнорировать эту область знанія; гдѣ только рѣчь идетъ объ идеяхъ, принципахъ, въ какой бы сферѣ они ни выступали, тамъ непременно уже есть фило-

¹⁾ По Гефдинггу: „Очерки современной философии“ Сиб. 1907 г. Ц. 50 коп. Всѣ цитаты въ нашей статьѣ относятся къ этому сочиненію.

софія. А людямъ богословски-образованнымъ тѣмъ болѣе было бы непростительно устраняться отъ философіи; если она, быть можетъ, утратила ту роль, какую ей нѣкогда пытались отвести схоластики—роль *ancillae theologiae* (служанки богословія), то съ ея доводами, понятіями, рассужденіями нужно считаться, на нихъ нужно реагировать, ибо они воспринимаются образованнымъ обществомъ. Въ этомъ случаѣ достойный всякаго подражанія примѣръ представляютъ оо. и учителя первыхъ вѣковъ христіанской Церкви, которые въ совершенствѣ знали современную имъ философію и умѣли извлекать изъ нея все цѣнное для того, чтобы построить „ограду вѣры“ какъ выражались въ послѣдующіе вѣка, воспользоваться соображеніями разума для оправданія истинъ вѣры или подвергнуть критическому изслѣдованію и опроверженію то, что не согласовалось съ ними.

Современныхъ философовъ удобно можно раздѣлить на три группы, различать у нихъ три направленія, сообразно съ тѣмъ, какими мотивами руководятся философы въ своихъ изысканіяхъ—объективными или субъективными. Эти направленія слѣдующія: 1) объективно-систематическое (сюда относятся В. Вундтъ, Ардиго, Брэдли и А. Фуллье); 2) гносеолого-біологическое (къ нему относится группа естествоиспытателей, занимающихся философіей) и 3) философія опредѣленія цѣнностей (Гюйо, Ницше, Эйкенъ и Вильямъ Джемсъ). Расширеніе области естествознанія съ одной стороны, когда стало извѣстнымъ то, о чемъ въ предшествующіе вѣка и мечтать не могли, а съ другой—постоянно, какъ мечъ Дамокла, висящая надъ серіозными умами мысль о непознаваемомъ, загадкахъ, чудесахъ, которыми полна природа видимая и человѣческое существо, приводящее другихъ къ области мистической вѣры; потребность жизни и счастья въ ней и неосуществимость этого послѣдняго съ страшною трагедіей неизбѣжной смерти; попытки собственными усиліями разума преодолѣть всѣ трудности въ высшихъ проблемахъ бытія и жизни и рядомъ стоящая религіозная вѣра,

дающая отвѣты на тѣ же вопросы—отвѣты категорическіе и ясныя, скрѣпленные Божественнымъ авторитетомъ—вотъ та атмосфера, въ которой приходится быть тому, кто изучаетъ современную философію.

Мы распредѣлимъ ученіе перечисленныхъ современныхъ философовъ по слѣдующимъ тремъ вопросамъ, наиболѣе выдающимся и могущимъ имѣть интересъ для богословски-образованнаго читателя. Это вопросы 1) объ отношеніи ихъ къ религіи, 2) отношеніе ихъ къ этикѣ вообще и христіанскому нравственному ученію въ частности и 3) отношеніе ихъ къ вопросу о мірѣ видимомъ и его происхожденіи.

Какъ и всегда бываетъ въ области философіи по всѣмъ указаннымъ вопросамъ мы встрѣчаемъ то согласныя, то различныя, то совсѣмъ противоположныя мнѣнія. „При анархіи, господствующей въ духовной жизни нашего времени, пишетъ Дйкенъ, нѣтъ возможности остановиться на какомъ-нибудь прочномъ и общепризнанномъ пунктѣ; всякое обсужденіе болѣе глубокаго характера должно восходить къ самымъ глубокимъ основамъ и отъ нихъ же начинать постройку новаго зданія. Поэтому и мы должны были, исходя изъ общаго обсужденія человѣческаго бытія, лишь шагъ за шагомъ продвинуться къ такому пункту, гдѣ возникаетъ проблема религіи, чтобы затѣмъ оказаться уже въ скоромъ времени центромъ всѣхъ стремленій, найти душу и смыслъ существованія“. Въ современности авторъ находитъ большую тоску по религіи, связанную съ яснымъ сознаніемъ недостаточности современной формы религіи... Является мысль, нѣтъ ли въ религіи такихъ элементовъ, которые не могутъ и не должны быть утрачены. Чувствуется отсутствіе великой цѣли, которая не только могла бы освѣщать всю сферу человѣческой жизни вообще, но и возвышала бы отдѣльнаго человѣка надъ его часто мелочными жизненными условіями и отношеніями. Вдобавокъ къ этому, на первый планъ снова выдвигаются жизненные загадки, признанныя было разрѣшенными или, по крайней мѣрѣ, забытыми. Чувствуется

рѣзкое противорѣчіе между духовными задатками человѣка и его дѣйствительнымъ положеніемъ. Все это приводитъ къ борьбѣ между религіей и культурой. „Безъ религіи, еще замѣчаетъ Эйкенъ, духовная жизнь лишена сознанія истины и для человѣка нѣтъ внутренняго величія“. Хотя религія, о которой говоритъ этотъ философъ, не та, которую мы разумѣемъ подъ именемъ церковной, но характеристично это сознаніе необходимости религіи въ наше столь положительное время, которое готово было бы покончить съ религіею, какъ съ пережиткомъ далекаго прошлаго.

Эти мысли въ нѣсколько иной окраскѣ выступаютъ у другого философа—Джемса, который личную религію противопоставляетъ установленной религіи съ ея болѣе или менѣе развитой теологіей и церковной организаціей. Переходя къ психологіи религіи, Джемсъ подчеркиваетъ, что психическія явленія въ области религіозной жизни показываютъ, какъ мала та часть нашей психической жизни, которую мы ясно и опредѣленно можемъ понять и истолковать. Тутъ сознаніе путемъ постепенныхъ переходовъ расплывается въ бессознательное или, какъ предпочитаетъ выражаться Джемсъ, въ подсознательное. „Въ насъ кипятъ непосредственные порывы и предчувствія, часто дающіе намъ, хотя мы сами этого не замѣчаемъ, первыя предпосылки, на которыхъ основываются наши вполне сознательныя мысли. Сознательные аргументы часто затрогиваютъ лишь поверхность нашего существа, а произвольная и непосредственная увѣренность и убѣжденность кроются въ глубинѣ насъ“. Вообще къ религіи Джемсъ относится съ явной и рѣшительной симпатіей. Лучшіе плоды религіознаго опыта, по его мнѣнію, самое высокое и лучшее, что можно найти въ исторіи. Онъ чувствуетъ, что здѣсь духовная жизнь обладаетъ особенно глубокою силою и серіозностью, противопоставляя внутреннюю сосредоточенность и искренность настроенія всему, что ей могло бы препятствовать и могло бы ее размѣнивать. Въ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ значеніе и вліяніе религіи выяснены еще ближе и

опредѣленнѣе. Религія есть одинъ изъ путей, какимъ можетъ быть достигнуто въ нашей жизни единство. „Единство, говоритъ Джемсъ, сопровождается чувствомъ мира и счастья, превосходящимъ все, что только можно испытать въ другихъ случаяхъ. Это единство можетъ быть достигнуто или внезапно, въ мгновенной вспышкѣ, или путемъ долгаго развитія; здѣсь уже проявляются индивидуальныя различія. Но главное дѣло въ томъ, что индивидуумъ, прежде чувствовавшій себя раздробленнымъ, стѣсненнымъ, угнетеннымъ и несчастнымъ, теперь проникается чувствомъ гармоніи, свободы и возвышенности. Мысли, стоявшія прежде въ видѣ идеальныхъ возможностей на периферіи души, стали теперь ея центральной собственностью. На индивида сильно нахлынула энергія изъ источниковъ, лежавшихъ внѣ его сознанія,—энергія, которую сознаніе путемъ напряженія не могло бы выдѣлить изъ себя“ (стр. 193). Хотя и этотъ мыслитель не примыкалъ къ церковному христіанству, какъ самъ о томъ заявляетъ, но уже знаменательно и то его убѣжденіе, что благодаря состояніямъ, въ которыхъ человѣкъ чувствуетъ себя въ глубочайшемъ единеніи съ Верховнымъ Существомъ ему понятнымъ, въ мірѣ возникаетъ новая сила и даются новыя исходныя точки.

Подобно двумъ первымъ мыслителямъ къ этическому по крайней мѣрѣ элементу въ религію, а отчасти и къ теологическому съ нѣкоторой симпатіей относится современный итальянскій философъ Робертъ Ардиго. Примыкая къ старинному, давно осужденному мнѣнію по вопросу о происхожденіи религіи (*timor primos fecit deos*), Ардиго однако не могъ понять, почему этическое настроеніе на высшей точкѣ превращается въ нѣкотораго рода священное изступленіе, ведущее къ самопожертвованію безъ всякой мысли о собственномъ благѣ, въ полной вѣрѣ, что изъ трагической гибели „человѣческаго“ возникнетъ „вѣчное“ и „божественное“. „Истинное, добавляетъ онъ, въ теологическомъ представленіи о милосердіи заключается въ томъ, что дѣйстви-

тельно существуетъ какая-то инстинктивная потребность, какое-то неясное, но страстное стремленіе, толкающее человека на безкорыстные поступки. (Стр. 55—56).

Если въ приведенныхъ сужденіяхъ современныхъ мыслителей, несомнѣнно, мистическаго направленія только одинъ шагъ до церковнаго христіанства, даже до его ученія о благодатной силѣ (что явствуетъ изъ процитованныхъ нами строкъ изъ Джемса), то у другихъ философовъ встрѣчаемъ совершенно несогласныя съ этимъ мысли. Необходимость существованія Бога допускается по аналогіи съ единственно намъ извѣстною волею нашею, какъ безконечная все-воля, какъ послѣдняя заключительная идея. Эта идея Бога воображается трансцендентною, въ содержаніи же своемъ недоступна опредѣленію. Но съ ея помощью оказывается возможнымъ понимать космическій міръ, какъ внѣшнюю оболочку всякой духовной дѣятельности и стремленія, а наше собственное психо-физическое существованіе является намъ въ этомъ случаѣ, какъ міръ въ маломъ, микрокосмъ. Тѣмъ самымъ сразу же удовлетворяется потребность нашего разума въ единствѣ, и мы можемъ смотрѣть на наши человѣческіе идеалы, какъ на слѣдствія, вытекающія изъ основаній самого міра (Шопенгауэро-Кантіанская точка зрѣнія Вундта).

Гюйо въ своихъ сужденіяхъ о религіи примыкаетъ къ позитивистическому ученію о фазахъ развитія человѣчества. Религія, по нему, возникаетъ, какъ нѣкотораго рода мифологическая физика; но интеллектуальные элементы не являются въ ней преобладающими... Высшій пунктъ развитія религіи достигается тогда, когда Богъ становится олицетвореніемъ нравственнаго идеала... Существенными чертами всякой религіи Гюйо считаетъ мифологическое объясненіе природы, къ которому въ религіяхъ болѣе высокаго типа присоединяется вѣра въ чудеса, кругъ догмъ, признаваемыхъ абсолютными истинами, и культъ, какъ кругъ дѣйствій, приводящихъ къ сверхъестественнымъ результатамъ.

Гюйо предвидитъ въ далекомъ будущемъ разложеніе религіи не прямо и не въ силу внѣшнихъ причинъ, но вслѣдствіе того, что исчезаютъ внутреннія условія ея существованія. И это происходитъ опять таки очень медленно, по мѣрѣ развитія промышленности, науки, индивидуализма и самостоятельной (независимой отъ религіи) этики. Изъ всѣхъ этихъ факторовъ Гюйо придаетъ особенное значеніе самостоятельному индивидуальному убѣжденію: именно этотъ факторъ приводитъ къ побѣдѣ одной религіи надъ другой; въ концѣ же концовъ онъ приведетъ къ постепенному разложенію всякой догматической системы и окончательной гибели религіи. Но, спѣшитъ предупредить Гюйо, окончательное отсутствіе религіи не то же самое, что антирелигія, полная противоположность религіи; напротивъ того, оно будетъ вышею ступенію религіи и цивилизаціи, такъ какъ все, что есть лучшаго въ религіозной жизни, разрастется и пышно расцвѣтетъ послѣ того, какъ отпадетъ догма. Вѣчное въ религіи—это само внутреннее стремленіе, ее породившее, жажда выйти изъ границъ голыхъ факторовъ и найти болѣе великую связь между ними... Непреходящій порывъ къ идеалу снова и снова будетъ поднимать крылья духа... Никакая религія не въ состояніи выразить то, что носить въ себѣ или къ чему стремится отдѣльная личность во всемъ своемъ своеобразіи. Каждый долженъ создать себѣ своего собственнаго бога или свою собственную біблію.

Въ ученіе Гюйо вносить поправки его соотечественникъ Фуллье. Хотя и по его ученію слово „Богъ“, выражающее всегда представленіе болѣе или менѣе заимствованное изъ области человѣческихъ отношеній, обозначаетъ глубочайшую основу и глубочайшее стремленіе сознательныхъ существъ въ ихъ міровомъ сообществѣ, но дальше гипотетической схемы мы здѣсь все равно пойти не можемъ... Намъ нѣтъ нужды вмѣстѣ съ кантіанцами вводить новыя догмы во имя морали; но такъ же мало догматическія построенія могутъ быть для насъ и предметомъ насмѣшки и

проніи, какъ это мы видимъ въ диллетантизмѣ Ренана. Въ самой потребности размышлять о смыслѣ міра и жизни и дѣйствовать согласно съ нашими идеалами, не смотря на неувѣренность въ ихъ побѣдѣ, уже лежитъ скрытая идеалистическая предпосылка... Конечно, между метафизическими построеніями происходитъ постоянная борьба за существованіе; и побѣдитъ та система, которая въ равной и полной мѣрѣ предоставитъ права и анализу и синтезу... Но (и здѣсь вся суть поправки) покрывало Изиды никогда не будетъ приподнято, и всегда останется открытымъ широкое поле для фантазіи и для религіознаго символизма. Таково послѣднее слово естественнаго разума, не вооруженнаго вѣрою, въ его поискахъ Бога.

Второй вопросъ, въ рѣшеніи котораго философія постоянно соприкасается съ вѣрой христіанской и то вступаетъ въ антагонизмъ съ ней, то, наоборотъ, въ безсиліи открыть что-либо, не находитъ ничего основательнѣе, какъ закончить „золотымъ правиломъ Іисуса Назорейскаго“¹⁾—это вопросъ о началахъ нравственности человѣческой. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія взгляды Гюйо и Ницше. Гюйо критикуетъ англійскую этику, которая въ качествѣ послѣдней основы предполагаетъ эгоистическую потребность въ самосохраненіи. Однако, спрашиваетъ Гюйо, не должно ли бы оно (самосохраненіе) оставаться тѣмъ же самымъ неизмѣнно, сколько бы ни присоединялось къ нему расчетовъ, ассоціацій и приспособленій? Способность къ безкорыстнымъ дѣйствіямъ нельзя объяснить такого рода факторами. Въмѣсто эгоизма Гюйо такимъ принципомъ выставляетъ стремленіе къ дѣятельности, къ саморазвитію и саморасширенію, встрѣ-

¹⁾ Выраженіе англійскаго философа Д. С. Милля, думавшаго видѣть въ заповѣди Христовой „не желать другому того, чего себѣ не желаешь, и любить ближняго, какъ самого себя“ высшее проявленіе утилитаристической морали.

чающееся всюду, гдѣ жизнь сильна и здорова. Отсюда, предписываетъ Гюйо, „развивай свою жизнь во всѣхъ направленіяхъ. Будь, насколько возможно, богаче какъ по глубинѣ и силѣ, такъ и по широтѣ своихъ стремленій! А потому живи въ общеніи съ другими и возможно болѣе развивай свою способность къ общенію“... Долгъ—это лишь избытокъ жизни, требующій себѣ примѣненія, самопожертвованія... Эта бьющая черезъ край сила особенно выступаетъ въ симпатіи или альтруизмѣ... Эгоизмъ, заканчиваетъ Гюйо, есть признакъ узости, изолированности и потому въ концѣ концовъ основывается на иллюзіи.

Какъ ни благородны эти заключенія и призывы Гюйо, но все-таки его мораль не имѣетъ полъ собой твердой почвы. Почему предполагаетъ онъ, что избытокъ жизненныхъ силъ направится въ благородную, альтруистическую сторону, почему общеніе съ людьми непременно приведетъ къ самопожертвованію? Если такъ *бываетъ* у нѣкоторыхъ, то желательно знать, чѣмъ это вызывается, а, главное, какъ достигнуть того, чтобы это „*бываетъ*“ превратилось въ „*должно быть?*“

Не менѣе слабой, противонаравственной и беспочвенной является мораль Ницше, пытавшагося переоцѣнить цѣнности, но не вполне выяснившего себѣ и другимъ, какъ справедливо замѣчаетъ Геффдингъ, на какой основѣ и съ помощью какихъ критеріевъ такая переоцѣнка должна производиться. Ницше не замѣтилъ, что его радикальный аристократизмъ и социальный дуализмъ, провозглашенные имъ въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ и создавшіе ему величайшіе литературные триумфы, стояли въ непримиримомъ противорѣчьи съ его главной мыслью, основною цѣнностью: силой, здоровьемъ и счастьемъ въ жизни... Еще болѣе пугается Ницше, когда цѣлью исторіи одинъ разъ считаетъ отдѣльные индивиды или касты (аристократизмъ), а въ другой разъ видитъ ее во благѣ всего рода. Онъ уже требуетъ

теперь не просто силы и мощи, но возвышенной любви къ человечеству.

Ненависть Ницше къ христіанству, да и вообще ко всему, что проповѣдывалось положительною моралью (онъ вѣдь хотѣлъ быть а-моральнымъ, стать по ту сторону добра и зла), ненависть эта слишкомъ извѣстна, чтобы на ней останавливаться. Геффдингъ приводитъ нѣсколько весьма мѣткихъ замѣчаній по адресу Ницше. Ницше презрительно отзывается о Миллѣ и другихъ англійскихъ изслѣдователяхъ за ихъ демократическое міросозерцаніе, но имъ онъ, по замѣчанію Геффдинга, если принять во вниманіе строгость и методичность изслѣдованія, недостойнъ былъ развязать ремни у ногъ. Въ указанномъ нами пунктѣ о цѣли морали—возвышенной любви къ человечеству Ницше весьма близко подошелъ къ христіанству, но онъ даже въ немъ находитъ мало любви, потому что оно „призывало скорбь на головы смѣющихся“; называя христіанъ рабами, Ницше не замѣтилъ, что жизнь богато и мощно кипитъ у тѣхъ, кого онъ называетъ рабами. Первобытное христіанство представляетъ собою, по выраженію его, духовный взрывъ, частью въ формѣ экстаза... Въ своихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ Ницше, говоря о христіанствѣ, такъ поноситъ его, что его сестра объясняетъ это лишь злоупотребленіемъ хлорала съ его стороны въ послѣдній годъ предъ катастрофой.

Мы нарочно начали съ вопросовъ болѣе трудныхъ (о Богѣ, религіи и морали) съ тѣмъ, чтобы, перейдя къ вопросамъ болѣе легкимъ (о мірѣ видимомъ и его происхожденіи), отмѣтить и въ ихъ рѣшеніи такія трудности, которыя, по сознанію самыхъ лучшихъ мыслителей, должны быть признаны съ естественно-научной и философской точки зрѣнія непреодолимыми. Окружающій міръ, познаваемый нами внѣшними чувствами, чуть только мы покинемъ не-философскую точку зрѣнія наивнаго реализма, представится намъ, какъ и происхожденіе его, такою загадкою, которая превышаетъ познавательныя силы человѣка; такою же загадкою является

для насъ органическая жизнь. Здѣсь наука должна сознаться или въ своемъ „банкротствѣ“, какъ выражался Брюнетьеръ, или смиренно преклониться предъ религіею, или отвѣтить указаніемъ на „непознаваемость“. „Если мы хотимъ выйти за предѣлы явленій, говорить Ренувье, то можемъ достигнуть этого чрезъ религіозные постулаты. Хотя философу этому казалось, что и эти постулаты не могутъ освободиться отъ относительности..,—но изъ закона же относительности онъ приходилъ къ тому результату, что мы должны придти къ первой причинѣ, т. е. творенію, какъ пункту, гдѣ мысль останавливается. Иначе мы будемъ вращаться въ безконечномъ процессѣ, не дающемъ никакого разрѣшенія нашихъ загадокъ“ (Стр. 90—91).

Подобно этому Максуэлль обращается къ теологическимъ представленіямъ, которыя появляются у него, по его словамъ, въ ту минуту, когда онъ оказывается стоящимъ у абсолютной границы. Какъ Декартъ выводилъ высшіе законы природы изъ воли Бога, какъ Ньютонъ заявлялъ, что солнечная система во всей своей совокупности не могла имѣть естественнаго происхожденія, какъ Линней и Кювье то же самое говорили про органическіе типы, такъ и Максуэлль учить, что однородные и неизмѣнные атомы, носящіе характеръ какъ бы продуктовъ труда чьихъ-то рукъ, должны были быть созданы; здѣсь мы находимся у конечныхъ предѣловъ всякой науки... Возникновеніе атома есть явленіе, не могшее имѣть мѣста при томъ порядкѣ природы, среди котораго мы живемъ теперь. Но такое событіе должно было когда-то совершиться, потому что нелѣпо было бы мыслить однородныя элементы существующими отъ вѣчности. Наконецъ, великій физикъ Кальвинъ въ маѣ 1903 года заявилъ, что гдѣ дѣло касается возникновенія жизни, не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы наука утверждала или отрицала творческую силу; „нѣтъ, наука положительно утверждаетъ существованіе творческой и направляющей силы, такъ какъ жизнь

не можетъ быть объяснена чисто физическими силами“. (Стр. 207).

Мы ограничиваемся этими существенными чертами учений „современныхъ“ философовъ, отсылая читателя, желающаго подробнѣе съ ними познакомиться, къ цитированной нами книжкѣ почтеннаго датскаго философа, сумѣвшаго въ сравнительно небольшомъ по объему изслѣдованіи дать обстоятельное, безпристрастное, а иногда и соединенное съ мѣткой и остроумной критикой, изложеніе существенныхъ сторонъ ихъ ученій. Какъ ни разнообразно трактуютъ эти философы вопросы религіи, нравственности и міра видимаго, но вездѣ читатель чувствуетъ, что это—не филистеры, отдѣлывающіеся легкими и удачными фразами, которымъ толпа рукоплещеть, а настоящіе, серіозные искатели истины, осторожно относящіеся къ убѣжденіямъ другого и умѣющіе сознать свое безсиліе тамъ, гдѣ уму человѣческому положенъ предѣлъ.

Критическое ознакомленіе съ ихъ воззрѣніями христіански-настроенному читателю приноситъ отрадное сознаніе того, что въ содержимомъ имъ христіанскомъ ученіи о Богѣ міра заключена истина, для которой не страшно и самое дерзкое возстаніе противъ нея со стороны современныхъ сомнѣнія и невѣрія.

И. К—ій.

Мои воспоминанія ¹⁾.

(Продолженіе ²⁾).

IV. Въ семинаріи.

Среднее образованіе я получилъ во Владимірской духовной семинаріи и пробылъ въ ней пять лѣтъ, поступивъ въ нее изъ Муромскаго духовнаго училища въ 1846 году, и

¹⁾ Редакція „Руководства для сельскихъ пастырей“ получила въ свое распоряженіе дальнѣйшее продолженіе „Воспоминаній“ В. О. Пѣвницкаго. Воспоминанія почтеннаго автора въ этомъ продолженіи относятся къ годамъ обученія его во Владимірской духовной семинаріи (1846—1851 гг.).

²⁾ См. № 24-й за 1909-й г.

выбылъ изъ нея въ 1851 году, за годъ до окончанія полнаго семинарскаго курса, будучи посланъ на казенный счетъ для продолженія образованія въ Кіевскую духовную академію.

Добрыя воспоминанія остались у меня о моей семинарской жизни, и я всегда хранилъ и храню признательныя чувства къ родной семинаріи. Ей я обязанъ тѣмъ, что вышелъ въ люди. Я не могу и вообразить, что было бы со мною, если бы она не приняла меня и не дала мнѣ надлежащаго воспитанія. Она дала мнѣ или, точнѣе, укрѣпила во мнѣ твердое христіанское направленіе, вынесенное мною въ дѣтскіе годы изъ родительскаго дома, слѣдуя которому, я сохранялъ себя въ послѣдующей жизни отъ опасныхъ заблужденій. Она приучила меня къ труду. Отъ нея я получилъ добрыя прочныя зачатки учено-литературной дѣятельности, которая была главнымъ занятіемъ на моемъ жизненномъ пути.

Мнѣ нерѣдко случалось встрѣчать въ печати и выслушивать въ устныхъ бесѣдахъ рѣзкія нападки на старыя семинаріи и на систему семинарскаго образованія и воспитанія. Бывшіе воспитанники семинаріи любятъ иной разъ, даже съ нѣкоторымъ услажденіемъ, выставлять на видъ и представлять въ преувеличенныхъ размѣрахъ недостатки своей *almae matris*, пускаясь въ рассказы, приправленные ироніею, нерѣдко проникнутые ядомъ злостнаго настроенія. Мнѣ крайне несочувственно подобное направленіе бывшихъ семинарскихъ воспитанниковъ, безъ стѣсненія дозволяющихъ себѣ брань и насмѣшки надъ мѣстомъ своего воспитанія. Такія насмѣшки по адресу *almae matris* не напоминаютъ ли преступленія Хама, надъ которымъ тяготѣетъ справедливое осужденіе?

Я не буду слѣдовать въ своемъ изображеніи семинарскаго быта и образованія за питомцами семинаріи, увлекающимися духомъ суроваго критицизма. Я буду говорить о своемъ семинарскомъ воспитаніи совершенно безпристрастно, безъ всякой задней мысли, и буду высказывать не свои разсужденія, а выставлять факты, ничего не скрывая, и ничего не прикрашивая. Недостатки, конечно, были въ семинаріяхъ;

были они и въ той семинаріи, въ которой я учился. А гдѣ ихъ нѣтъ? И я не буду скрывать ихъ. Но пусть они не выступаютъ ярко на первый планъ, и пусть не закрываютъ добрыхъ качествъ, какія придавали жизнь и силу семинариямъ. При всѣхъ недостаткахъ, какіе не скупятся выставлять словоохотливые критики, семинаріи неуклонно выполняли задачу, на нихъ возложенную, и оказывали великую услугу Церкви и духовному просвѣщенію, которой не можетъ не признать безпристрастная исторія.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, вызванныхъ у меня при мысли объ изображеніи семинарскаго быта, приступаю къ записи своихъ воспоминаній. Буду изображать былую семинарскую жизнь, вѣрно передавая все, пережитое мною. Слѣдуя указанію своей памяти, буду говорить, что я встрѣтилъ и нашелъ въ семинаріи, какъ мнѣ жилось въ ней, какъ учился я, или какъ вообще учили въ ней въ мое время, какіе въ ней были порядки, и какіе были начальники и наставники. Но напередъ, держась хронологическаго порядка, скажу о томъ, какъ я проводилъ вакацію предъ поступленіемъ въ семинарію.

На переходѣ изъ училища въ семинарію.

По окончаніи курса въ Муромскомъ духовномъ училищѣ, переведенный въ семинарію, въ вакацію я очень былъ озабоченъ тѣмъ, какъ мнѣ придется устроиться на новомъ мѣстѣ жительства. Невыгоды бѣдной квартирной жизни, испытанныя мною въ послѣдніе годы въ Муромѣ, постоянно предносились предо мною, и я опасался, какъ бы мнѣ снова не пришлось встрѣтиться съ ними въ семинаріи. Поэтому я непремѣнно хотѣлъ попасть въ бурсу, которая давала готовый пріютъ и готовое содержаніе ученикамъ. Но въ бурсѣ Владимірской семинаріи могло помѣститься только сто человѣкъ, и больше ста человѣкъ не принимали въ нее. А всѣхъ учениковъ во Владимірской семинаріи въ то время было болѣе восьми сотъ; потому у меня не было увѣренности, окажется

ли въ ней для меня свободное мѣсто, и примуть ли меня въ нее. Старшій братъ мой, уже два года прожившій въ бурсѣ, успокаивалъ меня и завѣрялъ, что я непременно буду принять въ бурсу, такъ какъ бурса существуетъ для сиротъ, и при приемѣ ихъ обращается вниманіе на услѣхи. Самъ онъ, при поступленіи въ семинарію, около мѣсяца прожилъ на квартирѣ, и квартирная жизнь не оставила въ немъ добрыхъ воспоминаній.

Вакацію въ 1846 году, когда я долженъ былъ поступить въ семинарію, мы (я съ старшимъ и младшимъ братомъ) провели въ Верхозерьи у своего дяди, брата покойной матери. Къ намъ относились въ семьѣ его хорошо, но по временамъ давали чувствовать, что мы не родныя дѣти. Наступаетъ, наприимѣръ, часъ ложиться спать, и намъ говорятъ: „не думаете ли вы, что вамъ будутъ стлать постели; сами позаботьтесь объ этомъ“. Пойдутъ мои двоюродные братья и ихъ сверстники гулять или какъ-либо играть, пожалуй, рыбу удить. А мнѣ дадутъ ребенка на руки, и я долженъ съ нимъ сидѣть и нянчиться. Подобныя мелочи, конечно, мало были пріятны, и онѣ не даромъ остались въ памяти у меня. Но изъ-за нихъ я не могу нарекать на добрыхъ родственниковъ. До сихъ поръ поминаю ихъ и храню въ себѣ чувства признательности къ нимъ за то, что они давали намъ хорошій пріютъ, и съ добрымъ сердцемъ принимали насъ, когда намъ некуда было идти или ѣхать.

Одну недѣлю въ эту вакацію мы провели у другихъ родственниковъ въ Иговскомъ погостѣ, отстоящемъ отъ Верхозерья верстахъ въ семи. Храмовой праздникъ въ Иговскомъ погостѣ 18 августа,—Флора и Лавра. По тогдашнему обычаю, на праздникъ въ Иговскій погостъ собирались близкіе родственники членовъ Иговскаго причта и жили у нихъ не одинъ день. У насъ тамъ ближайшій родственникъ былъ псаломщикъ Аѣиногенъ Андреевичъ Либеровскій, женатый на родной сестрѣ нашего отца. Онъ и все его семейство всегда оказывало намъ особенное родственное благорасположе-

ніе. Въ Кіевѣ въ родствѣ съ нами были и оба священника, отецъ Иванъ Веселовскій, двоюродный братъ нашей матери, и отецъ Ѳеодоръ Иговскій, двоюродный братъ нашего отца. У послѣдняго былъ хорошій просторный двухэтажный домъ, и большой садъ. Жилъ онъ въ немъ съ своею матерію и сестрою, пожилою дѣвицею. Но оживленіе въ домъ его вносила единственная дочь его Дарья Ѳеодоровна. Она впослѣдствіи вышла замужъ за студента семинаріи Златовратскаго, которому отецъ ея сдалъ мѣсто, самъ поступивъ въ монастырь. (Изъ Иговскаго погоста Златовратскій перешелъ во Владиміръ, а оттуда въ Иваново-Вознесенскъ, тутъ и скончался). Она донинѣ здравствуетъ и живетъ въ Иваново-Вознесенскѣ у своего зятя, протоіерея Димитрія Александровича Сперанскаго, кончившаго курсъ въ Петербургской академіи, въ началѣ восьми десятыхъ годовъ,—сына моего товарища и по семинаріи и по академіи. Дочь отца Ѳеодора Иговскаго не была такою затворницею, какими въ то время являлись многія дѣвицы въ семействахъ духовныхъ особъ: она не дичилась общества и позволяла себѣ свободное обращеніе съ молодыми людьми, никогда впрочемъ не выходившее за предѣлы скромности и приличія. Не смотря на это, инныя тетуски, строго державшіяся старыхъ обычаевъ, готовы были осуждать ее за то, что она ведетъ себя не такъ, какъ другія дѣвицы, ея сверстницы, не смѣло появлявшіяся внѣ своихъ скромныхъ теремовъ. Къ отцу Ѳеодору Иговскому на праздникъ пріѣзжали изъ г. Меленокъ двѣ племянницы, дочери Меленковскаго чиновника,—веселыя цивилизованныя барышни, очень изобрѣтательныя на разныя домашнія дѣтскія игры. Благодаря юнымъ обитательницамъ дома отца Ѳеодора, въ немъ было очень весело, и мы большею частію тамъ проводили время, хотя на праздникъ мы явились собственно къ своему родному дядѣ. Если мы долго не приходимъ въ домъ отца Ѳеодора, за нами шлютъ гонца, и просятъ, чтобы мы безъ замедленія шли туда,—насъ-де тамъ давно ждуть. Случалось, и не разъ, что мы долго засидимся

въ домѣ отца Θεодора, и не желая беспокоить родныхъ дяди Либеровскаго, тамъ и переночевали. Самъ отецъ Θεодоръ отнюдь не стѣснялъ своихъ юныхъ гостей, напротивъ старался предоставить все возможное съ его стороны къ ихъ удовольствію. Разъ только бабушка, его мать ворчала, когда позднимъ вечеромъ мы шумѣли и не давали ей спать. Она спала въ нижнемъ этажѣ, а мы играли и шумѣли на верху.

Недѣля, проведенная въ Иговскомъ погостѣ на праздникѣ Флора и Лавра, прошла незамѣтно, и мы провели ее съ большимъ удовольствіемъ. Радущіе родныхъ доставило намъ не мало утѣшенія, и пріятное воспоминаніе о всемъ, что мы встрѣтили и видѣли въ Иговѣ, надолго сохранилось у насъ.

Были мы въ эту вакацію и въ Васильевскомъ погостѣ, на могилѣ отца и пробыли тамъ только день, исполнивши молитвенный долгъ. Его преемникъ Викторъ Казанскій принималъ насъ въ домѣ, построенномъ нашимъ отцомъ, пріобрѣтеннымъ имъ за небольшую цѣну, и доставилъ намъ скромное деревенское угощеніе. Изъ другихъ жителей погоста, за исключеніемъ семейства Грандицкихъ, намъ никѣмъ вниманія не было оказано.

Кончалась вакація, и намъ нужно было думать объ отправленіи во Владимірѣ. Отъ Мурома до Владиміра сто двадцать верстъ, и наша не малая забота при нашемъ безденежьи, была о томъ, гдѣ и какъ мы найдемъ подводу, на которой мы могли бы доѣхать до губернскаго города. Мы отправились въ Муромъ къ своему дѣду, жившему въ Муромскомъ Спасскомъ монастырѣ. Онъ договорилъ отвезти насъ во Владимірѣ за умѣренную цѣну одного причетника села, лежащаго верстахъ въ тридцати отъ Мурома. Этотъ причетникъ, имѣя пару лошадей, съ большою охотою, не безъ выгоды для себя, бралъ на себя подобную комиссію. 30 августа этотъ причетникъ (звали его Мысей, т. е. Моисей) явился въ Муромъ въ Спасскій монастырь на парѣ лошадей; приличная телѣга его покрыта была кибиткою, и мы, распрощавшись съ дѣдомъ, заплатившимъ возницѣ за дорогу, послѣ полудня 30-го августа на этой повозкѣ выѣхали изъ Мурома. Первую остановку мы имѣли въ домѣ своего возницы, для чего свернули съ большой дороги; такъ какъ село, гдѣ былъ домъ этого возницы, было нѣсколько въ сторонѣ отъ большого тракта. Здѣсь мы поужинали и ночевали, и на другой день, рано утромъ, пустились въ дальнѣйшій путь. Погода была теплая и ясная, и мы, не испытавъ никакихъ неудобствъ въ пути,

благополучно доѣхали до Владиміра. Во Владимірѣ нашъ возница привезъ насъ прямо къ бурсѣ, и мы съ братомъ вошли въ нее съ своимъ небольшимъ багажомъ. Я, собственно не имѣлъ права, прямо съ дороги, явиться въ бурсу и поселиться въ ней, еще до подачи прошенія о принятіи меня въ нее. Но братъ мой, или самъ, или чрезъ старшаго номерного, просилъ позволенія у смотрителя бурсы и эконома Ивана Гавриловича Бѣляева помѣститься мнѣ и пожить въ ней, впредь до опредѣленія меня въ нее правленіемъ семинаріи въ качествѣ казеннокоштнаго воспитанника, и это позволеніе дано было безъ всякихъ отговорокъ. Такимъ образомъ я, съ перваго дня появленія во Владимірѣ, вступилъ въ бурсу и прожилъ въ ней непрерывно всѣ пять лѣтъ своего пребыванія въ семинаріи. На другой день, послѣ моего пріѣзда во Владиміръ, посѣтилъ бурсу инспекторъ семинаріи архимандритъ Евѣимій, бывшій потомъ долгое время ректоромъ во Владимірѣ. Увидѣвъ меня—новичка, онъ спросилъ, изъ какого я училища, и подъ какимъ № перешель въ семинарію. Я отвѣчалъ: „изъ Муромскаго, подъ 1 №“. Онъ при этомъ не сдѣлалъ никакого замѣчанія касательно моего преждевременнаго поселенія въ семинарской бурсѣ. Правленіе семинаріи не замедлило включить меня въ число казеннокоштныхъ воспитанниковъ, принятыхъ въ бурсу. И о бурсѣ будетъ первое мое слово въ рѣчи о Владимірской семинаріи и о моемъ обученіи въ ней.

Проф. *Василій Пльницькій.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Отъ Кіевского Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.

Кіевъ 15 іюня 1909 года.

Цензоръ проф. Академіи, священникъ *Александръ Глаголевъ.*

Кіевъ Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

Ъ

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣотъ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 26.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1909-го года іюня 28-го дня.

Содержаніе: I. Православная Русь за границей. Архієпископъ Антоній.—
II. Подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ отъ доклада въроиспо-
вѣдной комиссіи. Г. Думы. Свящ. С. Богдановичъ (Членъ Г. Думы).—
III. Мои воспоминанія. (Продолженіе). Проф. В. Пѣвницкій.

Православная Русь за границей ¹⁾.

Не всѣ русскіе знаютъ, что въ Австріи живетъ болѣе четырехъ милліоновъ русскихъ (малоросовъ)—въ Галиціи, въ Буковинѣ и въ Угріи. Первая состояла прежде подъ польской короной, а вторая подъ молдавской, или точнѣе, подъ турецкой и сохранила чистое православіе. Напротивъ, Галиція, боровшаяся за православіе 350 лѣтъ съ іезуитами, пала въ борьбѣ и 200 лѣтъ тому назадъ приняла латинскую унію, т. е. отторглась отъ Церкви и подверглась латинской ереси, сохранивъ, однако, древнее православное богослуженіе

¹⁾ Изъ газеты „Колоколь“, № 980.

и всё православные чины и обычаи. Такихъ униатовъ русскихъ въ Галиціи до 4-хъ милліоновъ въ трехъ епархіяхъ— Львовской, Черемышльской и Станиславовской. Есть еще униаты въ Угроссїи или Венгріи. Въ Буковинѣ православныхъ христіанъ менѣе милліона: половина изъ нихъ русскіе, половина молдаване; ихъ митрополить живетъ въ г. Черновцахъ.

Галицкіе униаты постоянно стремятся возвратиться къ истинной православной вѣрѣ, но что могутъ сдѣлать эти поработанные польскими помѣщиками, еврейскими торговцами и католическимъ духовенствомъ бѣдные, запуганные крестьяне? Ихъ прошенія о принятїи православія остаются безъ отвѣта, а руководителей православнаго движенія бросаютъ въ тюрьмы и запугиваютъ клеветническими обвиненіями въ государственной измѣнѣ.

Однако въ самое послѣднее время униатскія селенія въ Галиціи, сосѣднія съ православною Буковиной, или съ православною Волынью (Почаевская лавра наша отстоитъ всего въ 7-ми верстахъ отъ Галиціи), а также нѣкоторыя селенія угроссовъ, сосѣднія съ православными австрійскими сербами, презрѣли всё человѣческіе страхи и, заявивъ правительству о томъ, что они приняли православіе, прекратили всякое общеніе съ униатскою приходскою церковью и начали собирать средства на построеніе церквей православныхъ.

Первый починъ въ этомъ дѣлѣ показало село Залучье, находящееся въ Галиціи по сосѣдству съ православнымъ селомъ Вашковцы, гдѣ Залучане, принявшіе православіе, стали говѣть и молиться, а тамошній православный священникъ выдалъ имъ сборную книжку на построеніе своего особаго храма, ибо по австрійскимъ законамъ онъ не имѣетъ права записывать въ метрическія книги требъ для чужого села, а потому и не можетъ давать имъ законныхъ браковъ, крещеній и погребеній, такъ что бѣдные Залучане, пока не построятъ своей церкви, должны отложить всё свои браковѣн-

чанія, а дѣти ихъ считаются по книгамъ некрещенными и незаконорожденными.

Отсюда русскіе люди могутъ видѣть, какая неотложная духовная нужда въ построеніи храма гнететь нашихъ братій по вѣрѣ и по крови. Я бывалъ въ Галиціи и знаю тамошній народъ—набожный, трудолюбивый и смиренный.—Галицкое русское благотворительное общество въ Петербургѣ просило меня устроить и принять предсѣдательство въ комитетѣ по устроенію православнаго храма въ честь св. равноапостольнаго Владиміра въ Залучѣ. О составѣ комитета общество будетъ оповѣщено на сихъ дняхъ, а благочестивые жертвователи приглашаются внести свою лепту на это святое и великое дѣло. Пожертвованія принимаются въ моей квартирѣ отъ 10 до 11 часовъ дня, на Благовѣщенскомъ подворьѣ, что на 8-й линіи Вас. Острова, № 55. Да засіяетъ снова свѣтъ Божественнаго православія въ дорогомъ предѣлѣ русскомъ, хотя и пребывающемъ внѣ нашего государства, но не внѣ нашего сердца!

Архіепископъ *Антоній*.

Подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ отъ доклада вѣроисповѣдной комиссіи Г. Думы.

Слѣдующія слова изъ книги Дѣяній Св. Апостоловъ, гласящія: „апостолы и пресвитеры собрались для разсмотрѣнія сего дѣла... апостолы и пресвитеры со всею Церковью разсудили, избравъ изъ среды себя мужей, послать ихъ съ Павломъ и Варнавою, именно: Іуду, прозываемаго Варсавою, и Силу, мужей начальствующихъ между братіями“ (Дѣян., гл. 15, ст. 6 и 22), невольно приходятъ на память послѣ непосредственнаго ознакомленія съ докладомъ и проектами вѣроисповѣдной комиссіи Г. Думы. Представители и носители церковной власти -- вотъ кто долженъ рѣшать дѣла церковныя,

дѣла вѣроисповѣдныя, а не депутаты свѣтскаго Государственнаго Учрежденія, избранные для рѣшенія дѣлъ гражданскихъ.

Правда, земля наша велика и обильна разными вѣроисповѣданіями, и надлежитъ, утверждаютъ сторонники иного образа мыслей, урегулировать отношенія людей разныхъ національностей и религій общимъ голосомъ заинтересованныхъ въ томъ людей, входящихъ въ составъ Г. Думы. Да, конечно, надо, но только не болѣе какъ урегулировать и притомъ со стороны внѣшне-правового совмѣстнаго существованія и положенія различныхъ вѣръ и исповѣданій въ одномъ государствѣ, не затрогивая внутренняго распорядка жизни по духу каждой вѣры и не касаясь совсѣмъ вѣроисповѣдныхъ дѣлъ Православной Церкви.

Что же касается до „свободы совѣсти“ въ дѣлахъ вѣры, которую усиленно старается думская вѣроисповѣдная комисиія „раскрѣпить“, то мнѣ кажется, что эта задача комисиіи, строящей законы для „свободы совѣсти“, не раскрѣпощаетъ совѣсть народную, а скорѣе развращаетъ—портитъ, и работа въ этомъ направленіи похожа на то, какъ если бы мы вздумали размѣстить воздухъ по новымъ сосудамъ съ герметической укупоркой, дабы надъ этимъ воздухомъ не могъ никто сдѣлать насилія; сколько бы сосудовъ мы ни наполнили воздухомъ, все же воздухъ останется въ изобиліи на свободѣ и насиліе надъ нимъ не предотвратится. Такъ же точно и съ свободой совѣсти, сколько бы ни насочиняли мы для „свободы совѣсти“ законовъ, все же не сдѣлать намъ ее свободнѣе того, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ. Поэтому, казалось бы, терминъ „свобода совѣсти“ слѣдовало оставить въ совершенномъ покоѣ, какъ воздухъ, а рѣшеніе дѣлъ вѣроисповѣдныхъ, дѣлъ духа, предоставить духовнымъ лицамъ, которыя стоятъ во главѣ той или другой религіи; при чемъ рѣшеніе вопросовъ взаимоотношенія между религіями, существующими въ Русской Землѣ, должно быть предоставлено не гостямъ или квартирантамъ, а хозяевамъ этой земли, представителямъ господствующей Св. Православной Христіан-

ской Церкви, но никакъ уже не мірянамъ разноплеменнымъ, хотя бы и изъ членовъ Г. Думы.

Вотъ уже скоро два года будетъ, какъ работаетъ вѣроисповѣдная комиссія Г. Думы и надъ чѣмъ? Да все, главнымъ образомъ, надъ тѣмъ, чтобы какъ можно свободнѣе было людямъ перемѣнять религію; и очевидно, работа эта будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не выработается система перемѣны до такой простоты и легкости, съ какою, напр., мѣнять можно перчатки. Трудность такой работы сильно усложняется тѣмъ обстоятельствомъ, что комиссія желаетъ быть „безпристрастной“, хлопочетъ о полномъ процвѣтаніи не господствующей Православной вѣры, а всѣхъ прочихъ вѣроисповѣданій, не исключая ересей, расколовъ, язычества и даже безбожія (внѣвѣроисповѣдное состояніе). Да позво- но будетъ спросить, за чей счетъ будутъ плодиться ереси, расколы и безбожія? Если объ этомъ помалкиваютъ адвокаты „вѣроломства“, то мы, православные люди, не должны молчать и громко должны заявить, что всѣ проектируемые законы о „свободѣ совѣсти“ будутъ бить тяжелымъ молотомъ и разрушительными ударами по св. Православной вѣрѣ, разбивая Россію въ этомъ отношеніи на мелкіе куски, дабы потомъ можно было превратить ее въ тѣсто и скушать.

Но обратимся къ существу доклада вѣроисповѣдной комиссіи. Поставивъ во главу угла указы 17 октября и 17 апрѣля, вѣроисповѣдная комиссія, какъ видно изъ доклада, какъ бы такъ проповѣдуетъ россійскимъ людямъ и особенно молодымъ: „вотъ вы до сихъ поръ жили въ состояніи религіознаго безправія,—по вѣрѣ своихъ дѣдовъ и отцовъ, и не подозрѣвая того, что могли бы свободно избирать себѣ любую вѣру, болѣе соотвѣтствующую вашему вкусу и настроенію; теперь прошли времена этого „деспотизма“, и вы, какъ только достигнете 21 года, можете мѣнять свою старую вѣру на новую, такъ же, какъ мѣняете заношенные перчатки или рукавицы, а чтобы вамъ не совѣстно было это дѣлать на виду общества или родителей, для этого мы, народные предста-

вители, выработали законы, обеспечивающіе вамъ „свободу совѣсти и переходъ по ней изъ одной вѣры въ другую“. Что же должны сказать молодые люди въ отвѣтъ на такое заботливое попеченіе о нихъ народныхъ представителей? Конечно, многіе поблагодарятъ послѣднихъ за такую заботливость, а нѣкоторые заявятъ, что кто любитъ „свободу совѣсти“, тотъ вѣдь и безъ закона не постѣснится вѣроломничать. Но что должны сказать вѣроисповѣдной комиссіи отцы семействъ, воспитатели и особенно представители Церкви Христовой, коимъ ввѣрено дѣло спасенія душъ? Думаю, что они не поблагодарятъ комиссію и съ глубокой скорбію скажутъ: и безъ того въ послѣднее время наши дѣти развольничались, а тутъ приходятъ имъ на помощь для большей разнузданности народные представители, коихъ мы избрали для устроенія Россійскаго общежитія, а никакъ не для раздѣленія съ Православною вѣрой и тѣмъ болѣе не для возстановленія дѣтей противъ родителей и родителей противъ дѣтей; это послѣднее сдѣлается и безъ хлопотъ со стороны членовъ Гос. Думы, когда придетъ къ тому время (читай Еванг. Мѳ., гл. 10, ст. 21; Лук. 18, 8). А что, дѣйствительно, новыми законопроектами подается потачка для разнузданія совѣсти въ человѣкѣ, объ этомъ свидѣлствуютъ какъ содержаніе статей новаго закона, начиная съ I-й, такъ и разсужденія членовъ 17 противъ 16 при выработкѣ этихъ „законовъ“. Такъ, напр., 1-я статья проекта гласитъ: „каждому, достигшему 21 года, предоставляется право переходить во *всякое*¹⁾ вѣроисповѣданіе или вѣроученіе, принадлежность къ коему не наказуется въ уголовномъ порядкѣ“, а ст. 7 заканчивается такими словами: „никто ни подъ какимъ видомъ не долженъ препятствовать въ исполненіи его желанія“. Очевидно, подъ препятствованіемъ разумѣтся 40-кадневное увѣщаніе православнаго христіанина, вознамѣрившагося измѣнить своей вѣрѣ, проектируемое Св. Синодомъ

¹⁾ Курсивъ нашъ.

и отклоненное 17-ю голосами противъ 16-ти голосовъ членовъ разноплеменной и разновѣрной комиссіи. Эти 17-ть противъ 16-ти голосовъ и по другимъ религіознымъ вопросамъ „отклоняли“ предложенія и соображенія іерарховъ Русской Православной Церкви, засѣдающихъ въ Св. Синодѣ. Спрашивается теперь, кто же у насъ Глава Церкви, если и предложенія Св. Синода вѣроисповѣдная комиссія ни во что вмѣняетъ? Но всего ужаснѣе то положеніе, что „большинство“ членовъ комиссіи нашло *безусловно* неприемлемымъ предложеніе Св. Синода о запрещеніи нижнимъ воинскимъ чинамъ православнаго исповѣданія, въ теченіе срока пребыванія ихъ на дѣйствительной военной службѣ, переходить въ другія исповѣданія. Какъ хотите, а здѣсь кроется тайный расчетъ на деморализацію арміи. Если и успокаиваютъ насъ господа адвокаты „вѣроломства“ тѣмъ, что желающіе перемѣнить вѣру и не имѣющіе права сдѣлать это во время военной службы будутъ лишены возможности воспользоваться благами манифестовъ 17-го октября и 17-го апрѣля, то пусть знаютъ, что, при разстройствѣ арміи, не только эти манифесты, а и всякіе вообще законы—божескіе и человѣческіе, будутъ попраны такъ же, какъ они попираются современными безбожниками—революціонерами, и тогда не только солдаты, но и всѣ жители страны не воспользуются ни свободой совѣсти, дарованной вышеупомянутыми указами, ни благомъ безмятежной жизни, оказавшись въ водоворотѣ анархіи.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ ужъ такъ сильно развивается желаніе у всякаго православнаго христіанина перемѣнить свою вѣру именно въ тотъ періодъ, когда онъ призванъ для защиты отечества, когда онъ состоитъ на дѣйствительной военной службѣ? Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ! Перемѣна религіи, особенно православно-христіанской, не только за время военной службы, а вообще за время жизни человѣка—дѣло исключительное. Это не есть потребность неотложная, а заблужденіе духовное, преступленіе противъ чистой совѣсти,

и потому создавать законы для облегченія этого преступленія есть и будетъ еще горшее преступленіе, присущее только врагу человѣчества, врагу нашего спасенія, да не назовется нами имя его! Будемъ справедливы, припомнимъ историческія обстоятельства и признаемся, что если христіанство возрасло за счетъ язычества и іудейства безъ особыхъ къ тому „сводовъ закона“, а исключительно по одной евангельской проповѣди, то совершенно напрасны и даже преступны усилія по сочинительству законовъ для „раскрѣпощенія“ совѣсти, содѣйствующихъ обращенію людей изъ христіанства въ первобытное, языческое и іудейское состояніе. Врагъ человѣческій и безъ помощи такихъ „законовъ“ *ходитъ, какъ рыкающій левъ, ища кого поглотитъ* (Петр. 5, 8). Рассматриваемый проектъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ бы идетъ на помощь врагу спасенія рода человѣческаго, потомучто ограждаетъ любителей перемѣны вѣры отъ всякихъ посягательствъ на свободу ихъ совѣсти, ограждаетъ какъ отъ пастырскаго, такъ и родительскаго увѣщанія, игнорируя печальныя послѣдствія такого порядка вещей. А можетъ случиться, на примѣръ, что у меня, православнаго христіанина, да еще, пожалуй, священнослужителя, изъ имѣющихся на лицо 5 сыновей и 2-хъ дочерей вдругъ вздумаютъ 2-е принять магометанство, 1 іудейство, другой язычество, а иной перейти въ состояніе полного безбожія. Представьте себѣ, какой концертъ будетъ разыгрываться въ моей семьѣ? Да и не только семью родную не ограждаетъ новый законъ отъ подобнаго концерта, но не ограждаетъ и цѣлое общество деревни или села, гдѣ какіе-нибудь зловредные для нравственности и матеріальнаго благосостоянія православныхъ мірянъ сектанты, вродѣ іоаннитовъ, хлыстовъ, скопцовъ и имъ подобныхъ, будутъ безнаказанно обманывать и совращать довѣрчивыхъ людей.

Нельзя отказать въ роковой послѣдовательности работъ вѣроисповѣдной комиссіи и въ отношеніи пересмотра статей прежняго вѣроисповѣднаго законоположенія Списокъ этихъ

статей, предлагаемый къ отмѣнѣ, вполне гармонируетъ съ проектомъ новыхъ „вѣроломныхъ“ законоположеній. Всякія облегченія лицамъ изъ старообрядчества и сектантства, желающимъ принять православіе, отмѣняются (ст. 603). Язычники и магометане при переходѣ въ православіе также лишаются поддержки со стороны новыхъ братій христіанъ, хотя бы при этомъ они не имѣли никакой возможности оставаться въ прежней средѣ по естественной къ нимъ ненависти прежнихъ единовѣрцевъ за переходъ въ христіанство (ст. 605 и 106 и 607). Нѣтъ пощады и евреямъ, если только они пожелали бы принять христіанство (Примѣч. къ ст. 776). Словомъ, докладъ вѣроисповѣдной комиссіи представляетъ изъ себя какъ бы программу постепеннаго и вѣрнаго похода противъ христіанства вообще и св. православной вѣры въ русской землѣ въ особенности, а потому истиннымъ сынамъ Православной Церкви нужно усердно молить Господа Бога, чтобы этотъ проектъ не увидѣлъ своего осуществленія въ жизни, не получилъ силы закона. А нашимъ архиереямъ и пастырямъ да пошлетъ Господь Богъ духъ Илиной ревности о защитѣ вѣрующихъ чадъ ихъ отъ посягательства на растлѣніе въ нихъ вѣры Христовой.

Священникъ *Савва Богдановичъ* (членъ Г. Думы).

Мои воспоминанія.

(Продолженіе ¹).

Владимірская семинарская бурса.

Семинарская бурса во Владимірѣ, въ мое время, находилась не на семинарскомъ дворѣ, а довольно далеко отъ семинаріи, въ другой части города, отдѣленной отъ главной части города мелкою рѣкою Лыбедью, и потому называемой

¹) См. № 25-й за 1909-й г.

Залыбедскою. Семинарія расположена была на большой Нижегородской улицѣ, тянущейся чрезъ весь городъ. Здѣсь, среди обширнаго двора, стоялъ большой двухэтажный каменный корпусъ, построенный въ началѣ прошлаго столѣтія, торжественно открытый въ присутствіи именитыхъ гражданъ города Владиміра 15 іюля 1808 года ¹⁾. Не въ далекомъ разстояніи отъ этого корпуса находилась пятиглавая Богородицкая церковь, построенная еще до основанія семинаріи въ 1750 году. До открытія семинаріи во Владимірѣ на этомъ мѣстѣ былъ женскій Богородичный монастырь, упраздненный при епископѣ Платонѣ Петрункевичѣ, основателѣ семинаріи. Въ этомъ семинарскомъ корпусѣ помѣщались только одни классы или аудиторіи. Въ одной сторонѣ двора стояло низкое продолговатое каменное зданіе, гдѣ были классы училища, а за церковью подъ горою деревянный флигель, тоже служившій для помѣщенія училищныхъ классовъ. Дворъ семинарскій, на которомъ видное мѣсто занималъ только классный корпусъ и церковь, казался очень просторнымъ и обширнымъ, и съ него открывался очень хорошій видъ на Клязьму и на заклыземскую сторону. А теперь, когда выстроены обширные корпуса для общежитія семинарскаго, онъ кажется уже очень тѣснымъ и малымъ, и о просторѣ его можно говорить только по старымъ воспоминаніямъ.

Въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія зданія, служившія для потребностей семинаріи, разбросаны были въ четырехъ мѣстахъ. Въ одномъ мѣстѣ общежитіе для казеннокоштныхъ воспитанниковъ, въ другомъ классный корпусъ. Въ третьемъ мѣстѣ, въ архіерейскомъ монастырѣ, предоставленъ былъ семинаріи каменный двухэтажный корпусъ: въ верхнемъ этажѣ его были квартиры ректора, инспектора и секретаря правленія семинаріи, а въ нижнемъ помѣщалось правленіе семинаріи, канцелярія, би-

¹⁾ Исторія Владимірской духовной семинаріи, Н. Малицкаго. Выпускъ первый, стр. 197.

бліотека. Въ четвертомъ мѣстѣ была больница: больницею служилъ особый небольшой двухэтажный, деревянный домъ, находившійся не въ далекомъ разстояніи отъ архіерейскаго монастыря, на большой Нижегородской улицѣ.

Бурса открыта была за Лыбедью въ 1833 году и просуществовала тамъ до 1858 года. Она помѣщалась въ домѣ, купленномъ у удѣльной конторы ¹⁾, къ которому скоро присоединенъ другой небольшой домъ, купленный у вдовы Соколовой. Главный домъ семинарскаго общежитія имѣлъ видъ хорошаго просторнаго барскаго дома. Когда мы учились и жили въ немъ въ сороковыхъ годахъ, у насъ ходило преданіе, не знаю, на чемъ основанное, будто этотъ домъ принадлежалъ прежде князю Волконскому. Домъ деревянный на каменномъ фундаментѣ, съ мезониномъ: въ немъ въ главномъ этажѣ пять высокихъ большихъ комнатъ, двѣ малыхъ и двѣ переднихъ; а въ мезонинѣ двѣ большія комнаты. Въ первомъ этажѣ помѣщалось пять жилыхъ номеровъ, первый, второй, третій, четвертый и пятый; а въ мезонинѣ два, шестой и седьмой. Въ каждой комнатѣ по распisanію жило по двѣнадцати человѣкъ, а въ первомъ номерѣ, къ которому присоединена была небольшая комната, называвшаяся боковой, шестнадцать или восемнадцать. Другая небольшая комната, стоящая рядомъ съ переднею, была занята комиссаромъ. Первые три номера расположены были окнами на улицу. Между крайними комнатами, расположенными у боковыхъ стѣнъ, посрединѣ зданія былъ корридоръ, ведущій изъ перваго номера въ четвертый. Въ этомъ корридорѣ была лѣстница въ мезонинъ. Съ правой стороны главнаго зданія (западной) въ небольшомъ разстояніи отъ него стоялъ другой небольшой домъ. Въ немъ былъ одинъ (восьмой) номеръ для бурсаковъ; а другая большая половина служила квартирою эконома и смотрителя бурсы. Чтобы меньше безпокойства

¹⁾ Исторія Владимірской духовной семинаріи, Н. Малицкаго. Выпускъ второй, стр. 31.

причиняли эконому живущіе въ сосѣдствѣ черезъ стѣну бурсаки, въ восьмой номеръ выбирали наиболѣе смиренныхъ и тихихъ, или по крайней мѣрѣ считаемыхъ такими. Съ другой стороны (восточной), саженьяхъ въ четырехъ отъ крыльца главнаго дома, было деревянное зданіе, въ которомъ была столовая, кухня и помѣщеніе для служителей. Предъ домомъ съ внутренней стороны былъ большой дворъ, лѣтомъ обросшій травой, а зимой покрытый снѣгомъ, а за дворомъ отдѣленный отъ него рѣшетчатымъ заборомъ большой садъ. Этотъ садъ для города составлялъ большую роскошь, а намъ, живущимъ въ казенномъ общежитіи, доставлялъ большое наслажденіе. Пользуясь этимъ садомъ, мы утверждались въ мысли, что домъ, въ которомъ намъ давали казенное помѣщеніе, принадлежалъ прежде какому-нибудь богатому вельможѣ. Въ саду была густая, роскошная растительность, и, видно, онъ распланированъ былъ хорошимъ садовникомъ. Отъ створчатыхъ рѣшетчатыхъ воротъ, ведущихъ въ садъ, шла широкая аллея, обсаженная липами: она вела къ большой крытой бесѣдкѣ, стоящей среди сада. Въ бесѣдкѣ, по всей широтѣ ея, поставлены были лавочки; здѣсь можно было сидѣть и заниматься и во время сильнаго дождя. Параллельно главной аллеѣ простиралась другая меньшая аллея, обсаженная крыжовникомъ и смородиною. Она шла отъ другихъ воротъ, ведущихъ въ садъ отъ флигеля, гдѣ жилъ экономъ. Эти мѣста не были запретны для бурсаковъ; но мы сравнительно мало пользовались этою аллею, признавая ее болѣе принадлежащею эконому и его семейству, хотя никакихъ заявленій касательно этого намъ ни отъ кого не было. Отъ главной аллеи сада въ обѣ стороны простирались хорошо утрамбованныя дорожки, которыя непрерывающеюся линіею шли по всей обширной площади сада. Въ лѣвомъ углу подъ густою листвою полукругомъ стояли скамейки. Скамейки были и въ другихъ мѣстахъ на дорожкахъ сада. Въ правомъ углу сада, простиравшемся клиномъ въ глубь другой усадьбы, густо разрослись вишневые деревья; и здѣсь, въ уединеніи,

сидя или лежа на травѣ, многіе учили свои уроки. При густой растительности, здѣсь можно было и спрятаться такъ, что не вдругъ можно найти скрывшагося. Лѣтомъ семинаристы въ саду постоянно вращались; только дождь заставлялъ ихъ уходить въ комнаты. Бывало, пріѣдетъ въ бурсу ректоръ или инспекторъ. Большею частію въ лѣтнее время они, оставивъ экипажъ, идутъ не въ комнаты, а въ садъ. И бурсаки, разсѣявшіеся по саду, за густою растительностію, не сразу узнаютъ, что пріѣхало начальство, и часто нужно было звонкомъ извѣщать объ этомъ занимавшихся или гулявшихъ въ саду и звать ихъ въ комнаты.

Нужно отдать честь семинарскому начальству, что оно заботилось о поддержаніи сада въ порядкѣ и чистотѣ. Каждый годъ, въ началѣ весны, послѣ таянія снѣга, онъ очищался отъ мусора и сухой листвы; убирались засохшія вѣтви; дорожки хорошо утрамбовались и посыпались пескомъ; по мѣстамъ ставились и исправлялись скамейки. На всякаго, кто ни приходилъ въ садъ, онъ производилъ пріятное впечатлѣніе, и случайные посѣтители бурсы, гуляя по саду, говорили намъ: „какая у васъ благодать“!

Когда я пріѣзжалъ въ Владиміръ, состоя на службѣ въ Кіевѣ, я всегда считалъ неперемѣннымъ долгомъ посѣтить садъ, состоявшій при бурсѣ, которой тамъ уже не было. Туда непреодолимо влекло меня старое воспоминаніе. Но когда я входилъ въ него, я испытывалъ чувство сожалѣнія. Садъ не имѣлъ уже прежняго, такъ пріятнаго, вида. Куда дѣвалась прежняя роскошная растительность? Гдѣ тѣ красивыя липы, увѣнчанныя густою листвою, которыми обсажены были аллеи? Вмѣсто нихъ виднѣются не большія березы. И широкая площадь сада, прежде покрытая и сокрываемая густою растительностію, вся открывалась предъ глазами и поэтому казалась какъ бы умаленною въ своемъ протяженіи. Смотря на этотъ садъ и сравнивая его съ прежнимъ, я долженъ былъ заключать, что не было за нимъ заботливаго ухода, и

онъ захудаль, оставленный въ нѣкоторомъ пренебреженіи со стороны тѣхъ, кому онъ достался во владѣніе.

„Владимірская бурса“, въ которой мнѣ привелось жить, когда-то описана была во Владимірскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ ¹⁾, свящ. А. Ключаревымъ, если не ошибаюсь, моимъ пріятелемъ, съ которымъ я велъ нерѣдкую переписку. А. Ключаревъ былъ курсомъ моложе меня, и три года прожилъ со мною въ бурсѣ. Нынѣ онъ состоитъ протоіереемъ въ Павловскихъ Пустошахъ Александровскаго уѣзда. Въ „Исторіи Владимірской духовной семинаріи“ Н. Малицкаго воспроизведены свѣдѣнія или описанія бурсы А. Ключарева ²⁾.

Здѣсь зданіе, въ которомъ жили бурсаки, представлено въ очень неприглядномъ видѣ. „Сколочень общежитный домъ очень не складно (говорится тамъ). При сильномъ вѣтрѣ онъ трещалъ и качался, а въ зимніе холода вода замерзала въ умывальникахъ... У стѣнъ въ рядъ уставлены были желѣзныя и деревянныя кровати, относительно которыхъ авторъ „Владимірской бурсы“ замѣчаетъ: во имя правды не скрою отъ читателя, что эти койки вообще, а въ особенности деревянныя, изобиловали извѣстными насѣкомыми съ отдающимъ запахомъ; но мы, и съизмала не изнѣженныя, не чувствовали большого безпокойства отъ этихъ насѣкомыхъ. Комнаты, служившія и занятными, и спальными вмѣстѣ, были небольшія, и обитатели ихъ чувствовали себя тѣсновато. Особенно трудно было помѣстить требуемое число кроватей. Для экономіи мѣста ихъ изготовляли, не соображаясь съ ростомъ тѣхъ, кому онѣ предназначались. Владѣльцы кроватей приспособлялись къ этому неудобству, пріучаясь спать, свернувшись клубкомъ“ ...

Мои воспоминанія не вполне согласуются съ этимъ описаніемъ, и представленіе о зданіи бурсы у меня осталось иное, хотя упомянутый авторъ былъ мой современникъ. Домъ,

¹⁾ Владимірскія Епарх. Вѣдомости, 1890 г., стр. 713—26.

²⁾ Исторія Владимірской духовной семинаріи, Н. Малицкаго. Выпускъ второй, стр. 205—211.

въ которомъ мы жили, былъ хорошій видный барскій домъ, построенный весьма основательно. Въ наше время, правда, онъ нѣсколько пообветшалъ, но отнюдь не трещалъ и не качался во время сильнаго вѣтра, и могъ выдержать, не колеблясь, какой угодно ураганъ. Не помню я, чтобы когда либо замерзала въ немъ вода въ умывальникахъ, и мы, живя въ немъ, ни мало не страдали отъ холода. Я три года жилъ въ первомъ угловомъ номерѣ, сравнительно болѣе холодномъ, чѣмъ другіе внутренніе номера, и никогда въ зимніе вечера мы не чувствовали потребности надѣть что-либо теплое на себя. Домашняя обстановка въ бурсѣ была лучше, чѣмъ въ большинствѣ частныхъ квартиръ, нанимаемыхъ семинаристами. Занятныя комнаты, служившія вмѣстѣ и спальнями, были просторныя, высокія, свѣтлыя. Воздуха и свѣта въ нихъ было довольно. Не было недостатка въ необходимыхъ принадлежностяхъ для домашняго обихода. Въ каждомъ номерѣ былъ одежный шкафъ, былъ комодъ, съ ящиками для каждаго изъ жильцовъ. Посреди комнаты стоялъ длинный столъ для занятій; по обѣимъ сторонамъ поставлены были скамьи, а на двухъ концахъ стола табуреты. Въ комнатахъ жило по 12 человѣкъ, и они свободно размѣщались во время занятій за столомъ этимъ. Только въ первомъ номерѣ жило больше, но этотъ сверхкомплектъ, изъ четырехъ или шести человѣкъ, помѣщался въ особой небольшой комнатѣ, примыкавшей къ первому номеру, и называвшейся боковкою; въ этой боковкѣ они и занимались, и спали, и въ боковкѣ былъ особый небольшой столъ, особый гардеробный шкафъ и комодъ. По стѣнамъ комнатъ разставлены были кровати, въ первомъ номерѣ желѣзныя, а въ другихъ деревянныя. Желѣзныя кровати были очень длинныя, а деревянныя покороче, но все-таки и онѣ были достаточной длины, и А. Ключаревъ напрасно представляетъ ихъ такъ короткими, что въ нихъ приходилось спать, свернувшись клубкомъ. На кровати былъ приличный, не особенно жесткій, тюфякъ, набитый, кажется, волосомъ, покрытый простынею, двѣ подушки и байковое одѣяло зеле-

наго цвѣта. Убирать кровати должны были сами бурсаки, и онѣ содержались довольно опрятно. Авторъ „Владимірской бурсы“, цитуемый авторомъ Исторіи Владимірской духовной семинаріи, говоритъ, что „койки, въ особенности деревянныя, изобиловали извѣстными настькомыми съ отдающимъ запахомъ“. Но я не могу этого подтвердить. По крайней мѣрѣ въ первомъ номерѣ, гдѣ были желѣзныя кровати, и гдѣ я жилъ три года, этой нечисти не было. У кого были свои вещи, которыя не могли помѣститься въ ящикахъ номерного шкафа, онѣ или сдавались комиссару, или въ маленькихъ сундучкахъ держались подъ кроватью.

Для освѣщенія комнаты въ вечернее время въ каждый номеръ выдавались сальныя свѣчи. Ихъ выдавали въ такомъ изобиліи, что мы не могли сжигать всего количества ихъ, положеннаго на номеръ, хотя особенной экономіи при этомъ не наблюдали.

Для занятій выдавались бурсакамъ казенныя письменныя принадлежности,—бумага и гусинья перья каждому отдѣльно въ такомъ количествѣ, что недостатка въ нихъ никогда не ощущалось, а чернила на номеръ. Впрочемъ, то и другое, въ случаѣ недостатка, можно было брать безпрепятственно во всякое время у комиссара. На этотъ предметъ (говорится въ Исторіи Владимірской семинаріи ¹⁾) отпускалось въ годъ около 150 рублей.

Одежда у бурсаковъ была не показная: въ этомъ отношеніи они уступали квартирнымъ семинаристамъ. Насъ не приучали къ щегольству. Лѣтомъ парадною, а вмѣстѣ и домашнею, одеждою для насъ служилъ сѣрый нанковый сюртукъ, брюки изъ легкаго трико и жилетъ изъ такой же матеріи. Сюртуки шились ниже колѣнъ. Суконной пары мы не знали, хотя насъ манили обѣщаніемъ въ скоромъ времени одѣть насъ въ суконные сюртуки, заявляя намъ, что для этого есть и средства у Правленія семинаріи. Эти средства

¹⁾ Ист. Вл. семинаріи. Выпускъ второй, стр. 211.

составились изъ экономическихъ суммъ. Въ прежнее время остаточныя суммы отъ содержанія семинаріи не отсылались въ центральное управленіе, а оставались въ семинаріи, составляя спеціальныя средства, которыми могло пользоваться Правленіе семинаріи по своему усмотрѣнію, для покрытія какихъ либо случайныхъ нуждъ, и вотъ на эти средства намъ хотѣли сшить суконныя пары, какъ заявлялъ мнѣ ректоръ Евѡимій, когда я являлся къ нему въ качествѣ дежурнаго старшаго. Но я не дождался исполненія этого обѣщанія. Суконныя сюртуки и брюки стали шить бурсакамъ, уже послѣ моего выбытія изъ семинаріи въ 1853 году (я выбылъ изъ семинаріи въ 1851 г.), при преемникѣ ректора Евѡимія.

Зимнею одеждою служили для насъ овчинныя тулупы, крытые сѣрою нанкою. Одежда не показная, и на первыхъ порахъ по сооруженіи ея, пока не обносятся овчины, отъ нихъ несло сильнымъ запахомъ дубильной кислоты, что давало поводъ квартирнымъ семинаристамъ съ кислыми гримасами относиться къ нашей зимней одеждѣ и посмѣиваться надъ нами. Но при всей своей неказистости, теплыя овчинныя тулупы намъ хорошо служили и были, можно сказать, необходимы для насъ. Во Владимірѣ морозы часто бываютъ свѣше 20°. А изъ бурсы въ семинарію намъ каждый день приходилось ходить два раза, утромъ и послѣ обѣда, и дорога была не близкая. Въ легкой одеждѣ, подбитой, пожалуй, и ватою, это путешествіе было бы не совсѣмъ удобно, и мы были бы болѣе не довольны, если бы вмѣсто тулуповъ насъ одѣвали въ суконныя пальта.

При казенной одеждѣ, очень нещеголеватой, нѣкоторыя, въ дополненіе, пріобрѣтали свои костюмы болѣе приличныя. Бывали у иныхъ суконныя сюртуки; иные щеголяли въ цвѣтныхъ, даже въ бѣлыхъ брюкахъ лѣтомъ, что вызывало замѣчаніе смотрителя бурсы. У иныхъ появлялись шинели. Но такихъ щеголей было очень мало,—единицы. Вѣдь въ бурсѣ жила бѣдность, у которой не было лишней копѣйки на сооруженіе себѣ особаго костюма.

Въ комнатахъ дозволялось сидѣть въ шлафрокахъ, если таковыя находились у кого. Бухарскіе халаты попадались у иныхъ бурсаковъ, и въ нихъ въ комнатахъ безвозбранно можно было предстать и предъ начальствомъ.

Обувью бурсаки снабжались въ достаточномъ количествѣ, говорится въ Исторіи Владимірской семинаріи со словъ А. Ключарева. Давали каждому по двѣ пары сапогъ и третьи головки. Всей обуви, намъ даваемой, мы не изнашивали, и иные изъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ изъ этой статьи дѣлали выгодную коммерцію, брали у сапожника вмѣсто пары сапогъ деньгами, иные прямо продавали сапоги, иные вмѣсто сапогъ заказывали себѣ калоши. Калошъ намъ не выдавали: кто хотѣлъ имѣть ихъ, тотъ долженъ былъ покупать ихъ на свои деньги, или входить въ особый договоръ съ сапожникомъ, котораго Правленіе подрядило снабжать бурсаковъ обувью. Мнѣ сшили хорошія кожаныя калоши, долго мѣ служившія, въ арестантскихъ ротахъ за полтинникъ. Заказъ сдѣланъ былъ чрезъ брата священника богоугодныхъ заведеній, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ духовникомъ и живущихъ въ арестантскихъ ротахъ.

Бѣлья бурсакамъ не выдавалось. На изготовленіе бѣлья каждому выдавалось деньгами по три рубля серебромъ, и всѣ мы сами по этой статьѣ должны были доставлять себѣ потребное. Отсюда въ бѣльѣ бурсаковъ было большое разнообразіе: каждый дома долженъ былъ запастись бѣльемъ; у иныхъ оно было изъ самотканнаго и пестраго холста, у другихъ рубахи были ситцевыя, а кальсоны коленкоровыя. Крахмальныхъ рубашекъ у насъ не было. Если у кого попадались онѣ, то это было исключеніемъ. Зато почти у всѣхъ были въ употребленіи коленкоровыя манишки. Жилеты шились глухіе, закрывающіе всю грудь; это потому, что не предполагалось у воспитанниковъ такого бѣлья, которое можно бы было выставлять на показъ. Стирка бѣлья производилась на казенный счетъ: нанималась для этого прачка, во все время моего пребыванія въ бурсѣ неизмѣнно одна и та

же. Она очень исправно выполняла свое дѣло, и потому подрядъ за нею оставался нѣсколько лѣтъ. Мы съ нею не имѣли непосредственныхъ сношеній, а сдавали черное бѣлье комиссару, по счету, и отъ него получали привезенное прачкою вымытое бѣлье. Эта часть держалась въ порядкѣ, и воспитанники не могли жаловаться на какіе либо опущенія или непорядки въ дѣлѣ стирки бѣлья. Если у кого бѣлье оказывалось не вымытымъ, то потому, что у иныхъ было скудный запасъ бѣлья, и они, за неимѣніемъ лишняго бѣлья, не могли такъ часто мѣнять его, чтобы отдавать его въ каждую стирку.

Столъ у бурсаковъ былъ простой, однообразный, но сытный. Были въ этомъ отношеніи нѣкоторые дефекты, которые при нынѣшней требовательности воспитанниковъ могли бы вызывать проявленіе неудовольствія. Но во все пребываніе мое въ бурсѣ я не помню ни одного не только шумнаго, но даже глухого протеста противъ стола, по поводу недоброкачества или недостаточности пищи, намъ даваемой.

Вотъ какъ мы продовольствовались. Каждый день былъ у насъ обѣдъ и ужинъ,—обѣдъ въ первомъ часу пополудни, когда мы возвращались съ уроковъ изъ семинаріи, а ужинъ въ восемь часовъ вечера, послѣ домашнихъ занятій въ номерахъ, или лѣтомъ въ саду. Разнообразія въ кушаньяхъ не было. Каждый день щи, съ мясомъ въ скоромные дни, и гречневая каша съ масломъ. Въ постные дни щи бывали съ снятками, или вмѣсто нихъ картофельная похлебка. Въ праздники давалось какое либо дополненіе къ будничному столу, вродѣ окрошки или солонины. Надъ распредѣленіемъ порцій и поливаніемъ каши масломъ наблюдалъ дежурный старшій, и, по преданію, наслѣдованному отъ прежнихъ временъ, въ этомъ отношеніи не было равномѣрности. Въ столовой всѣ садились по номерамъ комнатъ, и въ каждомъ номерѣ былъ особый старшій. Одна миска подавалась на четырехъ, и тамъ, гдѣ сидѣлъ номерной старшій, и порціи давались лучше, и каша обильнѣе поливалась масломъ. Рядовые бур-

саки безропотно подчинялись этому обычаю, допускавшему такую несправедливость, и не думали протестовать противъ него.

Главный недостатокъ въ нашемъ продовольствіи былъ тотъ, что намъ не давали завтрака. Не давали и булокъ. А о чаѣ мы не могли и помышлять. За то простого хлѣба чернаго можно было получать, сколько угодно, безъ всякихъ ограниченій. Обыкновенно утромъ многіе изъ воспитанниковъ являются въ столовую и требуютъ отъ хлѣбника нужныхъ имъ порцій хлѣба. Хлѣбникъ безъ отговорокъ старается удовлетворить требованія воспитанниковъ, но не вдругъ успѣваетъ сдѣлать это. Его торопятъ нетерпѣливые, а онъ, не прекращая рѣзать хлѣбъ, кричитъ имъ: „пождите. Васъ сто человекъ, а я одинъ“. Эти слова „васъ сто человекъ, а я одинъ“ каждодневно слышались отъ него, а мы, идя въ столовую за хлѣбомъ, знали, что услышимъ ихъ отъ него.

Но простымъ хлѣбомъ, вмѣсто завтрака, могли довольствоваться только самые бѣднѣйшіе изъ бурсаковъ, которые ни откуда не могли получать себѣ никакого вспомошествованія. А такіе бывали. Но у большинства были, хоть маленькія, средства, получаемыя отъ родныхъ, и на эти вспомошествованія отъ родныхъ они, по мѣрѣ возможности, исполняли недостатки казеннаго питанія.

Первѣе всего, къ услугамъ бурсаковъ являлись крестьянки изъ пригороднаго села Краснаго съ молокомъ. Въ скоромные дни однѣ и тѣ же бабы, пріобрѣтшія извѣстность у бурсаковъ и наладившія у нихъ торгъ, рано утромъ стояли у воротъ бурсы съ изряднымъ количествомъ молочнаго товара, привозимаго сюда большею частію въ стеклянной посудѣ, въ штофахъ и полуштофахъ, и весь, привозимый ими товаръ, мигомъ раскупался. И дешево мы платили за это молоко: на мѣдный пятакъ (1½ копѣйки серебромъ) купленнаго молока весьма достаточно было для двухъ особъ. Пили это молоко съ хлѣбомъ, который брали у хлѣбника, сколько

было нужно, и завтракъ выходилъ питательный. Молоко доставлялось очень хорошее.

Въ постные дни, кто могъ, покупалъ булки, которые тоже, какъ и молоко, приносили къ воротамъ бурсы. И къ молоку иные вмѣсто хлѣба покупали булки. Цѣна булокъ была двѣ, три копѣйки.

А. Ключаревъ сообщаетъ еще, что утромъ въ бурсу являлся сбитенщикъ съ калачами, предлагая за три копѣйки два стакана сбитня и калачъ ¹⁾. Но у меня изъ памяти исчезло это явленіе сбитенщиковъ предъ воротами бурсы. Я не отрицаю этого. Но я, по крайней мѣрѣ, никогда не позволялъ себѣ этого удовольствія. Вмѣсто чая нѣкоторые (немногіе впрочемъ) пили кофе, простой черный цикорій, который продавался въ цилиндрическихъ палочкахъ, обернутыхъ въ синюю бумагу, и былъ очень дешевъ. Для этого кипятили воду въ жестяныхъ или мѣдныхъ чайникахъ. Пили кофе, иногда съ молокомъ, а иногда безъ молока, и всегда съ угрызеніемъ сахара. Эту роскошь и я позволялъ себѣ.

Говоря о столѣ, не могу не упомянуть, въ похвалу семинарскому начальству и эконому, о нѣкомъ утѣшеніи веліемъ, которое доставлялось намъ въ иные исключительные дни,—именно, въ праздники Рождества Христова и святой Пасхи, когда въ бурсѣ оставалось иной разъ человѣкъ двѣнадцать. Въ эти дни у насъ за обѣдомъ, являлся и гусь, и поросенокъ, а на Пасху еще и куличъ, и красныя яйца, и мы продовольствовались ничуть не хуже, чѣмъ члены достаточныхъ семействъ въ духовенствѣ. А въ масляницу насъ не оставляли безъ блиновъ.

Живя въ бурсѣ, я не принадлежалъ къ числу бѣдняковъ, не имѣвшихъ никакихъ ресурсовъ и не могшихъ ничѣмъ восполнять недостатки казеннаго содержанія. Три года я жилъ въ бурсѣ вмѣстѣ съ братомъ, а два года, послѣ его отправленія въ Кіевскую академію, одинъ. Намъ помо-

¹⁾ Исторія Влад. д. семинаріи. Вып. 2, стр. 208.

галъ дѣдъ нашъ по матери, іеромонахъ Ириной, бывшій строителемъ (такъ назывался настоятель заштатнаго монастыря) Вязниковскаго Благовѣщенскаго монастыря. Онъ присылалъ намъ иногда три, иногда пять рублей, а иной разъ и болѣе. Вообще онъ никогда не отказывалъ намъ въ пособіи, но, посылая намъ это пособіе, часто дѣлалъ намъ внушеніе, чтобы мы не роскошествовали; мы-де должны помнить, что мы сироты. На эти деньги, присылаемыя намъ дѣдомъ, мы могли покупать и молоко, и булки, и простой кофе цикорій. Мой братъ даже какъ то сшилъ себѣ короткій пиджакъ изъ легкаго трико. Когда мой дѣдъ увидалъ на немъ эту кургузую одежду, не покрывавшую всего стана, въ крѣпкихъ словахъ онъ выразилъ сильное негодованіе на такое безобразіе, на такой костюмъ, въ которомъ стыдно въ люди показаться. А братъ мой хотѣлъ щегольнуть въ этомъ костюмѣ; послѣ же выраженнаго дѣдомъ негодованія, живя въ Вязникахъ, долженъ былъ скрывать костюмъ, крайне не понравившійся дѣду. Братъ мой смѣлѣе меня заявлялъ свои требованія дѣду, и хотя дѣдъ никогда не отвѣчалъ отказомъ на его требованія, но иногда ворчалъ и выражалъ свое недовольство, напоминая намъ о нашемъ сиротствѣ. А когда, послѣ его поступленія въ Академію, я во Владимірѣ остался одинъ,— я былъ сдержаннѣе его въ заявленіи своихъ требованій и стѣснялся просить дѣда о пособіи. И этимъ опять не угодовалъ дѣду: онъ былъ не доволенъ тѣмъ, что я ничего не прошу у него, какъ братъ. „Почему я знаю (говорилъ онъ), что тебѣ нужно? Въ этомъ отношеніи братъ твой поступалъ лучше“. Онъ купилъ мнѣ, по своему усмотрѣнію, волчій мѣхъ для теплой зимней одежды, случайно попавшійся ему. Но я не рѣшился воспользоваться этимъ мѣхомъ, и онъ этимъ остался не доволенъ.

Кромѣ дѣда, мы ни отъ кого не могли ожидать пособій себѣ. У роднаго дяди, брата нашей матери, были свои дѣти, и у насъ ни разу не являлось мысли обратиться къ нему съ какою-либо просьбою. При томъ онъ зналъ, что насъ взялъ

на свое особенное попеченіе его отецъ, нашъ дѣдъ, и въ виду этого онъ не считалъ себя обязаннымъ и не находилъ нужнымъ оказывать намъ какое либо матеріальное вспоможеніе. Разъ, впрочемъ, я получилъ отъ него небольшой подарокъ (шестьдесятъ копѣекъ—два рубля десять копѣекъ на ассигнаціи), когда онъ пріѣзжалъ во Владиміръ, по случаю назначенія его на должность благочиннаго. Онъ постѣтилъ меня въ бурсѣ и при этомъ просилъ меня, не могу ли я сообщить ему чью-либо хорошенькую проповѣдь на царскій день. Ему назначено было произнести проповѣдь на какой-то царскій день въ Меленковскомъ соборѣ, и онъ, только что назначенный благочиннымъ, не хотѣлъ „ударить лицомъ въ грязь“. Я далъ ему проповѣдь своего товарища Георгіевскаго, считавшагося однимъ изъ лучшихъ проповѣдниковъ въ семинаріи, предназначаемаго въ академію и скончавшагося при самомъ окончаніи семинарскаго курса.

Въ моей памяти сохранилось еще одно приношеніе, очень маленькое и совсѣмъ незначительное по своему количеству, но очень дорогое для меня по тѣмъ чувствамъ, какими оно вызвано. Какъ-то, уже на шестой годъ послѣ смерти моего отца, пріѣзжалъ во Владиміръ одинъ его прихожанинъ, не знаю, для какой надобности. Будучи во Владимірѣ, онъ отыскалъ меня въ бурсѣ и при свиданіи со мною заявилъ особенное уваженіе моему покойному отцу и теплое сочувствіе намъ, его дѣтямъ. „Мы до сихъ поръ (говорилъ онъ) вспоминаемъ вашего добраго отца; а наши бабы часто высказываютъ свое сожалѣніе о васъ, какъ-де вы живете безъ отца и матери, оставшись малыми сиротами; чай, голодаете“. Онъ нашель меня въ саду, и я, гуляя съ нимъ по саду, говорилъ ему, что мы живемъ хорошо: видите, какой садъ у насъ; вѣдь такого нѣтъ тамъ, гдѣ мы прежде жили. И мы сыты и довольны. А если оказывается въ чемъ нужда, намъ всегда готова помощь отъ дѣда. Прощаясь со мною, этотъ прихожанинъ—крестьянинъ далъ мнѣ гривенникъ на молоко, которое (сказалъ я) мы покупаемъ въ добавленіе къ казен-

ной пицѣ. Не правда ли? Стоитъ записать и сохранить этотъ фактъ? Этотъ гривенникъ, данный мнѣ крестьяниномъ, бывшимъ прихожаниномъ моего отца, былъ для меня дороже золотого. Онъ свидѣтельствуеть о тѣхъ добрыхъ отношеніяхъ, какія въ старые годы существовали между священникомъ и его прихожанами. Уже около шести лѣтъ прошло послѣ смерти моего отца, а его прихожанинъ, случайно бывши во Владимірѣ, постарался отыскать и посѣтить его сына, выразить ему свое сочувствіе и при этомъ даже дать ему маленькое приношеніе, больше котораго отъ небогатаго крестьянина нельзя было и требовать.

Проф. *Василій Пивницкій*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Отъ Кіевскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Кіевъ 21 іюня 1909 года.

Цензоръ проф. Академіи, священникъ *Александръ Глаголевъ*.

Кіевъ Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

Л.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 27.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1909-го года іюля 5-го дня.

Содержаніе: I. Къ предстоящему монастырскому съѣзду. Свящ. В. Пестряковт.—II. Отзывъ Высокопреосвященнаго Антонія о магистерской диссертациіи и. д. доцента Моск. Дух. Ак. Коновалова. Архіеп. Антоній.—III. Мои воспоминанія. (Продолженіе). Проф. В. Пѣвницкій.—IV. Воззваніе.

Къ предстоящему монастырскому съѣзду.

Въ концѣ іюля настоящаго года въ Троице-Сергіевой Лаврѣ имѣеть быть съѣздъ представителей русскихъ монастырей, цѣлю котораго является исправленіе и усовершенствованіе монастырской жизни. Привѣтствуя это благое дѣло и ожидая отъ него несомнѣнной пользы для Церкви, тѣмъ не менѣе беремъ на себя смѣлость (не будучи инокомъ) предложить вниманію предстоящаго съѣзда нѣсколько вопросовъ, программой его не предусмотрѣнныхъ.

Нѣтъ надобности много говорить о значеніи въ настоящее время широкаго богословскаго образованія; чѣмъ больше будетъ просвѣщенныхъ работниковъ на нивѣ Христовой, тѣмъ больше блага будетъ для Церкви, тѣмъ больше силы и крѣ-

пости проявить она въ борьбѣ со зломъ, невѣріемъ, врагами, стоящими окрестъ нея. Нѣкогда монастыри, какъ на Западѣ, такъ и у насъ, въ Россіи, были единственными источниками не только богословскаго, но и свѣтскаго образованія; были эпохи (нашествія варваровъ, у насъ—татаръ), когда монастыри сберегли для народовъ культуру и просвѣщеніе. Въ послѣдующее время, съ ростомъ цивилизаціи, роли помѣнялись: монастыри ушли въ свою спеціальную область—духовнаго подвига—и знаніе, просвѣщеніе берутъ отъ міра. Такъ называемое ученое монашество монастыри теперь получаютъ изъ духовныхъ академій; но такъ какъ исканіе духовнаго подвига въ молодежи—явленіе рѣдкое, свойственное исключительно избраннымъ натурамъ, то неудивительно, что богословски образованные люди въ монастыряхъ явленіе рѣдкое, почти исключительное, тѣмъ болѣе, что ученые монахи обычно отбираются у монастырей на педагогическую дѣятельность и епископскія каѳедры. Преобладающій элементъ въ монастыряхъ—простецы, не обремененные книжною мудростію, и это не только среди рядовыхъ иноковъ, но и среди лицъ начальственныхъ: духовниковъ, благочинныхъ, настоятелей монастырей. Небольшой образовательный уровень монашества не можетъ не отражаться на всей монастырской жизни, на проповѣди, просвѣтительной и миссіонерской дѣятельности. Что это такъ, доказываетъ, на примѣръ, тотъ фактъ, что въ одной изъ драгоцѣнныхъ сокровищъ русскіихъ—Лавръ, этихъ крупныхъ религіозно-просвѣтительныхъ центровъ, религіозно-нравственные листки для народа составляютъ городскіе священники, а бесѣды по вопросамъ миссіи ведетъ миссіонеръ изъ блага духовенства. Проповѣдь въ монастыряхъ или же совсѣмъ отсутствуетъ, или же ведется, за немногими исключеніями, по книжкѣ сухо и безжизненно, и это при богатствѣ внутренняго духовнаго опыта и при знаніи сердца человѣческаго, какими обладаютъ нѣкоторые иноки. Если принять во вниманіе огромное религіозно-нравственное вліяніе нашихъ

монастырей на народъ, то нельзя не признать для монашества всей пользы основательнаго богословскаго знанія.

Восполненіе этого недостатка можно было бы устроить такимъ, на примѣръ, путемъ—открытіемъ свободнаго доступа въ семинаріи и академіи монашествующимъ лицамъ, разумѣется, лучшимъ, по выбору и рекомендаціи монастырскаго начальства. Такія лица шли бы въ учебныя заведенія не для диплома и связанныхъ съ нимъ правъ, не для карьеры, а для знанія, для подвига. Въ послѣднее время въ наши академіи былъ открытъ доступъ женатымъ священникамъ; отчего же нельзя того же сдѣлать и въ отношеніи иноковъ, хотя бы городскихъ обитателей. Передъ женатыми священниками послѣдніе имѣли бы то преимущество, что, получая содержаніе отъ своихъ монастырей и будучи одинокими, не требовали бы отъ учебныхъ заведеній расходовъ на свое содержаніе. Польза отъ этого дѣла была бы и для самихъ учебныхъ заведеній. По собственному опыту знаемъ, какое облагораживающее и сдерживающее вліяніе оказывали въ академіи на товарищѣй нѣкоторые студенты—иноки и болѣе пожилые вдовыя священники; при нихъ умолкала нескромная шутка, веселая пѣсня; они вносили интересъ и оживленіе въ бесѣду по серьезнымъ, особенно пастырскимъ вопросамъ. Знаю и примѣры добраго воздѣйствія и вліянія такихъ лицъ на товарищѣй съ нравственными недостатками и пороками.

По вопросу о благотворительной дѣятельности монастырей и говорилось, и писалось много. Если отбросить въ этихъ разговорахъ и писаніяхъ все преувеличенное, пристрастное, то все же выводъ остается одинъ—благотворительность при монастыряхъ развита слабо; если даже и не преувеличивать средствъ монастырей, какъ это дѣлаютъ въ газетахъ извѣстнаго толка, то все же нужно признать, что благотворительность при монастыряхъ можно поставить шире и основательнѣе.

Наконецъ, третій вопросъ, какой мы предложили бы вниманію съѣзда—это отношенія монастырей къ бѣлому духо-

венству. Въ области этихъ отношеній случаются явленія ненормальныя, которыя не могутъ не подрывать какъ вліянія монастырей и духовенства на народъ, такъ и взаимнаго довѣрія. Нерѣдки жалобы приходскихъ священниковъ на вмѣшательство монаховъ въ приходскія и пастырскія дѣла. Извѣстенъ случай въ К. епархіи, когда цѣлое благочиніе подало епархіальному начальству прошеніе о томъ, чтобы у нихъ не открывали монастыря.

Свящ. В. Пестряковъ.

Отзывъ Высокопреосвященнаго Антонія о магистерской диссертациі и. д. доцента Моск. Дух. Ак. Коновалова ¹⁾.

Получивъ въ концѣ истекшаго мая указъ Святѣйшаго Синода съ порученіемъ дать отзывъ о диссертациі г. Коновалова, я взялся за вторичное изученіе этой книжки: первый разъ я ее штудировалъ еще въ Рождественскомъ посту по просьбѣ бывшаго оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода г. Извольскаго, который выразилъ желаніе, чтобы я далъ о названной книгѣ печатный отзывъ независимо отъ дальнѣйшей ея участи предъ судомъ высшихъ церковныхъ властей. Однако, когда я, готовясь уже братья за перо, пожелалъ ознакомиться съ отзывами официальныхъ рецензентовъ диссертациі, то мнѣ было сказано, что послѣдняя уже опротестована предъ Святѣйшимъ Синодомъ преосвященнымъ митрополитомъ московскимъ и преосвященнымъ ректоромъ академіи, а потому и печатаніе отзыва лучше отложить до дальнѣйшихъ распоряженій Святѣйшаго Синода. Въ какомъ видѣ были предъявлены помянутые протесты, мнѣ неизвѣстно и до сего дня, но официальные отзывы о диссертациі я получилъ только на прошлой недѣлѣ вмѣстѣ съ указомъ о составленіи

¹⁾ „Колоколь“, № 983.

собственного моего заключенія по сему дѣлу. Кромѣ отзывовъ я тщательно ознакомился и со всею полемикою за и противъ диссертациі, какъ въ академическомъ журналѣ, такъ и въ газетахъ.

Авторъ называетъ свое сочиненіе изслѣдованіемъ и тѣмъ беретъ на себя обязанность: либо сообщить читателю новые факты, либо предложить фактамъ общеизвѣстнымъ свое научное истолкованіе и систематизацію,—показать связь описываемыхъ явленій съ извѣстными въ наукѣ, или вновь открытыми изслѣдователемъ законами той или иной категоріи—фактическими, химическими, фізіологическими, психическими и т. д. Таково минимальное требованіе, предъявляемое всякому научному труду. Трудъ же богословскій долженъ поставить изслѣдуемый предметъ въ связь съ принятой авторомъ системой ученія о Богѣ и со свидѣтельствами признаемаго имъ Божественнаго Откровенія; трудъ по богословію православному долженъ, разумѣется, установить соотношеніе приведенныхъ фактовъ и достигнутыхъ выводовъ съ ученіемъ Св. Библии и св. Церкви и показать внутреннюю правду этого ученія въ области изслѣдуемаго предмета, будь онъ историческаго характера или философскаго.

Чтобы примѣнить этотъ minimum научнаго запроса къ диссертациі г. Коновалова, поставимъ себѣ прежде всего такой вопросъ: что извѣстно каждому просвѣщенному читателю о „физическихъ явленіяхъ въ картинѣ сектантскаго экстаза?“.—Такъ озаглавляеть авторъ „первый выпускъ первой части“ своей работы, за который онъ и удостоенъ совѣтомъ академіи магистерской степени.

Неправда-ли, всѣ читатели, съ высшимъ и даже среднимъ образованіемъ, знаютъ, что русскіе хлысты, малеванцы и др. экстастики обнаруживаютъ нервное возбужденіе, перемѣну въ лицѣ, спазмы, далѣе начинаютъ плакать, смѣяться, вскрикивать, подергивать плечами, топать, прыгать, пѣть, кружиться, испускать пѣну, падать въ обморокъ, обнажаться и—заканчиваютъ всѣ свои неистовства свальнымъ грѣхомъ?

Что новаго сверхъ этого сообщаетъ авторь?—Рѣшительно ничего; о послѣднемъ актѣ радѣній онъ и вовсе умалчиваетъ.

Но можетъ быть онъ даетъ точное разъясненіе этимъ явленіямъ, подводитъ ихъ подъ различные біологическіе законы? Ничего подобнаго. Чѣмъ же онъ наполняетъ 256 страницъ 1-го выпуска I части своего будущаго труда? Нельзя же растянуть на цѣлую книгу то, что можно передать на одной страницѣ! Увы, для нашего псевдонаучнаго метода, исполненнаго цитатоманіи, это возможно. Повторяю—авторь ничего не прибавляетъ къ тому, что знаетъ о сектантскихъ радѣніяхъ всякій образованный и даже полуобразованный читатель, но размазываетъ свой бесполезный матеріаль слѣдующимъ однообразнымъ способомъ. „Сектанты на радѣніяхъ плачутъ“, озаглавляетъ онъ одинъ параграфъ.—Знаю,—хочетъ сказать читатель.—„Мало ли, что ты знаешь, а вотъ почитай-ка“, откуда мы это знаемъ,—какъ бы отвѣчаетъ авторь; „слушай же: исправникъ такого-то уѣзда въ 1846 году рапортовалъ, что въ такомъ-то селѣ было радѣніе и сектантъ Иванъ плакалъ; въ 1854 году плакала на радѣніи сектантка Матрена, о чемъ см. архивъ такого-то министерства, № такой-то, донесеніе становаго пристава такой-то губерніи“. Да Богъ съ ними, я и такъ не сомнѣваюсь въ томъ, что на радѣніяхъ плачутъ и смѣются,—молитъ читатель.—„Смѣются?“ говоритъ авторь: „нѣтъ, этимъ ты не отдѣлаешься,—о смѣхѣ у меня слѣдующій параграфъ. Знай, что въ 1846 году тотъ же исправникъ въ томъ же рапортѣ доносить, что тотъ же сектантъ Иванъ такъ же смѣялся; подобное же сообщала о себѣ самой на допросѣ въ воронежскомъ окружномъ судѣ сектантка Марья, да кромѣ того такой-то средневѣковый французскій писатель сообщаетъ, что мистики Западной Европы смѣялись во время усиленной молитвы“.—Да ну ихъ,—выходитъ изъ себя читатель:—я и безъ вашей книги зналъ, что на радѣніяхъ и смѣются, и пляшутъ.—„Пляшутъ!“ восклицаетъ авторь: „о, это вы ужъ въ

другую главу забираетесь; это, м. г., другое дѣло: это локомоторныя движенія“. Читатель опять сосредоточиваетъ вниманіе, надѣясь найти въ мудреномъ словѣ какое-нибудь разъясненіе, хоть физиологической связи однихъ явленій съ другими, но увы,—онъ ничего не находитъ, кромѣ новыхъ ссылокъ: изъ архива такой-то консисторіи видно, что въ 1875 году сектанты села такого-то среди пѣнія повскакали съ мѣстъ и начали приплясывать, а потомъ плясать; подобное явленіе наблюдалось по дѣлу о сибирскихъ квакерахъ 1760 г. и т. д., и т. д.

Раздраженный читатель снова пересматриваетъ текстъ и оглавленіе, ищетъ идейной классификаціи явленій, ищетъ установленія послѣдовательной связи, но кромѣ десятковъ, если не сотенъ сырыхъ ссылокъ на разные архивныя дѣла, обрѣтаетъ только мудренныя наименованія самыхъ общеизвѣстныхъ явленій, которыя у автора именуются и вазомоторными (потъ и краска въ лицѣ), и локомоторными (вскакиваніе и бѣганіе), и экстатическими; любитъ онъ и иныя спеціальныя выраженія: „фонаціи, секреторныя функціи, метеоризмъ и эвритмія“, но все это обозначаетъ самыя простыя вещи, въ родѣ—теченіе пѣны, вздутіе живота и т. п.,—такъ что всѣ эти „страшныя слова“ столь же мало придаютъ научнаго значенія его совершенно разрозненнымъ, неосмысленнымъ никакою идеею и притомъ общеизвѣстнымъ сообщеніямъ о сектантскихъ кривляньяхъ, сколь неудачно пытался извѣстный анекдотическій семинаристъ прослыть философомъ, прибѣгая безъ толку къ высокому слогу въ самыхъ прозаическихъ заявленіяхъ; именно, вмѣсто того, чтобы объявить эконому, что у него износились подошвы на сапогахъ, онъ преважно произнесъ: „Субстратъ моей субстанции дифференцировалъ къ абсолютному нигилизму“. Вотъ такой именно научный нигилизмъ, т. е. полное отсутствіе научнаго объясненія или научной систематизаціи находимъ мы и въ безплодномъ трудѣ г. Коновалова, содержащемъ голое перечисленіе общеизвѣстныхъ явленій съ огромнымъ количествомъ совер-

шенно бесполезныхъ ссылокъ. Ну кто бы сталъ построить научное объясненіе православной обѣдни такимъ способомъ? Обѣдня начинается съ возгласа діакона: „благослови Владыко!“ Въ этомъ можно убѣдиться по слѣдующимъ 348 изданіямъ славянскаго служебника, 35 греческаго и 18 арабскаго, сверхъ того изъ исторіи такого-то іерарха мы знаемъ, что однажды, когда діаконъ, начиная литургію словами: „благослови Владыко“ и т. д. Затѣмъ священникъ говоритъ: „благословенно Царство“; кромѣ перечисленныхъ служебниковъ, мы знаемъ изъ романа Мещерскаго, что священникъ такой-то, тогда-то и тамъ-то началъ литургію возгласомъ: „благословенно Царство“; въ архивѣ Тульскаго окружнаго суда и пр., и пр. Вотъ именно такимъ страннымъ, даже смѣшнымъ, Третьяковскимъ методомъ ведетъ свое описаніе сектантскихъ радѣній нашъ авторъ. Не могъ удержаться отъ легкой ироніи надъ такою безплодною цитатоманіей и одинъ изъ официальныхъ рецензентовъ диссертациі. Полемисты диссертациі отрицаютъ у нея всякій богословскій характеръ, но она лишена не только богословской научной цѣнности, но и какой-либо цѣнности психологической или фізіологической. Неужели назвать прыганіе локомоторнымъ движеніемъ, а красноту лица вазомоторнымъ, значитъ объяснить явленіе? Увы, этимъ не только никого не удовлетворишь, но даже не испугаешь теперь и купчихъ изъ типовъ Островскаго, которыя когда-то испытывали безпокойство отъ такихъ словъ, какъ металлъ и жупель.

Но если такъ, то на что же рассчитывалъ авторъ, являясь на судъ академіи со своимъ бесполезнымъ аггломератомъ выписокъ изъ разныхъ рапортовъ о сектантахъ. О, онъ не безъ основанія рассчитывалъ на тотъ § 4 второй главы своей книжки, который представляетъ собою нѣкоторое разнообразіе со всѣмъ остальнымъ содержаніемъ диссертациі. Этотъ параграфъ (стр. 135—157) озаглавляется такъ: „Религіозныя пляски и круговращенія въ исторіи христіанской церкви, какъ параллель къ сектантскимъ локомоторно-экста-

тическимъ тѣлодвиженіямъ“; подобнымъ же параллелямъ онъ отводитъ нѣсколько страницъ (175 — 193) въ III главѣ, гдѣ описываетъ сектантскія пророчества и изреченія на непонятныхъ языкахъ.

Итакъ, эти отдѣлы имѣютъ дѣйствительно научный характеръ? Увы, вовсе нѣтъ, но такой, который предъ современнымъ газетнымъ, а иногда и предъ академическимъ, судомъ охотно принимается, какъ замѣна научной цѣнности книги, какъ искупленіе ея совершенной ненаучности: они имѣютъ характеръ кощунственный; они приравниваютъ къ кривляньямъ и бѣснованіямъ современныхъ хлыстовъ библейскія пророчества, апостольскій даръ языковъ, мученическіе хоры, — даже изреченія св. Евангелія.

Впрочемъ, такого рода перлы попадаются изрѣдка и въ другихъ главахъ диссертации, и они-то только разнообразятъ ея безтолковое содержаніе. Авторъ не ошибся въ расчетѣ на эти перлы, какъ мы сказали. Именно рецензентъ, профессоръ Соколовъ, указываетъ на оба вышеназванные отдѣла кощунствъ нашего автора съ такой аттестаціей: „таковы интересные экскурсы (автора) о христіанской хореѣ (т. е. измышленныхъ со стороны автора пляскахъ древнихъ христіанъ) и глоссолаліи (даръ языковъ). Цѣль, съ которою авторъ собираетъ всѣ эти аналогіи, состоитъ не въ томъ, чтобы выяснить природу сектантскаго экстаза (читай — „а природу древнехристіанскихъ пророчествъ и вдохновеній“): онъ приводитъ ихъ только, какъ параллели. Но эти параллели со- здаютъ для описываемыхъ имъ фактовъ такую обстановку, въ которой факты говорятъ сами за себя. Благодаря имъ общій характеръ явленій опредѣляется самъ собою и становится ясенъ тотъ путь, который ведетъ къ ихъ объясненію. Въмѣстѣ съ тѣмъ они разнообразятъ и оживляютъ книгу“ и т. д. Подобное же говорится и въ отзывѣ г. Громогласова, но прикровеннѣе, чѣмъ у г. Соколова.

Неправда ли, и этотъ рецензентъ выражается загадочно, но въ то же время поясняетъ недоговоренность самого автора.

Въ чемъ же разгадка этой Эзоповской аттестаціи? Очень просто. Рецензентъ хочетъ сказать, но по понятнымъ причинамъ стѣсняется сказать прямо, слѣдующее: авторъ-де поясняетъ, что апостольскій даръ языковъ и пророчества, а также умиленные слезы и видѣнія св. отцевъ, ничѣмъ не разнятся отъ сектантскихъ радѣній, а представляютъ собою такой же видъ человѣческаго самообольщенія, когда напряженная ненормальнымъ образомъ жизни и суевѣріями нервная система переводитъ человѣка въ психофизическій трансъ и заставляетъ неистовствовать, а легковѣрныхъ и невѣжественныхъ людей воображать, будто бѣснующійся находится въ общеніи съ Божествомъ и получаетъ откровеніе Св. Духа. Итакъ, нашъ авторъ и рецензентъ вмѣстѣ съ древними жидами говорятъ Христу и апостоламъ, что они бѣсновались (Іоан. 7, 20; 10, 20; Марк. 3, 21; Дѣян. 2, 13).

Укажемъ нѣсколько такихъ перловъ академическаго кошуинства надъ повѣствованіемъ Слова Божія о боговдохновенныхъ озареніяхъ апостоловъ и др. праведниковъ. Открываемъ 159 страницу и читаемъ заглавіе параграфа: „автоматическое произнесеніе непонятныхъ словъ (приступъ глоссолаліи)“. Мы знаемъ, что глоссолаліей именуется даръ языковъ, полученный св. апостолами въ Пятидесятницу. Неужели авторъ не различаетъ отъ этого библейскаго явленія бѣснованія сектантовъ? Не различаетъ: „сектантское экстаическое возбужденіе“, говоритъ онъ: „завершается иногда произнесеніемъ какихъ-то непонятныхъ, тарабарскихъ словъ (странныхъ глаголовъ)“. Кто же не знаетъ, что „странными глаголами“ именуется въ извѣстной всѣмъ троицкой стихирѣ апостольская проповѣдь въ день сошествія Св. Духа? и притомъ не бессмысленные, ибо стихира продолжается такъ: „странными глаголы, странными ученіи, странными повелѣніи (т. е. новыми) Св. Троицы“.

Авторъ совершенно безперемонно сваливаетъ въ одну кучу и тотъ апостольскій даръ, и свидѣтельство св. Иринея о продолженіи его въ современныхъ ему христіанахъ

(стр. 175), и бессмысленные выкрики монтанистовъ, и приводимую имъ въ бесполезномъ изобиліи тарабарщину хлыстовъ и ирвингіанъ (см. также стр. 5, 13, 20, 23); затѣмъ онъ съ такою же безцеремонностью подводитъ подъ одну категорию массовой экзальтаціи и пророчество Саула съ сынами пророческими, и извѣстное предвѣщаніе Іоіля, сбывшееся въ Пятидесятницу, и засвидѣтельствованное ап. Павломъ множественное пророчество въ Коринѣхъ (1 Кор. 14, 27—35), и массовый экстазъ анабаптистовъ, и „северныхъ дѣтей“, и наконецъ—китайскихъ большихъ кулаковъ послѣдняго времени (стр. 224). Не желаетъ онъ различить и хлыстовскихъ рефлексивныхъ выкрикиваній отъ привѣтствія св. Елизаветы, которая „возопи гласомъ велимъ и рече“, ни извѣстнаго торжественнаго возглашенія св. Игнатія Богоносца къ христіанамъ отъ ирвингіанскихъ безумныхъ воплей (229 стр.).

Почему же христіанская древность вообразила, будто безумная тарабарщина религіознаго экстаза есть даръ языковъ? Потому, отвѣчаетъ авторъ, что эти бессмысленные выкрики весьма разнообразны, а суевѣрные свидѣтели ихъ рѣшаютъ по своей неразвитости, что предъ ними идетъ рѣчь на различныхъ имъ непонятныхъ языкахъ. Такъ-де и явились „предположенія, будто глоссогалы говорятъ не на одномъ извѣстномъ языкѣ, а владѣютъ дарами языковъ (1 Кор. 12, 10)“—ст. 248. Авторъ не стѣсняется подтвердить свое кощунственное предположеніе ссылкой на ап. Павла о томъ, что глоссогалъ „говоритъ не людямъ, а Богу, и никто не понимаетъ его“ (1 Кор. 14, 2), и продолжаетъ: „впрочемъ, наши сектанты и другіе экстатики (читай—апостолы и ихъ ученики) не считаютъ эту непонятность глоссогалическихъ рѣчей безусловной. Они вѣрятъ, что нѣкоторые лица изъ ихъ среды обладаютъ особымъ даромъ истолкованія языковъ (1 Кор. 12, 10) собственныхъ или чужихъ. Какъ видите, это суевѣріе раздѣлялъ и ап. Павелъ. Не мѣшало бы нашему скептику обратить свое просвѣщенное вниманіе и на то со-

бытіе глоссоалалін, когда ее поняли совсѣмъ еще не вѣровавшія толпы почти двухъ десятковъ различныхъ народностей, заявившія: „сіи говорящіе не всѣ-ли галилеяне? Какъ же мы слышимъ каждый собственное нарѣчіе, въ которомъ родились...,—слышимъ ихъ, нашими языками говорящихъ о великихъ дѣлахъ Божіихъ?“ (Дѣян. 2, 7—11).

Это сообщеніе книги Дѣяній достаточно убѣждаетъ насъ въ грубой произвольности атеистическихъ предположеній автора, а равно и въ томъ, что коринескіе слушатели древнихъ глоссоалаловъ не понимали ихъ не потому, чтобы послѣдніе говорили вздоръ на подобіе современныхъ ирвингіанъ и хлыстовъ, а просто потому, что не всѣ они, а лишь нѣкоторые изъ нихъ разумѣли тѣ языки, на которыхъ славилы Бога апостольскіе глоссоалалы, получившіе сей даръ языковъ, какъ средство для распространенія евангелія между всѣми народами согласно обѣтованію Господню: „языки возглаголють новы“.

Чтобы еще больше унизить христіанство чрезъ уподобленіе его сектантскому неистовству, авторъ измыслилъ вслѣдъ за нѣмцами-нигилистами „священныя пляски“ у древнихъ христіанъ, и, пользуясь тѣмъ, что словомъ хорейя, хорейю обозначалась и пляска, и составленіе хоровъ духовнаго пѣнія, и просто духовное веселье, онъ, руководясь нечестнымъ приѣмомъ историковъ-отрицателей, замариноваль это слово, какъ терминъ, и навязываетъ ему во всѣхъ случаяхъ, гдѣ оно упоминается, этотъ спеціальнй смыслъ религіозной пляски. На такомъ же приѣмѣ основано ученіе псевдо-раціоналистовъ о заимствованіи евангелистомъ Іоанномъ Платоновскаго ученія о міровомъ разумѣ, хотя апостоль говоритъ не о разумѣ, а о Словѣ (и Слово бѣ къ Богу—конечно не разумъ же бѣ къ Богу), а послѣдователи г. Коновалова, пожалуй, дойдутъ и до того, что отыщутъ въ службахъ св. мученикамъ и исповѣдникамъ одобреніе ритуальныхъ убійствъ, такъ какъ здѣсь подвиги святыхъ *mutatis mutandis* примѣняются къ военнымъ подвигамъ древнихъ языческихъ

героевъ, напр., въ службѣ св. Павлу Исповѣднику: „твердыми догматъ твоихъ жилами удавилъ еси Арія и Македонія“, или преп. Андрею Критскому: „Убивъ Копронима мечемъ вѣры“. Совѣтую воспользоваться и этимъ средствомъ для дальнѣйшаго оклеветанія христіанства.

Но возвратимся къ Коноваловской хорей. На стр. 136 онъ приводитъ сообщеніе св. Григорія Нисскаго и св. Григорія чудотворца, который, собирая народъ на праздники мучениковъ, разрѣшалъ имъ, какъ еще не отставшимъ вполнѣ отъ мірскихъ увеселеній, „немного поплясать отъ радости“, на стр. 140 авторъ приводитъ воспрещеніе Кароагенскаго собора (397 г.) непристойныхъ плясокъ въ дни св. мучениковъ. По своей недалковидности авторъ выписалъ и греческій текстъ этихъ сообщеній, но слова хорейя въ нихъ нѣтъ, и ни откуда не видно, чтобы здѣсь разумѣлись религіозныя пляски, а не свѣтскія развлечения вечеромъ по прошествіи праздничнаго дня, что и понынѣ дѣлается по праздникамъ въ русскихъ деревняхъ. Слово хорейя приводится авторомъ первый разъ (стр. 141) въ изреченіи Климента Александрійскаго: „посвятись въ радость св. таинствъ и будешь ликовать. (хоревсис) вокругъ безначальнаго, вѣчнаго и единаго Бога, при совоспѣвающимъ намъ Богъ Слово“. Автору хочется здѣсь видѣть танцы ангеловъ на небѣ, но что значить: „при совоспѣвающимъ Богъ Слово?“ Значить, что ангелы составляютъ хоры, а Сынъ Божій имъ совоспѣваетъ. Находить здѣсь указаніе на пляски такъ же безумно, какъ въ изреченіи Василия Великаго: „хорейя (у автора—танцы) единственное занятіе ангеловъ на небѣ, и блаженъ, кто можетъ имъ подражать на землѣ“.—Но, согласитесь, что если слово хорейя разумѣть не въ смыслѣ ликующей радости духовной, а въ смыслѣ плясокъ (вотъ такъ занятіе ангельское!?), то не было бы ничего легче, какъ подражать этому на землѣ и особенно ублажать такъ подражателей не было бы основаній.

Далѣе фантазія автора находитъ остатки древне-христіанской пляски (стр. 151) въ богослуженіи современной

Православной Церкви—въ чинахъ хиротоній. Не знаю, почему онъ не примѣтилъ ее въ пѣснопѣніяхъ, напр., въ Дамаскиновомъ ирмосѣ: „Исайе ликуй,“ (хоревсонъ).—Но думаю, что и дѣйствительныя религіозныя пляски, напр., у абиссинцевъ, сблизать съ экстатическими, рефлексивными, произвольными круговращеніями сектантовъ-экстатиковъ, т. е. сливать въ одно сознательныя цѣлесообразныя движенія съ конвульсивнымъ бѣснованіемъ—это значитъ не думать о томъ, что говоришь или пишешь, и попросту сказать—городить чушь.

И, конечно, всѣ апологеты этой жалкой диссертациі понимали, что имъ приходится защищать чушь, однимъ—по дружескимъ отношеніямъ съ авторомъ, другимъ—чтобы оправдать его и себя отъ обличеній въ печати, а третьимъ—чтобы своими дутыми похвалами припрятать неосновательность симпатичнаго имъ кощунства автора. Вотъ почему официальные отзывы написаны темно и неопредѣленно, а похвалы ихъ вращаются все около трудолюбія автора (и заставляютъ читателя вспоминать басню: Мартышка и чурбанъ). Вотъ почему его сослуживцамъ понадобились и спеціальныя приемы для защиты автора въ видѣ перепечатанія въ академическомъ журналѣ газетной статейки Е. Барсова изъ „Московского Листка“ (sic!), статейки не только вовсе не научной, состоящей изъ однѣхъ фразъ, безъ видимаго знакомства ея автора съ диссертацией, но и обнаруживающей постыдную неосвѣдомленность въ предметъ. Возьмите, напр., такое изреченіе г. Барсова: „и если донинѣ церковь поетъ: „веселыми ногами пасху хваляще вѣчную“, то ужели это одно и то же съ сектантскимъ призывомъ скакать и плясать! Бѣдный г. Барсовъ, видимо, давно не слушалъ пасхальнаго канона и началъ забывать славянскій языкъ: „хваляще“ относится не къ церкви,—тогда было бы „хвалящи“, и не церковь, не молящіяся въ ней изображены хвалящими пасху, но древніе адскіе узники: они-то, зряще безмѣрное благоутробіе Христа,

сопедшаго въ адъ, „къ свѣту идяху веселыми ногами, пасху хваляще вѣчную“.

Не лучше этого и выраженіе г. Барсова объ „изнуреніи плоти и земныхъ ляганіяхъ (стр. 658 и 662 „Богосл. Вѣстн.“ дек. 1908 г.).—Не ляганіе, г. Барсовъ, а леганіе, т. е. лежаніе на землѣ. Какъ жаль, что въ нашей памяти церковныя молитвы сохраняются только въ ихъ фарсовыхъ искаженіяхъ, допускаемыхъ въ запьянцовскихъ компаніяхъ, а не въ подлинныхъ созвучіяхъ на церковномъ клиросѣ или въ священной книгѣ.

Впрочемъ, въ сознательномъ усвоеніи церковныхъ молитвъ не силенъ и самъ г. Коноваловъ: такъ въ своей магистерской рѣчи онъ приводитъ первыя слова литургійнаго гимна такъ: „Тебѣ поемъ“, т. е. ставитъ мѣстоименіе въ дательномъ падежѣ, вмѣсто винительнаго, который пишется: „Тебе“. Мудрено-ли, что ему такъ трудно было разобраться въ словахъ греческихъ, и они завели его въ топкое болото произвольныхъ блужданій вмѣстѣ съ его апологетами.

Но среди этихъ неудачныхъ апологетовъ болѣе всего утопилъ нашего автора пѣкто А въ газетѣ „Столичная Молва“. Желая расхвалить нашего либеральнаго изслѣдователя, онъ брякнулъ со всею откровенностью то, что официальные рецензенты выражали только обвинякомъ: этотъ г. А. пишетъ: „Проводя эту параллель (древнихъ христіанъ съ хлыстами), авторъ (г. Коноваловъ), видимо, склонялся къ мысли, что христіанство въ началѣ точно также носило сектантскій характеръ. Въ доказательство этого положенія онъ привелъ цѣлый рядъ выписокъ“ и т. д. Да, именно цѣлый рядъ не къ дѣлу относящихся древнихъ свидѣтельствъ, да не только древнихъ: авторъ находитъ нужнымъ приводить и длинныя строфы изъ комическихъ стихотвореній Некрасова (Эй, Иванъ) и А. Толстого (пляска Морского Царя подъ музыку Садко). Вообще онъ отличился на славу своею диссертацией по наукѣ обличенія сектантства и защиты православія: въ этой диссертациіи нѣтъ ни православія, ни богосло-

вія, ни вообще какой-либо науки. И никто такъ не унижаетъ науку вообще, какъ ученые апологеты г. Коновалова, готовые съ пѣной у рта кричать о неприкосновенности знанія, свободы изслѣдованія, науки и мысли—тамъ, гдѣ нѣтъ ни того, ни другого, ни третьяго. Вотъ почему, при всемъ желаніи поддержать и ободрить искреннюю научную мысль, мы, съ своей стороны, полагаемъ, что этотъ 1 выпускъ 1 части будущей диссертациі г. Коновалова не только не даетъ ему права на какую-либо богословскую и вообще ученую степень, но и представляется довольно непонятнымъ, какъ оправдываютъ онъ и его апологеты свое пребываніе на службѣ въ конфессіональной школѣ, сдѣлавшись постепенно професіональными врагами того вѣроисповѣданія, во имя котораго существуетъ учрежденіе, ихъ питающее и уполномочивающее.

Впрочемъ, если христіанство развивалось изъ самообольщенія экстаиковъ, если нѣтъ Бога и будущей жизни, то, конечно, нѣтъ и различія между добромъ и зломъ, честнымъ и безчестнымъ: все это пережитки средневѣковыхъ суевѣрій, а то модное направленіе мысли, которое господствуетъ теперь въ университетской средѣ, признаетъ только понятія выгоднаго и невыгоднаго, а на укору совѣсти взираетъ, какъ на такую дань темной наслѣдственности, съ которой должно всѣми мѣрами бороться. *Архіепископъ Антоній.*

Мои воспоминанія.

(Продолженіе ¹⁾).

Порядокъ жизни въ общежитіи былъ такой, какой приличествуетъ доброй школѣ, и онъ неизмѣнно твердо соблюдался. И это стоитъ отмѣтить потому, что надъ нами не было особенно бдительнаго начальственнаго надзора, и мы

²⁾ См. № 26-й за 1909-й г.

не видѣли строгихъ репрессивныхъ мѣръ къ поддержанію школьной дисциплины.

Ректоръ и инспекторъ семинаріи рѣдко являлись въ бурсѣ,—разъ или два въ мѣсяцъ. Посѣщали они общежитіе обыкновенно въ вечерніе занятые часы, при этомъ обходили всѣ номера. Въ каждомъ номерѣ они смотрѣли или спрашивали, кто чѣмъ занимается, инымъ дѣлали замѣчанія, съ другими вели бесѣду по предмету ихъ занятій. Обошедши всѣ номера, они во время ужина, который былъ въ восемь часовъ вечера, входили въ столовую, наблюдая здѣсь за порядкомъ, и въ концѣ ужина, если по обстоятельствамъ находили нужнымъ, дѣлали бурсакамъ какія либо внушенія, а иногда и журили ихъ за что нибудь. Ректоръ и инспекторъ жили вдали отъ бурсы, и потому не могли часто бывать въ ней. На одномъ дворѣ съ нею жилъ смотритель бурсы, онъ же и экономъ, но и этотъ смотритель тоже рѣдко посѣщаль номера, не чаще, чѣмъ ректоръ и инспекторъ.

Главное наблюденіе за порядкомъ жизни въ общежитіи и охраненіе его поручалось комнатнымъ старшимъ. Всѣхъ номеровъ въ бурсѣ было восемь, и въ каждой комнатѣ былъ особый старшій, назначаемый семинарскимъ начальствомъ. Старшими избирались лучшіе изъ учениковъ высшаго богословскаго класса, зарекомендовавшіе себя предъ начальствомъ своимъ добрымъ поведеніемъ и своею аккуратностію въ исполненіи ученическихъ обязанностей. Старшіе не вели себя горделиво по отношенію къ своимъ сономерантамъ и не усвоили себѣ начальнической роли. Но авторитетъ ихъ признаваемъ былъ въ особенности учениками низшихъ классовъ,—философскаго и риторическаго, и ихъ заявленія и замѣчанія не оставались безъ дѣйствія на тѣхъ, кто поставленъ былъ въ нѣкоторой зависимости отъ нихъ.

Впрочемъ, не нужно было и особеннаго воздѣйствія на своихъ сожителей со стороны этихъ скромныхъ блюстителей порядка. Безъ принудительнаго давленія съ чьей либо сто-

роны, въ общежитіи наблюдалось свободное подчиненіе установившемуся порядку. Дисциплина, соблюдавшаяся живущими въ бурсѣ, не совнѣ налагалась на нихъ, какъ законъ, которому неволею они должны подчиняться, а входила въ ихъ нравы и обычаи, переходившіе отъ одного поколѣнія къ другому. Смѣняющіеся старшіе не вводили никакихъ новшествъ, а поддерживали и охраняли то, что заведено было прежде. У тогдашнихъ семинаристовъ не было и тѣни того духа своеволія и протеста противъ требованій дисциплины, какой такъ рѣзко заявлялъ себя въ семинаріяхъ въ позднѣйшіе годы.

Комнатные старшіе ежемѣсячно должны были представлять инспектору репорты или вѣдомости о поведеніи всѣхъ, живущихъ въ его номерѣ. Требовалось, чтобы въ этихъ вѣдомостяхъ представляема была подробная характеристика каждаго семинариста, живущаго вмѣстѣ съ нимъ въ номерѣ, указывались добрыя и непохвальные качества каждаго, достоинства и недостатки. Большею частію приходилось повторять разъ данныя характеристики. Эти характеристики облечены были покровомъ тайны и вѣдомы были только инспектору и ректору. Едва ли сохранились онѣ гдѣ либо, но если сохранились, то составили бы любопытную страницу изъ исторіи семинаріи. Не знаю, какъ писали характеристики своихъ товарищей старшіе, жившіе въ мое время въ бурсѣ. Мнѣ не пришлось видѣть ни одной вѣдомости, представляемой инспектору. Я самъ, когда былъ старшимъ, первоначально немало затруднялся въ томъ, чтобы указать характеристическія черты каждаго изъ сономерантовъ, а потомъ было въ вѣдомостяхъ повтореніе прежде данной характеристики, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями. Помнится мнѣ, что я больше отмѣчалъ хорошія качества своихъ товарищей, а тѣневныя отмѣтки были рѣдкостію.

Я не вхожу въ обсужденіе этой мѣры. Я изображаю бытовую сторону жизни въ бурсѣ, и при этомъ само собою припоминается мнѣ то, какъ велось здѣсь наблюденіе надъ поведеніемъ семинаристовъ. Нынѣ признають эту мѣру анти-

педагогичною и увидятъ въ ней узаконеніе официальнаго шпіонства. Но не вините за нее старую бурсу, и въ частности Владимірскую бурсу. Эта мѣра въ прежніе годы имѣла широкое примѣненіе. Она перенята отъ католическихъ школъ, и была въ употребленіи въ духовной школѣ вообще, и не въ одной духовной. И въ академіяхъ, когда мы учились, были тоже старшіе, и тоже они представляли инспектору такіе же кондуктныя списки, въ которыхъ давали характеристику живущихъ вмѣстѣ съ ними. Если мы выдемъ за предѣлы школы на широкое поприще общественной жизни, мы и здѣсь увидимъ примѣненіе подобной мѣры. Напримѣръ, благочинный аттестуетъ предъ начальствомъ живущихъ въ его округѣ священниковъ и другихъ низшихъ членовъ причта. И начальникъ какого либо учрежденія тоже дѣлаетъ по отношенію къ низшимъ его сослуживцамъ.

Какъ дѣйствовала на насъ эта мѣра, объ этомъ трудно сказать что либо опредѣленное. Ощутительныхъ результатовъ мы отъ нея не видѣли. Инспекторъ никогда ничего не сообщалъ изъ того, о чемъ доносили ему въ своихъ вѣдомостяхъ старшіе. Потому, говоря вообще, мы относились къ этой мѣрѣ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ. Можетъ быть, иные, сознававшіе за собою какіе либо грѣшки, подозрѣвали, что объ нихъ написали старшіе что либо недоброе въ своихъ вѣдомостяхъ, и въ своей подозрительности были не довольны ими; но свое недовольство они хранили въ душѣ, не обнаруживая его явно.

Изъ восьми старшихъ номерныхъ одинъ былъ дежурнымъ. Это дежурство продолжалось одну недѣлю и переходило отъ старшаго перваго номера къ старшему втораго номера, отъ этого къ старшему третьяго номера и т. д. Дежурный старшій каждый вечеръ долженъ былъ являться къ смотрителю бурсы. При этомъ вечернемъ репортѣ онъ сообщалъ смотрителю о происшествіяхъ дня, въ то же время докладывалъ смотрителю о нуждахъ, о какихъ просили его доложить другіе старшіе или рядовые бурсаки. Но большею частію де-

журному приходилось говорить, что все въ бурсѣ обстоитъ благополучно. Особенныя происшествія были рѣдки. Съ такимъ же репортомъ каждое утро, предъ началомъ уроковъ, дежурный старшій являлся къ ректору и инспектору, докладывая ему то же, что и смотрителю. И если нужно было передать живущимъ въ бурсѣ какія либо приказанія, то они чрезъ дежурнаго передавались. Кромѣ того на обязанности дежурнаго старшаго лежало смотрѣть за порядкомъ въ столовой и наблюдать за правильнымъ распредѣленіемъ порцій въ кухнѣ и надлежащимъ сдабриваніемъ каши масломъ. Безъ внимательнаго наблюденія со стороны старшаго служителя могли утаевать или урѣзывать въ свою пользу то, что покупалось и приготовлялось для бурсаковъ.

Порядокъ жизни въ бурсѣ былъ такой: въ шесть часовъ утра, по звонку, всѣ должны были вставать, и потомъ, когда всѣ уберутся, около семи часовъ читалась утренняя молитва, для которой собиралось два или три номера. Послѣ молитвы краткое приготовленіе уроковъ, и къ восьми часамъ всѣ отправлялись въ семинарію, не вмѣстѣ, а въ раздробь, безъ всякаго наблюденія съ чьей либо стороны. Дорога была не очень близкая; для сокращенія пути, изъ Залыбедской стороны мы шли чрезъ огороды и, перешедши мелкую рѣку Лыбедь чрезъ перекладину, поднимались на небольшую гору, по которой потомъ чрезъ нѣсколько кварталовъ приходили на семинарскій дворъ. Это путешествіе не тяготило насъ; оно доставляло намъ хорошій моціонъ и освѣженіе на открытомъ воздухѣ послѣ скучнаго пребыванія въ непровѣтренныхъ комнатахъ. Только зимою, когда бывала вьюга и выпадалъ большой снѣгъ, мы должны были сами прокладывать дорогу, занесенную сугробами снѣга. Приходилось путешествовать и въ дождь, и, конечно, безъ зонтиковъ; но это не тяготило насъ; подобную невзгуду мы благодушно переносили. Въ двѣнадцать часовъ, когда кончались уроки, мы тѣмъ же путемъ возвращались домой, то есть, въ бурсу. Послѣ возвращенія изъ семинаріи мы, по звонку, шли въ столовую обѣ-

дать. Простой столъ удовлетворялъ возбужденному аппетиту, и мы не голодными выходили изъ столовой. Послѣ обѣда, не много отдохнувши, мы опять къ двумъ часамъ должны были отправляться въ семинарію на послѣобѣденные уроки, которые кончались въ четыре часа. Въ классъ на уроки живущіе въ бурсѣ ходили аккуратно; опущенія лекцій тогда не допускалось, и въ учебные часы въ бурсѣ изъ учениковъ никто не оставался. Въ это время служители убирали комнаты. Кто чувствовалъ недомоганіе и по болѣзни не могъ пойти въ классъ, тотъ отправлялся въ больницу и тамъ оставался, если болѣзнь серьезная. А если легкое нездоровье, то послѣ совѣта съ докторомъ ученикъ прямо отправлялся въ классъ.

По окончаніи послѣобѣденныхъ уроковъ ученики не дружно и не спѣша возвращались въ общежитіе. Иные заходили по пути къ товарищамъ, живущимъ на квартирѣ. Я, напримѣръ, когда былъ въ богословскомъ классѣ, весьма часто по окончаніи уроковъ заходилъ на квартиру, находившуюся на половинѣ пути между бурсою и семинаріей; тутъ жилъ мой товарищъ Алексѣй Ивановичъ Цвѣтковъ, впоследствии инспекторъ Московской духовной семинаріи, сынъ священника города Покрова. Онъ и его соквартиранты товарищи были изъ зажиточныхъ семействъ и содержались сравнительно хорошо. Очень часто, выходя вмѣстѣ со мною изъ семинаріи, они приглашали меня къ себѣ, чтобы вмѣстѣ съ ними выпить чаю, и это было для меня большимъ одолженіемъ. Другіе отправлялись на прогулку. И возвратившіеся изъ семинаріи прямо домой свободно располагались льготнымъ часомъ отдыха, не принимаясь за дѣло. У кого въ запасѣ былъ кофе-цикорій, тѣ его распивали.

Около шести часоѣ начинались домашнія занятія. Въ часы занятій до ужина, который былъ въ восемь часоѣ, во всѣхъ номерахъ было тихо. Всѣ сидѣли на своихъ мѣстахъ и заняты были своимъ дѣломъ: кто готовилъ уроки, кто писалъ сочиненіе, кто читалъ какую либо книгу. Если кто и

не расположенъ былъ къ дѣловому труду, увлекался общимъ примѣромъ, и порядокъ, строго соблюдаемый его товарищами, невольно принуждалъ его заняться дѣломъ. Въ занятные часы не переходили изъ номера въ номеръ, развѣ на короткое время по какому либо дѣлу,—за книгой, за тетрадкой, за справкой какой-либо. И въ этомъ случаѣ случайный посѣтитель изъ чужаго номера не оставался долго. Еслибы онъ завелъ длинныя бесѣды, ему сказали бы товарищи или старшій комнатный, чтобы онъ не мѣшалъ общимъ занятіямъ.

Такой порядокъ и тишина въ номерахъ наблюдалась въ осенніе и зимніе вечера. А въ весеннее и лѣтнее время, когда по вечерамъ не нужно было зажигать огней, для занятій былъ другой порядокъ. Занятія велись не въ комнатахъ, а главнымъ образомъ въ саду. Здѣсь каждый выбиралъ себѣ укромное мѣсто,—кто въ бесѣдкѣ, кто на скамейкѣ въ аллеяхъ сада, кто на травѣ въ глухомъ углу сада, и занятія велись на свѣжемъ воздухѣ также регулярно, какъ осенью и зимою въ комнатахъ за общимъ столомъ. Изъ сада уходили въ комнаты, когда была непогода. Разумѣется, выходить въ садъ для занятій въ лѣтнее время не было обязательнымъ. Садъ въ этомъ случаѣ представлялъ только большое удобство, которымъ, съ разрѣшенія начальства, позволялось пользоваться, и многіе (могу сказать, большинство) пользовались этимъ удобствомъ. А кто хотѣлъ заниматься въ комнатахъ, тому, конечно, не возбранялось это. И для любившихъ садъ не всякое занятіе удобно было вести здѣсь. Напримѣръ, когда нужно было что либо писать или переписывать изготовленное сочиненіе, для этого нужно было возвращаться изъ сада въ комнаты и въ комнатахъ вести письменную работу.

Послѣ ужина—время отдыха, предоставляемое въ свободное распоряженіе бурсакамъ. Возвратившись изъ столой, они не садились сразу за занятный столъ, а беспрепятственно могли переходить изъ одного номера въ другой. Велись между живущими вмѣстѣ въ одной комнатѣ, или сошедшимися изъ другихъ номеровъ, бесѣды, иногда очень оживленныя,

слышались шутки, поднимались споры, иной разъ пѣлись пѣсни. Дозволялись игры и на музыкальныхъ инструментахъ: въ мое время между жившими въ бурсѣ были два отличные скрипача-артиста. Были гусли у иныхъ. Но игра на этомъ тихомъ и скромномъ инструментѣ мало занимала насъ. А скрипачи-артисты своею игрою доставляли намъ немалое удовольствіе. Когда лѣтомъ играли они при открытыхъ окнахъ, народъ останавливался и собирался предъ окнами бурсы, съ наслажденіемъ слушая артистическую игру нашихъ товарищей-виртуозовъ.

Времени опредѣленнаго для легкихъ развлеченій послѣ ужина не было. Иногда оно длилось долго; иногда сокращалось. При разнообразіи ихъ трудно сказать, въ чемъ они каждый разъ состояли. Одно только могу сказать, что въ часы, свободные отъ тяжелыхъ занятій, мы отдыхали душою.

Отдохнувши послѣ ужина и освѣживши свою душу, мы снова принимались за свои школьныя занятія. Но эти занятія теперъ не были такъ дружны, какъ прежде до ужина, то есть, не были всеобщи, и не велись они съ прежнею интенсивностію. Не было и такой тишины въ номерахъ, какая была при занятіяхъ до ужина. Это была работа уже облегченнаго характера.

Въ десять часовъ читались вечернія молитвы, и послѣ вечернихъ молитвъ живущіе въ общежитіи могли ложиться спать. Конечно, не всѣ сразу улегались. Инымъ хотѣлось побалакать, дать выходъ накопившимся въ душѣ впечатлѣніямъ дня въ дружеской бесѣдѣ съ товарищами, такъ или иначе порѣзвиться. Другіе, болѣе усердные, доканчивали урочную дневную работу. Но въ одиннадцать часовъ или началъ двѣнадцатаго все стихало, и огни во всѣхъ номерахъ гасились. Ночная работа не запрещалась; но только въ рѣдкихъ случаяхъ иные позволяли себѣ сидѣть за работою за полночь. Къ этой ночной работѣ прибѣгали тогда, когда хотѣли

окончить къ сроку или лучше изготвить заданное сочиненіе. Я лично никогда не утруждалъ себя ночнымм работами,— всегда оканчивалъ свои занятія раньше одиннадцати часовъ. Такъ было въ семинаріи; такъ было потомъ и въ академіи.

Проф. *Василій Пъвницкій*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

В о з з в а н і е .

28-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый полкъ, со взятіемъ Портъ-Артура, потерялъ все свое полковое и церковное имущество и денежныя сбереженія, доставшіяся японцамъ. Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1905 года полкъ сформированъ вновь; теперь для него строятся казармы на окраинѣ, въ полѣ. Для полка необходимъ храмъ. Безъ храма Божія жить христіанину-воину тяжело и невозможно. Храмъ примиряетъ война съ мѣстами службы, для большинства отдаленными отъ родного мѣста. Въ храмѣ, воины получаютъ силы для служенія Родинѣ; воспитываютъ въ себѣ высокія качества воина-христіанина. Отзовитесь, благодѣтели, на нашъ призывъ, помогите намъ устроить Божій храмъ—посильною жертвою (утварью и вещами). Воины, со своимъ пастыремъ не перестанутъ возносить за васъ Всевышнему усердную молитву въ новомъ храмѣ, а также будутъ имѣть возможность молиться и за погибшихъ въ Портъ-Артурѣ родныхъ братьевъ.

Пожертвованія просимъ направлять: Иннокентіевское, Иркутской губерніи, на имя командира 28-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка.

Предсѣдатель комитета по постройкѣ храма, командиръ
полка, полковникъ *Брейкиш*.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Отъ Кіевского Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Кіевъ 28 іюня 1909 года.

Цензоръ проф. Академіи, священникъ *Александръ Глаголевъ*.

Кіевъ Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

Л.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

№№ 28—29.

1909-го года 12-19 іюля.

Содержаніе: I. Къ вопросу о мѣрахъ борьбы съ пьянствомъ въ приходѣ.
Кир. Тихомировъ.—II. Наши юбилеи. Свящ. Аѳ. Веселицкій.—III.
Мои воспоминанія. (Продолженіе). Проф. В. Пѣвницкій.—IV. За-
мѣтка. Лучшее средство противъ пожара.

Къ вопросу о мѣрахъ борьбы съ пьянствомъ въ приходѣ.

Св. Синодомъ на дняхъ опубликовано обращеніе къ духовенству о борьбѣ съ пьянствомъ въ народѣ. Для борьбы съ народнымъ пьянствомъ Св. Синодъ рекомендуетъ духовенству учрежденіе обществъ трезвости, включеніе въ задачи церковныхъ обществъ обязанностей пропаганды идей трезвости, введеніе живой проповѣди о вредѣ пьянства съ церковной кафедры, устройство просвѣтительныхъ чтеній, собраній и вечернихъ богослуженій въ дни мѣстныхъ праздниковъ и, наконецъ, личный примѣръ духовенства—воздержанія отъ употребленія напитковъ.

Есть темы старья, древнія, какъ родъ человѣческій, но которымъ суждено, повидимому, оставаться вѣчно юными. Къ такимъ темамъ принадлежитъ и вопросъ о злоупотребленіи спиртными напитками—алкоголемъ. Не слѣдовало бы возвращаться къ этимъ „избитымъ“ вопросамъ, но слишкомъ важны,—серьезны они, слишкомъ далеки отъ разрѣшенія, и слишкомъ апатично относятся къ рѣшенію ихъ общество и духовенство, чтобы можно было съ спокойной совѣстью обходить ихъ молчаніемъ. Мы не станемъ рисовать здѣсь картину разрушительнаго дѣйствія алкоголя на физическій и моральный строй отдѣльнаго человѣка и общества. Объ этомъ написаны томы, да эта сторона предмета и не входитъ въ программу настоящей бесѣды. Чтобы проникнуться важностью вопроса, достаточно только представить себѣ это несчастное человѣчество, голодное, холодное, неудовлетворенное въ насущнѣйшихъ потребностяхъ своихъ и въ то же время затрачивающее бездну энергіи и труда для того, чтобы купить себѣ извѣстную дозу губительнаго продукта для собственнаго самоотравленія, самоотравленія, влекущаго за собой не только физическое, но и нравственное вырожденіе и не одного только поколѣнія, а путемъ наследственности цѣлаго ряда поколѣній. Самоубійство отдѣльнаго человѣка волнуетъ насъ, но медленное массовое самоубійство, именуемое пьянствомъ, не заслуживаетъ нашего вниманія. Стихійныя бѣдствія, какъ война, холера, голодъ, вызываютъ обычно взрывъ общественной энергіи для борьбы съ ними. Алкоголю же, который уноситъ гораздо больше жертвъ, чѣмъ всѣ эти бѣдствія, вмѣстѣ взятая, представляется широкое и безпрепятственное поле дѣйствія. А между тѣмъ нашимъ общественнымъ дѣятелямъ, всѣмъ тѣмъ, кому дорого народное благо, не слѣдовало бы ни на минуту забывать, что рядомъ съ ихъ дѣятельностью на благо человѣчества, рядомъ съ служеніемъ священниковъ, работой врачей, юристовъ, ученыхъ идетъ медленная, но вѣрная работа алкоголя и послѣдняя парализуетъ первую. Извѣстный профессоръ Сикорскій приводитъ слѣдующія сред-

нія ежегодныя данныя для Россіи, выведенныя изъ наблюденій за 17 лѣтъ: за небольшою цифрою утонувшихъ идутъ цифры погибшихъ отъ опоя 4678, отъ убійствъ 2840, отъ самоубійствъ 2000, отравившихся 1000. На основаніи сравненія этихъ цифръ г. Сикорскій называетъ алкоголь „великимъ убійцей“. Но роль алкоголя, какъ одной изъ причинъ смертности, далеко не опредѣляется этою скромною цифрою 4678. Во-первыхъ, сюда нужно отнести утонувшихъ, замерзшихъ въ нетрезвомъ состояніи, а также случаи убійствъ, самоубійствъ, совершенные подъ вліяніемъ алкоголя. Во-вторыхъ, здѣсь занесены только случаи быстрой, внезапной смерти отъ остраго отравленія алкоголемъ; если удалось бы подвести статистику всѣмъ смертнымъ случаямъ, въ которыхъ алкоголь сыгралъ первую роль, то жертвы его должны были бы исчисляться не тысячами, а сотнями тысячъ... Зло, несомнѣнно, громадно.

Надо сознаться, что мы притерпѣлись, приглядѣлись къ пьянству: самыя грубыя проявленія его уже не бьютъ по нашимъ нервамъ, и картина зла не стоитъ у насъ постоянно предъ глазами во всемъ ея ужасающемъ значеніи. Безчувственныя тѣла, въ крови и грязи валяющіяся подъ заборами, вопли женъ, истязуемыхъ пьяными мужьями, дѣти, спаиваемыя и развращаемыя пьяницами-родителями,—это обычныя, знакомыя житейскія картины, намозолившія намъ глаза, съ которыми мы миримся хладнокровно, какъ съ чѣмъ-то неизбежнымъ, предоставляя полиціи и судамъ рѣшать этотъ важный, социальный вопросъ въ участкахъ и тюрьмахъ.

Чѣмъ же объяснить безучастіе общества къ вопросу о борьбѣ съ алкоголизмомъ? Отсутствіе дружнаго общественнаго почина объясняется, съ одной стороны, тѣмъ, что большая часть интеллигенціи, сознавая всю сложность и трудность задачи, смотритъ на дѣло борьбы съ алкоголизмомъ съ безнадежнымъ недоувѣріемъ, а съ другой стороны тѣмъ, что многіе колеблются и сомнѣваются въ выборѣ самыхъ путей для борьбы со зломъ. Отсюда та пестрота, та нестройность,

то отсутствіе плана и организаціи, какія мы наблюдаемъ въ общественныхъ попыткахъ борьбы съ алкоголизмомъ. Какіе же пути вѣрнѣе и ближе ведутъ къ цѣли? Полный и обстоятельный отвѣтъ на эти вопросы можетъ быть данъ въ особой спеціальной статьѣ, насъ же сейчасъ интересуетъ затронутый вопросъ только въ отношеніи прихода и его руководителей-пастырей.

Для пастыря живого, искренняго и глубоко отзывчиваго здѣсь не можетъ быть никакого вопроса. Все, что облегчаетъ и украшаетъ жизнь человѣка, все, что приближаетъ его къ Богу, къ Церкви и смягчаетъ чувство неудовлетворенности жизни, т. е. всѣ мѣры, направленные къ просвѣщенію прихожанъ, къ развитію ихъ религіозно-нравственнаго чувства и матеріальнаго благосостоянія, — будутъ вмѣстѣ съ тѣмъ и мѣрами борьбы съ пьянствомъ въ народѣ. Лучшимъ и отраднымъ примѣромъ того, что можетъ сдѣлать ревностный пастырь въ приходѣ въ борьбѣ съ пьянствомъ, можетъ служить благотворная дѣятельность великаго и сердобольнаго *батюшки* покойнаго о. Іоанна Ильича Кронштадтскаго, который, во имя живой любви къ ближнему, въ теченіе всей своей пастырской жизни, съ ранняго утра и до темной ночи, окруженъ былъ бѣдняками, „босыками“, его сердце было всегда открыто для нихъ, а потому и они, эти всѣми отверженные пьяницы, съ любовью обнажали тайники своей души, и, Одному Богу вѣдомо, сколько такихъ несчастныхъ обездоленныхъ людей о. Іоаннъ пробудилъ отъ душевной спячки, отрезвилъ, исправилъ и спасъ для будущей вѣчной жизни. Вступивъ на кронштадтскій приходъ безъ всякихъ матеріальныхъ средствъ, о. Іоаннъ создалъ для отрезвленія отчаянныхъ алкоголиковъ домъ трудолюбія, въ которомъ помѣщаются: церковь, школа, ночлежный пріютъ и мастерская: пенькощипная, сапожная, портняжная и др. Такой воспитательный и благотворящій характеръ необходимо усвоить и всему нашему духовенству въ борьбѣ съ пьянствомъ въ приходѣ. Въ этомъ, несомнѣнно, его главное призваніе, какъ пасты-

рей церкви. Не то, къ прискорбію, мы нерѣдко наблюдаемъ въ жизни приходоѡ, гдѣ вмѣсто сердечнаго слова и искренняго дѣла встрѣчаемъ холодное ученіе о христіанской нравственности; гдѣ проповѣдникъ трезвости съ высоты церковной кафедры призываетъ своего грѣховнаго брата послѣдовать его примѣру и подняться до него. „Я слабъ и убогъ, а путь труденъ и тернистъ, отвѣчаетъ ему братъ, спустись и поддержи меня въ пути. Но часто ли слѣдуетъ помощь? Не чаще ли продолжаетъ изливаться та же холодная мораль о преимуществахъ трезвости, о вредѣ и грѣхѣ пьянства и т. п?.. „Аще же и соль обуяетъ, чѣмъ осолится“?

Англичане, нѣмцы, американцы оставляютъ насъ безконечно далеко за собою въ дѣлѣ просвѣщенія и отрезвленія народныхъ массъ. Въ Америкѣ, напр., въ этой странѣ коммерціи и разчета, около 75,000 частныхъ обществъ, считающихъ въ своей средѣ миллионы людей, посвящающихъ себя исключительно религіозному образованію народа. Въ ней издается чуть не 500 однихъ религіозныхъ и нравственныхъ журналовъ, не считая многихъ тысячъ другихъ, предназначенныхъ также для просвѣщенія простого народа, касающихся земледѣлія, промышленности, ремесль и пр. Правда, въ странѣ этой нѣтъ монастырей, но за то каждый храмъ Божій, каждый пасторатъ Америки, это естественный центръ и разсадникъ народнаго просвѣщенія и благотворительности. Домъ американскаго священника—прежде всего значитъ школа для дѣтей, читальня для народа, пріютъ для бѣдныхъ. Сколько во всемъ этомъ видно кипучей жизни, соревнованія, горячаго отношенія къ дѣлу и какъ мало нашего холоднаго равнодушія!

Нашимъ приходскимъ пастырямъ, въ ожиданіи того, б. м., далекаго будущаго, когда и на ихъ долю выпадетъ осуществленіе такихъ широкихъ задачъ, придется пока приложить усилія къ тому, чтобы по возможности ввести въ жизнь ту культурную работу, которую рекомендуетъ имъ св. Синодъ въ своемъ обращеніи къ духовенству по дѣлу о борьбѣ

съ пьянствомъ въ народѣ. Несомнѣнно, что и въ этихъ скромныхъ предѣлахъ предстоитъ сдѣлать очень много. Мы не беремся нарисовать стройнаго, систематическаго плана для будущей дѣятельности приходскихъ пастырей въ борьбѣ съ алкоголизмомъ, — а ограничимся лишь указаніемъ нѣкоторыхъ условій организаци и практики дѣла, которыя кажутся намъ существенно важными для правильнаго и успѣшнаго дѣйствія особенно сельскихъ пастырей.

Главнымъ источникомъ всѣхъ несовершенствъ жизни, всѣхъ темныхъ сторонъ нашего прихода является эгоистическая обособленность и рознь людей между собою. Человѣкъ силенъ союзомъ съ себѣ подобнымъ; ничто не придаетъ человѣку такой бодрости, энергіи, ничто не сообщаетъ ему такого жизнерадостнаго настроенія, какъ единеніе съ близкими по духу людьми, и ничто, съ другой стороны, не дѣйствуетъ такъ угнетающе на духъ человѣка, ничто не родитъ въ немъ такой тоски, унынія, отчаянія, этихъ вѣрныхъ слугъ алкоголизма, какъ именно чувство одиночества и отчужденности. Отсюда вытекаетъ необходимость въ общеніи прихожанъ въ особыхъ кружкахъ или обществахъ трезвости. Единеніе людей въ интересахъ трезвости не должно исчерпываться воздѣйствіемъ на волю окружающихъ церковною проповѣдью и примѣромъ; оно должно охватывать и всѣ прочія стороны духовной природы человѣка и его дѣятельности. Мы знаемъ, что воля человѣка подчиняется его уму, чувству и внѣшней обстановкѣ, — соотвѣтственно этому, приходскимъ обществамъ трезвости, помимо прямой ихъ задачи — борьбы съ уже разившимся пьянствомъ, стоятъ три великихъ культурныхъ задачи, цѣль которыхъ искоренить алкоголизмъ, отнявъ у него почву для развитія. Первая задача заключается въ распространеніи въ приходѣ знаній путемъ устройства библиотекъ, читаленъ, воскресныхъ школъ, чтеній и проч. Второй задачей является популяризація искусства при помощи устроенія церковныхъ хоровъ пѣнія, музыкальныхъ кружковъ, уроковъ рисованія, живописи и т. п. Третья задача заключается въ

содѣйствіи пастырей возникновенію въ приходахъ всевозможныхъ кооперативныхъ начинаній въ экономической области: въ устройствѣ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, потребительныхъ лавокъ, дешевыхъ приходскихъ чайныхъ и столовыхъ и т. п. Нужно ли говорить, что руководителемъ во всѣхъ этихъ трехъ направленіяхъ дѣятельности церковно-приходскихъ обществъ трезвости, особенно на первыхъ порахъ, долженъ быть священникъ, который нерѣдко являлся въ приходѣ единственнымъ образованнымъ—авторитетнымъ лицомъ и представителемъ культурнаго общества.

Разъ алкоголь является врагомъ всего прихода въ его цѣломъ, то и учрежденіе, выступающее на борьбу съ нимъ, должно носить характеръ всесословный, при которомъ исчезли бы всѣ искусственныя общественныя дѣленія, не было бы элина, ни іудея, ни князя, ни раба. Хотя въ устройствѣ цер.-приход. обществъ трезвости и въ руководствѣ ими, особенно на первыхъ порахъ, видная роль, естественно, должна принадлежать священникамъ, учителямъ, врачамъ, но эти представители интеллигенціи не должны стремиться къ опека надъ крестьянской средой, а должны, напротивъ, употреблять всѣ усилія, чтобы вызвать ее на сомодѣтельность, привлекая къ ближайшему участію въ дѣлахъ общества всѣ живыя силы прихода и въ особенности крестьянскую молодежь, какъ болѣе развитую и податливую на добрыя вліянія. Въ выборѣ такихъ дѣятельныхъ членовъ изъ крестьянской среды большую услугу приходу могли бы оказать сельскіе пастыри. Мы знаемъ, что въ нашихъ церковно-приходскихъ школахъ ежегодно оканчиваетъ курсъ не мало способныхъ къ развитію, богато одаренныхъ юношей. Какая судьба постигаетъ въ жизни эти лучшія силы нашего крестьянства? Предоставленные самимъ себѣ, лишеныя нравственной поддержки и возможности дальнѣйшаго умственнаго развитія, они, за немногими исключеніями, погибаютъ¹⁾: въ лучшемъ случаѣ

¹⁾ А, бываетъ, выходятъ и добрые семьяне и работники. *Ред.*

размѣниваются на мелочи, задавленные и обезличенные суровыми условіями и однообразіемъ деревенской жизни; въ худшемъ—превращаются въ деревенскихъ кулаковъ и міродовъ или, развращенные вліяніемъ города, дѣлаются врагами общественнаго порядка и наполняютъ собою тюрьмы и каторги. Не дать пропасть выдающимся питомцамъ народной школы, помочь ихъ дальнѣйшему развитію и создать изъ нихъ, подь своимъ руководствомъ, общественныхъ дѣятелей прихода, борцовъ трезвости—вотъ великая задача церковно-приходскаго общества трезвости!

Созданіе, вмѣсто трактира, такого приходскаго помѣщенія, гдѣ могли бы встрѣтиться для разумной бесѣды знакомые, гдѣ могли бы сближаться одинокіе и отдыхать душой отъ домашней суеты семейные,—есть, несомнѣнно, одна изъ самыхъ благодарныхъ и важныхъ задачъ церковн. обществъ трезвости. Такими учрежденіями могли бы быть чайныя съ пріуроченными къ нимъ библіотеками и читальнями, которыя должны наполняться только исключительно полезными, религіозно-нравственными, историческими и популярно-научными книгами.

Великое и святое дѣло—зажечь въ душѣ каждаго члена церковно-приход. общества трезвости свѣтъ Евангелія, въ нее самое перенести учителя и обличителя, что возможно достигнуть чрезъ постоянное и систематическое чтеніе Библии, которое должно ввести въ домашній обиходъ каждаго прихожанина. Необходимо настойчиво совѣтывать всѣмъ, даже бѣднымъ, пріобрѣтать Св. Писаніе и читать его дома—въ семьѣ, ибо ничто такъ не отрезвляетъ алкоголиковъ, какъ слово Божіе; этотъ непосредственный источникъ внутренняго обновленія оказываетъ, какъ учить опытъ, благодатное вліяніе на людей, подверженныхъ запою. „Даже одинъ видъ Евангелія, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, дѣлаетъ насъ болѣе воздержанными отъ грѣха; если мы и дерзнемъ на что нибудь запрещенное и сдѣлаемъ себя нечистыми, то, возвратившись домой и взглянувъ на эти книги, мы осуждаемъ себя въ со-

вѣсти и дѣлаемся менѣе склонными къ повторенію тѣхъ же грѣховъ. Какъ только кто касается Евангелія, то тотчасъ благоустрояетъ свой умъ и при одномъ взглядѣ на него отрѣшается отъ всего житейскаго. Если же присоединится и внимательное чтеніе, то душа, какъ бы вступая въ таинственное святилище, очищается и дѣлается лучшею, такъ какъ съ нею бесѣдуетъ Богъ чрезъ эти писанія¹⁾.

Книга для обывателя деревни—это цѣлое событіе, цѣлое откровеніе, а что можетъ быть выше и чище наслажденія чтенія дѣйствительно полезной книги; она пробуждаетъ человѣка отъ духовной спячки, открываетъ предъ нимъ прекрасный міръ новыхъ, невѣдомыхъ ему дотолѣ идей и чувствъ и отвлекаетъ его отъ страсти къ водкѣ. Вотъ почему мы особенно настаиваемъ, чтобы вездѣ при церковныхъ обществахъ трезвости были обязательно библіотеки и читальни.

Вотъ въ короткихъ чертахъ тѣ условія, при которыхъ организація церковныхъ обществъ трезвости имѣла бы несомнѣнный успѣхъ въ необходимой борьбѣ лучшихъ силъ прихода съ пьянствомъ и темными сторонами натуры человѣка. Пьянство—это недугъ моральный, а потому лѣчить его можно только религіозно-нравственными мѣропріятіями, и взять на себя долгъ врача въ данномъ случаѣ могла бы церковь своимъ моральнымъ выступленіемъ. Она должна не словомъ только, но самымъ дѣломъ показать высокую цѣну человѣческой личности и ея право на жизнь разумнаго существа. Она должна показать, что нравственные запросы дѣйствительно глубоко присущи человѣку и отнюдь не умерли въ русскомъ народѣ. Этимъ церковь высоко подняла бы нравственную энергію въ средѣ своихъ членовъ и вѣрнѣе всего привела бы къ отрезвленію и религіозно-нравственному возрожденію наше русское общество. *Кир. Тихомировъ.*

¹⁾ Творенія Златоуста т. I, 803 срав. IV, 297.

Наши юбилеи.

I.

Въ нынѣшнемъ году нашей родинѣ посчастливилось на юбилеи. Недавно отпраздновала вся мыслящая Россія не безъ торжественности и славы и даже сугубо: повсемѣстно и особо, въ Москвѣ,—столѣтній юбилей со дня рожденія Н. В. Гоголя; теперь готовится ¹⁾ праздновать двухсотлѣтіе со дня Полтавской побѣды. И замѣчательно, при этомъ, глубокое внутреннее идейное сродство между двумя юбилеями и одинаково важное широко-всеобъемлющее значеніе для насъ того и другого юбилея въ смыслѣ культурно-историческомъ. Съ появленіемъ Н. В. Гоголя въ нашей литературѣ, опредѣлилось безповоротно и фактически совершилось вступленіе русской народности въ семью культурно-просвѣщенныхъ народовъ міра, какъ равноправнаго члена, имѣющаго внести свою собственную мысль, свой человѣческій идеаль въ богатую сокровищницу общечеловѣческой мысли, общечеловѣческой, всемірной литературы; результатомъ геніальной дѣятельности Петра ѱ, въ частности, плодомъ его славной Полтавской побѣды было выступленіе русскаго народа на арену всемірной исторіи, какъ дѣйствительнаго, активнаго участника въ политико-историческихъ судьбахъ человѣчества, наряду съ другими европейскими народами.

Такой высоко-идейный смыслъ фактовъ, давшихъ поводъ для нашихъ юбилеевъ, долженъ бы былъ, по настоящему, сообщить послѣднимъ громадное значеніе въ глазахъ русскаго народа, всего русскаго общества, превратить ихъ въ могучее средство для подъема народнаго духа, уясненія національнаго самосознанія, своихъ историческихъ задачъ, для опредѣленія своихъ народныхъ силъ, наконецъ, для высшаго нравственно-религіознаго объединенія народа и общества со всѣми его идейными, общественно-политическими стремле-

¹⁾ Статья писана до наступленія Полтавскихъ торжествъ. *Ред.*

ніями въ одной исторической цѣли, въ одномъ всечеловѣческомъ дѣлѣ, которое ясно намѣчено празднуемыми великими фактами изъ нашего прошлаго. При этомъ что особенно дорого, утѣшительно и что способно возвысить, поднять въ насъ чувство національнаго достоинства и самоуваженія,— такъ это — поразительная нравственная чистота, высота и святость, и широта исторически-культурнаго идеала русскаго народа, выразившагося и навсегда предназначтаннаго для себя имъ же самимъ въ дѣятельности Гоголя и въ дѣлѣ Петра.

Литературные завѣты христіанина—правдолюбца Гоголя, внесшіе въ нашу родную словесность стремленіе къ воплощенію идеала высшей нравственности въ индивидуальной и общественной формѣ его проявленія, вдохновившее его преемниковъ на неустанную борьбу противъ пошлости и мѣщанства, гдѣ бы они ни проявлялись,— придали нашей родной литературѣ то вѣчное глубокое значеніе, ради котораго она оцѣнена и принята во всѣхъ народахъ и которое до сихъ поръ остается единственно—жизненнымъ и плодотворнымъ началомъ для всѣхъ русскихъ писателей, участвующихъ своимъ словомъ во всемірной всечеловѣческой литературѣ. Необыкновенно чуткое, глубокое постиженіе нравственной природы человѣка, широкое общечеловѣческое пониманіе правды и жизненное воплощеніе ея въ художественныхъ образахъ сдѣлались со временъ Гоголя, какъ выразителя духа народнаго, отличительной чертой нашей родной литературы. Не въ меньшей мѣрѣ безупречна съ нравственной точки зрѣнія и цѣнна съ національной дѣятельность и другого генія русской народности, Петра Великаго, предварившаго Николая Васильевича Гоголя на полтора столѣтія. И Петръ Великій, такъ же, какъ Гоголь, хотя въ другой болѣе внѣшней, но за то и болѣе значимой по результатамъ области государственнаго строительства, воплотилъ и выразилъ въ своемъ царственномъ подвигѣ нравственную и политическую мощь, а также и всемірное, всечеловѣческое призваніе русскаго народа. Помимо множества другихъ сторонъ его всеобъемлющаго дѣ-

лания, одна борьба Великаго Царя съ Карломъ XII и, въ частности, празднуемая теперь Полтавская побѣда обнаруживаютъ предъ нами всю правоту и положительный, заключающійся въ естественной потребности къ свободному развитію, смыслъ тѣхъ глубокихъ мотивовъ, которые вдохновляли на эту борьбу и Царя, и народъ и привели къ славному торжеству.

Не разбойные инстинкты воинственнаго искони племени, привыкшаго жить на счетъ сосѣдей, и не тщеславное стремленіе вождя стяжать пустую славу непобѣдимаго воителя путемъ бессмысленнаго разгрома противника и подавленія цѣлыхъ народностей вызвали тогда на многолѣтнюю войну со шведами русскій народъ. Эти нравственно не оправдываемыя побужденія, недостойныя по существу всякаго культурнаго народа лежали, именно въ основѣ неукротимой воинственной политики нашего противника. Напротивъ, Петромъ Великимъ вмѣстѣ со всѣмъ русскимъ народомъ руководили въ этой, насильно, со внѣ навязанной борьбѣ, глубокое сознаніе естественнаго права великаго народа на безпрепятственное внутреннее развитіе своихъ силъ и твердая рѣшимость отстаивать это право, защитить его отъ внѣшнихъ посягательствъ. Для русскаго народа, готовящагося вступить равноправнымъ членомъ въ семью другихъ культурныхъ народностей, эта война была нравственнымъ подвигомъ, великимъ испытаніемъ, гдѣ предстояло доказать и показать міру богатство своихъ внутреннихъ силъ, свою способность къ національному самоутвержденію, къ достойному занятію своего особеннаго мѣста на всѣмъ-мірно-исторической аренѣ. И эта идейная національная цѣль, ясно сознанная и поставленная передъ своимъ народомъ, гениемъ Петра была достигнута блестяще, сдѣлавшись съ той поры основой мирной, творчески-созидательной политики для русской національности на всѣ послѣдующія времена...

Послѣ отмѣченнаго нами въ общихъ чертахъ громаднаго значенія двухъ великихъ историческихъ лицъ и ихъ

дѣятельности для умственной и политической жизни нашего отечества, придавшихъ ясность и опредѣленность направленія ея идейному развитію, нынѣ празднуемые русскимъ народомъ юбилеи несомнѣнно получаютъ глубокой національный смыслъ и должны бы оказать въ высшей степени благотворное вліяніе на подъемъ и оздоровленіе нашего народнаго, общественнаго и политическаго самосознанія. Сверхъ того, вслѣдствіе неразрывной внутренней связи общественности и политики съ религіозно-нравственною жизнію народа значеніе юбилейныхъ всенародныхъ торжествъ должно еще расширяться, отразившись такъ или иначе и въ этой области, составляющей предметъ попеченій и заботъ Православной Русской Церкви, русскаго духовенства. Здѣсь естественно открывается и для насъ, православныхъ русскихъ пастырей, непосредственный интересъ и потребность установленія извѣстнаго идейнаго отношенія къ современнымъ торжествамъ, а также и необходимость прямого активнаго въ нихъ участія. Отсюда представляется для насъ дѣломъ своевременнымъ и даже настоятельно необходимымъ освѣщеніе и оцѣнка съ нравственно-религіозной стороны историческихъ фактовъ, давшихъ счастливый поводъ нашей родинѣ къ нынѣшнимъ юбилейнымъ торжествамъ. И такое именно уясненіе смысла торжествъ съ этой высшей точки зрѣнія по настоящему времени тѣмъ болѣе необходимо, что при господствѣ въ нашемъ обществѣ противорѣчивыхъ литературныхъ взглядовъ и религіозно-нравственныхъ идеологій даже и такіе несомнѣнно свѣтлые, нравственно безупречные, въ національномъ отношеніи, славные факты, какъ юбилейные, могутъ найти для себя ложную отрицательную оцѣнку, способную смутить и потревожить свѣтло-радостное настроеніе и ясную мысль довѣрчивыхъ простыхъ русскихъ людей, участниковъ этихъ рѣдкихъ національныхъ торжествъ.

II.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ значительная доля бѣдъ и напастей, пережитыхъ недавно родной страной и теперь испы-

тываемыхъ всѣмъ русскимъ народомъ въ видѣ внутренней неудовлетворенности, подавленности и распатанности мысли, не является въ широкомъ смыслѣ горькимъ плодомъ и неизбежнымъ послѣдствіемъ огульнаго отрицанія и презрѣнія у насъ своихъ исконно-русскихъ, созданныхъ самою жизнью, историческихъ, религіозно-нравственныхъ и общественно-политическихъ основъ ради преклоненія предъ чуждыми намъ ученіями и легкомысленнаго усвоенія, даже проведенія въ жизнь этихъ ученій, единственно изъ-за призрачной ихъ новизны и научности, такъ импонирующей наивному русскому человѣку. И трудно указать какую-либо сторону въ широкомъ потокѣ русской жизни прошлаго и настоящаго времени, которая уцѣлѣла бы у насъ отъ разрушительнаго, иногда даже прямо развращающаго воздѣйствія на нее пришлыхъ, взятыхъ нами со стороны всевозможныхъ теорій, ученій, идеологій, плѣнявшихъ насъ чаще всего не внутренней цѣнностію, а только новизной или громкимъ европейскимъ именемъ своихъ творцовъ. Такъ часто дѣйствовали у насъ, да и теперь дѣйствуютъ иногда нѣкоторые передовые руководители общественной и политической мысли, представители литературной критики и, надо съ прискорбіемъ признать, не изъ второстепенныхъ, а иногда и „столпы“.

Стоитъ припомнить, хотя бы для примѣра, бывшее увлеченіе Гегелемъ: какъ уцѣпились у насъ за него и литературная критика, и общественно-политическая мысль, представляемая даже славянофилами.. А потомъ, когда увлеченіе прошло, на смѣну Гегелю съ такимъ же увлеченіемъ принимались у насъ новѣйшіе европейскіе идеологи, утописты, подъ угломъ зрѣнія которыхъ и пытались опять у насъ переоцѣнивать и освѣщать явленія родной русской дѣйствительности, часто по самобытности и оригинальности не умѣщавшіяся въ формы и рамки чуждой теоріи, чужого міросозерцанія. Но это мало смущало и затрудняло насъ: что оказывалось неподходящимъ, противорѣчивымъ, смѣло признавалось достойнымъ осужденія или замалчивалось, выкидывалось за

борть... Понятно, при подобномъ, представленномъ здѣсь схематически, отношеніи къ своему родному, національному и самобытному духовному достоянію народа, къ прошлымъ историческимъ и современнымъ жизненнымъ основамъ существованія не могло выработаться до сихъ поръ яснаго, устойчиваго, согласнаго съ существенными народными свойствами, національнаго самосознанія. Разбродъ общественной и политической мысли, отсутствіе національнаго самоуваженія, неопредѣленность будущаго составляютъ у насъ характерныя, неутѣшительныя черты русской дѣйствительности.

И такое наше состояніе можно бы признать по-истинѣ мрачно-безнадежнымъ, если бы самъ нашъ народъ, въ своей совокупности, какъ могучій организмъ, не взирая на эти ложныя отрицательныя вліянія, не продолжалъ властно идти по намѣченному ему Богомъ пути къ великому и свѣтлому будущему, предугадывая его въ важнѣйшіе историческіе моменты и отвергая навязанныя ему насильно уклоненія въ нужную пору. Въ этомъ, проявленномъ исторически русскимъ народомъ, жизненномъ свойствѣ — наше утѣшеніе и надежда... Но, какъ бы то ни было, нельзя упускать изъ вида извѣстной силы и губительнаго воздѣйствія отрицательныхъ идей и постороннихъ вліяній на естественный прогрессивный ростъ русской народности. Они тяжело сказываются на всѣхъ сторонахъ нашей современной жизни и главнымъ образомъ — извращеніемъ нашего національнаго и религіозно-нравственнаго самосознанія.

Развѣ не здѣсь кроется причина распространенія у насъ въ послѣдніе годы беспочвеннаго критицизма въ сужденіяхъ о своемъ историческомъ прошломъ, огульнаго осужденія и ложной оцѣнки главныхъ, дорогихъ и священныхъ въ глазахъ народа историческихъ фактовъ и лицъ, что привело, наконецъ, чуть ли не къ отрицанію всякаго разумнаго смысла въ нашей исторіи и всѣхъ свѣтлыхъ, отрадныхъ сторонъ въ народномъ развитіи и завершилось появленіемъ такихъ печатныхъ твореній (вродѣ исторіи Шишко), которыя способны

убить и любовь, и уваженіе къ родинѣ, и всякое здоровое національное патріотическое чувство. Благодаря тому же ослѣпленію чуждыми русскому народному духу идеологіями, явившимся плодомъ европейской культуры и созрѣвшими въ иныхъ историческихъ условіяхъ, наша современная мысль и въ другихъ областяхъ жизни утратила способность правильно оцѣнивать явленія родной дѣйствительности, упорно отрицая положительную созидательную силу за особенными, свойственными лишь русскому народу, факторами нашего развитія, не только государственнаго, но и внутренняго-умственнаго, литературнаго и соціальнаго. Это и сказалось особенно ярко въ направленіи нашей литературной критики при оцѣнкѣ тѣхъ главныхъ писателей, которые явились болѣе глубокими и вѣрными выразителями народнаго духа, его внутренняго идеальнаго міра, сказалось, между прочимъ, и при сужденіяхъ о главномъ виновникѣ нынѣшняго литературнаго юбилея Н. В. Гоголѣ.

Упорное нежеланіе нашей критики признать положительное творческое значеніе глубокой христіанской религіозности русскаго народа въ развитіи всѣхъ сторонъ его жизни, признать тоже общее всему народу нашему животворное начало и въ Гоголѣ главною основою всей его богатой психики, силой и источникомъ его таланта,—отняло у критиковъ великаго писателя ключъ къ разумѣнію его личности, его міросозерцанія и къ правильному истолкованію его художественно-литературной дѣятельности. Вспомнимъ, сколько терзаній, душевныхъ пытокъ пережилъ великій писатель изъ-за навязыванія ему его друзьями-поклонниками чуждыхъ совершенно ему идей и какъ они ожесточенно обрушились на него, когда открылъ онъ истинную идейную основу своего творчества, признавъ въ этомъ признакъ упадка таланта и чуть ли не ренегатство. Да и нынѣ немного подвинулись критики въ постиженіи глубоко-религіозной личности Гоголя, по-прежнему истолковывая все богатство содержанія его творчества подъ угломъ зрѣнія своихъ предвзятыхъ идеологій.

Только теперь, убѣдившись, наконецъ, въ неприложимости къ нему соціально-политическаго міросозерцанія, признали его крайнимъ сторонникомъ индивидуализма, проповѣдникомъ исключительно личнаго совершенствованія. Но намъ думается, что великій писатель такъ же бы пришелъ въ удивленіе и отъ этой, приписываемой ему теперь, чести званія индивидуалиста въ томъ значеніи, какое соединяють съ этимъ терминомъ современные критики, какъ при жизни отрецивался отъ называемыхъ ему друзьями соціальныхъ идей, проницательно усмотренныхъ ими въ его художественныхъ твореніяхъ.

Въ самомъ то дѣлѣ, при глубокой, всепроникающей христіанской религіозности, изъ которой выросло все міросозерцаніе Гоголя, его любовь къ Россіи, его стремленіе отдать всѣ силы таланта ей на служеніе, его невыразимо тонкое нравственное пониманіе пошлости человѣческой, его томленіе по идеалу, тоска по правдѣ Божіей—вѣра въ высшее призваніе, развѣ при всѣхъ этихъ чертахъ его личности можно назвать его индивидуалистомъ, вродѣ, напр., покойнаго Михайловскаго и другихъ? Несомнѣнно, такъ же нельзя, какъ и общественникомъ. Вѣдь индивидуализмъ, какъ ученіе, имѣетъ въ основѣ разсудочный эгоистическій принципъ, по которому прогрессъ человѣческихъ обществъ зависитъ главнымъ образомъ отъ личностей, входящихъ въ составъ ихъ, а потому для достиженія прогресса каждый человѣкъ долженъ заботиться о развитіи своѣй личности, объ утвержденіи своихъ правъ и свободы отъ посягательствъ на нее другихъ лицъ, общества. Съ другой стороны, и противоположное соціальное ученіе, видящее всю силу прогресса въ усовершенствованіи общественныхъ, политическихъ формъ и требующее подчиненія интересовъ личности высшему интересу общества, такъ же въ основѣ разсудочно-эгоистично, потому что общій интересъ, по этому ученію, вѣрнѣе всего обезпечиваетъ благосостояніе личности. Не ясно ли, что по своимъ существеннымъ чертамъ христіански-религіозное жизненное міросозерцаніе Гоголя не сводимо ни къ тому, ни къ другому уче-

нію: его идеологія, вся озаренная кроткою, любящею, самоотверженною вѣрою, несравненно выше послѣднихъ, какъ имѣющая въ основѣ вѣчный, всеобъемлющій религіозный идеаль евангелія.

И въ этомъ именно свойствѣ личности Гоголя заключается, думаемъ, жизненность его твореній, ихъ поразительная нравственная глубина и чуткость, при свѣтѣ которыхъ ярко выступаютъ и даютъ себя мучительно чувствовать всѣ пошлыя, низкія, недостойныя человѣка черты личнаго и общественнаго существованія. Благодаря сокрытой въ твореніяхъ Гоголя и руководившей его творчествомъ, вдохновлявшей его христіанской идеологіи, мы чувствуемъ и ясно опознаемъ, въ каждомъ его художественномъ образѣ людей, подъ слоємъ житейской пошлости, безцѣнную человѣческую личность, имѣющую высшее вѣчное значеніе, и въ его восторженномъ изображеніи Россіи, любимаго имъ народа русскаго, сквозь темныя тѣни тогдашняго общественнаго быта угадываемъ, узнаемъ тотъ идеаль совершеннаго христіанскаго общества, который предназначено осуществить, по вѣрѣ Гоголя, русскому народу. И вотъ, при внутреннемъ свѣтѣ этой высшей религіозно-нравственной идеологіи какъ личному и общественному состоянію отдѣльныхъ изображаемыхъ лицъ, такъ и существовавшимъ тогда общественно-государственнымъ формамъ русской жизни, естественно, у Гоголя не придается особеннаго значенія: для него и въ помѣщикѣ, и мужикѣ дорога нравственная личность, и въ Россіи, русскомъ народѣ—осуществленіе идеальнаго общества человѣческихъ личностей,—совершенно сходно съ евангельской точкой зрѣнія. Потому и странно и ошибочно было со стороны критики видѣть въ великомъ писателѣ сторонника или противника общественныхъ и гражданскихъ формъ жизни современной ему Россіи. Его идеологія была шире, всеобъемлюща, направляя и силы великаго таланта на художественное служеніе цѣлямъ высшаго религіозно-нравственнаго совершенствованія роднаго народа и всего человѣчества.

Къ такому болѣе правильному поиманію личности и творчества Н. В. Гоголя должны были въ извѣстной мѣрѣ приблизить русское общество нынѣшнія юбилейныя торжества въ память великаго писателя, и въ этомъ не малая ихъ заслуга и значеніе. Пусть даже и теперь, послѣ неизбежной провѣрки цѣлой массы накопившагося за полвѣка критическаго матеріала, заслонявшаго отъ общества истинный образъ поэта-писателя, носителя русскаго народно-христіанскаго идеала, большинство свѣтскихъ критиковъ не могло отрѣшиться отъ традиціонныхъ, установившихся воззрѣній на него, зато непосредственное, въ широкихъ размѣрахъ, ознакомленіе съ его безсмертными твореніями, благодаря цѣлому потоку юбилейныхъ изданій, даетъ возможность нашему обществу самому близко узнать и правильно оцѣнить вѣчно жизненные, нравственно-религіозные, родные русской душѣ идеалы своего любимаго правдолюбца-писателя. И въ этомъ дѣлѣ уясненія и воскрешенія въ сознаніи общества цѣлостнаго и обязательнаго въ своей нравственной высотѣ образа чествуемаго писателя важную услугу оказала,—надобно отдать ей подобающую честь,—наша духовная повременная печать. Столичные и провинціальныя духовныя изданія изобиловали за это время серьезными, вдумчивыми статьями, направленными къ одной благой цѣли—прояснить, освободить отъ одностороннихъ критическихъ воззрѣній предъ современнымъ обществомъ неумирающую, свѣтлую, христіанскую личнѣсть Н. В. Гоголя. Жаль одного лишь, что до сей поры остается еще у насъ традиціонное недовѣріе и презрительное отношеніе къ духовной литературѣ среди свѣтской интеллигенціи; но это не умаляетъ по-существу ея значенія, и вліяніе духовныхъ писателей, несомнѣнно, отразится на оздоровленіи взглядовъ широкой публики—большинства русскаго образованнаго общества. И дай то Богъ!

Въ томъ же благодарномъ и полезномъ направленіи предстоитъ проявить свое участіе нашему духовенству и духовной печати и въ другомъ всенародномъ праздникѣ двухсто-

лѣтія Полтавской битвы. Вліяніе „плѣнной мысли“ сказывается уже съ самаго начала приготовленій къ торжеству робкимъ, неувѣреннымъ, какимъ-то двусмысленнымъ отношеніемъ къ нему нашего общества и своеобразнымъ, холодно-равнодушнымъ—со стороны прогрессивной печати. Сказывается ощутительно и здѣсь вліяніе наносныхъ со стороны чуждыхъ намъ воззрѣній, одностороннихъ, выдаваемыхъ за передовыя идеологіи, которыя мутятъ русскій умъ и русское сердце, сдерживая искреннія порывы національнаго чувства, парализуя честную мысль. Наше общество какъ будто стыдится обнаружить и завѣтныя чувства, и завѣтныя думы.

III.

Стоить лишь внимательно присмотрѣться къ тѣмъ перипетіямъ, которыя съ самаго начала сопровождаютъ у насъ приготовленія къ всенародному торжеству Полтавской побѣды, чтобы убѣдиться, въ какой странной нерѣшительности, „плѣненіи“ подъ гнетомъ ходячихъ идеологій находится еще наша общественная мысль и признать неотложность освобожденія ея изъ того постыднаго тупика, въ какой попало общество, благодаря своей довѣрчивости. Повидимому, при такомъ благопріятномъ случаѣ, какъ этотъ историческій юбилей, было бы самымъ естественнымъ дѣломъ всему нашему народу,—всѣмъ его сословіямъ и состояніямъ безъ различія партій,—обнаружить единство и общность своего національнаго самосознанія и, пользуясь, какъ великимъ урокомъ, воспоминаемымъ событіемъ, уяснить предъ собой пройденный съ той поры путь, сознать ошибки, уклоненія и опредѣлить цѣли будущаго. Естественно было ожидать, что приводимый на память славный историческій фактъ вмѣстѣ съ его творцами—геройскимъ войскомъ во главѣ съ Великимъ царемъ геніемъ пробудить въ народѣ вѣру въ свои силы, любовь къ родинѣ, сольетъ, сплотитъ насъ всѣхъ русскихъ въ одномъ бодромъ и святомъ патріотическомъ чувствѣ.

Но ничего подобнаго не произошло въ нашемъ обществѣ: не оживила нисколько его возникающая какъ бы случайно идея праздника, не сплотила около себя различные общественные слои и партіи, а словно еще подчеркнула ихъ разнь, не сказалась въ насъ подъемомъ честныхъ гражданскихъ патріотическихъ чувствъ. А про народъ, про эту стомилліонную массу простыхъ русскихъ людей, и говорить нечего: ихъ въ глубинѣ и вовсе не коснулись приготовленія къ историческому дню, не затронули народнаго сердца, народной души, словно бы все это не должно составить именно праздникъ того самаго народа, сильные предки котораго двѣсти лѣтъ назадъ сумѣли отстоять свои права на мѣсто въ исторіи, на почетъ и равную честь среди другихъ народовъ! На нашихъ глазахъ вездѣ и вся народная русская масса остается совершенно безучастной и равнодушной къ предполагаемымъ торжествамъ, да и не откуда было зародиться въ ней интересу и теплomu отношенію къ нимъ. Развѣ нашъ русскій народъ знаетъ свое историческое прошлое, знаетъ подвиги и дѣла великихъ отечественныхъ героевъ, подвижниковъ, создавшихъ великое Русское царство, хотя и чтить еще нѣкоторыхъ мало сознательнымъ благодарнымъ чувствомъ. Мало у насъ всегда обращалось вниманія на развитіе и просвѣщеніе народа въ этомъ именно направленіи, не сдѣлала почти ничего и начальная свѣтская всенародная школа, особенно въ смыслѣ развитія и пробужденія въ своихъ питомцахъ теплыхъ любовныхъ благодарныхъ чувствъ къ историческимъ лицамъ, создавшимъ своими подвигами славу и могущество Россіи. Эта національная сторона воспитанія всегда оставалась въ тѣни, въ небреженіи, а за послѣднія десятилѣтія, можетъ быть, даже и не безъ вліянія той „плѣнной“, тлетворной мысли, которая ни во что цѣнитъ все свое родное, русское, рабски преклоняясь предъ чуждыми призрачными идеалами. Отсюда дѣлается вполне понятнымъ и, такъ-сказать, извинительнымъ косное отношеніе народа и къ такому великому знаменательному въ его исторіи событію, какъ Полтавская побѣда: оно ничего

не говорить, по отсутствію памяти о немъ, ни уму, ни сердцу народному.

Совсѣмъ другое дѣло представляетъ отношеніе нашего общества, въ его сознательной, интеллигентной, передовой части, къ тому же событію: здѣсь безучастіе, нарочитое замалчиваніе, напускная холодность и показное нежеланіе принять живое участіе въ торжествѣ не могутъ найти себѣ извиненія и оправданія сколь-нибудь основательныхъ. Здѣсь для страннаго нерѣшительнаго, полуотрицательнаго, полупроническаго отношенія нашего общества къ жизненной здоровой идеѣ всенароднаго историческаго праздника можетъ быть указана только одна причина, одно основаніе: это—все то же печальное рабское преклоненіе нашей общественной и политической мысли предъ чуждыми европейскими идеологіями, предъ послѣдними якобы научными выводами соціальной экономикки и политики, благодаря чему мы отучились уже да и боимся чувствовать и мыслить по родному, по русски. Да, нужно съ горечью сознаться,—безгранично рѣшительна и смѣла наша „плѣнная“ передовая общественная мысль въ разрушеніи и отрицаніи всего родного русскаго во имя утопическихъ теорій и всечеловѣческихъ идеаловъ туманнаго будущаго, но позорно жалка она въ этомъ рабскомъ увлеченіи и слаба, и робка, и крайне не рѣшительна въ собственномъ національномъ самоутвержденіи. Мы уже не рѣшаемся признавать открыто за своимъ народомъ особенныхъ духовныхъ исторически проявленныхъ свойствъ, которыя обособляютъ его отъ другихъ народовъ, если къ тому же эти свойства имѣютъ религіозный характеръ и коренятся въ нашемъ исконномъ „православіи“. Мы уже пронически относимся къ утвержденію и признанію особенныхъ историческихъ и высшихъ цѣлей, которыя осуществить въ челоуѣчествѣ нашему народу указано самимъ Провидѣніемъ. Все это признать предъ цѣлымъ свѣтомъ, опредѣлить и освѣтить, хотя бы для собственной же пользы, свои положительныя, жизненныя, творческія національныя силы и воспитать

въ себѣ достойное великаго народа чувство самоуваженія,— да развѣ же это современно и согласимо съ передовой чело- вѣческой мыслию!? Подобное самоутвержденіе, какая то тамъ національная гордость, патриотизмъ—это же все пережитокъ, дѣло темнаго прошлаго, и заниматься теперь имъ на виду просвѣщеннаго міра и стыдно, и достойно заслуженныхъ на- смѣшекъ. И мы, дѣйствительно, подъ стихійнымъ воздѣйстви- емъ „плѣнной“ мысли доходимъ уже до того, что начинаемъ не въ шутку стыдиться своихъ добрыхъ, свойственныхъ рус- скому народу свойствъ. Развѣ же не это именно извращен- ное чувство сказалось въ извѣстной фразѣ нашего писателя Горькаго, что „человѣку должно быть стыдно сознавать себя добрымъ“.

При такомъ уклоненіи нашей общественной мысли отъ здравыхъ путей какъ же иначе могли отнестись прогрессив- ные, передовые слои нашего общества, наша интернаціональ- ная интеллигенція къ организациіи Полтавскихъ торжествъ! Попробуйте-ка предъ кѣмъ либо изъ представителей этой части общества откровенно подѣлиться своими симпатіями къ нимъ, обнаружить свое неподдѣльное русское національ- ное чувство, пробуждаемое ими, и вы не избѣжите заслу- женнаго и должнаго вразумленія, которое приблизительно выразится въ такой репликѣ:

— „Помилуйте, и вы хотите участвовать въ этомъ со- вершенно ненужномъ торжествѣ, восхищаетесь имъ заранѣе и находите въ немъ смыслъ!? Да развѣ же не сводится тутъ дѣло къ разжиганію патриотизма и національныхъ страстей, отъ которыхъ и безъ того страдаетъ страна, терпятъ наши инородцы; и это теперь, когда передовая мысль дошла съ такими усиліями до плодотворной идеи братства всѣхъ наро- довъ, интернаціональнаго союза челоуѣчества. А восхищеніе Полтавской побѣдой, развѣ же это—не косвенный апофеозъ войны—этого бича челоуѣчества, въ принципіальномъ отри- цаніи котораго сходятся теперь лучшіе умы культурнаго че- ловѣчества. И вы рѣшаетесь участвовать въ такомъ апофеозѣ

войны, когда ее столь убѣдительно отвергаетъ нашъ же русскій мыслитель Левъ Николаевичъ?..“ Если же вы еще, къ вашему несчастію, окажетесь духовной особой, то вразумленіе можетъ принять и болѣе убѣдительный тонъ: „да какъ же вы, проповѣдникъ истины Христовой, что не должно быть больше ни іудея, ни эллина, хотите утверждать свой русскій патріотизмъ, и послѣ истолкованія Христомъ заповѣди „не убій“ сами, будучи проповѣдникомъ мира, рѣшаетесь участвовать въ апоѳеозѣ удачной войны и тѣмъ признавать ея законность, легальность убійства!.. Стыдитесь, батюшка!“

Не объясняется ли, послѣ приведенной иллюстраціи и всего сказаннаго, въ полной мѣрѣ отмѣченное нами выше странное равнодушное настроеніе значительной части русскаго общества, при томъ - его интеллигентныхъ верховъ, въ виду готовящихся торжествъ, и не должно ли умалиться положительное жизненное плодотворное значеніе послѣднихъ вслѣдствіе одного лишь рокового и постыднаго для насъ, русскихъ, „плѣненія“ нашей общественной мысли? Несомнѣнно—такъ, и въ значительной степени ея отрицательныя, горкія послѣдствія обнаруживаются даже теперь: вмѣсто ожидаемаго; естественно, объединенія всего русскаго общества и народа около одной, равно дорогой для каждаго русскаго человѣка, идеи воспоминаемаго событія у насъ создалось еще большее партійное обостреніе общественныхъ отношеній на этой самой объединяющей почвѣ. И однакоже обнаруженіе въ этомъ дѣлѣ противныхъ теченій само по себѣ нельзя считать явленіемъ безотраднымъ; напротивъ, это—явный признакъ, что не все еще русское общество вмѣстѣ съ народомъ разучилось мыслить и чувствовать по-русски, не подчиняясь рабски господствующимъ въ немъ идеологіямъ, что еще живъ русскій Богъ и жива русская душа. Вотъ эта-то устойчивая часть общества, вѣрная русскимъ историческимъ традиціямъ, не стыдящаяся исповѣдывать ихъ открыто и взявшая подъ защиту національную идею, понятно, и была возмущена не

подобающимъ, равнодушно-ироническимъ отношеніемъ къ ней своихъ собратій по народности, но отвергающихъ ея по своей идеологіи. *Jnde iga* и усилившееся ожесточеніе, которое можетъ придать торжеству односторонній, партійный и нѣсколько импонирующій тонъ, лишивъ его желательнаго мирнаго объединяющаго характера.

Но, какъ бы то ни было, при всемъ ослабляющемъ вліяніи идейныхъ условій, при которыхъ устроится Полтавскій юбилей, его празднованіе не пройдетъ безслѣдно и, будемъ надѣяться, поможетъ оздоровленію общественной мысли и возвращенію ея на вѣрный, національно-русскій путь. Прошедшее предъ глазами въ яркихъ образахъ юбилейнаго торжества историческое событіе должно же заставить передовыхъ представителей нашей общественной мысли задуматься надъ его внутреннимъ смысломъ и усмотрѣть здѣсь не одинъ апоѳеозъ войны и утвержденіе кваснаго патріотизма, а нѣчто несравненно высшее и общечеловѣческое. Можетъ быть, хотя при этомъ случаѣ, удастся имъ постичь несоизмѣримость идеальныхъ требованій нравственности и разума съ несовершенными условіями и формами исторической и современной дѣйствительности, удастся понять, что во имя первыхъ нельзя всецѣло отрицать цѣнность послѣднихъ и требовать немедленнаго ихъ упраздненія, какъ это дѣлается нашими идеологами по отношенію къ войнѣ, патріотизму, національному самосознанію. Все это, конечно, азбучныя истины, и онѣ очень давно и глубоко проводятся въ жизни тѣхъ самыхъ народовъ, среди которыхъ возникли плѣнившія насъ идеологіи, (по что дѣлать, если намъ лишь теперь приходится уяснять для себя указанное различіе) и гдѣ на ряду съ ними мирно уживаются пламенный патріотизмъ и національное самосознаніе, воспитываемые школой, гдѣ процвѣтаетъ всенародное почитаніе національныхъ героевъ и прославленіе историческихъ событій. И вотъ уже одно уясненіе такого здраваго отношенія къ родной дѣйствительности, благодаря случившемуся юбилею, было бы для нашего общества великимъ приобрѣтеніемъ, отучивъ

отъ ложнаго стыда предъ кѣмъ-то за свое славное прошлое, за достойное любовное преклоненіе предъ великими людьми родной земли. Но есть основаніе ожидать отъ юбилейныхъ торжествъ большаго, — именно проясненія той вѣчно животворной религіозной христіанской идеи, которая проходитъ чрезъ всю нашу исторію, являясь всюду организующей творческой силой, и которая, несомнѣнно, вдохновляла на подвиги царя-генія, его войско и народъ при Полтавской битвѣ. Какъ на Гоголевскомъ юбилеѣ, такъ и теперь нашему духовенству предстоитъ своими литературными и проповѣдническими трудами выполнить эту миссію. И, будемъ надѣяться, что оно на благо родины съ честью рѣшитъ предстоящую ему задачу.

Священникъ *Аванасій Веселуцкій*.

Мои воспоминанія.

(Продолженіе ¹⁾).

Въ воскресные и праздничные дни видоизмѣнялся порядокъ будничной жизни. Наканунѣ праздничныхъ дней не было регулярныхъ вечернихъ занятій; а всѣ, живущіе въ бурсѣ, должны были ходить въ церковь на всенощную. Въ Залыбедской части города была одна только приходская церковь—Воскресенская, стоящая въ близкомъ разстояніи отъ прежняго зданія бursы, и въ нее должны были ходить бурсаки. Отъ праздника Воздвиженія честнаго креста до Благовѣщенія во всѣхъ городскихъ церквахъ всенощныя служились очень рано; звонъ былъ во всѣхъ церквахъ въ три часа утра; послѣ перваго удара въ колоколъ въ архіерейскомъ монастырѣ начинали звонить во всѣхъ церквахъ одновременно. Но для бурсаковъ въ этотъ періодъ года, когда во всѣхъ церквахъ всенощныя отправлялись утромъ, всенощная въ Вос-

¹⁾ См. № 27-й за 1909-й г.

кресенской церкви служилась съ вечера, въ шесть часовъ, и звона къ ней не было. Но знали о томъ, что въ Воскресенской церкви идетъ подь праздникъ служба съ вечера, и потому кромѣ живущихъ въ бурсѣ за всеюнощной, для нихъ служившейся, бывало много молящихся изъ горожанъ. Служилъ всеюнощную обыкновенно не приходскій священникъ (онъ долженъ былъ отправлять всеюнощную утромъ въ три часа), а одинъ изъ преподавателей семинаріи, Иванъ Ивановичъ Извольскій, священникъ Дмитріевскаго безприходнаго собора, не отопляемаго зимой, въ которомъ съ утра службы не было. Вѣроятно, ему за это полагалась небольшая плата. Очень часто на эту вечернюю всеюнощную пріѣзжали ректоръ и инспекторъ семинаріи, жившіе въ архіерейскомъ рождественскомъ монастырѣ. По ихъ распоряженію, во время этой всеюнощной должны были пѣть въ Воскресенской церкви семинарскіе пѣвчіе, и прекрасное пѣніе ихъ привлекало многихъ богомольцевъ на беззвонное вечернее богослуженіе. Семинарскіе пѣвчіе, по окончаніи всеюнощной, не шли по своимъ квартирамъ, а направлялись въ бурсу, здѣсь вмѣстѣ съ бурсаками ужинали и здѣсь же ночевали, располагаясь по разнымъ номерамъ, гдѣ были свободныя койки. Въ три часа утра, когда мы всѣ спали, пѣвчіе вставали и, поспѣшно собравшись, шли въ соборъ къ заутрени, гдѣ они по договору, съ разрѣшенія семинарскаго начальства, за извѣстную плату пѣли круглый годъ въ праздничные дни, за исключеніемъ вакаціального времени. Въ семинарскомъ хорѣ моего времени между прочимъ пѣлъ альтомъ Илья Тихоновичъ Экземплярскій, впоследствии Геронимъ, архіепископъ виленскій, а потомъ варшавскій, въ зрѣлые годы обладавшій прекраснымъ теноромъ, и во время студенчества въ академіи и потомъ по окончаніи академическаго курса восхищавшій богомольцевъ церкви Братскаго монастыря художественнымъ выполненіемъ теноровыхъ партій въ концертномъ пѣніи при богослуженіи. Я былъ въ словесности или низшемъ отдѣленіи семинаріи, когда онъ, вмѣстѣ съ другими пѣвчими, приходилъ изъ цер-

кви въ бурсу, и спалъ онъ обыкновенно въ томъ номеръ (пятомъ), въ которомъ я жилъ въ первые два года пребыванія въ бурсѣ. Фамилія Экземплярскихъ была пѣвчая. Старшій братъ Ильи Тихоновича (преосв. Иеронима) Ѳеодоръ Тихоновичъ былъ принятъ въ архіерейскій хоръ и пѣлъ басомъ. Въ свое время и отецъ ихъ тоже былъ въ архіерейскихъ пѣвчихъ.

Семинарскій хоръ, во время моего обученія въ семинаріи, былъ прекрасный, не уступалъ архіерейскому хору, хотя архіерейскій хоръ комплектовался главнымъ образомъ изъ пѣвчихъ семинарскаго хора, переманивая къ себѣ изъ него лучшія силы, и разъ принятые въ хоръ пѣвцы съ сильными голосами потомъ долгое время не выпускались изъ него; нѣкоторые изъ нихъ состояли въ хорѣ до глубокой старости. За ними зачислялись священническія мѣста иногда въ отдаленныхъ селахъ; они получали священный санъ, но не служили тамъ, гдѣ за ними зачислялись мѣста, а только получали оттуда часть доходовъ, живя во Владимірѣ и состоя въ хорѣ; службу же за нихъ отправляли другіе. Такой порядокъ былъ во Владимірской епархіи, при преосв. Парѣніѣ, который любилъ пѣвчихъ, и всегда, при приѣмѣ новаго пѣвца въ хоръ, самъ испытывалъ его голосъ.

Первымъ баритономъ-солистомъ въ семинарскомъ хорѣ моего времени былъ Дм. Сокольскій, отецъ В. Дм. Сокольскаго, преподавателя Кіевской семинаріи. Но силу и славу хора составлялъ Василій Егорычъ Лебедевъ, обладавшій феноменальнымъ басомъ. Своимъ могучимъ голосомъ онъ снискалъ въ городѣ большую популярность, и чтители голосового дара, даннаго ему природою, при встрѣчѣ съ нимъ, старались выказать ему свое вниманіе. Идешь на улицѣ (разсказывалъ онъ), попадается ему какой-либо купчикъ, совершенно ему незнакомый, зоветъ къ себѣ и угощаетъ. Другой приглашаетъ его въ трактиръ и предлагаетъ ему потребовать для себя, что ему угодно. Женился во Владимірѣ богатый купецъ. На вѣнчаніе для пѣнія приглашенъ

былъ архіерейскій хоръ; а Василя Егорыча отдѣльно пригласили только для того, чтобы онъ прочиталъ апостоль, и за чтеніе апостола заплатили ему, семинаристу, десять рублей. По окончаніи семинарскаго курса онъ былъ приглашенъ во Владимірскій архіерейскій хоръ, но оттуда онъ скоро перешелъ въ Москву въ Чудовскій митрополичій хоръ, и затѣмъ опредѣленъ былъ діакономъ въ Московскій Успенскій соборъ, но скончался въ молодыхъ годахъ, кажется, отъ тифа; по краткости служенія своего въ санѣ діакона онъ не успѣлъ воспользоваться вполнѣ тѣмъ вниманіемъ и тою славою, какими москвичи награждаютъ голосистыхъ діаконѡвъ. Когда онъ уѣзжалъ въ Москву, Владимірскіе купцы на свой счетъ на тройкахъ проводили его туда, конечно, со всѣмъ усердіемъ напередъ угостивши его.

Заговоривъ о пѣвчихъ, я прервалъ нить своихъ воспоминаній о своемъ житіи въ бурсѣ. Продолжаю начатую рѣчь о томъ, какъ проводили мы воскресные и праздничные дни. Утро или начало дня ознаменовывалось тѣмъ, что мы шли въ церковь къ литургіи. Ученики средняго и низшаго отдѣленія, по распоряженію начальства, ходили обыкновенно къ ранней литургіи, которую въ Воскресенской церкви во все время моего пребыванія въ семинаріи служилъ священникъ, состоявшій въ архіерейскомъ хорѣ, не имѣвшій прихода въ городѣ, а числившійся священникомъ какого-то села. Къ поздней литургіи въ ту же Воскресенскую церковь ходили только богословы, ученики высшаго отдѣленія, а изъ низшаго и средняго отдѣленія только тѣ, которые принимали участіе въ пѣніи. На клиросѣ пѣли бурсаки, хотя правильнаго формальнаго хора изъ нихъ не составлялось. Отстоявшіе раннюю обѣдню въ своей церкви часто не ограничивались этимъ, а шли къ поздней литургіи или въ соборъ, или въ церковь архіерейскаго монастыря, гдѣ было болѣе торжественное богослуженіе и гдѣ пѣли или семинарскіе, или архіерейскіе пѣвчіе.

За тѣмъ день былъ въ полномъ распоряженіи каждаго. Каждый дѣлалъ, что хотѣлъ, ни къмъ и ни чѣмъ не стѣснѣемый. Иные ходили гулять въ городъ. Кто имѣлъ родныхъ или знакомыхъ, къ нимъ отправлялся. Выходъ изъ общежитія былъ свободный и безпрепятственный: въ праздники можно было отлучаться безъ всякаго спроса и безъ всякой записи въ книгѣ. Кто оставался въ общежитіи, тѣ или занимались своимъ урочнымъ школьнымъ дѣломъ, или читали какую-либо стороннюю книгу, попавшуюся имъ и почему-либо интересную для нихъ. Такъ какъ полученіе стороннихъ интересныхъ книгъ соединено было съ нѣкоторыми затрудненіями, то, если попадетъ такая книга кому-либо въ руки, ее читаютъ заразъ цѣлою компанією, то есть, одинъ читаетъ, а человѣкъ пять или шесть слушаютъ. Устанетъ первый чтець, беретъ книгу и читаетъ другой въ той же компаніи. Помню, такъ цѣлыми компаніями въ мое время съ интересомъ читались романы Дюма и Евгенія Сю, и время праздничное для такихъ занятій было самое благопріятное.—Тѣ, для кого книга не была насущною потребностію, просто отдыхали, не занимаясь ничѣмъ серіознымъ, не утомляя себя безъ нужды занятіями, требующими какого-либо умственнаго напряженія.—Лѣтомъ большинство проводило праздничное время въ саду. Здѣсь, на свѣжемъ воздухѣ, среди густой зелени, было полное раздолье, гдѣ съ удобствомъ можно было проводить гуляцій день. Но физическихъ или гимнастическихъ упражненій, кромѣ прогулки и разныхъ видовъ безыскусственнаго моціона, не было никакихъ. Немного было любителей игры въ шашки. Но картъ я ни у кого не видалъ въ рукахъ: никакой картежной игры въ мое время у бурсаковъ не было. Были любители русскихъ пѣсенъ: такіе заливались соловьями въ свободное время, и пѣніе ихъ болшею частію было очень пріятное; съ удовольствіемъ можно было слушать такихъ пѣвцовъ-любителей. Благодаря совмѣстному жительству сотни молодыхъ людей, у семинаристовъ, жившихъ въ бурсѣ, былъ обширный разнообразный пѣсен-

ный репертуаръ. При совмѣстной жизни содержимое однимъ легко передавалось другимъ. Характерная пѣсня, хорошо исполняемая однимъ, усвоилась другими его сожителями, любившими въ благодушіи попѣть. Чрезъ это образовалось накопленіе поэтическаго пѣсеннаго матеріала, который у живущихъ вмѣстѣ чуть не дѣлался общимъ достояніемъ. Были любимыя пѣсни, которыя особенно часто и хорошо исполнялись. Но эти любимыя пѣсни не держались неизмѣнно, а измѣнялись съ годами: новыя пѣсни часто вытѣсняли старыя любимыя пѣсни.

Вечеръ предпраздничнаго дня заканчивался обычными школьными занятіями, какія полагались и въ будніе дни.

Вотъ какія воспоминанія сохранились у меня о жизни во Владимірской бурсѣ въ старыя годы, въ концѣ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія (1846—1851). Въ нихъ нѣтъ ничего тяжелаго, удручающаго душу.

У нашего свѣтскаго общества (да и у одного ли свѣтскаго?) слово „бурса“ одно изъ несимпатичныхъ словъ, вызывающихъ непріятныя представленія. Съ этимъ именемъ соединяютъ представленіе о воспитательномъ учрежденіи печальнаго образа, гдѣ находило мѣсто все дикое, грубое и безобразное, и гдѣ не столько воспитывали молодыхъ людей, сколько калѣчили ихъ. И есть свидѣтель такого представленія о бурсѣ, признанный авторитетнымъ. Это Помяловскій, наполнившій свои сказанія о бурсѣ каррикатурными картинками, вызывающими отвращеніе.

Не могу сказать, сколько правды въ описаніяхъ бурсы Помяловскаго. Скажу только, что та бурса, въ которой я жилъ пѣть лѣтъ, ни мало не напоминаетъ бурсу Помяловскаго. Въ ней все велось, какъ въ порядочномъ обществѣ и хорошо дисциплинированномъ учрежденіи. Были въ ней уклоненія отъ установленнаго порядка, но они незначительны, и не измѣняютъ общаго добропорядочнаго хода жизни. Грубыхъ проступковъ бурсаковъ, безобразныхъ сценъ въ общежитіи мы не замѣчали и не наблюдали. Да если бы и были до-

пускаемы когда грубыя и возмутительныя безобразія, виновныя въ нихъ безъ замедленія были бы удаляемы изъ бурсы. Наша бурса не терпѣла грубыхъ субъектовъ и явленій и заботливо очищалась отъ нихъ.

Выходила изъ намѣченныхъ рамокъ текущая жизнь бурсаковъ, но это случалось тайно, да и рѣдко. Вотъ какого рода были выступленія изъ обыденной установленной нормы жизни. Намъ, на примѣръ, строго запрещалось курить. Этому запрету многіе охотно подчинялись. Но находились любители табакокурения, какихъ, впрочемъ, было немного. Они ухитрялись тайкомъ дозволять себѣ недозволенное, — курили въ трубу или уходили въ укромное потаенное мѣсто. — Выпивокъ, кутежей не бывало въ бурсѣ. Во все время моего пребыванія въ бурсѣ я ни разу ни у кого не видалъ ни водки, ни вина. Бывали случаи нетрезвости и опьяненія у иныхъ товарищей. Выпивали такіе, можетъ быть, болѣе надлежащаго гдѣ-либо на сторонѣ. Но такіе случаи были чрезвычайно рѣдкою. И если о такихъ случаяхъ дѣлалось извѣстнымъ начальству, то виновный лишаемъ былъ казеннаго содержанія и удаляемъ былъ изъ общежитія.

Между живущими въ бурсѣ, говоря вообще, были добрыя товарищескія отношенія. Собранные подъ одною кровлею жили здѣсь и чувствовали себя, какъ члены одной семьи. Конечно, не всѣ другъ къ другу имѣли одинаковое расположеніе. При совмѣстной жизни иныхъ связывало глубокое сочувствіе, которое, укрѣпляясь болѣе и болѣе, превращалось въ нерасторжимую дружбу, и эта дружба, завязанная въ годы школьнаго воспитанія, свято хранилась и по выходѣ изъ школы. Юные друзья оставались друзьями и тогда, когда расходились въ разныя стороны, и когда на службѣ между ними было большое разстояніе по общественному положенію: высоко поставленные сравнительно не забывали добрыхъ друзей однокашниковъ, несшихъ въ какомъ-либо скромномъ углу тяготу жизни.

Старшіе бурсаки принимали часто покровительственный тонъ по отношенію къ младшимъ; но обидь отъ нихъ не было. По крайней мѣрѣ я лично ни отъ кого не испыталъ никакой серіозной непріятности, и въ моихъ воспоминаніяхъ не сохранилось ни малѣйшей укоризны ни къ одному имени изъ моихъ старшихъ товарищей, жившихъ вмѣстѣ со мною въ бурсѣ. Номерные старшіе, а иногда и рядовые богословы, иной разъ, въ облегченіе себя, налагали на живущихъ вмѣстѣ съ ними риторовъ особую работу. Печатныхъ руководствъ по многимъ предметамъ семинарскаго курса не было; преподаватели выдавали по нимъ записки, которыя ученики должны были переписывать для изученія ихъ. И вотъ такія записки старшіе просили иногда младшихъ переписать для нихъ. Выполненіе этой работы со стороны риторовъ для богослововъ было данью подчиненія имъ. Не совсѣмъ пріятна была эта работа, исполняемая для другого. Но сю не особенно отягощали насъ—риторовъ. Я, сколько помнится мнѣ, когда учился въ риторикѣ (такъ называлось тогда низшее отдѣленіе семинаріи) только два раза исполнялъ такую чужую работу для своего номерного старшаго Павла Кузьмича Ленорскаго (не знаю, живъ ли онъ нынѣ: въ Владимірскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ въ послѣднее время показанъ П. Ленорскій протоіерей въ Киржачѣ; можетъ быть, это онъ), и онъ въ этомъ случаѣ обращался ко мнѣ не съ властнымъ распоряженіемъ, а съ покорною просьбою переписать для него кое что, если есть у меня свободное время.

Не съ горечью и осужденіемъ вспоминаю я о бурсѣ, которую иные привыкли бранить и чернить безъ снисхожденія, а съ спокойнымъ и благодарнымъ чувствомъ человѣка, нашедшаго въ ней добрый пріютъ въ свои безпомощные годы. Мнѣ жилось въ ней хорошо и спокойно. Не будь этого пріюта, мнѣ пришлось бы жить гораздо тяжелѣе, и Богъ знаетъ, какъ сложились бы обстоятельства моей жизни. Я не завидовалъ семинаристамъ, жившимъ на квартирахъ, и находилъ свое положеніе болѣе благопріятнымъ, чѣмъ положе-

ніе ихъ. Живи я на квартирѣ,—для меня создались бы трудно побѣдимыя затрудненія отъ недостатка денежныхъ средствъ, которыми я не могъ располагать.

Я благодаренъ бурсѣ не за то только, что она питала меня въ тяжелые для меня годы, но вмѣстѣ съ тѣмъ и за то, что она пріучала меня къ хорошему порядку жизни, которому я слѣдовалъ въ свои позднѣйшіе годы.

Проф. *Василій Пъвницкій*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКА.

Лучшее средство противъ пожара.

Осенью прошлаго года, по просьбѣ одного неудачника-столяра, я вздумалъ приготовить ему дешевую и хорошую политуру, для его издѣлій, которыя онъ готовилъ на сельскохозяйственную выставку. Между прочимъ, я обратилъ вниманіе на свойства недавно (сравнительно, конечно) изобрѣтеннаго вещества, извѣстнаго въ продажѣ подъ названіемъ силиката. Онъ до сего времени имѣеть только единственно спеціальное, такъ сказать, назначеніе—идеть на изготовленіе мыла и имѣеть сбытъ только на мыловаренные заводы, больше нигдѣ. Силикатъ представляетъ собою твердую прозрачную, стекловидную массу, съ синеватымъ или зеленоватымъ оттѣнкомъ, которая также ломается, дробится и бьется, какъ стекло, но только нѣсколько мягче, эластичнѣе его. Силикатъ по своему составу родственникъ стекла и состоитъ главнымъ образомъ изъ песку и соли, которые плавятся при гораздо низшей температурѣ, чѣмъ стекло. Кромѣ того, силикатъ обладаетъ замѣчательнымъ свойствомъ: будучи измельченъ въ кусочки, онъ въ кипяткѣ обращается въ жидкое состояніе, т. е. получается жидкое стекло, которое можно дѣлать разной густоты и которое снова застываетъ, обращаясь въ твердую стеклообразную массу.

Итакъ, обративъ силикатъ въ жидкость, я прибавилъ въ нее темнооранжевой краски и скуки ради началъ покрывать находящуюся въ комнатѣ дешевую деревянную, плохо окрашенную мебель. Получилась великолѣпная блестящая цвѣтная политура, подобной которой я никогда не видѣлъ. Я остался своимъ открытіемъ очень доволенъ и рѣшилъ держать его въ секретѣ, пока не доведу его до совершенства. Затѣмъ я о своемъ великомъ открытіи совсѣмъ забылъ.

Въ одну изъ моихъ отлучекъ въ домѣ, гдѣ я квартировалъ, случился пожаръ и весь домъ съ имуществомъ хозяина и квартирантовъ сгорѣлъ до тла. И вотъ здѣсь выяснилось нѣчто чудесное: страшное пламя большого пожара, уничтоживъ все, оставило совершенно нетронутыми тѣ деревянные вещи, которыя были покрыты силикатомъ. Два простые деревянные базарные стула, табуретка, столъ, буквая качалка и двѣ дешевыя лубочныя картинки, которыя тоже были мною скуки ради покрыты силикатомъ, остались совершенно цѣлы и невредимы, только бумажныя картинки туго свернулись въ трубочку и ломались при развертываніи. Эта, необъяснимо для постороннихъ, уцѣлѣвшая мебель вызывала невообразимое удивленіе и даже суетвѣрный ужасъ на лицахъ пожарныхъ и сосѣдей, а мой уважаемый редакторъ, — столовертъ и убѣжденный спиритъ, — видѣлъ здѣсь несомнѣнныя проявленія спиритической силы (столъ, по несчастью, былъ круглый и, по его мнѣнію, вѣроятно, вмѣстѣ съ несорѣвшею мебелью, часто употреблялся для спиритическихъ сеансовъ). Никому не высказавъ своихъ предположеній, я дѣятельно занялся дальнѣйшими опытами надъ силикатомъ уже въ пожарномъ отношеніи и нашелъ, хотя случайно, — все равно, какъ монахъ Бертольдъ Шварцъ пороховъ выдумалъ, — что всякая деревянная и бумажная вещь, покрытая слоемъ 33% силиката, не только уничтоженію, но даже порчѣ отъ огня не подвергается.

Полезьа отъ этого открытія можетъ быть великая, а именно: каждый бѣдный священникъ, учитель, поселянинъ и

вообще семейный хозяйственный человекъ можетъ выписать себѣ чрезъ губернское земство 1 пудъ силиката, стоимость котораго на мѣстѣ колеблется отъ 60 до 80 коп. за пудъ. Этотъ пудъ силиката истолочъ, посредствомъ кипяченія обратить въ жидкость съ такимъ расчетомъ, чтобы изъ пуда силиката вышло три ведра жидкости. Этой жидкостью нужно (не разорить никого, если вмѣсто пуда выписать 3 пуда) обмазать полъ, стѣны, потолокъ и крышу своего деревяннаго жилища, а также всю внутреннюю деревянную обстановку, и домъ со всѣмъ въ немъ находящимся станетъ совершенно негорючимъ до такой степени, что если сгоритъ на немъ соломенная крыша или сосѣднія постройки, то это для него никакого значенія имѣть не будетъ. Лопнетъ труба, печь—тоже не бѣда: пропитанная силикатомъ балка не загорится. Понятно, что покрытый силикатомъ домъ и обстановку страховать не слѣдуетъ, и 2—3 рубля, затраченные въ годъ на силикатъ, сохранять въ карманѣ десятки рублей, бросаемыхъ на страхованіе, которое нисколько не спасаетъ отъ пожара и сопряженныхъ съ нимъ убытковъ, смертельнаго испуга и человѣческихъ жертвъ.

Всѣмъ лицамъ, которые прочтутъ эти строки, прежде употребленія въ дѣло силиката въ большемъ количествѣ, советую пріобрѣсти въ городѣ, въ любомъ аптекарскомъ магазинѣ, кусокъ силиката на 5 коп., растворить его, обмазать лучинку, высушить ее и бросить въ топящуюся печь. Если лучинка сгоритъ, то имѣете право признать меня вралемъ, если же огонь на нее дѣйствовать не будетъ, то воспользуйтесь моимъ изобрѣтеніемъ для своего благополучія.

Чистымъ силикатомъ можно покрывать церковные иконостасы и другіе деревянные предметы въ храмахъ, служащіе часто пиццею для пожаровъ отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ. („Совр. Лѣт.“).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Отъ Кіевского Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Кіевъ, 5 іюля 1909 года.

Цензоръ проф. Академіи, священникъ *Александръ Глаголевъ.*

Кіевъ Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 30.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1909-го года іюля 26-го дня.

Содержаніе: I. Охрана памятниковъ родной старины. В. П.—II. Отзвуки современности. Свящ. А. Веселицкій.—III. Универсальный журналъ. С. Россовъ.—IV. „Руководству для сельскихъ пастырей“. Пастырч-читатель.—V. Забѣтка. Сухой колодезь.

Охрана памятниковъ родной старины.

Жалобы на варварское истребленіе памятниковъ старины давно уже стали у насъ общимъ мѣстомъ: рѣдкіе памятники строительнаго искусства часто у насъ разбираются по камешку или же уродуются современными пристройками; о мелкихъ предметахъ и говорить нечего; ежегодно ихъ гибнетъ и отъ времени, а особенно отъ невѣжества масса. Знаемъ, напримѣръ, случай, гдѣ квадратный мѣдный рубль (большая рѣдкость, стоящая у антикваріевъ до 2-хъ тысячъ рублей), былъ использованъ владѣльцемъ крестьяниномъ на починку или полуду самовара. Въ другомъ мѣстѣ намъ удалось получить нѣсколько листовъ отъ рукописи, гдѣ авторъ-очевидецъ описываетъ походъ въ Парижъ (1813 года). Значительная часть рукописи была уже использована владѣль-

цемъ на „кочережки“ или „чортовы ножки“, какъ ихъ называютъ въ селѣ—бумажныя папиросы для махорки. Церковные старосты полученную ими въ кружки потертую и старинную монету обыкновенно продаютъ на вѣсь мѣдникамъ не столько для выгоды, сколько для того, чтобы сбыть ненужный хламъ. Несомнѣнно, что между ломаной и порченной монетой попадаются иногда и рѣдкіе экземпляры, за которые нумизматы заплатили-бы большія деньги, а археологи и музеи сказали-бы большое спасибо.

Старинныя вытертыя иконы, представляющія иногда рѣдкія произведенія древне-русскаго живописнаго искусства, въ деревняхъ и селахъ или сжигаютъ, или же опускаютъ въ рѣчки.

Неразумное отношеніе народа къ памятникамъ старины, несомнѣнно, сократится съ ростомъ народнаго просвѣщенія, но и въ настоящее время кое-что можно дѣлать въ этомъ отношеніи, многое не только можетъ, но должно-бы сдѣлать духовенство, такъ какъ многіе памятники старины касаются не только родной исторіи, но также и исторіи Православной Церкви. Вопросъ объ охранѣ памятниковъ старины можетъ быть темой не только частныхъ бесѣдъ съ крестьянами, но и народныхъ чтеній. Духовенство можетъ взять на себя роль посредника въ сношеніяхъ владѣльцевъ старинныхъ предметовъ съ антикваріями, музеями и нумизматами; наконецъ, духовенство могло-бы положить начало приходскимъ музеямъ, гдѣ окажется для того подходящій матеріалъ. Особенно большихъ затратъ на это дѣло не потребуется. Церковно-приходскія школы существуютъ почти во всѣхъ приходахъ; здѣсь удобнѣе всего пріютиться и церковно-археологическому музею. Для этого лучше всего устроить одну двѣ висячихъ витрины или шкафа, куда и могутъ помѣщаться пожертвованнѣе предметы и вещи стариннаго происхожденія. Для школы и дѣти, и родители не пожалѣютъ пожертвовать то, что у нихъ найдется изъ памятниковъ старины и что нерѣдко лежитъ, какъ ненужная вещь, занимающая лишь мѣ-

сто. Такіє невольшіе музеи, по нашему мнѣнію, имѣли-бы большое воспитательное значеніе для населенія, обращали-бы его вниманіе на памятники старины, учили-бы беречь и хранить старинныя вещи, на первый взглядъ бесполезныя и никому не нужныя.

В. П.

Отзвуки современности.

(Тайна обаянія старой школы).

Въ виду отрицательныхъ результатовъ, какіе даетъ, по общему признанію, наша русская школа, и низшая, и средняя, и отчасти высшая, и одинаково, какъ свѣтская, такъ и духовная, у руководителей школьнаго дѣла за послѣднее время стали замѣтно пріобрѣтать преобладающее значеніе ретроспективные взгляды. Какъ бы извѣрившись въ пользѣ и благотворности прогрессивныхъ реформъ въ учебно-воспитательной области, наши руководители думаютъ обрѣсти способы врачеванія школьныхъ недуговъ и возрожденія школы въ прямомъ возвращеніи къ старинѣ, въ восстановленіи съ формальной и внутренней стороны прежней, отжившей своей вѣкъ школы съ ея суровыми порядками и даже съ тѣмъ же объемомъ учебно-образовательныхъ предметовъ. Несомнѣнно, такой поворотъ, какъ и всякое историческое явленіе, не можетъ быть безпричиннымъ,—для него есть и основанія, и побужденія, которыя, конечно, и выставляются на видъ сторонниками отмѣченнаго направленія. Въ общемъ, доводами служитъ тотъ фактъ, что старая школа давала и церкви, и обществу людей несравненно болѣе подготовленныхъ къ жизни и дѣятельности, чѣмъ нынѣшняя, что она умѣла вліять и религіозно, и нравственно на своихъ питомцевъ настолько прочно, что они всю жизнь хранили о ней благодарныя, свѣтлыя воспоминанія. И, по существу, противъ такихъ доводовъ возражать трудно. Но намъ думается,

что прежде, чѣмъ безусловно возвращаться къ старинѣ, которая, вѣдь, не даромъ же была оставлена, нелишне пристальнѣе взглядѣться и вдуматься въ самый фактъ, поискать разъясненія, въ чемъ, въ самомъ дѣлѣ, заключается секретъ старой школы—ея сила, ея обаяніе, и рѣшить, возвратятся ли и эта сила, и это обаяніе, если мы возстановимъ только суровый обиходъ древней учебы да введемъ тѣ же программы преподаванія.

Итакъ, попытаемся разобраться сначала въ очень важномъ для нашей цѣли, странномъ и, на первый взглядъ, трудно объяснимомъ явленіи изъ области нашей противорѣчивой, загадочной современности. Это — какое то теплое, чуть не любовно-благодарное, полное уваженія отношеніе въ своихъ воспоминаніяхъ людей стараго, доживающаго уже свой вѣкъ поколѣнія къ воспитавшей и выучившей ихъ нѣкогда школѣ и нѣряду съ этимъ—полное равнодушіе, даже недоброжелательство, а нерѣдко и прямой вражды отношеніе нашихъ молодыхъ поколѣній къ тѣмъ учебнымъ заведеніямъ, откуда они только что вышли или гдѣ даже еще доучиваются. И замѣчательно, что это явленіе носить у насъ всеобщій характеръ, одинаково простирается какъ на свѣтскую, такъ и духовную школу. А между тѣмъ, та же старая школа, о которой тепло и любовно вспоминають старые люди, ее когда то прошедшіе, повидимому, не обладала никакими преимуществами по сравненію съ нынѣшней, чтобы стоило съ любовью вспоминать о ней. Совсѣмъ какъ будто напротивъ. Ужъ къ чему несовершенна, неважна во всѣхъ отношеніяхъ наша современная уродливая школа-калѣка, но и то, сопоставляя съ ней суровый, грубый, непедagogичный, даже прямо жестокій укладъ старинной учебы, хотя бы духовной нашей бursы, нельзя не отдать преимущества нынѣшней школѣ. И способы обученія нынѣ, конечно, совершеннѣе, и науки по объему и постановкѣ обширнѣе, обильнѣе и для усвоенія доступнѣе, и жизнь въ школѣ для дѣтей и юношества обставлена удобнѣе, обращеніе съ ними гуманнѣе, а

вотъ, подите же! Не любить нынче молодое учащееся поколѣніе свою школу, а прежде—любили, называли ее не въ шутку „alma mater“, если и подъ старость сохранили о ней теплыя, сердечныя воспоминанія.

Не даромъ же это, должны быть причины, объясняющія секретъ такого влѣянія старой и новой школы на молодежь; было, очевидно, что то такое особенное въ старой суровой школѣ, чѣмъ она привязывала къ себѣ сердца учащихся, и вотъ этотъ то драгоценный талисманъ утратила, потеряла наша современная школа. И съ утратой его бесплодно старается она многіе годы возратить расположеніе къ себѣ молодого поколѣнія, принимаетъ всѣ мѣры явиться въ глазахъ его плѣнительной, пріятной во всѣхъ отношеніяхъ, но кладъ не дается—любовь не приобрѣтается, а словно на зло—отношенія учащихся къ школѣ все обостряются, становятся хуже.

По правдѣ говоря, есть надъ чѣмъ здѣсь задуматься и стоитъ поискать разъясненія странному факту, добиться хотя отчасти разрѣшенія этой школьно-педагогической загадки. И какъ было бы это полезно въ цѣляхъ удачнаго рѣшенія школьнаго вопроса, которымъ давно уже заняты наши присяжные и добровольные педагоги. Вѣдь узнать доподлинно секретъ привлеченія умовъ и сердецъ учащагося юношества къ школѣ—значить, безъ преувеличенія, рѣшить въ главномъ весь педагогическій школьный вопросъ. Вся хитрость и мудрость здѣсь именно въ томъ и заключается, чтобы достигнуть устройства такой школы, гдѣ ученіе шло бы, „не нуждою, но волею“, по расположенію и любовному влеченію учащихся. И вотъ, намъ думается, доступъ къ раскрытію секрета старой школы можетъ быть найденъ легко, если отнестись внимательно къ смыслу и внутреннему содержанію теплыхъ, любовно сердечныхъ воспоминаній старыхъ людей къ воспитавшимъ ихъ школьнымъ учрежденіямъ. Тутъ наблюдателю сразу становится яснымъ, что именно человѣкъ особенно бережно свято хранить въ памяти изъ своего школь-

наго прошлаго, какіе факты и поступки изъ дѣятельности школьныхъ начальниковъ и учителей оставили въ сердцахъ неизгладимый слѣдъ, умиля ихъ при одномъ воспоминаніи. Несомнѣнно,—въ этихъ то приснопамятныхъ, дорогихъ фактахъ и въ характерѣ поступковъ, отношеній къ молодежи ея старыхъ руководителей заключается тайна обаянія прежней школы, скрывается ключъ къ раскрытію загадочнаго и важнаго школьнаго воспитательнаго секрета, завѣщаннаго намъ стариной.

На только-что высказанныя мысли навели насъ безхитростныя и въ другихъ отношеніяхъ малозначительныя воспоминанія о своей личной жизни одного умершаго недавно епископа. Это—записки преосвященнаго Гермогена, епископа Псковскаго, печатавшіяся въ журналѣ „Странникъ“ за прошлый годъ подъ заглавіемъ „Мое прошлое“. Благожелательнымъ, свѣтлымъ настроеніемъ проникнуты автобіографическія воспоминанія владыки о своихъ школьныхъ годахъ—за время обученія въ петербургскомъ духовномъ училищѣ, потомъ семинаріи, наконецъ, въ академіи. Нѣтъ въ нихъ и тѣни озлобленія противъ начальниковъ и учителей, недовольства укладомъ, порядками школьной жизни, нигдѣ не встрѣчается выраженія протеста, отвращенія къ тогдашней часто сухой строгой наукѣ и ея постановкѣ. Ясныя, мѣткія и безпристрастныя характеристики лицъ, стоявшихъ во главѣ школьнаго обученія и воспитанія даже еще въ училищѣ, не говоря о семинарскихъ и академическихъ, показываютъ, что авторъ и его товарищи хорошо и близко знали своихъ руководителей, и тѣ не прятались отъ нихъ, живя и дѣйствуя среди нихъ безъ лицемѣрія—такими, какими ихъ Господь создалъ. Несомнѣнно, знали, въ свою очередь, эти старые педагоги и учащіяся, посильно и честно исполняя свой долгъ, вникая въ жизнь и нужды каждаго. Не всѣ, конечно, были идеальные люди; такихъ не много приводитъ и авторъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Но были такіе. И съ какой теплотой говоритъ о нихъ авторъ, какъ любовно съ подробно-

стями останавливается онъ на ихъ характеристикахъ, приводя особенно трогательные факты изъ служебной дѣятельности и изъ отношеній къ учащемуся юношеству этихъ свѣтлыхъ личностей, любимыхъ и уважаемыхъ всей школой!..

Наряду съ этимъ обрисовывается въ „запискахъ“ и тогдашнее отношеніе учащихся къ своему прямому и главному дѣлу—наукѣ. И здѣсь—поразительная простота, непринужденность, естественность. Такъ и чувствуется, что всѣ эти ученики—семинаристы и въ мысляхъ не имѣли враждовать противъ занятій, критиковать и бойкотировать нелюбимый сухой предметъ; нѣтъ, всѣ занимались положеннымъ дѣломъ, по своимъ силамъ и дарованіямъ, безъ искусственнаго отвращенія и презрѣнія къ нему. Нигдѣ не встрѣтите вы у автора мелочного недовольства скудной матеріальной обстановкой, столомъ и прочее; нѣтъ жалобъ, а тѣмъ болѣе укоризнъ на строгость дисциплины, на стѣсненія свободы или на жестокость школьныхъ наказаній. При чтеніи „записокъ“ получается такимъ образомъ общая картина жизни учащихся, во всѣхъ главныхъ отношеніяхъ простая, нравственно здоровая, и нормальная, которой, поистинѣ, позавидовать должна современная школа. И что именно особенно цѣнно и дорого въ условіяхъ жизни описанной преосвященнымъ авторомъ школы и низшей, и средней, такъ это-то, что тогда и ученики, и семинаристы имѣли возможность жить и жили соотвѣтственно духовнымъ запросамъ и требованіямъ своего возраста.

Это не были придавленные, пришибленные духовно и нравственно подневольные узники-школьники, для которыхъ и свѣтъ не милъ, для озлобленныхъ сердець которыхъ все, какъ говорится, „очертенѣло“, начиная съ науки и кончая самыми стѣнами школы. Совсѣмъ напротивъ, со страницъ „записокъ“, въ лицѣ автора и его сверстниковъ, выступаютъ живыя, не искалѣченные, по-дѣтски и по-юношески жизнерадостныя, довольныя и здоровыя духовно существа, не скованныя на весь школьный періодъ однѣми учебно воспита-

тельными цѣлями и программами, а пользующіея всѣми свойственными возрасту ихъ радостями бытія. И слагается для нихъ такая здоровая нравственно, вполне удовлетворяющая запросамъ юныхъ душъ жизнь, благодаря тому простому обстоятельству, что они не отгорожены крѣпко-накрѣпко искусственными мѣрами отъ окружающей человѣческой жизни. Нѣтъ средостѣнья между учащими и учащимися, и тѣ, и другіе живутъ вмѣстѣ на виду другъ у друга, знаютъ другъ друга, какъ члены родной патріархальной семьи. Нужды нѣтъ, что часто въ этихъ взаимоотношеніяхъ со стороны начальниковъ и учителей встрѣчается излишняя строгость, взыскательность, обнаруживается начальственный духъ, дорого то, что и въ этихъ случаяхъ чувствуютъ юныя души въ отношеніяхъ къ себѣ простоту, благожелательность, сердечное участіе, а часто, и затаенную любовь. И чувствовали юныя души, что не одиноки, не отвержены они, а имъ только это и нужно, потому что нѣтъ въ эту пору ничего убійственнѣе душевнаго одиночества, на которое такъ часто осуждаетъ учащихся наша современная школа.

А какую полноту жизни, сколько свѣта, сколько согрѣвающего сердце тепла вносили тогда въ школьную атмосферу отдѣльныя лица изъ начальниковъ и наставниковъ, которые отличались особенно чуткимъ любящимъ сердцемъ, выдѣляющеюся благожелательностью и мудрой внимательностью къ ввѣреннымъ ихъ водительству юнымъ воспитанникамъ. Они замѣняли имъ въ школѣ родныхъ отцовъ и матерей, и при нихъ забывались всѣ школьныя тяготы; при нихъ нельзя было не учиться, не работать отъ чистаго сердца, изъ-за одной боязни доставить любимому начальнику или учителю огорченіе; при нихъ и ради нихъ не приходило на мысль роптать ни на скудость питанія, ни на бѣдность обстановки, одежды... Все это забывалось, казалось незначущимъ выносливой молодой натурѣ ради высшаго блага—духовнаго удовлетворенія отъ близости и отеческой ласки любимыхъ и любящихъ школьныхъ руководителей. И, какъ

говорилось уже, такими свѣтлыми личностями не оскудѣвала старая школа, все равно—духовная и свѣтская. Надо полагать, что вообще лучше и проще былъ тогда человѣкъ, меньше презиралъ другихъ и не любилъ замыкаться душой и сердцемъ въ самолюбивомъ одиночествѣ, чаще и охотнѣе отдавалъ себя беззавѣтно на служеніе взятому на себя дѣлу. Они-то, эти свѣтлые личности, своими дивными свойствами, своимъ воспитательнымъ даромъ красили больше всего старую убогую школу, заслоняя собой ея крупные недочеты и оставляя въ душахъ прошедшихъ чрезъ ихъ руки воспитанниковъ благодарную, теплую память на всю жизнь не о себѣ только, но и о самой школѣ, о времени, проведенномъ въ стѣнахъ ея.

На одномъ, изъ многихъ другихъ, подобномъ свѣтломъ образѣ начальника-воспитателя съ особенною любовью останавливается въ своихъ „запискахъ“ преосвященный Гермогенъ, это—на бывшемъ во время его обученія въ семинаріи ректорѣ ея, о. архимандритѣ Аѳанасіи, въ міру Андреѣ Григорьевичѣ Соколовѣ. И въ самомъ дѣлѣ, трудно удержаться, чтобы не привести здѣсь *implicite* свѣтлыхъ воспоминаній и отзывовъ автора объ этой поистинѣ дивной личности.

Это былъ человѣкъ глубоко благочестивый, нерѣдко плакавшій на богословскихъ урокахъ и во время священнослуженія, нищелюбивый, необычайно добраго сердца. Когда заходила у него рѣчь о страданіяхъ Спасителя либо о загробной жизни, онъ плакалъ до того, что на нѣсколько минутъ прекращалось его слово. Не выносилъ онъ насмѣшливаго, издѣвательскаго отношенія къ живой дѣтской душѣ и бралъ ученика подъ свою защиту. Такъ, на экзаменѣ одинъ ученикъ, по фамиліи Насиловъ, вызванный къ отвѣту, почти молчалъ. Наставникъ, думая пустить острое слово, обратился къ ректору съ улыбкою и сказалъ; „о. ректоръ! Насиловъ при всѣхъ усиліяхъ не въ силахъ отвѣчать“. Тутъ ректоръ вышелъ изъ задумчивости, громко и гнѣвно сказалъ ему: „а вы еще острите? Вамъ еще смѣшно? Не острить, не смѣяться

вамъ нужно; вамъ нужно вздыхать да плакать! Вѣдь это ваши ученики ничего не знаютъ"! Весной и лѣтомъ о. ректоръ вставалъ очень рано, обходилъ помѣщеніе учениковъ, будилъ ихъ и отправлялъ въ семинарскій садъ. Здѣсь, встрѣтивъ какого-нибудь ученика съ книжкой или тетрадкой, спрашивалъ его урокъ и, когда отвѣтъ былъ удовлетворительный, призывалъ къ себѣ дежурнаго старшаго, чтобы тотъ записалъ отвѣчавшаго въ списокъ; затѣмъ подбѣгали къ нему другія дѣти съ просьбою: „прослушайте меня, о. ректоръ“. Ректоръ съ улыбкою и полною любовію прослушивалъ, а дежурный, по его приказанію, вносилъ хорошо отвѣчавшихъ въ списокъ, и такіе получали изъ сбитенной на счетъ ректора по булкѣ. Нерѣдко вдавался простодушный, довѣрчивый ректоръ и въ обманъ. Такъ однажды въ весеннюю пору ученики богословскаго класса въ своемъ помѣщеніи вздумали послѣ всенощной въ субботу пропѣть какую то пѣсню. Въ это время въ саду прогуливался ректоръ. Услышавъ пѣніе, онъ является нечаянно въ классъ и спрашиваетъ: „что вы поете?“ Богословы, прервавъ пѣніе, показываютъ ему ноты и говорятъ: „поемъ: „кто тебѣ не ублажить“. Ректоръ посмотрѣлъ на ноты, улыбнулся, и, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, сказалъ: „Экое, Господи, искушеніе! А мнѣ слышалось, что вы поете какую то русскую пѣсню. Ну продолжайте. Я ошибся; меня слухъ обманулъ“...

Умѣлъ о. ректоръ безъ вреда для своихъ питомцевъ исправлять ихъ своеволіе, иногда прибѣгая къ своеобразнымъ пріемамъ. Однажды самъ авторъ „записокъ“ безъ спроса за уроками отправился по нуждѣ въ городъ и, какъ на грѣхъ, повстрѣчался съ ректоромъ. „Смотрю, рассказываетъ онъ: на пролеткѣ ректоръ съ архимандритомъ Стефаномъ. Ректоръ грозно сказалъ мнѣ: „что тутъ шатаешься!.. Иди въ семинарію“. Съ глубокою скорбію я возвратился въ семинарію и пошелъ въ классъ... Ректоръ призываетъ меня къ себѣ на квартиру. Прихожу, и онъ спокойно обратился ко мнѣ со словами: „я призвалъ тебя вотъ зачѣмъ: ѣхалъ я около

Обводнаго канала съ о. Стефаномъ и вижу еще издали: какой то семинаристъ—негодяй бѣжитъ куда-то во время класснаго урока, какъ преступникъ, вырвавшійся изъ темницы, но, замѣтивъ насъ, вдругъ повернулъ и пошелъ медленнымъ шагомъ, какъ бы больной. Не знаешь ли, кто этотъ обманщикъ, негодяй?“ Я съ земнымъ поклономъ отвѣчалъ: „простите меня, Ваше высокопреподобіе! Мнѣ надобность была отправить на родину письмо черезъ знакомаго, который остановился въ Ямской, а беспокоить начальство объ увольненіи меня отъ класса по этой надобности не смѣлъ и потому рѣшился самовольно отправиться туда“. „Такъ это ты, прервалъ меня ректоръ, шатаешься во время класса? А я еще наканунѣ съ такою похвалою отозвался о тебѣ о. Стефану!.. такъ то ты оправдалъ мою рекомендацію? Рекомендованный мною оказался негодяемъ, бродягой! Ну, не ожидалъ я отъ тебя этого!.. Пошелъ прочь“!.. Я со слезами поклонился и ушелъ. Но ректоръ добръ былъ для меня, какъ отецъ родной, какъ ангелъ: дня черезъ два онъ опять прислалъ мнѣ и яблоковъ, и апельсинѡвъ, какъ бы въ знакъ того, что онъ не помнитъ зла,—и прежнія милости его ко мнѣ продолжались.

Въ другой разъ автору уже предъ окончаніемъ курса пришла фантазія пріобрѣсти фракъ и шляпу, а франтовство ректоръ не любилъ. И вотъ увидавъ его въ такомъ нарядѣ, опять призвалъ къ себѣ для внушенія. „А почему ты пришелъ сюда не во фракѣ? спросилъ онъ и продолжалъ: что же ты молчишь? Я не перестану спрашивать тебя объ этомъ, пока ты не дашь мнѣ отвѣта, и отвѣта основательнаго“.—Я отвѣтилъ: „не явился сюда во фракѣ потому, что не было мнѣ нужды въ немъ являться сюда“— „Куда-жъ тебѣ было нужно являться въ такомъ безобразіи, сказалъ ректоръ: въ соборъ или на Невскій? Ну, братъ Константинъ, этимъ безобразіемъ ты мнѣ всадилъ въ сердце такую занозу, которую, пожалуй, не вытащишь и до каникулъ. Вѣдь, кто къ тебѣ равнодушенъ, тотъ, увидя тебя, семинариста, въ такомъ

безобразіи,—только посмѣется и больше ничего. Но кто любить тебя, какъ отецъ сына, у того сердце обольется кровью при видѣ тебя въ такой срамной и совсѣмъ неприличной для воспитанника одеждѣ... Вѣдь, что такое семинаристъ во фракѣ? Это—карликъ на ходуляхъ. Мелюзга,—а во фракѣ... Нѣтъ, фракъ не по кости, не по плечу семинаристу... Семинаристъ во фракѣ—уродъ, жалкое и смѣшное существо... Я не понимаю, какъ это съ тобою могло случиться, какъ ты объ этомъ хорошенько не подумалъ, не сообразилъ... Да, я жалѣю тебя, я скорблю о тебѣ... Ступай“. „Но черезъ нѣсколько дней милостивый отецъ мой опять преложилъ гнѣвъ свой на милость“.

А вотъ примѣръ, какъ о. ректоръ близко, къ сердцу, принималъ нужды семинаристовъ и какъ трогательно жалѣлъ бѣдняковъ. У насъ былъ товарищъ Василій Цвиневъ, на казенномъ содержаніи, дѣйствительно бѣдный ученикъ, и ректору казалось, что бѣднѣе нашего Цвинева въ цѣломъ свѣтѣ никого нѣтъ.—Какъ то въ посту мы купили пареный качанъ капусты, вырѣзали кочерыжку, налили въ отверстіе постнаго масла и, сѣвъ вокругъ стола, отрывали по листику, обмакивали въ масло и соль и ѣли съ хлѣбомъ. Насъ было человѣкъ пять; въ томъ числѣ былъ и Цвиневъ. Нежданно явился къ намъ ректоръ и спросилъ насъ: „что вы тутъ дѣлаете?“ и, получивъ отвѣтъ, снова спросилъ: „вѣдь вы тутъ все бѣдняки: небось въ складчину купили качанъ?“— „Въ складчину“...— „А Цвиневу позволяете раздѣлять съ вами эту постную трапезу“?. Цвиневъ отвѣтилъ: „позволяютъ“. Ректоръ сказалъ: „да вѣдь ты, бѣдняга, не могъ имѣть никакого участія въ складчинѣ! Вѣдь у тебя не было и нѣтъ и гроша за душой“?.. Затѣмъ прослезился и сказалъ: „Вотъ въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ сказано, что у первенствующихъ христіанъ было одно сердце и одна душа, и никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее... Слава Тебѣ Господи! (тутъ онъ перекрестился) и въ нашей семинаріи—своего рода христіанская

община, въ которой любовь бѣдняковъ дѣлится съ бѣднѣйшими своими крохами. Спасибо вамъ за братскую любовь. Кушайте на доброе здоровье... Прощайте“...

Не правда ли, дорогой читатель, какой свѣтлой личностью является этотъ дивный о. Ректоръ и не кажутся ли по теперешнимъ временамъ чудныя свойства его души, его религіозность, его любовно-отеческія, милыя по простотѣ отношенія къ семинаристамъ просто таки волшебною сказкою. Боже мой, да развѣ не достаточно было одного такого чело-вѣка, чтобы скрасить всю семинарскую жизнь, чтобы заставить учениковъ полюбить, ради его, и свою науку, и самую семинарію, забывая все прочее? Вотъ въ такихъ то личностяхъ и сокрытъ таинственный секретъ старой школы, сила ея воспитательнаго вліянія и тайна благодарнаго отношенія къ ней бывшихъ учениковъ. А вѣдь, подобные личности не были исключеніемъ и въ духовныхъ, и свѣтскихъ школахъ, внося въ нихъ и свѣтъ, и тепло, и здоровую жизнь, въ чемъ нуждаются больше всего юныя души.

Итакъ, послѣ всѣхъ высказанныхъ выше соображеній и уясненія тайны неоспоримаго жизненнаго вліянія, силы и нравственнаго обаянія старой школы можемъ ли мы ожидать съ полной увѣренностью дѣйствительнаго возрожденія нашихъ современныхъ высшихъ и среднихъ школъ отъ одной только реставраціи въ нихъ отжившихъ формъ и порядковъ включительно до возвращенія къ прежнему объему и курсу преподаваемыхъ въ школѣ научныхъ предметовъ? Если, какъ мы видѣли, положительная, жизненно-плодотворная сторона нашей школы заключалась не въ ея своеобразномъ строѣ или въ постановкѣ учебной части, получившихъ своевременно заслуженную отрицательную оцѣнку, а зависѣла главнымъ образомъ отъ особеннаго характера и личныхъ свойствъ руководителей и приставниковъ школьнаго дѣла, то возлагать свѣтлыя упованія на одно лишь возстановленіе отжившаго строя и на ограниченіе научно образовательной сферы прежними рамками едва ли было бы основательно. Не нужно

быть индивидуалистомъ и отрицателемъ значенія тѣхъ или другихъ формъ въ учебно воспитательномъ дѣлѣ, чтобы признать за несомнѣнную истину, что здѣсь, въ цѣляхъ дѣйствительнаго обновленія у насъ школьнаго дѣла, всѣ усилія должны быть направлены на водвореніе въ школьномъ царствѣ единственно созидательнаго „духа живаго“, при которомъ не страшны будутъ и новыя формы и не для чего будетъ возвращаться къ отжившей и погребенной старинѣ. И этотъ „духъ живой“ долженъ прежде всего вселиться и вдохновлять любовь, сердечностью, простотою и искренностью ближайшихъ руководителей и приставниковъ школьнаго дѣла, какъ почасту жилъ онъ въ руководителяхъ нашей старой суровой школы. Будемъ надѣяться, что такъ и будетъ, что къ этому, главнымъ образомъ, сведется предстоящее у насъ преобразование духовно-учебнаго дѣла...

Священникъ *Аванасій Веселукій.*

Универсальный журналъ.

Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, всяческими способами, подъ всякими видами, то крикливыми плакатами, то разрисованными (съ обложки) брошюрками, въ самыхъ вкрадчивыхъ и многообѣщающихъ выраженіяхъ, неустанно и назойливо рекламируетъ себя въ средѣ русской публики, особенно среди молодежи, одинъ столичный многосоставный, якобы солидный и дѣльный журналъ, афиширующійся подѣ заманчивымъ названіемъ—„*Вѣстникъ Знанія*“.

Благодаря его назойливой рекламѣ, агентурѣ, разсылкѣ и раздачѣ всѣмъ и каждому своихъ оповѣстительныхъ брошюрокъ, этотъ псевдо-доброжелательный журнальчикъ получаетъ все большую и большую извѣстность и пользуется даже нѣкоторымъ успѣхомъ, особенно среди учащейся молодежи.

Ознакомимся поближе съ этимъ журнальчикомъ, прежде всего изъ его же собственной саморекламы.

Въ брошюркѣ „Краткія свѣдѣнія о Вѣстникѣ Знанія“, раздаваемой всѣмъ покупателямъ и посѣтителямъ книжнаго магазина этого издательства, на первой страницѣ помѣщено обращеніе: къ интеллигенціи, людямъ идейнымъ и ищущимъ знанія. Вся суть этого обращенія выражена въ самомъ эпиграфѣ статьи: „Всѣхъ, сочувствующихъ идеямъ и стремленіямъ „Вѣстника Знанія“, просимъ распространять о немъ свѣдѣнія“. Такой приѣмъ рекламированія, наиболѣе свойственный извѣстной породѣ людей, самъ собою наводитъ на предположеніе о вѣроятномъ составѣ редакціи этого журнала, его специфическихъ задачахъ и цѣляхъ. Содержаніе обращенія подтверждаетъ это предположеніе.

Въ цѣляхъ сразу снискать къ себѣ довѣріе, „Вѣстникъ Знанія“ начинаетъ съ тонкихъ оговорокъ по адресу другихъ изданій, съ которыми онъ не хотѣлъ бы быть смѣшаннымъ, „такъ какъ систематическій обманъ подписчиковъ вошелъ въ жизненную практику въ широкихъ размѣрахъ“. „Вѣстникъ Знанія“, видите ли, „вступая въ седьмой годъ изданія, уже не нуждается въ рекомендаціи“—гласитъ обращеніе, и тѣмъ не менѣе само же рекомендуетъ свой журналъ самымъ усиленнымъ образомъ, на цѣлыхъ 64 страницахъ брошюрки.

Рекомендація начинается въ наиболѣе изысканныхъ и по виду весьма благожелательныхъ выраженіяхъ, между которыми однако часто просвѣчиваетъ истинный духъ рекомендующаго. „Прежде всего нужны люди, вооруженные знаніемъ. Безъ нихъ народъ и, въ особенности, нашъ русскій... слабѣетъ“. Нужны учителя всѣмъ—отъ генерала до солдата (ведомага, по „Вѣстнику“, на убой). Народный учитель и священникъ—что они могутъ дать массѣ населенія?—„не хлѣбъ, а камень“. Особенно, по „Вѣстнику“, „последній классъ интеллигенціи“ не чувствуетъ свое духовное убожество“. И вотъ взамѣнъ ихъ „протягиваетъ руку духовной помощи своему меньшему брату“ иная интеллигенція. Эта

„интеллигенція“ рѣшила основать для просвѣщенія массъ особый органъ „Вѣстникъ Знанія“, организовать систематическія чтенія, „учить другихъ“, устраивать въ Петербургѣ и въ провинціи бесплатныя чтенія, помѣщать (даже) пріѣзжихъ изъ провинціи на квартирахъ и заботиться о ихъ духовномъ насыщеніи; „устраивать собранія, выставки, музыкальные вечера, спектакли и пр., а также систематическіе курсы“. Вотъ какими благотворительными цѣлями задается редакція этого „новаго“ журнала. Не правда ли, какъ это все прекрасно и заманчиво! Редакція даже сама говоритъ: „кто возьметъ въ руки нашъ журналъ, пойметъ, что мы хотимъ давать безупречный матеріаль“. „Вѣстникъ Знанія“ въ настоящее время—единственный журналъ, который имѣетъ въ виду удовлетворить потребности интеллигенціи“. — „Въ журналѣ помѣщаются статьи русскихъ (ниже увидимъ, какихъ „русскихъ“) и иностранныхъ ученыхъ по всѣмъ областямъ знанія“.

Кромѣ обычныхъ отдѣловъ вводятся въ журналъ научно-богословскій и церковно-общественный, которые будутъ вестись „безпристрастно“ (?), помѣщая статьи „по разбору спорныхъ вопросовъ богословія и религіозно-философскія, и религіозно-историческія изслѣдованія“ (ниже приведемъ имена просвѣтителей по этимъ вопросамъ). Въ подотдѣлѣ „Спорные вопросы жизни и нравственности“ дебатировются (даже подписчиками) такіе вопросы, какъ о непротивленіи злу, атеизмѣ, о половомъ вопросѣ и его отношеніи къ нравственности, о духовенствѣ, о политической свободѣ, о женскомъ равноправіи, о самоубійствахъ и пр.

Особый отдѣлъ посвященъ интересамъ молодежи. Для нея вводится языкъ „эсперанто“, который „долженъ пріобрѣсти характеръ международный, объединяющій молодежь всѣхъ культурныхъ странъ“. Вообще русская молодежь берется редакціей „Вѣс. Зн.“ подъ свое особое покровительство и руководство. Для нея выпускается особая „научная бібліотека“ изъ 17 отдѣловъ. Заглянемъ въ нихъ мимохо-

домъ, какую духовную пищу намѣрены преподнести нашему юношеству гг. самонавязывающіеся руководители.

Отдѣлъ исторіи будетъ иллюстрированъ шестнадцатью рисунками, за весь періодъ отъ древне-египетской исторіи до 18 столѣтія. И вотъ каковы иллюстраціи: 1) Рамзесъ II въ сраженіи съ хитами... 6) Арестъ Людовика XVI. 8) Казнь Людовика XVI. 11) Гидра аристократіи, поражаемая народомъ послѣ взятія Бастиліи. 12) Изображеніе руки, подписывающей приговоръ Людовика XVI на смерть. 13) Арестъ Людовика XVI и Маріи Антуанеты въ Вареннѣ. 14) Людовикъ XVI (портретъ). 15) Графъ Мирабо. — Этотъ подборъ картинъ ясно говоритъ о намѣреніяхъ редакціи при помощи иллюстраціи запечатлѣть въ молодыхъ умахъ возможно сильнѣе и возможно большее количество моментовъ революціи.

Отдѣлъ обществовѣдѣнія даетъ характеристики выдающихся политическихъ мыслителей наканунѣ революціи: Пьеръ Бейль, аббатъ де сень-Пьеръ, Дидро, Вольтеръ, Гильвецкій, Руссо и др. Даются понятія о сущности и задачахъ соціальной политики, о ея необходимости и возможности. Приводятся рѣчи парижскаго парламента по вопросамъ свободы совѣсти, слова, печати, собраній и пр. Читатели должны, заявляетъ издательство, оцѣнить громадное значеніе настоящихъ сочиненій, могущихъ служить руководствомъ для развитія политическаго мышленія. (Конечно—въ сторону революціонированія русскаго общества по французскимъ образцамъ).

Отдѣлъ этическій касается принциповъ христіанской морали. вмѣстѣ съ „исторіей религій“ для этого отдѣла „параллельно печатается сочиненіе проф. Фореля „половой вопросъ“, дающее *всестороннее* разсмотрѣніе этого необыкновенно важнаго (для юношества) вопроса существованія“, въ сопровожденіи, конечно, соотвѣтствующихъ иллюстрацій для вящаго разжиганія половыхъ эротическихъ представленій.

„Таковъ въ общихъ чертахъ планъ издательства „Вѣстника Знанія“, имѣющій въ виду охватить всѣ слои общества въ ихъ стремленіи къ знанію, давая массу *доброкачественнаго* матеріала за дешевую цѣну“. Такъ говоритъ о себѣ „Издательство“, взявшееся руководить и направлять развитіе русскаго общества.

Посмотримъ теперь, кто же наши руководители изъ „русскихъ“ и „иностранныхъ“ ученыхъ, рекомендуемыхъ издательствомъ.

За „доброкачественность“ матеріала „Вѣстника Знанія“ говорятъ имена его сотрудниковъ: Бальмонтъ, Берлинъ, Бернштейнъ, Битнеръ, Вейнбергъ, Вигдорчикъ, Генкель, Канель, Клейнбортъ, Шейнисъ и мн. др. (см. объявленіе).

Въ „Научной Библиотекѣ“, по рабочему вопросу, фигурируютъ слѣдующія имена: Энгельсъ, Марксъ, Штирнеръ, Шустеръ, Вейтлингъ. Этими „учеными“ излагается исторія коммунистическихъ идей, социалистическія программы, рабочія стачки въ Англіи, Америкѣ, Франціи, Испаніи, Италиі и друг. странахъ Европы и въ Россіи.—Въ обзорѣ дѣятельности нашей 1 Гос. Думы выдвигаются рѣчи Аладына, Анкина, Жилкина, М. Ковалевскаго, Родичева и др. Въ „*Книжкѣ мыслей*“ обращается особое вниманіе на Маркса, на анархистовъ Бакунина, Штирнера, Крапоткина „Интернаціональ“ излагаетъ политику социализма. Изъ произведеній западно-европейскихъ ученыхъ, помимо неизбежнаго Дарвина, редакція преподнесетъ русскимъ читателямъ произведенія такихъ „великихъ свѣтилъ“, какъ: д-ръ Раммеръ, д-ръ Густавсонъ, проф. Шейнисъ, А. Бебель (вожакъ германскихъ социалистовъ—еврей), проф. Менгеръ, проф. Балбанъ, д-ръ Каррингъ, проф. Флейдереръ и т. д.—все почти д-ра и профессора (?).

Кромѣ просвѣщенія русской публики путемъ распространенія своего „всесторонняго“ журнала „Вѣстника Знанія“, это благодѣтельное „Издательство“ предлагаетъ еще

приобрѣтать изъ его складовъ съ тою же цѣлью—озаренія темныхъ русскихъ умовъ—книги и брошюры такихъ знаменитыхъ писателей, какъ: Абрамовичъ, Адлеръ, Азефъ, Акуратеръ, Барзихъ Бернштейнъ, Битнеръ, Блохъ, Блюменталь, Брашъ, Бреннеръ, Винклеръ, Вейнштокъ, Гюнтеръ, Заксъ, Зейлеръ, Зиммель, Иерусалемъ, Майеръ, Фрувидъ, Циглеръ, Шмейль, Шустеръ, Экштейнъ, Эмерсонъ и множ. др. „штейновъ“ и „соновъ“ изъ извѣстнаго „прогрессивнаго“ и „избраннаго“ племени. Вотъ какіе „русскіе“ и „иностранные“ ученые представляютъ собою тотъ живоносный источникъ „безпристрастной“ мысли, изъ котораго г.г. издатели пресловутаго журнала почерпаютъ и преподносятъ духовную пищу для своихъ русскихъ читателей.

Всѣ эти господа руководители, сотрудники и „ученые“, неимѣющіе ничего общаго съ христіанствомъ, берутся однако рѣшать вопросы христіанской вѣры и нравственности, вопросы Православной Церкви и духовенства, хотятъ яко бы просвѣщать темныя народныя массы, вливая въ нихъ капля по каплѣ свои предвзятые атеистическія, социалистическія и анархическія идеи; они накладываютъ свою руку на первоначальный рычагъ общественнаго пересозданія—на воспитаніе христіанскихъ дѣтей по новой хитро-масонской программѣ деморализаціи общества, привитія ему безвѣрія и космополитическаго безразличія, ведущихъ за собою внутренній распадъ, разложеніе общества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и гибель политическаго могущества цѣлаго государства. Таковою представляется скрытая и отдаленная цѣль, несомнѣнно, хорошо организованной группы дѣятелей разсматриваемаго нами „благодѣтельнаго издательства“ и всѣхъ его сподвижниковъ по составленію, обработкѣ и подтасовкѣ свѣдѣній псевдопросвѣтительнаго журнала „Вѣстникъ Знанія“. Этотъ журналъ является не вѣстникомъ универсальныхъ, чистыхъ и полезныхъ знаній, могущихъ влить новыя живительныя силы въ страну, а скорѣе глашатаемъ и разносителемъ револю-

ціонныхъ, антиобщественныхъ и антирелигіозныхъ идей, безусловно вредныхъ для нашей умственной, моральной и общественно-политической жизни.

Несомнѣнно, что этотъ журналъ можетъ имѣть нѣкоторый успѣхъ въ средѣ русской учащейся молодежи тѣхъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, гдѣ есть хотя сколько-нибудь евреевъ. Этимъ послѣднимъ хорошо извѣстно, кѣмъ издается „Вѣстникъ Знанія“, кто въ немъ работаетъ и какія онъ преслѣдуетъ цѣли. Поэтому еврейчики при всякомъ удобномъ случаѣ постараются, какъ бы мимоходомъ, въ разговорѣ съ русскими коллегами расхваливать этотъ „вѣстникъ“ и рекомендовать его, якобы очень дѣльный. Русская довѣрчивая и наивная простота, конечно, приметъ эту похвалу за чистую монету и будетъ повторять ее съ чужихъ словъ предъ своими товарищами, тѣ дальше разносятъ, ничего не подозрѣвая, еврейскій же отзывъ о еврейскомъ органѣ по своимъ семьямъ. И вотъ вамъ живая реклама готова, а съ нею—успѣхъ этого „универсальнаго“ журнала, имѣющаго цѣлью готовить умы и разрыхлять соціальную почву для прочнаго внѣдренія въ ней сѣмянъ будущей русской революціи, создать которую всѣми силами стараются „дѣльцы“, подобные упомянутымъ выше „русскимъ“ и заграничнымъ „ученымъ“.

Для парализованія вреда этого журнала необходима широкая огласка, особенно въ средѣ молодежи, о томъ, кто именно чрезъ этотъ журналъ хочетъ быть менторомъ и руководителемъ русскихъ умовъ, внося въ нихъ подъ прикрытіемъ науки, въ перемѣшку съ чистыми знаніями, ту тлетворную еврейско-масонскую, антисоціально-моральную подмѣсь, которая, подобно скрытому въ яствахъ медленно дѣйствующему яду, ведетъ также къ медленному, но вѣрному разложенію общества и государства. Эта цѣль пресловутаго „Издательства“ и всей „русской“ и „иностранной“ компаніи соратниковъ „Вѣстника Знанія“ ясна, какъ Божій день.

Въ общемъ надо сказать, что „Вѣстникъ Знанія“ не столько универсальный журналъ, по его собственной рекомендаціи, якобы полезный русскому обществу, сколько универсальная паутина масоно-еврейства, растянутая надъ доврчивыми православными христіанами въ нашемъ отечествѣ.

С. Россовъ.

„Руководству для сельскихъ пастырей“¹⁾

Какъ рѣдко людское устойчиво дѣло...

Вотъ пало зерно и возшло и созрѣло,

И только ему бы плоды приносить,

Но жребій ужъ выпалъ—его подкосить!

И люди-герои, готовые къ бою,

При самомъ началѣ берутся судьбою...

Да, рѣдко въ миражѣ измѣнчивыхъ дѣлъ

Себѣ постоянство находятъ удѣлъ.

Особенно добрыхъ, святыхъ начинаній,

Средь грубыхъ насилій, борьбы и страданій,

Бываютъ дни жизни у насъ коротки:

Они погибаютъ, какъ въ холодъ цвѣтки.

Зато нѣтъ отраднѣй для насъ и дороже,

Когда Твоей волей небесною, Боже,

Великое дѣло въ борьбѣ устоитъ,

И долго, не меркнувъ, свѣтильникъ горитъ;

Когда передъ нами работа святая

Идетъ неустанно, нашъ духъ возвышая...

Тогда мы, въ отрадномъ порывѣ сердець,

Слагаемъ хвалы и сплетаемъ вѣнецъ

¹⁾ Привѣтъ журналу отъ одного изъ усерднѣйшихъ пастырей—сотрудниковъ его.

Во славу святого великаго дѣла
 И тѣхъ, что трудились въ немъ долго и смѣло.
 И празднуемъ радостно мы юбилей
 Полезныхъ дѣяній и честныхъ людей...
 И нынѣ ждетъ пастырей праздникъ подобный,
 Для міра незримый, смиренный и скромный:
 Его совершаетъ нашъ добрый „Журналъ“,
 Полвѣка хранящій святой идеаль
 Служенія Богу и Церкви Христовой,
 Всѣхъ насъ ободря въ работѣ суровой.
 Не мало за долгій онъ вѣкъ выносилъ
 И горя и нужды, растрчивалъ силъ;
 И сколько по весямъ Россіи далекимъ
 Работникамъ скромнымъ, въ трудѣ одинокимъ,
 Отрады душевной порой онъ давалъ,—
 На подвигъ суровый слабѣющихъ звалъ!
 Да, дѣло немалое—цѣлыхъ полвѣка
 Взрощать неустанно въ душѣ человѣка
 Небесные всходы святаго зерна:
 Тутъ Божія помощь и сила видна!
 Ему, благодарные, будемъ молиться,
 Да жизнь „Руководства“ и крѣпнетъ и длится
 На множество новыхъ и новыхъ годовъ,
 И дастъ изобиліе духовныхъ плодовъ;
 Пусть пастырей Церкви зоветъ къ единенію,
 Пусть силамъ несетъ и душѣ обновленіе
 Нашъ славный журналъ „Руководство“ всегда,
 Пусть многіе онъ процвѣтаетъ года!

Пастырь-читатель.

ЗАМѢТКА.

Сухой колодезь.

Отсутствіе при приходской церкви сухого колодца—явленіе чуть ли не повсемѣстное. По крайней мѣрѣ ни при одной приходской церкви не видно у насъ благовиднаго мѣста, куда выливалась бы изъ купели вода, оставшаяся послѣ крещенія. Въ Номоканонѣ, правда, говорится, что, по совершеніи таинства св. Крещенія, вода изъ купели должна быть вылита подѣ церковь, или въ рѣку, или вообще въ особое мѣсто, которое не попирается человѣческими ногами. Но выливать воду подѣ церковь не приходится уже потому, что въ церкви будетъ держаться сырость,—рѣка близъ церкви опять таки не всегда бываетъ, а потому у насъ относительно этого издавна ведется такой порядокъ: въ церковной оградѣ для купельной воды избираютъ мѣстечко, которое рѣшительно ничѣмъ не выдѣляется отъ остальной площади ограды, развѣ въ зимнюю пору выдѣлится то мѣсто ледяной холмикъ, образовавшійся изъ выливаемой послѣ крещенія воды. Въ Греціи, откуда мы приняли и св. православную вѣру, и христіанскіе обычаи, было общимъ правиломъ *устраивать* при церквахъ благовидныя мѣста для выливанія воды, оставшейся въ купели послѣ крещенія. На это указываетъ и св. Сумеонъ Солунскій въ своемъ діалогѣ о церковныхъ свян еннодѣствіяхъ: „Божественную воду крещенія, въ которой омытъ грѣхъ, явился Христосъ, воздѣйствовалъ Духъ Святый, и возродился человекъ, сохраняй“, говоритъ онъ, „и выливай въ мѣстѣ священномъ, чтобы она, вылитая куда поцало, не была испрана людьми... Эта вода ничѣмъ не должна быть унижаема предѣ водою св. Богоявленій“. Понятно, религіозное чувство христіанина не можетъ мириться съ существующимъ у насъ обычаемъ: выливать воду изъ купели послѣ крещенія на извѣстное мѣстечко въ оградѣ, ибо, съ наступленіемъ теплыхъ дней весны, холмикъ, образовавшійся въ зимнее время отъ

крещальной воды, начнет таять, соединивъ струйки свои со снѣговою водою, которая течетъ по всякимъ мѣстамъ. Большой Московскій Соборъ 1666—1667 г.г. постановилъ: „Воду послѣ крещенія лили-бы въ чистое мѣсто, чтобы вода освященная не была попираема отъ челоуѣковъ; а гдѣ будетъ тоя воды на полъ въ церкви, или гдѣ индѣ, ненарочно изліется, и то мѣсто велѣти пономарямъ, собравъ св. воду губою, или инымъ чѣмъ, мыти же простою водою начисто“. Отсюда видно, что вышеописанный нашъ обычный порядокъ или, вѣрнѣе сказать, беспорядокъ долженъ быть немедленно устраненъ. Слѣдуетъ при каждой приходской церкви устроить, такъ называемый, „сухой колодезь“, который и будетъ служить св. мѣстомъ для излитія изъ купели воды, остающейся послѣ крещенія. Чтобы наружный видъ сухого колодезя свидѣтельствовалъ о святости мѣста, этотъ колодезь слѣдуетъ увѣнчать крестомъ, какъ это принято устраивать надъ святыми колодцами. Хорошо было бы надъ углубленіемъ сухого колодца помѣстить икону Крещенія Господня. Затрата на устройство такого колодезя потребуетъ пустячная, а, между тѣмъ, сухой колодезь своею благовидностію и пригодностію удовлетворитъ религіозному спросу христіанина. (Смол. Еп. Вѣд.).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Отъ Кіевского Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Кіевъ, 12 іюля 1909 года.

Цензоръ проф. Академіи, священникъ *Александръ Глаголевъ.*

Кіевъ Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

Л.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

№№ 31—32.

1909-го года 2—9 августа.

Содержаніе: I. Общественная потребность въ богословскомъ образованіи.
Кир. Тихомировъ. — II. Къ законоучительскому съѣзду. Свящ. А.
В—ій. — III. Современный политическій идеаль и церковная зада-
ча. Свящ. В. Бажаповъ.

Общественная потребность въ богословскомъ образованіи.

Кто обратитъ грѣшника, заблуждающаго
отъ пути истины, тотъ спасетъ душу отъ
смерти и покроетъ множество грѣховъ (Лук.
5, 19—20).

Отличительная черта нашего времени — возрастающее невѣріе, недовольство настоящимъ и напряженное ожиданіе лучшаго въ будущемъ. И дѣйствительно, нѣкоторымъ есть отъ чего прійти въ смущеніе и уныніе — тѣмъ, которые, забывъ Бога, Евангеліе, всѣ уюванія свои въ устроеніи жизни

возложили на самихъ себя, на свой разумъ и силу, а въ нынѣшнее время — въ особенности — на точную науку. Съ возрастаніемъ прикладныхъ знаній замѣтно растеть убыль одинаго на потребу — знанія религіозной истины, знанія о Богѣ, о себѣ, о смыслѣ жизни. Одни ищутъ спасенія въ отреченіи отъ европейской цивилизаціи и „опрощеніи“ и возвращеніи къ простотѣ природы (Л. Толстой и его послѣдователи); другіе—въ принудительной организаціи жизни на началахъ равенства и братства, силою вышнихъ учрежденій, законовъ или хотя бы даже силою оружія (соціализмъ разныхъ оттѣнковъ); третьи хотятъ спасти міръ улучшеніемъ человѣческой породы, созданіемъ „сверхчеловѣка“ путемъ безпрепятственнаго дѣйствія дарвиновскаго начала бѣрбы за существованіе, безъ вліянія на нее этического начала (Фр. Ницше и ницшеанство); четвертые ждуть спасенія отъ науки и просвѣщенія; — возлагаютъ всѣ упованія свои на „эволюцію“, „прогрессъ“, „цивилизацию“ и эти и подобныя абстракціи своего ума „почитаютъ за боговъ, правящихъ міромъ“ (Прем. Соломона 13, 2). Безчисленны проэктъ спасенія міра, нѣтъ конца рѣчамъ о путяхъ къ лучшему будущему царству правды и добра,—царствію Божію на землѣ. Но все меньше и меньше наблюдается вѣры и въ проэктъ, и въ хорошія слова среди утомленнаго обманомъ жизни современнаго общества, и широкою волною разливається уныніе и безнадежность пессимизма. Куда бы ни обратились мы, почти всюду слышатся жалобы на свое положеніе, почти всюду выражается недовольство собою и окружающимъ и недовѣріе къ себѣ и другимъ, причемъ въ особенности знаменательно то, что жалобы часто раздаются даже со стороны такихъ лицъ, которыя, повидимому, менѣе всего имѣютъ основаній для этого. Рядомъ съ этимъ мы встрѣчаемъ, какъ прямое слѣдствіе отсутствія вѣры въ лучшее и высшее будущее, и противоположнаго рода явленія, именно стремленіе пользоваться всякимъ благопріятнымъ случаемъ для наслажденія благами этой жизни, не обращая

вниманія на законы божескіе и человѣческіе и, въ частности, на тѣ, которыми ограждается право собственности.

Мы глубоко убѣждены, что всѣ эти порывы нашего общества въ разныя стороны, всѣ эти исканія „царства Божія“ на землѣ и безнадежность найти его, происходятъ отъ того главнымъ образомъ, что многіе мало—или совсѣмъ—не знаютъ живого источника евангельскаго ученія во всей его полнотѣ и цѣлости; мало изучаютъ богословскія науки, исторію христіанства, а потому не могутъ проникнуться живостию и благотворностию евангельской правды и истины, безъ которыхъ въ душѣ человѣка можетъ царить лишь одна холодная пустота, уныніе и отчаяніе. И дѣйствительно, о самомъ Евангеліи-то, о которомъ ведется рѣчь какъ о чемъ то общеизвѣстномъ, мы не имѣемъ яснаго, опредѣленнаго понятія: въ церкви мы его мало слышимъ, въ проповѣдяхъ священническихъ—также, не читаемъ его и на дому. Да, если дать искренній—по совѣсти—отвѣтъ, то очень мало найдется членовъ нашего общества, которые занимались богословскою наукою, знакомились съ церковною исторіей путемъ непосредственнаго чтенія и изученія. Въ томъ наша и бѣда, что религіозной истинѣ мы научаемся кое-какъ—только въ школѣ и изъ учебниковъ, да съ тѣмъ и остаемся на всю жизнь...

Къ прискорбію, многимъ изъ членовъ нашего общества занятія богословскою наукою представляются бесполезною тратою времени; по ихъ мнѣнію, богословы „притворяются, что ищутъ религіозной истины, на самомъ же дѣлѣ подъ именемъ этой истины они предлагаютъ слушателямъ, читателямъ, обществу лишь старыя преданія—вѣрованія“. Такъ представляютъ дѣло. Но необходимо помнитъ, что время отъ времени даже у этихъ людей, отвергающихъ пользу богословской науки, гдѣ то въ глубинахъ души шевелятся тѣ запросы, тѣ инстинктивныя, часто почти бессознательныя богоисканія, которыхъ не можетъ миновать ни одно человѣческое существо, не потерявшее окончательно „образа Божія“. Часто именно эти богоисканія, смутно сознаваясь душой, въ ми-

нуты отчаянія вырываются наружу въ самыхъ уродливыхъ эксцессахъ животности; но это лишь потому, что подобные люди давно разучились или не хотятъ дойти до познанія Бога „въ дѣлахъ Его“ долгимъ и труднымъ искусомъ научнаго богословскаго познанія; имъ препятствуетъ прежде всего скудость и разорванность ихъ богословскихъ свѣдѣній. И вотъ, не имѣя яснаго и устойчиваго міровоззрѣнія, основаннаго на твердыхъ, опредѣленныхъ евангельскихъ началахъ, люди колеблются то въ ту, то въ другую сторону, вслѣдствіе чего достаточно иногда бываетъ незначительнаго повода, чтобы колебанія и разочарованія перешли въ крайнія формы, въ сознаніе безцѣльности жизни и въ рѣшеніе покончить всѣ счеты съ жизнью посредствомъ самоубійства или же въ стремленіе къ разрушенію всего существующаго строя.

Многіе не хотятъ или не могутъ понять, что въ обширной области человѣческихъ знаній предметъ каждой науки, кромѣ науки богословской, представляетъ собою интересъ болѣе или менѣе для спеціалиста, занимающагося ею, и можетъ не представлять никакого интереса для избравшихъ себѣ другую спеціальность. Предметъ же богословія—религіозная истина никогда не можетъ не представлять собою всеобщаго живого интереса, положительнаго или отрицательнаго, для каждаго образованнаго ума, какова бы ни была избранная имъ спеціальность. Это потому, что религіозная истина вообще *не есть только внѣшній предметъ* для любознательности ума, *но составляетъ живую, внутреннюю, неодолимую потребность всей природы человѣческой.* Оттого-то научное сознаніе, какъ общее, такъ и личное, никогда не можетъ никакъ не относиться, но непременно становится въ такое или иное отношеніе къ сознанію религіозному. Это отношеніе такъ постоянно, такъ тѣсно, что всякое даже единичное важное открытіе въ той или другой научной области непременно отражается на судьбѣ религіознаго сознанія. Оригинальный и талантливый московскій математикъ

Бугаевъ пришелъ въ своихъ математическихъ построеніяхъ къ необходимости существованія Бога. Извѣстный швейцарскій физикъ Пиктэ, въ работахъ надъ атомами, говоритъ о потенциалѣ, который онъ считаетъ проявленіемъ силы Божіей.—Чѣмъ глубже и шире идетъ наука, тѣмъ болѣе сближается она съ религіей. И только намѣренное игнорированіе религіозной истины приводитъ къ грубому звѣрному материализму. Если такъ, то съ развитіемъ научнаго сознанія, изъ какой бы спеціальной области оно ни черпало свое содержаніе, не должно оставлять сознаніе религіозное безъ соотвѣтственнаго развитія и безъ научнаго богословскаго руководства. И это тѣмъ болѣе необходимо въ наше время, когда при чрезвычайно быстромъ развитіи науки, при накопленіи массы открытій, при перестройкѣ почти во всѣхъ отрасляхъ знанія, при возникновеніи даже новыхъ наукъ, новыхъ вопросовъ прежнему времени,—религіозное сознаніе, усложняясь всею суммой новыхъ вопросовъ, новыхъ возрѣній, измѣнившихся понятій, безъ научнаго богословскаго руководства часто получаетъ ложное направленіе,—почти неизбежно запутывается.

Такимъ образомъ, отношеніе научнаго сознанія къ религіозной истинѣ измѣняется по мѣрѣ накопленія человѣческихъ знаній и порождаемыхъ ими новыхъ научныхъ истинъ. Этимъ послѣднимъ положеніемъ объясняется и антихристіанское и даже антирелигіозное направленіе современной науки и литературы въ Европѣ. Можетъ быть, направленіе это не получило бы той силы, какую за нимъ признаютъ теперь, если бы богословскія науки развивались и распространялись въ обществѣ съ той же энергіей и талантомъ, съ какими возрастали и распространялись наука и литература. Но, необходимо признаться, что богословскія знанія значительно отстали отъ общаго движенія, и только сравнительно въ недавнее время возникла особая наука—апологетика для противодѣйствія антихристіанскому и антирелигіозному направленію; между тѣмъ позднѣйшее отрицаніе христіанской док-

трины сами же богословы считают начавшимся съ Декарта, слѣдовательно, бездѣйствіе богословской науки было слишкомъ продолжительно, и отрицательныя ученія, не встрѣчая никакой оппозиціи, быстро развились и проникли въ общество и литературу. Европейское общество, для котораго наука составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ элементовъ содержанія его жизни и интересовъ, естественно, не могло не измѣнить своего отношенія къ религіозной истинѣ подъ вліяніемъ напора новыхъ мыслей, порожденныхъ научными открытіями и вошедшихъ во вседневную литературу вмѣстѣ съ популяризированной наукой. Отраженіе этого движенія признано и въ нашемъ обществѣ, но наше общество и наша литература приняли только самое легкое изъ кроваваго труда европейскаго ума, т. е., одни только выводы и обобщенія, не зная ихъ источниковъ. Современный раціонализмъ принять у насъ на вѣру, благодаря журнальнымъ статейкамъ безъ начала и конца съ одними лишь намеками. На подобныя произведенія, конечно, не могло быть и возраженій, потому что въ сущности не на что было и возражать. Наша духовная литература не могла ничего дѣлать въ пользу религіознаго сознанія общества и въ особенности молодого поколѣнія; только въ самое послѣднее время въ духовныхъ журналахъ начали появляться статьи, объясняющія и опровергающія самыя начала, изъ которыхъ возникли различныя антихристіанскія и антирелигіозныя ученія. Но тутъ приходится нашимъ богословамъ бороться съ такими умами, какъ Марксъ, Ницше, Соловьевъ, Толстой и другіе. Для этой борьбы нужно, кромѣ таланта и ума, имѣть привычку къ философскому анализу, діалектикѣ и быть вооруженнымъ массою знаній историческихъ, философскихъ и другихъ; для нашихъ философовъ и богослововъ подобныя труды являются большею частію новизной, также какъ и для общества,—для читателей.

Все это говоритъ о томъ, что современная жизнь предъявляетъ къ богословской наукѣ иные запросы, иныя, болѣе

широкія требованія, нежели какія были прежде,—лѣтъ 25 тому назадъ,—требуетъ новой—самой широкой постановки богословской науки въ нашихъ высшихъ разсадникахъ ея и—по преимуществу—апологетики. Та богословская апологетика, которая у насъ существуетъ, очень слаба и очень отстала отъ современныхъ теченій мысли, а съ тѣхъ поръ, какъ появилась серія переводовъ нѣмецкихъ и, отчасти, французскихъ и англійскихъ апологій, она почти ничего не дѣлаетъ. Она какъ бы не слыхала, что уже не матеріалисты не Малешотъ, не Фохтъ господствуютъ надъ умами, а Толстой, Ницше, Марксъ и друг. Вѣдь это не имена отдѣльных писателей, это цѣлыя доктрины, проникшія и въ эмпирическія науки, и въ литературу, борьба съ которыми возможна только при помощи основательно и всесторонне разработанной богословской науки-апологетики, идеальная задача которой—поставить религіозную истину въ такое отношеніе къ сознанію, чтобы она, не теряя своего характера, ни мало не поступаясь своимъ предметнымъ (объективнымъ) содержаниемъ, представлялась въ гармоніи съ извѣстной суммой человѣческихъ знаній,—съ прочими научными истинами. А для этого апологетика должна стоять въ самой тѣсной связи съ современнымъ движеніемъ обще-научнымъ и принаравливать свои изслѣдованія къ характеру эпохи, такъ, напр., настоящая эпоха есть эпоха болѣе или менѣе рачіоналистическая, почему и апологетика должна захватывать какъ всю исторію этого послѣдняго движенія современной науки, такъ и сущность отрицательныхъ системъ новѣйшихъ мыслителей. Поэтому, повторяемъ, необходимо возможно шире и обстоятельнѣе поставить богословскую науку апологетику не только въ духовныхъ академіяхъ, но и въ университетахъ, дабы молодое поколѣніе могло имѣть умственное оружіе въ борьбѣ со столь губельными—въ наши дни—антихристіанскими и антирелигіозными ученіями, перешедшими къ намъ изъ—все болѣе и болѣе—разлагающагося Запада.

Но рядомъ съ этимъ теперь настѣтъ особая надобность въ разъясненіи, развитіи и утвержденіи богословскихъ началъ религіи и нравственности въ жизни нашего общества.

Исполнителями этой высокой задачи прежде всего должны быть, конечно, наши пастыри Церкви и православные богословы. Какъ ни распатана въ религіозномъ отношеніи наша интеллигенція, но было бы несправедливо сказать, что она не стремится къ выходу изъ своего печальнаго положенія. Нѣтъ, наше общество начинаетъ въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей какъ бы пробуждаться отъ своей апатіи и пессимизма, въ немъ все болѣе и болѣе начинаетъ проявляться интересъ къ христіанской религіи и нравственности. Это религіозное возбужденіе, проявившееся въ большей или меньшей степенѣ во всѣхъ классахъ общества, не остается безъ благотворнаго вліянія и на самую жизнь, которая въ настоящее время представляетъ гораздо болѣе примѣровъ христіанскаго образа мыслей и дѣятельности, нежели 5—10 лѣтъ тому назадъ. Но это только первые нетвердые шаги,—дѣлаемые нѣкоторыми членами нашего общества на пути достиженія религіозной истины, а потому тутъ то и необходима самая предупредительная, сердечная поддержка со стороны пастырей Церкви и нашихъ православныхъ богослововъ. Тутъ то и нужно громкое, живое слово съ церковной кафедръ; тутъ то и необходима христіанская просвѣтительная дѣятельность духовенства, врачующая общественныя недуги и все примиряющая. Но горе въ томъ, что живой проповѣди съ нашей церковной кафедръ почти никогда не слышно. Въ самомъ дѣлѣ, въ общемъ составѣ нашей русской мысли церковная кафедра представляется какъ бы *gonguin in regno*,—совершенно обособленною и замкнутою областью. Богословскіе проповѣдники обыкновенно работали не въ виду запросовъ общественной жизни, но по внутреннему требованію своихъ собственныхъ изысканій и гомилетическихъ правилъ. И весьма естественно поэтому, что люди, чуждые спеціально-богословскаго образованія, выслушивали

въ храмѣ проповѣди не часто и не охотно, и если входили въ храмъ съ самими лучшими искренними желаніями поучиться чему либо, найти ясныя отвѣты на мучительные вопросы, то оставались въ немъ не долго и скоро утомлялись слушать длинныя и непонятныя богословскіе монологи. И вотъ мы слышимъ около себя, особенно часто именно въ послѣднее время, протестующіе противъ такого характера богословской проповѣди голоса, нерѣдко даже и среди самихъ представителей духовенства. И нельзя, конечно, относиться безучастно къ такому, напр., явленію (а вѣдь это фактъ и не единичный), что православный прихожанинъ заявляетъ, будто у нашихъ священниковъ онъ тщетно искалъ разъясненія того или другого вопроса, а вотъ у гг. Розанова или Мережковского нашель... Печально это, но бываетъ. Отсюда выводъ: помочь бѣдѣ тутъ не трудно, необходимо пастырю-богослову, если онъ хочетъ быть активнымъ участникомъ въ развитіи и утвержденіи среди насомыхъ началъ богословской науки, чутко вслушиваться въ запросы времени, особенно какъ они отражаются въ литературѣ, и глубоко, напряженно-пристально вдумываться въ особенности духовныхъ интересовъ, которыми живетъ и дышетъ общество и которымъ онъ хочетъ идти на встрѣчу. Настоятельность этого чувствуется теперь едва ли не острѣе, чѣмъ когда-либо прежде,—равно какъ и желательность, настоятельная потребность въ томъ, чтобы проповѣдники, насколько только возможно стремились облекать богословскія истины въ термины общаго сознанія или стремились говорить съ обществомъ понятнымъ ему языкомъ. Казалось бы,—что можетъ быть естественнѣе этого желанія? И однако, въ ряду цѣлыхъ поколѣній „духовная“ и „свѣтская“ пресса такъ обособились другъ отъ друга, настолько утратили общность интересовъ и единство пріемовъ аргументаціи, что порою, кажется, уже совсѣмъ не понимаютъ другъ друга, какъ говорящіе на разныхъ языкахъ и живущіе въ кругу совершенно инородныхъ міросозерцаній и идей. Расхожденіе линій, опредѣляющихъ черты обоихъ міро-

созерцаній, которыми живутъ эти двѣ школы, настолько значительно, что они являются не только параллельными, но и какъ бы двумя противоположными полюсами мысли. Неудивительно поэтому, что въ той части нашего общества, которая живо интересуется богословскими вопросами, въ настоящее время высказываются нерѣдко сужденія по этимъ вопросамъ, совершенно несогласныя съ православнымъ ученіемъ.

Теперь, когда само общество, находящееся большею частію еще въ колебательномъ состояннн, начинаетъ признавать уже свои заблужденія и искать выхода изъ своего положенія, когда въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей оно уже начинаетъ жаждать духовнаго просвѣщенія и когда обширная нива нашего отечества предлагаетъ обильную жатву: теперь сама жизнь вызываетъ нашихъ богослововъ, на какомъ бы поприщѣ дѣятельности они ни находились, работать не для науки только, но и для просвѣщеннаго служенія Церкви въ духѣ православія. Долгъ нашихъ богослововъ поднять въ мнѣніи общества на должную высоту авторитетъ Православной Церкви, какъ единственной и непогрѣшимой хранильницы и истолковательницы истинъ христіанской религіи и нравственности, и авторитетъ ея служителей и православныхъ богослововъ ¹⁾. Разъясняя съ должною основательностію несостоятельность современныхъ антихристіанскихъ и антирелигіозныхъ заблужденій, наши богословы должны выяснять предъ обществомъ ученіе Православной Церкви, какъ единственный источникъ, могущій удовлетворить всѣхъ жаждущихъ истиннаго духовнаго просвѣщенія и образованія. Какимъ бы кто ни былъ зараженъ лжеученіемъ, въ ней можетъ получить успокоеніе своему смущенному и томящемуся сердцу, вразумленіе своему взволнованному сомнѣніями и неудоборѣ-

¹⁾ Съ особою обстоятельностью значеніе православія выяснено въ послѣднее время въ сочиненнн *Θ. Тернера*: „Церковь. Философско-историческій очеркъ“. М. 1895 г., которымъ отчасти и мы пользовались.

шимыми вопросами уму, умиротвореніе своей совѣсти, угрызаемой допущенными увлеченіями и тяжкими грѣхами.

Средствами для достиженія этой цѣли прежде всего могутъ служить: живое личное воздѣйствіе на общество чрезъ истинно-христіанскую жизнь въ духѣ православія и чрезъ живое слово при личныхъ сношеніяхъ, затѣмъ популярныя публичныя богословскія бесѣды и чтенія, журнальныя статьи и отдѣльныя сочиненія и листки богословскаго содержания и, наконецъ, общества или братства для распространенія христіанскихъ строго православныхъ началъ жизни въ нашемъ отечествѣ. Дѣятельность обществъ подобнаго рода можетъ быть въ особенности плодотворною, но лишь въ томъ случаѣ, если они будутъ многочисленны и будутъ пользоваться общимъ довѣріемъ и сочувствіемъ, если они будутъ состоять не изъ богослововъ только, но и изъ лицъ съ свѣтскимъ образованіемъ, отличающихся ревностію къ православію и всестороннимъ знаніемъ богословской науки, и если, наконецъ, ими будутъ приниматься мѣры къ распространенію въ обществѣ твореній свв. отцовъ, учителей Церкви, проповѣдей и сочиненій извѣстныхъ знаменитыхъ богослововъ и къ цѣлесообразному пользованію ими со стороны лицъ, получающихъ эти изданія.

Въ заключеніе скажемъ: многое зависитъ отъ людей образованныхъ и многое падаетъ на ихъ отвѣтственность. Вразумленіе невѣдущаго есть духовная милостыня, за которую Господь обѣщаетъ спасеніе души и прощеніе множества грѣховъ (Іак. 5, 19—20), — но за соvrащеніе невѣдущаго неблагонамѣреннымъ словомъ или худымъ примѣромъ Господь угрожаетъ страшнымъ наказаніемъ (Матѣ. 18, 6).

Кир. Тихомировъ.

Къ законоучительскому съѣзду.

Вопросъ о преподаваніи Закона Божія является пылъ повсюду не только въ Россіи, но во всѣхъ просвѣщенныхъ культурныхъ государствахъ, однимъ изъ самыхъ большихъ и тревожныхъ вопросовъ учебно-воспитательнаго дѣла. Теоретически и практически рѣшается этотъ вопросъ крайне разнорѣчиво, включительно до отрицанія пригодности и пользы самаго предмета и до фактическаго изгнанія его изъ школы, какъ это сдѣлано уже во Франціи. У насъ пока до подобнаго радикальнаго рѣшенія еще далеко, но тѣмъ не менѣе и въ нашемъ обществѣ, и въ педагогическомъ мірѣ взгляды на постановку Закона Божія въ школахъ носятъ пессимистическій, отрицательный характеръ. Школьное преподаваніе Закона Божія никого не удовлетворяетъ, начиная съ самихъ преподавателей и кончая обществомъ и учащимся. Первые, т. е. законоучители, жалуются на неправильность постановки предмета, стѣснительность программныхъ требованій, равнодушіе учащихся; вторые указываютъ на безжизненность, мертвенность преподаванія, на обременительность требованій, на излишнее обиліе фактическаго матеріала, предлагаемаго для усвоенія, и, главное, на неумѣстность формальной строгой оцѣнки въ усвоеніи религіозныхъ знаній. И такое всеобщее недовольство, неудовлетворенность имѣютъ для себя полное оправданіе въ печальной дѣйствительности: въ самомъ дѣлѣ, за послѣднее особенно время, обученіе Закону Божию въ нашей средней и высшей школахъ представляетъ у насъ безотрадную картину упадка, неопредѣленности, расшатанности.

Школьный Законъ Божій все болѣе и болѣе утрачиваетъ свое значеніе и вліяніе, какъ живая религіозно-нравственная сила, что неоспоримо, неопровержимо доказывается явнымъ ослабленіемъ религіозности, набожности и затемнѣніемъ христіанскихъ нравственныхъ идеаловъ въ прошедшихъ нашу школу молодыхъ поколѣніяхъ общества и народа. Но не въ этомъ только обнаруживается слабая сторона школьнаго обученія Закону Божию; оно не только не даетъ „единого на

потребу“; не воспитываетъ живой религіозности, но не ограждаетъ, не удерживаетъ даже отъ увлеченія прямо въ противоположную сторону явнаго безбожія, матеріализма, что опять же доказывается такимъ легкимъ и широкимъ распространеніемъ у насъ послѣдняго. Ясно отсюда, какъ неотложно необходимо нынѣ обсудить и рѣшить, наконецъ, основательно и всесторонне вопросъ о преподаваніи Закона Божія въ школахъ, чтобы этотъ предметъ занялъ дѣйствительно, а не формально лишь, подобающее ему первенствующее мѣсто и пріобрѣлъ жизненную силу и вліяніе на учащихся. И нельзя, поэтому, не привѣтствовать съ радостью такую крупную попытку въ этомъ назрѣвшемъ дѣлѣ, какъ созываемый нынѣ всероссійскій съѣздъ о.о. законоучителей.

Пусть съѣздъ и не рѣшитъ вполне предстоящей ему задачи, да этого несомнѣнно нельзя и ожидать и требовать отъ него въ виду ея сложности и широты, но уже одно то будетъ великимъ пріобрѣтеніемъ въ нашемъ дѣлѣ, если съѣзду удастся установить правильный взглядъ на самый предметъ— Законъ Божій, указать существенныя стороны вопроса, опредѣлить причины упадка и необходимыя условія подъема, оживленія въ обученіи Закону Божию, открыть и намѣтить сокровенныя пути къ сердцамъ и умамъ учащихся. Не будемъ говорить о той пользѣ отъ съѣзда, которую принесетъ дѣлу идейное общеніе о.о. законоучителей,—о подъемѣ ихъ духа, пробужденномъ обменомъ мнѣній, о несомнѣнномъ вызовѣ на выраженіе ихъ и со стороны сидящихъ по мѣстамъ незамѣтныхъ тружениковъ. Дастъ съѣздъ не мало, навѣрное, цѣнныхъ вкладовъ и въ практику законоучительства разработкой новыхъ, болѣе современныхъ программъ. Это все придетъ само собою, если посчастливится съѣзду освѣтить принципиальныя стороны жгучаго законоучительскаго вопроса и прійти здѣсь къ ясному единодушному рѣшенію. А пока, съ своей стороны, хотѣлось бы для блага и успѣха общаго дѣла высказать и свои думы и чувства, назрѣвшія за время личной скромной дѣятельности въ этой области.

Прежде всего, естественно, мысль обращается къ самому общему и въ то же время особенно важному въ нашемъ вопросѣ—къ тѣмъ взглядамъ и представленіямъ, какіе соединяются у насъ съ понятіемъ „Закона Божія“, какъ предмета преподаванія для православныхъ воспитанниковъ нашихъ школъ. Итакъ, что же такое Законъ Божій, какъ учебный предметъ? Обыкновенно представляется онъ намъ, какъ совокупность, кругъ, система опредѣленныхъ догматическихъ, нравственныхъ, обрядовыхъ истинъ, понятій, знаній и свѣдѣній, объединяющихся въ общемъ понятіи православно-христіанской вѣры. Законъ Божій—это извѣстной полноты система содержаемаго церковію ученія вѣры Христовой. Обучать Закону Божію—значитъ знакомить, посвящать учащихся въ истины догматическаго, нравственнаго и обрядоваго ученія православной вѣры. Въ этомъ отношеніи, при такомъ пониманіи предмета Закона Божія, онъ имѣетъ почти полную аналогію съ другими предметами школьнаго обученія, преподаванія. И всякій другой предметъ тоже, вѣдь, заключаетъ въ себѣ опредѣленную систему понятій, свѣдѣній изъ извѣстной области человѣческаго знанія, подлежащую усвоенію учащихся. Математика, напримѣръ, содержитъ знанія, добытыя въ области числа, географія—свѣдѣнія о землѣ. Такъ же точно и Законъ Божій обнимаетъ свѣдѣнія изъ области вѣры православной христіанской; отсюда—обучать Закону Божію значитъ обучать истинамъ вѣры православной христіанской. И какъ преподаваніе извѣстнаго предмета дѣлаетъ учащагося освѣдомленнымъ въ опредѣленной области знанія, знающимъ; такъ и преподаваніе Закона Божія—освѣдомленнымъ, разумно понимающимъ и знающимъ всѣ стороны исповѣдуемой учащимся вѣры христіанской. Здѣсь пока мы не видимъ существенной разницы между Закономъ Божіимъ и прочими предметами школьнаго обученія, и если бы въ этомъ только заключалось все дѣло преподаванія Закона Божія, то для должной постановки его въ школъ было бы довольно обычныхъ педагогическихъ пріемовъ и средствъ.

Но это не такъ. Если при обученіи какому-либо предмету можно считать цѣль достигнутой, когда учащійся постигнетъ, усвоить его, сдѣлается, какъ говорится, знатокомъ, то при преподаваніи Закона Божія имѣется въ виду не эта цѣль: не простыхъ „знатоковъ“ въ Законѣ Божіемъ должны готовить о.о. законоучители. Это болѣе или мепѣе ясно сознается всѣми нами. Всѣ религіозныя знанія, входящія въ составъ Закона Божія, какъ школьнаго предмета, требуютъ не одного разсудочнаго усвоенія, а получаютъ значеніе лишь тогда, когда черезъ нихъ проясняется религіозное самосознаніе, углубляется нравственное самочувствіе и утверждается воля, вырабатывается изъ учащагося устойчивый христіански-нравственный характеръ, возрастаетъ, воспитывается юный христіанинъ. Даже болѣе: по самому свойству предмета приготовленіе подобныхъ разсудочныхъ только „знатоковъ“ Закона Божія едвали даже возможно, потому что большая часть знаній, сообщаемыхъ въ немъ безъ участія въ ихъ усвоенія сердечной силы вѣры, безъ отзвука на нихъ души учащагося, не могутъ быть ни усвоены, ни прочно удержаны памятью. Ясно, что обычнымъ нашимъ представленіемъ о Законѣ Божіемъ, какъ школьномъ предметѣ обученія, не исчерпывается его существенное, отличное отъ другихъ предметовъ содержаніе и не опредѣляется еще его отношенія къ личности учащихся.

Прежде всего, система истинъ, понятій, знаній, составляющихъ содержаніе Закона Божія, имѣетъ совершенно особенный, отличительный характеръ по существу: знанія, заключающіяся во всѣхъ другихъ предметахъ, имѣютъ разсудочно-логическое опытное происхожденіе, утверждаются на неизбѣжно всѣми приемлемыхъ основаніяхъ и имѣютъ свою практическую общепризнанную цѣнность, извѣстную пользу, приложимость къ жизни. Напротивъ, понятія, истины, составляющія содержаніе Закона Божія, происхожденія выше разсудочнаго, тѣмъ болѣе выше опытнаго, эти понятія, эти истины сверхъестественнаго чудеснаго происхожденія и явля-

ются истинно-непреложными только при условіи вѣры въ это происхожденіе: система всѣхъ сообщаемыхъ въ Законѣ Божіемъ знаній получаетъ свой интересъ и свою абсолютную цѣнность въ сознаниіи учащихся также лишь при 'условіи наличности вѣры. Отсюда слѣдуетъ, что для успѣшнаго преподаванія всѣхъ школьныхъ предметовъ необходимо только наличіе здравыхъ умственныхъ силъ и соотвѣтственныхъ педагогическихъ приемовъ, а для Закона Божія, кромѣ этого, еще столько же, даже болѣе необходимо, безусловно нужно наличіе вѣры въ учащихся, наличіе вѣрующаго воспримчиваго сердца. Безъ этого главнаго условія Законъ Божій, какъ предметъ школьнаго обученія, не можетъ имѣть успѣха, даже прямо оправданія нахожденія своего въ общей системѣ школьнаго обученія: потому что все содержаніе этого предмета будетъ тогда являться и для преподающихъ, и въ глазахъ учениковъ ненужнымъ, неинтереснымъ, мертвымъ и его насильственное усвоеніе только безцѣльно мучительнымъ. Однимъ словомъ, Законъ Божій, преподаваемый изолированно отъ личной вѣры учащихся, оторванный отъ сердечнорелигіозной почвы, явится для нихъ лишь мѣдью звенящей, кимваломъ бряцающимъ, будетъ предметомъ, не имѣющимъ для себя разумнаго оправданія. Какъ это ни печально, но необходимо согласиться, что Законъ Божій неизбежно долженъ былъ бы превратиться именно въ подобное безцѣльное орудіе пытки, если бы гдѣ либо его преподаваніе было всецѣло сведено къ одному лишь принудительному разсудочному усвоенію учащимися его неисчерпаемо богатаго и жизненнаго, при другихъ условіяхъ, содержанія, и хотя этого въ чистой формѣ еще у насъ не замѣчается, но существующія ненормальности въ современномъ положеніи преподаванія Закона Божія въ нашихъ школахъ заставляютъ все таки предполагать въ значительный уклонъ въ эту именно сторону. И въ этомъ главное, коренное, по нашему убѣжденію, зло, безъ устраненія котораго не оживить и не

поднять намъ никакими второстепенными мѣрами преподаванія Закона Божія въ школахъ.

Все дѣло въ томъ,—и этого не надо забывать ни на минуту,—что Законъ Божій прежде и главнѣе всего и для законоучителя, и для учащихся не просто система окристаллизовавшихся, сложившихся религіозныхъ взглядовъ, какъ привыкли представлять, а въ самомъ существѣ своемъ есть откровеніе Бога людямъ въ Иисусѣ Христѣ. Законъ Божій—это откровеніе для спасенія нашего воли Божіей, разума Божественнаго, сердца—любви Божественной. Законъ Божій—это живая сила Божія, которая, при усвоеніи ея человѣкомъ, охватываетъ все его духовное существо: животворить, освящаетъ и просвѣщаетъ. И вотъ, сроднить съ этой чудной Божественной силой душу ученика, постепенно прояснить, раскрыть ее въ его сознаніи, его сердцѣ, воспитать въ ней волю его—вотъ въ чемъ заключается первая и послѣдняя задача законоучителя! Такое понятіе о сущности Закона Божія, единственно вѣрное и жизненное, но, къ сожалѣнію, на практикѣ опускаемое изъ вида, сразу выдвигаетъ его изъ ряда прочихъ учебныхъ предметовъ, придаетъ ему исключительное, особенное значеніе. Взглядъ на Законъ Божій, какъ на Откровеніе, превращаетъ его изъ предмета простого человѣческаго знанія въ религіозно-воспитательную дисциплину, изъ системы религіозныхъ знаній въ наученіе, наставленіе и утвержденіе въ вѣрѣ христіанской чрезъ ихъ усвоеніе. При такомъ взглядѣ на Законъ Божій становится вполнѣ понятнымъ особенность отношенія, какъ самаго предмета, такъ и преподавателя его къ личности учащихся: Законъ Божій своимъ внутреннимъ содержаніемъ властно постукируетъ къ душевной жизни воспитанника, воздѣйствуя на его религіозное чувство, и законоучитель уже является не просто преподавателемъ, а учителемъ вѣры, наставникомъ въ вѣрѣ православной. И если бы здѣсь мы захотѣли прибѣгнуть къ помощи аналогій для выясненія дѣла, то оказалось бы, что За-

конь Божій съ этой существенной стороны несравненно ближе стоять къ церковному учительству, чѣмъ любому изъ предметовъ школьнаго образованія: сходство съ послѣдними у него болѣе внѣшнее, второстепенное, а съ первымъ внутреннее. И этимъ смущаться не слѣдуетъ; напротивъ, когда мы будемъ видѣть въ школьномъ Законѣ Божіемъ по существу то же церковное наученіе въ вѣрѣ Христовой, какимъ было хотя бы оглашеніе въ древней Церкви, только тогда этотъ предметъ займетъ и надлежащее мѣсто, и возвратитъ себѣ утерянную жизненность.

Признать указанный выше смыслъ и значеніе за предметомъ Закона Божія ни мало не препятствуютъ и обще педагогическія соображенія. Если по нимъ учебно воспитательная цѣль школы сводится къ всестороннему развитію и раскрытію природныхъ душевныхъ силъ воспитанника, то тѣмъ самымъ включается въ школьную систему и должно раскрытіе, правильное развитіе религіозныхъ запросовъ, религіозной стороны душевной жизни. И вотъ эта цѣль достигается преподаваніемъ Закона Божія, при чемъ онъ необходимо долженъ являться въ глазахъ учащихся и въ рукахъ преподавателя не безстрастнымъ объективнымъ кругомъ свѣдѣній о вѣрѣ Христовой, а именно живымъ словомъ Бога, Его Откровеніемъ, идущимъ навстрѣчу религіозному чувству, религіозной жаждѣ учащагося, воспитывающимъ, расширяющимъ и углубляющимъ его внутреннюю вѣру.

О томъ же существенномъ значеніи нашего предмета говоритъ намъ и самое его наименованіе, распространенное и общепринятое для всѣхъ школъ, думаемъ, не случайно и не напрасно. Поучаться въ Законѣ Божіемъ, изучать его не значитъ ли въ самомъ дѣлѣ постигать волю Божию, усвоить душой истину откровенную, божественную? И учить—наставлять въ Законѣ Божіемъ не значитъ ли раскрывать передъ духовнымъ взоромъ учащихся эту чудную систему, будить высшіе религіозные запросы въ ихъ душѣ и идти имъ навстрѣчу, утолять ихъ не своимъ словомъ, а словомъ Бо-

жіймъ и, слѣдовательно, являться не просто преподавателемъ, а убѣжденнымъ учителемъ вѣры, пѣстуномъ, воспитателемъ во Христѣ души человѣка? Это такъ ясно, такъ просто, и въ этомъ—все дѣло законоучителя! Иные взгляды на сущность нашего предмета, на его цѣли едва ли могутъ быть оправданы основательно. Если упустить изъ вида, что Законъ Божій по существу есть Откровеніе Божіе, есть живая сила, созидающая и питающая религіозную жизнь человѣка, и все программное содержаніе нашего предмета превратится въ массу мертвыхъ свѣдѣній о христіанской религіи, которыя будутъ лишь бременемъ для учащихся и, пожалуй, предметомъ для критическихъ упражненій. Могутъ быть, конечно, и религіозныя системы предметомъ объективнаго изученія, какъ историческіе факты, какъ явленія *sui generis* въ жизни человѣческаго духа, но это уже ничуть не Законъ Божій, какъ школьный предметъ, а особая отрасль антропологическихъ наукъ, и не объ нихъ у насъ рѣчь. При томъ же, при строго конфессіональномъ характерѣ нашего предмета, изученіе его съ подобными цѣлями,—хотя бы элементарнаго ознакомленія учащихся съ явленіями изъ религіозной жизни человѣчества, не могутъ имѣть никакого смысла. Поэтому то мы и говорили выше, что взглядъ на Законъ Божій, какъ школьный предметъ, указанный нами, слѣдуетъ признать единственно вѣрнымъ и оправдывающимъ самое существованіе Закона Божія въ качествѣ особаго предмета школьнаго обученія.

Высказанныхъ нами разсужденій, думаемъ, будетъ достаточно для подтвержденія нашей мысли о первой необходимости обсужденія законоучительскаго вопроса именно съ общей принципіальной стороны. Уже послѣ нашей несовершенной попытки въ этомъ направленіи становятся понятными многія отрицательныя стороны въ современной постановкѣ З. Б. въ школахъ и достаточно ясными пути и средства къ ихъ устраненію. Развѣ не ясно теперь для насъ, что непобѣдимое равнодушіе къ З. Б. воспитанниковъ средней школы

происходить отъ упущенія изъ вида самой существенной жизненной стороны предмета еще съ начальной низшей школы и что для успѣха дѣла необходимо примѣненіе совсѣмъ особеннаго метода, такъ сказать, „религіознаго учительства“. Необходимо прежде сообщенія книжныхъ религіозныхъ знаній проникнуть въ сокровенные тайники дѣтской души, гдѣ коренится вѣра, гдѣ живетъ Богъ, необходимо пробудить, расшевелить эту вѣру, религіозную жажду и внутреннее сознаніе присутствія Божества, и тогда уже на живые запросы пробужденной вѣрующей души давать удовлетворяющіе ихъ отвѣты въ формѣ откровенныхъ истинъ и понятій, составляющихъ содержаніе З. Б. И только при такомъ методѣ, строго проводимомъ шагъ за шагомъ, З. Б. оправдываетъ свое назначеніе. Уже изъ этого легко убѣдиться въ необходимости глубокаго и всесторонняго пересмотра и обсужденія главныхъ и основныхъ сторонъ наболѣвшаго вопроса. Жаль одного, что съѣздъ ограниченъ лишь представителями средней школы, тогда какъ З. Б. въ своей сущности долженъ являться однимъ и тѣмъ же предметомъ и для низшей школы, и законоучительство въ средней школѣ есть прямое продолженіе того же жизненнаго религіознаго дѣланія, начало коего кроется тамъ, въ низахъ образованія, въ начальной школѣ!

Свящ. А. В—ій.

Современный политическій идеаль и Церковная задача.

(Въ защиту Церкви и православнаго духовенства).

I.

Отрицательное отношеніе къ тому духовному идеалу, которымъ воспитывался и жилъ русскій народъ цѣлые вѣка, — начинаясь съ отдѣльныхъ единицъ, въ настоящее время возрастаетъ съ каждымъ днемъ и распространяется на цѣлое

общество, утрачивающее постепенно свои національныя черты и особенности, свой духовный обликъ. Результаты такого положенія дѣль не могутъ быть утѣшительными. Современныя смуты и нестроенія оставляють величайшій и неизгладимый слѣдъ въ исторіи русскаго народа, независимо отъ тѣхъ перемѣнъ и преобразованій, которымъ суждено будетъ найти себѣ осуществленіе въ жизни. Эти преобразованія не удовлетворяють широкихъ аппетитовъ возбужденнаго общества, и въ жизни его по прежнему останется просторъ для несбывшихся надеждъ у однихъ, для обездоленія и разочарованія другихъ; по прежнему люди должны будутъ стремиться къ идеалу, увеличивая свои знанія и опытъ, свое благосостояніе и довольство, по прежнему пойдуть къ достиженію его путемъ безчисленныхъ отклоненій въ ту или другую сторону, пока будетъ существовать зло на землѣ, въ окончательной побѣдѣ надъ которымъ они, наконецъ, не достигнутъ своего завершенія, предуказаннаго имъ Богомъ. Но, внѣ сомнѣнія, предъ лицомъ тѣхъ вѣчныхъ проблемъ, носителемъ которыхъ является народный духъ, а воплостителемъ его исторія, большую цѣнность будутъ имѣть тѣ періоды народной жизни, которые отличались подъемомъ и наибольшимъ развитіемъ нравственныхъ понятій въ обществѣ, когда послѣднее въ состояніи дать большее количество честныхъ работниковъ, идейныхъ вдохновителей членовъ его на путь мирнаго обновленія и перерожденія, при помощи неослабнаго трудолюбія и непоколебимаго терпѣнія.

Нельзя сказать, чтобы наше время представляло собою благоприятныя условія для подобной цѣльной дѣятельности. Справедливость требуетъ сказать, что идеальнымъ стремленіямъ людей, самоотверженно отдающимъ труды свои, свою энергію и даже жизнь на общее благо, встрѣчаются на каждомъ шагу противодѣйствія, которыя иногда выражаются въ чудовищныхъ формахъ отрицанія очевиднѣйшихъ истинъ, вопреки здравому разсудку и совѣсти, въ борьбѣ съ которыми (отрицаніемъ) имъ приходится, подобно баснословному

герою древности Сизифу, постоянно втаскивать строительные камни на утёсистую гору и не видѣть цѣль свою достигнутой. Противодѣйствіе это увеличивается по мѣрѣ того, какъ русское общество все болѣе увлекается соціально-политическими тенденціями, игнорируя вопросы морали, въ которой одной заключается надежный залогъ общественнаго развитія и успѣшнаго примѣненія къ жизни самихъ внѣшнихъ реформъ. Существеннымъ и характернымъ признакомъ современныхъ соціально-политическихъ вѣяній и ученій служить безусловная вѣра въ человѣческой разумъ; все, что не поддается его „всемогущему“ изслѣдованію, не имѣетъ никакого значенія, а потому не должно быть и уважаемо. Но разумъ, по своей природѣ, свободенъ; слѣдовательно, онъ въ правѣ направлять и воспитывать человѣческую волю такъ, какъ то находитъ онъ для себя нужнымъ и выгоднымъ въ данную минуту. Съ означенной точки зрѣнія получаютъ защиту и оправданіе такія опасныя явленія индивидуально-общественной жизни, какъ,—напримѣръ: погоня за видимыми, вещественными благами, угожденіе плоти въ области пріятныхъ впечатлѣній, разнообразіе удовольствій и т. п. О лишеніяхъ и страданіяхъ, какъ воснитувавшемъ христіанскомъ факторѣ, не допускается и рѣчи въ современномъ политическомъ исповѣданіи. На самомъ дѣлѣ, что можетъ быть общаго между истиннымъ христіанствомъ и современнымъ политическимъ идеаломъ? Символомъ перваго служитъ Крестъ Христовъ; цѣль жизни человѣка—сораспятіе Христу (Галат. 2, 19; 5, 24). Символомъ другаго является свободный умъ и свободная воля, не связанные никакими узами закона; отсюда, цѣль жизни—свобода въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Такимъ образомъ, мысль „о свободѣ“ вообще составляетъ собою то основное, движущее, начало, которымъ характеризуется соціально-политическое міросозерцаніе нашихъ современниковъ, выражающееся въ соотвѣтственно вырабатываемыхъ „политическихъ программахъ или платформахъ“. Это начало имѣетъ за собою историческую давность и пред-

полагаетъ собою опредѣленное политическое ученіе, обусловливаемое извѣстными принципами или догматами. Чтобы уяснить себѣ, въ чемъ заключается ученіе „о свободѣ“, необходимо сдѣлать важную историческую справку изъ временъ французской революціи, когда оно получило свое ясное и законченное выраженіе, осуществляясь впослѣдствіи въ западно-европейскихъ формахъ конституціонно-демократическаго режима.

Ученіе о свободѣ, какъ главномъ принципѣ „народной государственности“, съ точностію раскрывается „въ деклараціи правъ человѣка и гражданина“. Такъ называется политическій договоръ народа съ правительствомъ во Франціи, впервые сдѣланный въ 1789 году. Содержание означенной деклараціи составляютъ, главнымъ образомъ, двѣ основныя идеи политической философіи: идея индивидуальной свободы и идея народовластія. Всѣ люди свободны и равны въ правахъ. Цѣль общества—сохраненіе правъ личности [свободы, собственности, безопасности и сопротивленія угнетенію]. Верховная власть принадлежитъ націи. Законъ есть выраженіе общей воли; участвовать въ изданіи законовъ имѣютъ право всѣ граждане, лично или чрезъ представителей. Всѣ граждане равны предъ закономъ. Особыми статьями обезпечивались — личная неприкосновенность, судебныя гарантіи личности, свобода совѣсти и мысли, свобода слова и печати. Публичная сила существуетъ для счастья всѣхъ, а не для личной выгоды тѣхъ, кому она ввѣрена. Налоги, необходимыя для ея содержанія, должны быть распредѣлены равномерно; граждане имѣютъ право сами, чрезъ своихъ представителей, опредѣлять ихъ размѣръ и способъ взиманія. Общество имѣетъ право всегда требовать отчета у своихъ агентовъ. Общество, въ которомъ не обезпечена гарантія правъ и не установлено раздѣленія властей, не имѣетъ конституціи ¹⁾). Таково вкратцѣ содержаніе деклараціи, принципы

¹⁾ Н. Карѣвъ. „Исторія Западной Европы въ новое время“. III т. 520 стр. и слѣд.

которой легли въ основу цѣлаго ряда постановленій естественнаго права, созданнаго французской революціей. Значеніе этой деклараціи въ исторіи французскаго народа было громадно. Послѣ паденія монархіи, „декларация правъ“ неотмѣнно составляла собою самую существенную часть всѣхъ новоизобрѣтаемыхъ проектовъ конституцій, и видоизмѣненія ея выражались преимущественно въ томъ, что со временемъ въ новыхъ редакціяхъ „декларации“ все сильнѣе подчеркивалось „безграничное верховенство націи“ и право сопротивленія угнетенію, которое обращалось даже въ право возмущенія, по свидѣтельству историковъ.

Такимъ образомъ, въ концѣ XVIII столѣтія сдѣлано было торжественное засвидѣтельствованіе естественныхъ правъ человѣка, опредѣляемыхъ его „верховнымъ разумомъ“, какъ единственнымъ законодателемъ въ жизни частной и государственной. Изъ сдѣланнаго нами краткаго очерка „декларации“ открывается идеаль первыхъ бойцовъ на аренѣ политической жизни, которые кровавой революціей старались осуществить его, показавъ тѣмъ самымъ примѣръ къ подобнымъ завоеваніямъ и другимъ народностямъ. Безспорно, что этотъ идеаль служитъ предметомъ вдохновенія и современныхъ вожаковъ русскаго общества, по крайней мѣрѣ, тѣхъ изъ нихъ, на красномъ знамени которыхъ написано: „въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое“. Ему (т. е. идеалу) поются хвалебные гимны и пѣсни, ему приносится въ жертву все, что нѣкогда имѣло національно-историческую цѣнность, его полюбили больше самой жизни. Повременная и популярная печать вся на служеніи „идеѣ народной свободы“. Въ безчисленныхъ варіаціяхъ она повторяетъ содержаніе вышеупомянутой „декларации“. Разсматриваемая въ подробности, она представляетъ собою громкія, красивыя фразы, „лестяція слуху человѣка“, показно — героическіе подвиги людей, погибшихъ въ борьбѣ за свободу, космополитическія мечты о грядущемъ, будто-бы, золотомъ вѣкѣ, который принесетъ всему человечеству вѣчное счастье и блаженство. Широко популяризируются

изданія, въ которыхъ, къ немалому удивленію, безпрепятственно и открыто трактуется о борьбѣ съ верховною властью, о сверженіи существующаго „насильническаго“ строя. Таковы, напримѣръ, многочисленныя брошюры гр. Толстого, книжки Шишко, подъ заглавіемъ „Разказы изъ Русской Исторіи“, книги и брошюры Бирюкова, Петрищева и множество другихъ ¹⁾. Очень естественно, что гибельныя послѣдствія означенной пропаганды прежде всего падаютъ на недостаточные классы общества и, въ особенности, на крестьянство, по причинѣ ихъ матеріальной заинтересованности въ современномъ движеніи, съ одной стороны, и умственной неразвитости, съ другой. Здѣсь, именно, возможно прослѣдить, какой серьезный поворотъ можетъ принять дѣло перевоспитанія народа въ революціонномъ духѣ. Закаленная въ теченіе вѣковъ трудомъ и терпѣніемъ натура русскаго крестьянина, поколебленнаго въ своихъ основныхъ возрѣніяхъ, воспламеняется со всею силой необузданности, алчности, безпощаднаго жестокосердія, когда онъ видитъ, какъ „образованные“ люди ставятъ ни во что его вѣру, его совѣсть и честь, выдавая все это за проявленіе крестьянской темноты, невежества и зависимаго положенія. „Жить для жизни вѣдь всѣмъ хочется; будетъ держать насъ въ черномъ тѣлѣ: чѣмъ хуже мы людей; довольно,—побарствовалъ господинъ бюрократъ, толстокожій буржуа. Больше не дадимъ себя въ обиду нашимъ притѣснителямъ, кто-бы они ни были: нѣтъ Бога и царя, ни власти и закона: человѣкъ самъ себѣ и царь, и законъ, и Богъ“. „Спала съ глазъ пелена, спали цѣпи желѣзныя съ выи народной“,—вотъ любимая рѣчь трудовиковъ, рабочихъ и крестьянъ. Проповѣдь о политической свободѣ и борьбѣ за право народа принесла уже немало достойныхъ плодовъ. Если для осуществленія идеала экономическаго и соціального равенства прокламаціями, листками и иными спо-

¹⁾ Въ сельскія общества присылаются даромъ многія революціонныя изданія.

собрами рекомендується, якъ средство, вооруженное возстаніе, мятежь и бунтъ, то мы уже имѣли несчастіе видѣть и переживать злые всходы и плоды этой пропаганды. Если цѣль нашей жизни—наслажденіе и свободное, для всѣхъ равное, пользованіе ея благами, то предъ вашими глазами проходятъ опыты, свидѣтельствующіе о чудовищныхъ сдѣлкахъ съ человѣческой совѣстію, которая въ наше время трактуется, какъ условное начало, находящееся въ зависимости не отъ заповѣдей Закона Божія, а отъ политическаго ученія „о свободѣ человѣка“. Соотвѣтственно этому ученію воспитывается и воля: быть воинственной и побѣдоносной въ политической борьбѣ—вотъ ея задача; жить по евангельски, прощая ближнему обиды и любя враговъ, считается знакомъ безсилія воли, позорнымъ отступленіемъ предъ судомъ „великой идеи народной“. И только, благодаря противодѣйствию со стороны здоровыхъ элементовъ русскаго общества, которые все-же еще существуютъ, а также вслѣдствіе разочарованія многихъ въ продуктивности революціонной работы, національная совѣсть констатируетъ присутствіе въ наличности пессимизма, который все шире и глубже охватываетъ разные слои русскаго общества. У однихъ этотъ пессимизмъ порождается безотраднѣйшей картиной умноженія преступленій, неотступно преслѣдующей сознаніе, у другихъ—двойственностью душевнаго настроенія и недостаткомъ рѣшимости примкнуть къ оппозиціонному движенію,—у иныхъ опасеніемъ за близкихъ и свои семьи въ грядущіе, по справедливости, черные дни, если восторжествуетъ злой геній народа, и пр. т. п. Во всемъ этомъ заключается какъ-бы психологическій законъ, объясняющій невозможность оппозиціоннаго увлеченія и объединенія всего общества, въ необходимости чего такъ стараются увѣрить насъ политическіе интересанты. „Мы не разъ заставляли врасплохъ наше правительство, и не разъ побѣда почти давалась намъ въ руки, но мы не воспользовались ею для рабовъ, по доброй волѣ. Если-бы весь народъ проснулся отъ того летаргическаго сна, въ который его по-

вергли правящія власти, и, оцѣнивъ своихъ новыхъ апостоловъ, подъ ихъ „священнымъ“ знаменемъ, всталъ-бы, какъ одинъ человѣкъ, на защиту себя,—тогда сразу прекратилось-бы его постыдное—рабское состояніе и настало-бы царство гражданской свободы“,—говорить съ укоризною „бывалый въ бояхъ, прогрессивный“ петербуржецъ-крестьянинъ своимъ землякамъ.

Но не въ этихъ политическихъ грезахъ видятъ причину несбыточности государственнаго переворота вѣрующіе люди деревни. „Не пробилъ еще часъ воли Божіей, часъ суда надъ Родиной нашей—кормилицей, еще не переполнилась мѣра долготерпѣнія Божія за беззаконія наши, ради избранныхъ малыхъ чадъ Своихъ Господь оберегаетъ еще Отечество наше, какъ спасалъ его прежде“, говорятъ они. Откуда могла явиться у нихъ такая глубокая и проникновенная вѣра, гдѣ они могли выработать столь ясный и „свѣтлый взглядъ на лучшее будущее?“ Училищемъ вѣры для такихъ людей отъ юности и до гроба служить Церковь, та самая, часто убогая и бѣдная, украшающая наши села, церковь, гдѣ всегда раздаются только „глаголы живота вѣчнаго“ (Іоанн. 6, 68).

Итакъ, Русская Православная Церковь, эта мать народа, въ наши дни такъ нерѣдко поносимая недостойными ея членами, время отъ времени будитъ народную совѣсть,—и этимъ, по волѣ Божіей, отстраняется ужасная трагическая минута поголовщины въ братской войнѣ. Означенная правда жизни чувствуется и сознается даже руководительною частію общества. Такъ говорить о значеніи церкви для нашего Отечества одинъ представитель современнаго интеллигентнаго класса. „Сила Россіи всегда заключалась въ ея Православіи. Но если это такъ, если подлинная сила Россіи не въ идеяхъ, не въ убѣжденіяхъ человѣческихъ, которыя, какъ ни властны надъ жизнію народа, но все же переходящи; если, повторяемъ, сила Россіи въ религіозной вѣрѣ ея, то мы, какъ христіане, не можемъ оставаться безнадежными. Возрожденіе Россіи можетъ совершиться на религіозной почвѣ. Религіозно-

общественное возрожденіе Россіи—къ нему, какъ къ единственному и непостыдному своему исходу, должны сойтись всѣ недоумѣнія нашего времени, завершительнаго въ исторіи не только Россіи, но и всего человѣческаго рода. Къ нему насъ приводитъ самоводительство Божіе. Только въ Россіи, въ нѣдрахъ Православной Церкви, можетъ совершиться это возрожденіе; въ Россіи, но не отъ Россіи, въ православіи, но не отъ православія, какъ такового, а отъ Бога, Который больше Россіи и православія. „Не отъ востока и не отъ запада, и не отъ пустыни возвышеніе“, (Псал. 74), „а отъ Господа“¹⁾. Такимъ образомъ, религіозная правда, проникающая собою умъ и сердце вѣрующихъ людей, служитъ крѣпкою броней, защищающей Отечество наше отъ нападеній на него враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ, отъ окончательнаго разложенія и гибели. Но малодушіе и сомнѣнія въ своей дѣйствительной подготовкѣ отвѣчать правдиво на запросы времени, свойственныя культурнымъ центрамъ, естественно проникли и въ сознаніе народа, привыкшаго доселѣ жить „безъ думъ роковыхъ, безъ мечтаній бесплодныхъ“, а въ области опредѣленныхъ условій труда и церковныхъ впечатлѣній, подъ покровительствомъ строгой законности и порядка. Отраженіемъ смутнаго времени является усиленная внутренняя работа во всѣхъ сферахъ народно-государственной жизни, подвергающая переоцѣнкѣ всѣ цѣнности ея. Почти повсемѣстно раздаются голоса, что не надо оставлять начатое дѣло „духовнаго раскрѣпощенія Россіи“, что необходимо—такъ или иначе—отвѣтить на назрѣвшіе вопросы, выдвинутые жизнью, что пора, наконецъ, понять, чего, именно, желаетъ и ищетъ себѣ народъ. Въ частности, къ той-же соизидательной-творческой работѣ призывается и наше православное духовенство, о которомъ мы и поведемъ теперь рѣчь.

¹⁾ „Записки религіозно-философскихъ собраній, бывшихъ въ Сиб. въ 1902—3 гг.“ 6 стр. Изд. 1906 г.

II.

Прежде чѣмъ рѣшить вопросъ о томъ, какую цѣль должно преслѣдовать наше православное духовенство въ созидательной работѣ общественнаго обновленія, необходимо сказать нѣсколько словъ по поводу той роли, какую оно занимаетъ въ современномъ политическомъ движеніи. Для этого надо установить, въ какомъ отношеніи къ Церкви и ея представителямъ находится проповѣдуемое нынѣ политическое ученіе о свободѣ? Нижеслѣдующая параллель подтвердитъ намъ, что „нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ“ въ исторіи отношеній свободомыслящей части обществъ человѣческихъ къ Церкви и ея представителямъ. Извѣстно, какія непрерывно-долгія гоненія испытывала западная церковь въ эпоху французской революціи ¹⁾. Для современниковъ послѣдней церкви мѣшала реформѣ политическаго строя, являясь защитницей традиціи и іерархіи, противъ которыхъ возставали ея противники по соціально-политическимъ причинамъ. Поэтому атеисты, напр., въ лицѣ Вольтера, Дидро и др., привѣтствовались съ дикимъ восторгомъ, какъ провозвѣстники „освободительныхъ“ началъ. Впрочемъ, иныхъ отношеній революціи къ церкви не могло и быть, потому что символъ первой—свобода, на основаніи естественныхъ правъ разума; символомъ и задачей второй—служить подчиненіе свободы чело-вѣка правдѣ Божіей и, основанной на ней, церковной дисциплинѣ. И такъ какъ совмѣстное существованіе того и другого начала является совершенно невозможнымъ, то, поэтому, въ государственной жизни европейскихъ странъ мы видимъ, какъ установившійся либеральный режімъ, отрицающій необходимость церковной дисциплины, неизбѣжно и съ неумолимой послѣдовательностію ведетъ къ разрыву государства съ церковію, т. е. къ отдѣленію церкви отъ государства. Мы указали этотъ примѣръ, имѣя въ виду серьезность

¹⁾ См. въ „Исторіи XIX вѣка“, изд. Т-ва Гранатъ, стр. 164.

положенія церковныхъ вопросовъ и въ нашемъ Отеествѣ, тѣмъ болѣе, что громадная часть интеллигентнаго русскаго общества представляетъ себѣ и истолковываетъ религіозный идеалъ въ духѣ западно-европейской противоцерковности.

Ни для кого не новость, что наше православное духовенство служить предметомъ самыхъ жестокихъ и беспощадныхъ нападокъ, инсинуацій и доносовъ со стороны крайней лѣвой печати. Если много у него порицателей изъ ревнующихъ о церковномъ благѣ, то еще болѣе противниковъ, дѣйствующихъ открыто, изъ представителей лѣваго лагеря. Постараемся, хотя вкратцѣ, опредѣлить тѣ пункты, на которыхъ сосредоточивается обвинительный приговоръ по адресу духовенства со стороны тѣхъ и другихъ.

По мнѣнію первыхъ, „учація силы русской церкви не готовы къ борьбѣ съ міровыми силами, выступающими противъ христіанства вообще: онѣ слабы для столь великой задачи; нѣтъ въ нихъ широты религіознаго замысла, вѣры, разверзающей небеса и низводящей Духа Святаго. Проповѣдники Русской Церкви сами наставлены въ вѣрѣ въ большинствѣ случаевъ односторонне, часто ложно воодушевлены, мало знаютъ и еще меньше понимаютъ всю значительность мистической и пророчественной стороны христіанства. Но, самое главное, они въ христіанствѣ видятъ и понимаютъ одинъ только загробный идеалъ, оставляя земную сторону жизни, весь кругъ общественныхъ отношеній пустыми, безъ воплощенія истины. Эта односторонность и мѣшаетъ имъ стать „ловцами человѣкъ“ нашихъ дней. Единственно, что они хранятъ, какъ истину для земли и о землѣ, это „самодержавіе“, какъ нѣкій начатокъ новаго порядка и какъ бы „новой земли“. Робкая вѣра, что Россія скажетъ какое-то свое „великое слово“, остается у нихъ лишь на степени чаянія сердца, съ которымъ они сами не знаютъ, что дѣлать. Все смутно, шатко, не облечено авторитетомъ никакихъ опредѣленныхъ возвышенныхъ ученій. Могутъ ли люди подобнаго вооруженія вступать на такое необъятное дѣло? Нельзя не

понимать, что если настоящіе дѣятели Церкви не возродятся, необходимы новыя силы, могущія вмѣщать болѣе“. (Изъ доклада В. А. Тернавцева на первомъ религіозно-философскомъ собраніи въ Спб.).

Иначе, еще болѣе неодобрительно трактуется наше православное духовенство представителями революціонной лѣвой печати. Послѣдніе уже теряютъ всякую мѣру и изощряются во всѣхъ способахъ, чтобы какъ можно болѣе скомпрометировать духовенство въ глазахъ простого народа и забросать его грязью. По ихъ аттестаціи, мы—духовные—„обманщики, предатели и грабители“ народа; будучи противниками „освободительнаго движенія“, мы проповѣдуемъ угнетеніе народа правящими классами; „сидя на его шеѣ“, мы, изъ личныхъ выгодъ и интересовъ, держимъ народъ во тьмѣ, прислуживаясь сильнымъ міра сего и состоя на поводу у правительства“.—Много существуетъ и еще болѣе жестокихъ приговоровъ, но мы не будемъ воспроизводить ихъ, справедливо полагая, что теперь, благодаря литературѣ, преслѣдующей „спеціальныя“ задачи, они каждому извѣстны. Наша задача—рѣшить, насколько основательны и цѣнны изложенныя мысли о духовенствѣ болѣе или менѣе серьезныхъ его противниковъ, чтобы, такимъ образомъ, со всею яркостью обрисовался дѣйствительный обликъ нашихъ духовныхъ труженниковъ на нивѣ Божіей.

Вышеуказанныя мысли о практической неподготовкѣ духовенства отвѣтить на запросы времени являются общимъ положеніемъ или предпосылкой къ вопросу „о миссіи служителей русской церкви среди интеллигенціи“. Хотя онѣ и свидѣтельствуютъ о пробудившемся религіозномъ сознаніи въ нашемъ образованномъ обществѣ, но, при всемъ этомъ, нельзя не отмѣтить нѣкоторой типичной высокомерности тона, съ какимъ предъявляются особыя требованія къ духовенству и къ дѣятельности его и въ то-же время обезцѣниваются его историческія—отечественныя заслуги. Призывъ духовенства къ отчету въ своихъ силахъ, обращаемый къ нему съ явнымъ

недовѣриемъ со стороны членовъ свѣтскаго—культурнаго общества, находящагося въ состояніи нравственнаго броженія и блужданій въ религіозной области, можно уподобить искушеніямъ Господа со стороны книжниковъ и фарисеевъ, когда они искали и просили отъ Него какихъ-либо чрезвычайныхъ знаменій, выходящихъ изъ предѣловъ естественнаго міропорядка. Въ интересахъ справедливости слѣдуетъ замѣтить, что изъ среды нашей интеллигенціи образовалось общество людей, выступившихъ въ послѣдніе годы подъ знаменемъ, такъ называемаго, „новохристіанства“, а въ сущности остающихся тѣми же рачіоналистами—невѣрами. Представители его (Розановъ, Мережковскій, Мининъ и др.) предлагаютъ духовенству новую задачу, кѣторою преслѣдуется преимущественно „раскрытіе правды на земѣ“, по примѣру дѣятельности западныхъ пасторовъ; другими словами, эти люди подмѣняютъ идею православнаго пастырства, требуя превращенія послѣдняго въ протестантское „пасторство“. Такимъ образомъ, русское духовенство, въ наличномъ своемъ состояніи, какъ-бы ни было искреннимъ и образованнымъ, честнымъ и трудолюбивымъ, не удовлетворяетъ въ цѣломъ новыхъ искателей Бога, вслѣдствіе чего получается такая аналогія: пасомые желаютъ сами учить своихъ пастырей и дѣлать изъ послѣднихъ предметъ или, точнѣе, способъ для осуществленія своихъ вождельній, ничего общаго съ православно-религіознымъ идеаломъ не имѣющихъ. Одинъ изъ главныхъ принциповъ православнаго ученія—вѣра въ загробную жизнь, въ торжество высшей справедливости, воздаяніе каждому по дѣламъ его по смерти, становится имъ неприятнымъ, раздражающимъ душу, склонную больше къ матеріализму, нежели къ благодатнымъ—духовнымъ воздѣйствіямъ. Много было разсужденій и споровъ на религіозныя темы компетентныхъ представителей нашего духовенства съ новохристіанами, но всѣ они не привели къ какимъ-либо опредѣленнымъ результатамъ. Для успѣшности религіознаго воспріятія и опознанія недостаточно только словъ: необходима полная готовность со стороны поучаемаго и слу-

шающаго — къ духовному, внутреннему перерожденію, какъ о томъ заповѣдалъ Спаситель (Іоани. 3 гл.). Въ противномъ случаѣ, „душевный человекъ никогда не приметъ того, что отъ Духа Божія, потому что онъ почитаетъ это безуміемъ, и не можетъ разумѣть, потому что о семъ надобно судить духовно“ (1 Кор. 2, 14).

Итакъ, вотъ въ какомъ родѣ подлежатъ теперь искушенія нашему духовенству. Открытое гоненіе не такъ опасно, нежели тайный врагъ, коварно скрывающій свои дѣйствительныя намѣренія. Въ наше время требуется особенное вниманіе къ завѣту Пастыреначальника Іисуса Христа: „будите убо мудри, яко змія, и цѣли, яко голубіе“ (Матѣ. 10, 16). По мнѣнію людей, опытныхъ въ духовной жизни, „современный бытъ проникнуть и въ рѣчахъ своихъ и въ самыхъ манерахъ желаніемъ показать свою полную независимость не только отъ дисциплинарныхъ, но и отъ чисто нравственныхъ требованій святой вѣры. Зло нашего времени состоитъ въ томъ, что люди, при развитіи самолюбія, не только грѣшатъ, но говорятъ и ведутъ себя такъ, чтобы показать другому, что грѣха своего я не стыжусь, но его похваляю, горжусь имъ“. Исполненное лицемѣрія и всякаго беззаконія современное поколѣніе ищетъ отъ пастырей не словъ увѣщанія и обличенія, а—полной солидарности съ собою. Здѣсь камень преткновенія для многихъ слабыхъ духомъ, маловѣрующихъ и сомнѣвающихся братій нашихъ. И жизнь—потрясающими примѣрами—краснорѣчиво говоритъ намъ, что отступничество духовенства отъ исповѣданія высокихъ истинъ церкви и христіанства полно въ своихъ послѣдствіяхъ глубокаго трагизма. „Горькими, но поздними, слезами и воплями отплатить оно за свои уклоненія, когда въ послѣдствіи, при всемъ желаніи неотступно прославлять добродѣтель, душа его пребудетъ суха и черства, „яко земля безводная“ (Псал. 142, 6). Она изнесетъ лишь діалектическіе доводы въ пользу того, что зло предосудительно, а добродѣтель почтенна, но доводы эти никого не подвинутъ къ добру. „Кто не со Мною, тотъ про
Рук. для сельск. наст., т. 2, 1909 г. №№ 31—32.

тивъ Меня, и кто не собираеть со Мною, тотъ расточаетъ“ (Лук. 9, 23), сказалъ Господь. Труденъ путь къ Нему, невѣроятнымъ представляется тѣсное съ Нимъ общеніе для того, кто много разъ отъ Него отрекался. Если къ кому, то именно къ такому человѣку относятся слова апостола: „невозможно отпадшихъ опять обновлять покаяніемъ, когда они снова распинають въ себѣ Сына Божія и ругаются Ему“ (Евр. 6, 6). Конечно, Богъ проститъ омытый раскаяніемъ грѣхъ, но мысль та, что покаяніе еще не возвратитъ человѣку прежней духовной цѣлости, а возстановлять ее придется многими трудами и долгими скорбями, какъ Марія Египетская¹⁾. Такими теплыми и сердечными словами предупреждаетъ одинъ архипастырь рядовое духовенство отъ возможныхъ паденій, въ духѣ вѣка сего.

Но Господь хранить Церковь Божию на землѣ, а вмѣстѣ съ нею и продолжателей Своего великаго дѣла. Духовенство, въ большей части своей, остается вѣрнымъ своему призванію, сущность котораго заключается въ преданности св. Православію. Та цѣль, о которой такъ вздыхаютъ и болѣютъ раціоналисты — ново-христиане, т.-е. „раскрытіе правды на землѣ“, можетъ быть достигнута и достигается и при наличныхъ церковныхъ идеалахъ. Когда церковные дѣятели, со всею силою своего религіознаго вдохновеннаго чувства, устремлялись къ небесному идеалу, то этимъ способомъ безусловно достигали правды и совершенства въ сферѣ и земныхъ отношеній. Кто можетъ сказать о неблизости къ землѣ или чуждаемости послѣдней такихъ свѣточей Православной Вѣры, каковыми были въ древнія времена: Святитель Николай Чудотворецъ, преподобные Антоній и Феодосій Печерскіе, Сергій Радонежскій, а въ новѣйшія: преподобный Серафимъ Саровскій и старцы: Амвросій Оптинскій, Варнава Троицкій, недавно въ Бозѣ почившій о. Іоаннъ Кронштадтскій, и многіе другіе подвижники и подвижницы русской Церкви? Что при-

¹⁾ „О правосл. пастырствѣ“, Архiep. Антонія. Стр. 52—53. 1906.

влекало къ ихъ бѣднымъ и убогимъ келіямъ вѣрующихъ со всѣхъ концовъ міра? Чьею силою создались ихъ чудные храмы и обители—лѣчебницы людскихъ недуговъ душевныхъ и тѣлесныхъ! Не въ нихъ-ли раскрывается со всею силою правда Божія на землѣ, олицетворяемая и воплощаемая жизнію ихъ создателей? Признаемся, что рядовое и многочисленное духовенство наше не имѣетъ такой силы, чтобы превратить современную жизнь въ одинъ общій храмъ, гдѣ-бы непрестанно воспѣвалась хвалебная пѣснь Богу. Но вѣдь судьбы мировыхъ событій въ рукахъ Божіихъ, и самъ по себѣ человѣкъ не можетъ остановить развивающееся кругомъ зло, Богъ же попускаетъ существованіе и проявленіе зла въ христіанскомъ мірѣ, „да искусни (въ борьбѣ съ нимъ) явлени будутъ“ (1 Кор. 11, 19). Сознаніемъ немощности своей вѣры и твердою рѣшимостію никогда не измѣнять ей—живо русское духовенство. Поэтому на трудѣ его всегда будетъ Божіе благословеніе, какія-бы ни слышались проклятія со стороны враговъ церкви. Религіозныя же отпаденія и соблазны предугазаны Спасителемъ, а потому и не должно приходить отъ нихъ въ смущеніе (Матѣ. 27, 10; Тим. 1. 4, 1).

Итакъ, вышесказанный упрекъ—объ игнорированіи духовенствомъ „земной правды“—не состоятеленъ предъ судомъ исторически сложившейся идеи православнаго папства. Задача духовенства не можетъ находиться въ соглашеніи со всевозможными доктринами, рождающимися, большею частію, на почвѣ социализма; она должна обуславливаться исключительно церковными идеалами. Въ силу этого оно никоимъ образомъ не можетъ поставить во главу своего ученія земное благополучіе людей или, какъ говорилось выше, правду о землѣ, которая постольку должна быть предметомъ пастырской проповѣди и заботы, поскольку находится въ полной гармоніи съ небесной правдой.

Что касается грубыхъ и плоскихъ обвиненій духовенства со стороны крайней лѣвой печати, то нужно сказать, что они неправильны по существу, потому что свидѣтель-

ствують о совершенномъ незнаніи этими обвинителями духовнаго быта. Никогда духовенство не было врагомъ народа, по крайней мѣрѣ, того народа, который былъ и является вѣрнымъ носителемъ православія. Тяжелая доля народная была близка духовенству во всѣ времена. Несмотря на громадныя препятствія, иногда явное противодѣйствіе со стороны власти имущихъ, доброе вліяніе духовенства на народъ не прекращалось. Если представить себѣ первую половину прошедшаго столѣтія, когда школь совершенно не было, то мы поймемъ, что сближало духовенство съ народомъ. Грамотность приобрѣталась исключительно у священниковъ и дьячковъ. И духовенство добросовѣстно относилось къ своему дѣлу, съ полною любовію. Было время, когда усердіе его въ дѣлѣ просвѣщенія и насажденія грамотности сдерживалось грозными указами, запрещающими низшимъ членамъ клира обучать народъ грамотѣ, съ привлеченіемъ ревнителей къ отвѣтственности и съ отбираниемъ подписокъ „никого не учить“. Въ тѣ далекія времена сержанты съ десятскими производили обыски въ домахъ духовенства, стараясь открыть, не обучаетъ ли кто грамотѣ, и этому строгому контролю свѣтской власти не могли противостать даже архіереи¹⁾. Но, не смотря на это, духовенство учило, какъ умѣло, народъ, духовно роднилось и сближалось съ нимъ. Сама жизнь духовенства была тѣсно связана съ жизнію народной. При крайней скудости средствъ матеріальныхъ, оно ходило около земли-кормилицы, воздѣлывая ее наравнѣ съ прихожанами.. Словомъ, жизнь была нелегкая, трудовая. Прибавьте къ этому испытанія нравственнаго свойства, въ служебной обстановкѣ, когда нужда заставляетъ брать съ тѣхъ людей, которымъ бы слѣдовало давать, „когда слово утѣшенія скорбящихъ замираетъ на языкѣ, при полученіи какихъ-нибудь двухъ мѣдныхъ пятаконъ за требу, при погребеніи покойника“ (мысль Некрасова въ одномъ стихотвореніи), и вы поймете, какъ много выстрадало наше рус-

¹⁾ „Русскій Архивъ“, мартъ, 1908 г. Ст.: „Борьба просвѣтителей“

ское духовенство, только мужествомъ и терпѣніемъ побѣждавшее всѣ невзгоды жизни. Не даромъ эти послѣднія качества сдѣлались синонимами духовенства въ литературѣ о немъ. Собственными трудами добывая себѣ часто нищенское содержаніе, духовенство едва ли заслужило себѣ упрекъ развязной печати въ томъ, что оно, будто бы, „выжимаетъ послѣдніе соки изъ народа, сидя на его шеѣ“, по свободолобивому выраженію тенденціозныхъ авторовъ. Наоборотъ, слѣдуетъ сказать, что изъ всѣхъ сословій русскаго государства оно, въ разсматриваемомъ нами вопросѣ, было предоставлено самому себѣ, собственной инициативѣ, энергіи и трудолюбію. Не пользовалось оно особеннымъ расположеніемъ къ себѣ и свѣтскаго правительства, въ бюрократическомъ содружествѣ съ которымъ уличается духовенство. Доказательствомъ этого, между прочимъ, служитъ то, что, напримѣръ, вопросъ о жалованіи служителямъ господствующей церкви до сихъ поръ не получилъ еще полнаго осуществленія, не смотря на всю его вопіющую неотложность, хотя онъ имѣлъ положительное рѣшеніе особо назначеннаго комитета, для его разсмотрѣнія, еще въ 1808 году, т. е. ровно сто лѣтъ тому назадъ ¹⁾).

Еще менѣе выдерживаетъ критику отзывъ той же печати о пастырской проповѣди. По мнѣнію ея, духовенство „проповѣдуетъ идею угнетенія правящими классами“. Кажется непонятнымъ, изъ какого источника вытекаетъ такая мысль. Содержаніе проповѣди православнаго пастыря извѣстно всѣмъ. Не земная жизнь, съ тѣми или иными благами, ставится цѣлюю человѣческаго существованія, но безконечно болѣе высокій и отдаленный идеаль Царства Божія, которое наступитъ послѣ всеобщей жатвы добра, когда всѣ плевелы будутъ отобраны отъ пшеницы (Матѣ. 13 гл.). Вотъ главный пунктъ, изъ котораго имѣютъ отправленіе всѣ пастырскія поученія. Съ точки зрѣнія этого идеала переоцѣниваются всѣ жизненныя цѣнности и получаютъ совершенно иной

¹⁾ „Энциклоп. Словарь Брокгауза и Ефрона“ 21-й полут. стр. 261.

смысль и значеніе. Страданіе, болѣзни, потери, бѣдность и нищета духовная являются залогомъ блаженства и преимуществъ въ Царствѣ Божіемъ (Матѳ. 5 гл.; Лук. 6 гл.). И напротивъ: богатство, довольство и сила являются, при злоупотребленіи ими, препятствіемъ къ достиженію вѣчной жизни, въ которой первые міра сего дѣлаются послѣдними (Марк. 10, 23; 9, 35; Лук. 18, 24). Наконецъ, что имѣеть общаго съ насиліемъ и „идеей угнетенія“ проповѣдь величайшаго моральнаго подвига, состоящаго въ пожертвованіи всѣмъ личнымъ благомъ и самою жизнію за высшую правду, — сораспятія Христу, какъ задачи дѣйствительнаго призванія христіанина на землѣ? Общій характеръ церковной проповѣди опредѣляется религиознымъ міросозерцаніемъ, основной идеей котораго служитъ возможность вторичнаго приобщенія человека къ жизни Божественной чрезъ посредство Иисуса Христа послѣ свободнаго отпаденія человека отъ этой жизни въ лицѣ первыхъ людей. Весь смыслъ христіанства заключается въ указаніи пути возвращенія къ Богу. Путь этотъ состоитъ въ дѣятельномъ приготовленіи себя и ближнихъ къ иной жизни—въ Царствѣ Божіемъ. Такъ какъ основой этой жизни является полная гармонія съ волей Божіей и тѣмъ совершеннымъ міропорядкомъ, въ который предстоитъ перейти человеку, то, слѣдовательно, и подготовленіе къ этому переходу должно выражаться не въ своеволіи и распущенности, а въ подчиненіи своей воли заповѣдямъ, оставленнымъ для насъ, въ качествѣ руководства, Спасителемъ. Отсюда, какъ прямое слѣдствіе, вытекаетъ христіанское служеніе Богу и ближнимъ. Если Царство Божіе, будущій совершенный сверхчувственный міръ, представляетъ изъ себя идеальную гармонію, то, понятно, оно не можетъ быть основано на внѣшнемъ, насильственномъ соотношеніи частей, а требуетъ свободнаго единенія сочленовъ. Такое единеніе обуславливается не какими-либо внѣшними законами, но исключительно внутренней природой существъ, внутреннимъ ихъ влеченіемъ къ Богу и другъ къ другу. Это благодатное и таинственное

качество и есть та самая „Христіанская Любовь“, которая составляет основаніе всей христіанской религіи и видимаго олицетворенія ея—Церкви Христовой на землѣ.—Таково важнѣйшее и принципиальное содержаніе проповѣди православныхъ пастырей. Какъ видно, цѣль ея совсѣмъ не можетъ согласоваться съ какими-либо эгоистическими и корыстолюбивыми побужденіями: послѣднія скорѣе находятся въ зависимости отъ политиканства, въ интересахъ котораго „всѣ средства хороши“.

Истинная церковная задача очель трудна и очень обширна; рѣшить ее невозможно скороснѣлыми постройками и заключеніями, безъ помощи Божіей. „Аще не Господь созиждетъ домъ, всуе трудишася зиждущіи“ (Псал. 126, 1). Церковь должна всѣхъ насъ научать и наставлять на путь истины. Задача эта, и сама по себѣ многотрудная, осложняется еще болѣе вслѣдствіе внутренняго и внѣшняго разнообразія тѣхъ, которыхъ ей приходится приводить къ религіозному сознанію. Не могутъ быть примѣняемы одни и тѣ-же педагогическіе приемы къ разнымъ по возрасту, состоянію, развитію и настроенію лицамъ. То, что доступно бываетъ сердцу простолюдина, не вмѣщается въ сознаніе образованнаго человѣка. Необходимо принимать въ соображеніе и психологическія условія пастырской дѣятельности, которыя выясняются при помощи, такъ называемаго, пастырскаго такта. Напримѣръ: для однихъ бываютъ полезны больше внѣшнія мѣры воздѣйствія, какъ-то: располагающая и вызывающая возвышенное религіозное чувство обстановка, прекрасное Богослуженіе; для другихъ—средствомъ возбужденія къ молитвѣ является—простота окружающей атмосферы и безыскусственность сказаннаго слова, лишь-бы таковое было отъ сердца. Правда, Церковь располагаетъ огромнымъ арсеналомъ для борьбы съ невѣріемъ и всякою ложью, какъ неизбѣжнымъ спутникомъ испорченной человѣческой природы; для каждаго даннаго случая она имѣетъ подходящее оружіе, но необходимо дѣлать строгую разборку наличныхъ средствъ,

чтобы неумѣлымъ способомъ не повредить великому дѣлу. И если со стороны духовенства естественно могутъ быть допущены какіе-либо недочеты, то этимъ не отнимается у него право нести свою христіанскую миссію, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и не дается нравственнаго права отступникамъ Церкви поносить ее. Поэтому, здравый разумъ и христіанская этика приводятъ насъ къ слѣдующему выводу: „несовершенны, ограниченны, непокорны люди; Церковь-же чиста и непорочна, будетъ стоять непоколебимо, открывая всѣмъ, въ чемъ состоитъ домостроительство тайны, сокрывавшейся отъ вѣчности въ Богѣ, создавшемъ все Иисусомъ Христомъ“ (Тит. 1, 16; Матѳ. 16, 18; Ефес. 3, 9). Въ служеніи этой тайнѣ спасенія человѣческаго рода—сущность пастырскаго дѣланія. Такъ это и по существу дѣла, и по пониманію пастырства съ точки зрѣнія древлеправославныхъ традицій. Пусть не говорятъ, что за этимъ принципомъ скрывается отсутствіе желанія работать для пользы общественной и умѣнья вести эту работу, или отсутствіе опредѣленнаго взгляда на современную дѣйствительность. Правда, попеченіе „о душахъ“—старое дѣло пастырей, но оно есть въ то же время и вѣчно новое дѣло, такъ какъ всегда есть и никогда не прекратится насущная потребность въ немъ. Пастырь можетъ и долженъ заботиться о виѣшнемъ благосостояніи своихъ пасомыхъ и содѣйствовать тому певинными, прежде испробованными и вновь изобрѣтаемыми, цѣлесообразными средствами. Но онъ не долженъ быть поборникомъ идей той или другой партійной программы. Не отказываясь отъ борьбы съ бѣдствіями народной жизни, но сосредоточивъ преимущественное вниманіе на личности, на душѣ вѣрующихъ, онъ можетъ быть увѣренъ, что такимъ путемъ, т. е. чрезъ воздѣйствіе на нравственную сторону людей, онъ вѣрнѣе и скорѣе будетъ содѣйствовать улучшенію и виѣшнихъ отношеній между ними.

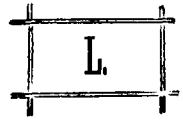
Священникъ *Василій Бажановъ*.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Отъ Кіевского Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Кіевъ, 30 іюля 1909 года.

Цензоръ проф. Академіи, священникъ *Александръ Глаголевъ*.

Кіевъ Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 33.

Подписка принимается въ редак-
ціи журкала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1909-го года августа 16-го дня.

Содержаніе: I. Забытые. Свящ. В. Пестряковъ.—II. Бодрая школа. Н. Коло-
совъ.—III. Постыдная кончина. Іерей.—

Забытые.

*(Нѣсколько словъ о религіозно-нравственномъ и матеріаль-
номъ положеніи домашней прислуги).*

Вопросъ о положеніи домашней прислуги имѣеть не
маловажное значеніе не только частное—для каждой семьи
въ отдѣльности, но вмѣстѣ съ тѣмъ и общественное. Каждой
семьѣ, даже средняго достатка, приходится обращаться къ
услугамъ домашней прислуги. По самому роду своей работы
домашняя прислуга становится въ довольно близкія отношенія
къ обслуживаемой ею семьѣ и, подвергаясь вліянію своихъ
хозяевъ, въ свою очередь, тоже вліяетъ на нихъ. Разбро-
санные единицами по отдѣльнымъ семьямъ, представители
этого рода занятій въ каждомъ государствѣ представляютъ
довольно значительную группу лицъ; не имѣя точныхъ ста-
тистическихъ данныхъ, мы не ошибемся, если для Россіи,

съ ея 150 милліоннымъ населеніемъ, число такихъ лицъ опредѣлимъ въ сотни тысячъ человѣкъ; это цѣлая армія лицъ, состояніе и настроеніе которой имѣетъ свой общественный интересъ и значеніе.

Сравнительно съ положеніемъ фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, положеніе домашней прислуги имѣетъ свои выгоды и не выгоды стороны. Работа домашней прислуги, особенно тамъ, гдѣ въ семьѣ держать только одну прислугу, отличается разнообразіемъ и неопредѣленностію; въ этомъ есть и удобство: работа не такъ одуряетъ и одурманиваетъ человѣка, какъ однообразная работа фабричнаго и мастерового, гдѣ человѣку всю жизнь приходится автоматически выполнять одно и то же дѣло; но эта разнообразная работа домашней прислуги обычно забираетъ такую массу времени, что человѣку совсѣмъ не остается времени для себя лично.

Законодательство наше, принимая нѣкоторыя мѣры къ охранѣ труда и здоровья фабричныхъ рабочихъ, о домашней прислугѣ ничего не говоритъ: права и обязанности этой прислуги опредѣляются обоюднымъ словеснымъ договоромъ; количество, характеръ и продолжительность работы здѣсь крайне случайны и всего чаще довольно тяжелы. На фабрикахъ и заводахъ опредѣляется самое главное—время, срокъ работы, или количество работы; домашняя прислуга этого не знаетъ; принимается она за ежедневную работу раньше хозяевъ и оканчивается позже, такъ какъ послѣ хозяевъ нужно все убрать, а утромъ все приготовить. Maximum работы и minimum платы—вотъ преобладающее правило отношеній хозяевъ къ домашней прислугѣ.

Главный рынокъ для работы домашней прислуги—города, но ряды ея наполняются преимущественно деревенскими жителями. Безработица, нужда и голодъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ неохота къ тяжелому деревенскому труду гонить ежегодно тысячи молодыхъ парней и дѣвушекъ въ города за заработкомъ.

Что приносить съ собою въ религіозномъ и нравственномъ смыслѣ деревенскій житель въ городъ?

По нашимъ наблюденіямъ элементарную вѣру въ Бога, знаніе нѣсколькихъ молитвъ, выученныхъ со словъ отъ родителей, сознаніе и привычку къ ежедневной молитвѣ, къ посѣщенію храма Божія, соблюденію постовъ, ежегодной исповѣди и причащенія. Жажда заработка всего чаще соединяется съ добрымъ желаніемъ оказать матеріальную поддержку деревнѣ—родителямъ, семьѣ. Это, пусть и небогатое, религіозно-нравственное содержаніе нерѣдко растеривается домашней прислугою въ городахъ почти полностію.

Во многихъ селеніяхъ, какія намъ приходилось наблюдать, посѣщеніе богослуженія въ воскресные и праздничные дни взрослымъ населеніемъ—правило, законъ, который не выполняется только въ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ. Въ городѣ на услуженіи прислуга скоро отвыкаетъ отъ этого благочестиваго обычая, такъ какъ не видитъ для этого примѣра и не имѣетъ времени. Среди интеллигенціи посѣщеніе богослуженія дѣло довольно рѣдкое и случайное (объ исключеніяхъ не говоримъ). Мало встрѣчается среди хозяевъ и такихъ людей, которые отказались-бы отъ самыхъ маленькихъ удобствъ для того, чтобы въ праздникъ дать возможность прислугѣ помолиться въ храмѣ. Положеніе прислуги въ праздникъ даже ухудшается вслѣдствіе того, что интеллигенція наканунѣ праздниковъ обычно предается усиленно развлеченіямъ; такъ называемые семейные вечера, журфиксы, карточные игры чиновному и служилому классу всего удобнѣе устраивать въ субботу и наканунѣ праздниковъ, такъ какъ на другой день можно хорошо выспаться, хоть до полдня. Какъ вообще стѣснена прислуга въ религіозномъ отношеніи, мнѣ, какъ священнику, приходится наблюдать нерѣдко. Приходилось встрѣчать прислугу, живущую нѣсколько лѣтъ въ Кіевѣ и не бывшую ни разу въ Лаврѣ и у другихъ святынь, не говѣющую по годамъ, посѣщающую храмъ рѣдко, на минуту, украдкой. Объясненіе во всѣхъ случаяхъ одно и то же:

нѣтъ времени, не пускаютъ. Отвыкаетъ нерѣдко деревенскій житель въ городѣ и отъ домашней молитвы и забываетъ тѣ, какія зналъ съ ошибками въ деревнѣ.

О соблюденіи постовъ и говорить, кажется, лишне. Готовить въ постъ отдѣльный столъ для прислуги и убыточно и безпокойно; всего чаще прислуга кормится остатками отъ барскаго стола, круглый годъ обычно скоромнаго, такъ какъ городской желудокъ всегда страдаетъ либо катарамы, либо нервами и постной пищи не выносить. Приходилось встрѣчать среди прислуги и болѣе стойкихъ людей; эти вмѣсто скоромной пищи питаются чаемъ и селедкой, иногда купленной за собственный счетъ.

Весьма часто на мѣсто небогатой содержаніемъ деревенской религіозности, подъ вліяніемъ безрелигіозныхъ и совсѣмъ невѣрующихъ хозяевъ, у престолюдина остается одно пустое мѣсто, гдѣ сѣютъ богатые посѣвы сектантство, невѣріе, религіозное вольномысліе.

Сельскіе священники нерѣдко жалуются на то, что сектантство заносится къ намъ въ деревни мастеровыми, фабричными и бывшей домашней прислугой.

Не высоко вліяніе города и на нравственность домашней прислуги. Отношенія хозяевъ къ прислугѣ въ огромномъ большинствѣ случаевъ только чисто внѣшнія: дѣлай слуга свое дѣло, не лѣнись, не воруй, а до остального хозяевамъ нѣтъ никакого дѣла; за службой, развлеченіями, городской суетой многіе и на собственныхъ дѣтей не обращаютъ надлежащаго вниманія, гдѣ ужъ тутъ думать о добромъ вліяніи на прислугу: некогда и не за чѣмъ... Лишенная добраго вліянія, оторванная отъ родной семьи, домашняя прислуга, подъ вліяніемъ соблазна, окружающаго ее со всѣхъ сторонъ, нерѣдко падаетъ нравственно, дѣлаетъ ошибки, за которыя казнятся потомъ всю жизнь. Взглядовъ разныхъ баричей и паничей на чистоту и непорочность женской прислуги едва ли нужно касаться: плачевныхъ результатовъ жизнь даетъ не мало; достаточно сказать, что, по изслѣдованію врачей, 50%

жертвъ общественнаго темперамента вербуются въ средѣ домашней прислуги; начало же паденія всего чаще случается на службѣ, а виновниками являются барскіе сынки, а иногда сами хозяева.

Если религіозно-нравственное вліяніе хозяевъ на прислугу въ положительномъ смыслѣ у насъ почти отсутствуетъ, то несомнѣнно вліяніе ихъ на чисто внѣшнюю декоративную сторону жизни прислуги. Отличительная черта современной намъ жизни это необыкновенное развитіе роскоши, погоня за модой. „Подъ обаяніемъ какого то болѣзненнаго самолюбія мы какъ бы потеряли здравый смыслъ въ погонѣ за вѣкомъ, за модою; ищемъ ненужнаго, домогаемся вреднаго, расходуемъ жизнь свою на мелочи, а средства на пагубную роскошь“. Наряды, изысканный столъ, обстановка покрасивѣе, дорогія развлеченія—все это необходимое условіе для счастья, безъ котораго трудно живется современному интеллигенту. Я не отрицаю значенія и за этой стороны жизни; но грустно здѣсь то, что погоня современнаго человѣка за удобствами матеріальной жизни, за наиболѣе пріятнымъ удовлетвореніемъ тѣлесныхъ потребностей занимаетъ въ современной жизни главное и единственное мѣсто, заслоняя собою нужды и запросы духовной природы человѣка. Отъ чрезвычайнаго увлеченія модой, комфортомъ, роскошью не мало происходитъ зла въ жизни: сюда относятся черствость и равнодушіе къ горю и нуждѣ ближняго, всеобщая задолженность, воровство и казнокрадство. Эта сторона нашей культурной жизни, т. е. увлеченіе внѣшностію легко и скоро прививается у насъ домашней прислугѣ.

Пріѣзжающій въ городъ на службу сельскій житель имѣетъ простую цѣль: заработать въ городѣ побольше средствъ для того, чтобы поддержать свой дѣмъ, семью, хозяйство; намѣренія оставаться въ городѣ на постоянное жительство обычно нѣтъ; но немногіе изъ такихъ искателей счастья осуществляютъ свою мечту. Бережливость бываетъ только въ первое время. Сначала рублишко другой перешлется прислу-

гой и деревенской бѣднотѣ, но потому эти посылки дѣлаются все рѣже и, наконецъ, совсѣмъ прекращаются; да и какой резонъ: деревню все равно не облагодѣтельствуешь, а себѣ откажешь во многомъ томъ, что такъ красиво и заманчиво бросается въ глаза въ каждомъ магазинѣ... Примѣръ товарищей по профессіи и хозяевъ, унижительный обычай дарить прислугѣ поношенныя хозяйскія тряпки развиваютъ въ прислугѣ вкусъ къ изящному, моднымъ костюмамъ, шляпамъ, золотымъ вещамъ, а это, въ свою очередь, развиваетъ зависть, недовольство своимъ положеніемъ. Такъ какъ нравственные духовныя связи между хозяевами и слугами устанавливаются рѣдко, то отсюда въ прислугѣ развивается бродяжничество, страсть къ перемѣнѣ мѣста; гдѣ больше платятъ, туда прислуга охотнѣе идетъ, не справляясь съ другими качествами хозяевъ.

Взаимное недовольство хозяевъ и слугъ, ежедневно наблюдаемое повсюду, явленіе не новое и нѣтъ возможности скоро и легко уврачевать этотъ больной вопросъ. Отношенія ихъ, какъ и всякія другія, могли бы сдѣлаться правильными только тогда, если бы люди свою жизнь устраивали согласно заповѣдямъ и закону Христа. Непреходящій, вѣчный источникъ мира и правды, — ученіе Христово, не регламентируя частныхъ жизни, для всякой стороны ея, для всякой дѣятельности даетъ такія нормы и правила, которыя способны всякое зло уврачевать, исправить, направить къ добру, только бы люди слѣдовали имъ. Великая заслуга христіанства въ социальномъ отношеніи состоитъ въ томъ, что оно ученіемъ о равенствѣ людей предъ Богомъ подточило рабство въ самомъ его корнѣ, распространило человѣчное, кроткое воззрѣніе на рабскій трудъ. И мысль, и чувство слугъ и господъ слово Божіе направляетъ къ Богу, такъ какъ и у тѣхъ, и у другихъ одинъ Господь есть на небесѣхъ (Еф. 6, 9). Слово Божіе не мало содержитъ въ себѣ указаній и наставленій о правильныхъ христіанскихъ отношеніяхъ слугъ и господъ; въ Библии, въ исторіи Церкви не мало есть и конкретныхъ

примѣровъ такихъ отношеній (слуги у ветхозавѣтныхъ патриарховъ, сотникъ и его слуга и др.).

Долгъ всякаго честнаго человѣка, у кого только есть слуги, приложить всѣ старанія къ тому, чтобы сдѣлать отношенія свои къ ней истинно-христіанскими отношеніями, а долгъ пастырей *почаще и громче* говорить объ установленіи такихъ отношеній, приглашать слугъ и господъ къ взаимной любви, миру и согласію. Общій рабочій вопросъ не долженъ заслонять отъ вниманія и пастырскаго вліянія духовенства положенія домашней прислуги. Въ вопросѣ этомъ духовенство можетъ въ настоящее время многое сдѣлать (по мѣстамъ и дѣлаетъ). Сельское, напр., духовенство стоитъ весьма близко къ жизни народа; во многихъ селахъ безъ разрѣшенія и благословенія священника ничего не дѣлается, безъ молитвы, молебна рѣдко кто сдѣлаетъ такой крупный шагъ, какъ поступленіе на службу, особенно въ далекій городъ. Вотъ тутъ и нужно священнику строго разбираться, для кого нужна такая перемѣна жизни, на кого городъ не въ состояніи оказать своего развращающаго вліянія и для кого онъ опасенъ. Установившіяся связи съ отсутствующимъ прихожаниномъ священнику слѣдуетъ поддерживать и посяѣ, тѣмъ болѣе, что сношенія деревни съ городской прислугой нерѣдко ведутся черезъ священника, какъ часто единственнаго грамотнаго человѣка въ деревнѣ. Городское духовенство, обычно направляющее свою проповѣдь къ интеллигенціи, не должно игнорировать и положенія той группы лицъ, которая обслуживаетъ эту интеллигенцію въ качествѣ домашней прислуги. Крайне необходимо, чтобы во *всѣхъ* городскихъ храмахъ совершались такъ называемыя раннія обѣдни, посѣщаемыя охотно рабочимъ людомъ и домашней прислугой. Въ настоящее время мы видимъ, что во многихъ городскихъ храмахъ, съ двумя священниками, съ большими доходами—причтовыми и церковными, раннихъ обѣденъ не бываетъ.

Законодательство наше совсѣмъ не удѣляетъ вниманія положенію домашней прислуги; не то—въ западныхъ государствахъ; тамъ законодательство коснулось и этой сферы человѣческой жизни. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія германское законодательство. Патріархальные порядки долгое время, регулировавшіе въ Германіи отношенія господъ и слугъ, выливаются мало по малу въ опредѣленные правовые институты, получившіе тамъ названіе „Gesindeordnungen“ — „уставовъ о прислугѣ“. Такъ называемый „Прусскій уставъ“, изданный въ 1810 г., измѣненный и дополненный впоследствии новыми узаконеніями, министерскими циркулярами, дѣйствуетъ и понынѣ. Въ законодательствѣ этомъ есть не мало симпатичныхъ статей, которыя были бы весьма полезными и въ нашемъ русскомъ кодексѣ. Таковы, наприм., слѣдующія статьи: Хозяева обязаны отпускать слугъ для присутствія при богослуженіи.—Господинъ не можетъ обременять прислугу работою свыше ея силъ и вредною для ея здоровья.—Вредъ, причиненный прислугѣ работою на господина, долженъ быть возмѣщенъ господиномъ.—Если прислуга заболѣетъ при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей, то господа обязаны заботиться о ея лѣченіи и содержаніи, не дѣлая за это вычетовъ изъ жалованья и др.—Оберегаетъ германскій законъ служащихъ и отъ эксплуатаціи, такъ называемыхъ, посредническихъ конторъ. Полиція въ Германіи, лишь только освѣдомится объ открытіи конторы по найму прислуги, обязана тотчасъ же произвести дознаніе, не находились ли содержатели конторъ подъ судомъ и слѣдствіемъ по обвиненію въ совершеніи преступленій изъ корыстныхъ расчетовъ противъ нравственности и чужой собственности.

Нашивысшія государственныя учрежденія—Государственная Дума и Государственный Совѣтъ рабочаго вопроса касались уже неоднократно, но положеніе домашней прислуги обходили молчаніемъ. Поднять вопросъ объ этомъ могло бы думское духовенство, составляющее довольно значительную группу.

Членомъ Государственнаго Совѣта — Череванскимъ поднять, какъ извѣстно, вопросъ о сокращеніи праздниковъ. Сей многотрудный мужъ пришелъ къ тому выводу, что Россія-де и пьяна и бѣдна, потому что на Руси много праздниковъ и что если сократить ихъ число, то у насъ поднимется народное благосостояніе, уменьшится пьянство и т. д. Если безпристрастно посмотрѣть на окружающую насъ дѣйствительность, то мы должны прійти къ тому выводу, что намъ нужно думать не о сокращеніи праздниковъ, такъ какъ теперь никого насильно праздновать не заставляютъ, а о томъ, чтобы праздничное богослуженіе и праздничный отдыхъ сдѣлать *въ равной степени* доступнымъ для всѣхъ званій и состояній; особенно въ этомъ отдыхѣ нуждается домашняя прислуга, которая его въ сущности не знаетъ. Здѣсь, повторяемъ, благодарная задача для Церкви, которая должна бы взять на себя защиту святого права христіанина на праздничный отдыхъ, выработать хотя бы мѣнѣе этого отдыха и предстательствовать передъ высшими государственными учрежденіями о томъ, чтобы это право христіанина было защищено строгими законами, а не попиралось такъ, какъ теперь.

Свящ. В. Пестряковъ.

Бодрая школа.

28-го октября минувшаго 1908-го года исполнилось 40 лѣтъ со времени возникновенія въ Симбирскѣ замѣчательной въ своемъ родѣ чувашской учительской школы.

Учредителемъ этой школы былъ гимназистъ V класса Симбирской классической гимназіи Иванъ Яковлевичъ Яковлевъ, происходившій изъ чувашъ Буинскаго уѣзда, Симбирской же губерніи.

Въ гимназію онъ поступилъ уже довольно зрѣлымъ юношей, послѣ упорной работы надъ своей учебной подготовкой. На школьной скамьѣ онъ сразу зарекомендовалъ себя со сто-

роны недюжинныхъ дарованій, желѣзной энергіи и умной предприимчивости. А скоро стало извѣстно, что въ головѣ юноши гимназиста зародилась идея подѣлиться своими знаніями и своей культурой съ родными чувашами, которые почти въ собственномъ смыслѣ слова „сидѣли во тьмѣ и сѣни смертной“.

Большая и отвѣтственная идея, зародившись въ головѣ идеалистически настроеннаго юноши, долгое время какъ бы боялась выступить на Божій свѣтъ, и лишь согрѣтая и крыленная добрыми людьми, ихъ вниманіемъ, сочувствіемъ и поддержкой, а особенно живымъ примѣромъ Н. И. Ильминскаго, она реализовалась. 28-го октября 1868-го года Иванъ Яковлевъ выписалъ изъ своей родной деревни нѣсколькихъ чувашскихъ мальчиковъ, помѣстилъ ихъ въ своей собственной ученической квартирѣ и самъ сталъ съ ними заниматься, держа ихъ на свои собственные скудные средства, добываемыя репетиторствомъ въ частныхъ домахъ.

Сначала чувашская школа Яковлева работала въ такомъ отъединеніи отъ общества и въ такой скромности, что кромѣ кружка близкихъ къ Яковлеву лицъ о ней никто и не зналъ. Но скоро молодые люди, знающіе, работоспособные и практичные, какіе стали выходить изъ чувашской школы въ Симбирскѣ, невольно обратили на себя вниманіе общества, земства, и школа быстро завоевала себѣ всеобщія симпатіи. Въ 1875 году школа Яковлева, когда онъ уже блестяще окончилъ курсъ Казанскаго университета и состоялъ окружнымъ инспекторомъ чувашскихъ школъ, была принята на казенное содержаніе и изъ частнаго учрежденія обратилась въ государственное, а въ 1890 г. она получила права учительскихъ семинарій, при чемъ на содержаніе ея стало отпускаться изъ государственнаго казначейства 10,940 рубл.

Въ 1878 г. при школѣ было открыто женское училище для подготовленія учительницъ въ чувашскія школы.

Въ настоящее время при школѣ существуютъ два приходскихъ образцовыхъ училища—мужское и женское—и жен-

скіе педагогическіе курсы. Общее число учащихся въ школѣ достигаетъ 300 чел.

За 40 лѣтъ своей дѣятельности Симбирская чувашская школа достигла рѣдкихъ по своей значительности результатовъ. Просвѣщеніе широкой волной распространилось среди чувашскаго племени. Грамотныхъ чувашъ въ настоящее время нужно считать десятками тысячъ. Въ хорошо поставленныхъ чувашскихъ школахъ, число которыхъ доходитъ до сотни, учителями и учительницами состоятъ чуваши, получившіе образованіе въ чувашской школѣ въ Симбирскѣ. Во многихъ чувашскихъ приходяхъ священствуютъ чуваши же, по выходѣ изъ школы продолжавшіе образованіе въ духовной семинаріи. Нѣкоторые же изъ чувашъ прошли и высшую школу—духовныя академіи, университеты, институты и т. дал. Дѣло борьбы съ невѣжествомъ и язычествомъ чувашъ идетъ успѣшно. За послѣднее время особенно участились ходатайства чувашъ объ открытіи новыхъ приходоѡ, о сооруженіи новыхъ храмовъ и организаціи монастырей, а также объ открытіи новыхъ школъ, но уже не начальныхъ только, а двухклассныхъ, сельско-хозяйственныхъ, ремесленныхъ и т. п. Особенно много сдѣлала Симбирская школа въ смыслѣ просвѣщенія чувашъ, переведа и въ тысячахъ экземпляровъ среди чувашскаго населенія распространивъ книги Священнаго Писанія, богослужебныя книги, а также многія руководства по сельскому хозяйству, по медицинѣ, книги историческія и т. д.

Культурныя заслуги Симбирской чувашской школы были слишкомъ очевидны для мѣстнаго общества, а потому юбилейный день школы—28 октября минувшаго года—прошелъ для нея, какъ день необычнаго торжества, въ которомъ приняли участіе представители различныхъ учрежденій г. Симбирска и другихъ городовъ губерніи, а также представители различныхъ слоеѡвъ общества. По поводу юбилея школы дѣятельность ея достойнымъ образомъ была отмѣчена во многихъ органахъ свѣтской печати, а также и духовной, и это

дало намъ основаніе подѣлиться съ читателями „Руководства для сельскихъ пастырей“ мыслями учредителя школы—нынѣ директора ея Ив. Як. Яковлева—по вопросамъ педагогики, выработавшимся—главнымъ образомъ—въ горнилѣ его счастливаго опыта. Думаемъ, что не безынтересно знать, на какихъ основахъ жила, крѣпла и расцвѣтала Симбирская школа въ то время, какъ тысячи другихъ, въ томъ числѣ и духовныхъ, школъ постепенно умирали и—во всякомъ случаѣ—клонились къ упадку и развалу.

— Въ первое время моей педагогической дѣятельности, — говорилъ намъ Иванъ Яковлевичъ, — я руководился принципомъ, который я—долженъ сознаться — выражалъ не совсѣмъ красивыми словами. „Нужно, — говорилъ я, — *душить* учениковъ работой“. Это не значить, конечно, что моя школа подавляла учениковъ учебнымъ матеріаломъ, а означаетъ лишь то, что мы не боялись работы и тѣхъ ея послѣдствій, которыя на теперешнемъ модномъ языкѣ называются переутомленіемъ, неврастеніей и т. под. Я и мои ученики—дѣти природы и трудового народа. Если у нашихъ отцовъ и братьевъ мозоли на рукахъ, то у насъ должны быть и во всякомъ случаѣ могутъ быть мозоли въ головахъ. Не нуженъ избытокъ работы, вредно обремененіе его, но обиліе и разнообразіе ея—это необходимость, и не горькая, а очень часто сладкая и отрадная.

Цѣль нашей школы заключалась въ томъ, чтобы готовить учителей, а потомъ и учительницъ въ начальныя чувашскія школы. Я не буду говорить о нуждѣ и смыслѣ у насъ начального народнаго образованія, потому что это было бы равносильно тому, если бы я началъ доказывать, что для всякаго человѣка нуженъ воздухъ. Напротивъ, я долженъ сказать, что дѣло народнаго образованія началось у насъ слишкомъ поздно, долгое время велось недостаточно настойчиво и энергично, а потому очень часто начальное образованіе не приносило и не приноситъ тѣхъ благодѣтельныхъ результатовъ, которые оно необходимо должно было бы при-

носить по своей природѣ. Начальное образованіе въ былой своей постановкѣ, а отчасти и въ теперешней не несетъ въ темную народную массу необходимаго свѣта и нужнаго тепла, не помогаетъ выработкѣ въ народѣ твердыхъ и несдвигимыхъ идеаловъ и не даетъ даже простой сметки, какъ непремѣннаго условія болѣе продуктивной работы въ сферѣ практическаго народнаго труда. Чтобы начальное образованіе было не пустымъ звукомъ, не фикціей, а дѣйствительно благотворнымъ началомъ для народной жизни, я поставилъ своей задачею готовить такихъ учителей, которые сознавали бы, что они будутъ полезными для народа дѣятелями лишь въ томъ случаѣ, если сами они будутъ обладать крѣпкими и дѣйствительно нужными для народа знаніями, если свои знанія и вмѣстѣ свою культуру они будутъ умѣть передавать народу вѣрными и цѣлесообразными методическими приѣмами, если они будутъ смотрѣть на свое дѣло не какъ на средство существованія, а какъ на святое служеніе, какъ на подвигъ всей своей жизни, если въ дѣятельности своей они будутъ стремиться не къ тому лишь, чтобы выполнить программу, а къ тому, чтобы одушевить программу, заполнить ее духомъ высшаго сознанія и глубочайшаго смысла, пойти дальше ея. Готовляя учителей, я ставилъ предъ ними высокіе и широкіе идеалы. Я говорилъ имъ, что служеніе ихъ велико и отвѣтственность предъ народомъ безгранична. При этомъ, какъ на образцы для подражанія, я указывалъ имъ не на тѣхъ плохихъ учителей, какихъ они могли видѣть въ жизни, а на великихъ педагоговъ міра. Я убѣждалъ ихъ, что нужно быть учителями не такими, „какъ другіе“, а такими какими *должно* быть. Само собою разумѣется, что при такомъ взглядѣ на дѣло мои ученики—будущіе учителя—должны были много работать. И они работали. Лѣниться мы не любили. Лѣность считали гнуснымъ, недостойнымъ чловѣка порокомъ и лѣнтяевъ презирали такъ, что они помимо всякаго внѣшняго давленія не могли оста-

ваться въ нашей школѣ. Они уходили сами, отпадали отъ организма шоклы, какъ сухіе листья со здороваго дерева.

Ближайшая задача учительской школы была въ томъ, чтобы школьнымъ путемъ прививать темное чувашское населеніе къ русской государственности, къ русской культурѣ. Цѣль ясна. Определенны были и средства. Важнѣйшими предметами были у насъ русскій языкъ и методика. Въ отношеніи русскаго языка мы не скупились ни на разговорные уроки, ни на грамматическія упражненія, ни на чтеніе образцовъ классической русской рѣчи, ни на писаніе сочиненій. Послѣднему виду занятій всегда придавалось особо важное значеніе, и несомнѣнно, что, благодаря именно самостоятельнымъ упражненіямъ въ изученіи русскаго языка, у насъ въ этой области и достигались хорошіе результаты: черезъ 3—4 года обученія, чуваша, до сихъ поръ не слышавшіе ни звука по-русски, въ совершенствѣ овладѣвали и русскимъ языкомъ, и—особенно—русскимъ перомъ. Въ области дидактики широкое мѣсто отводилось практическимъ урокамъ по обученію дѣтей, писанію подробныхъ ихъ конспектовъ и обстоятельному ихъ обсужденію въ присутствіи товарищей практиканта и учителей. Но учитель долженъ быть не только практикомъ, но и теоретикомъ въ томъ смыслѣ, что практическіе приемы его должны быть обоснованы на опредѣленныхъ, строго проверенныхъ логическихъ посылкахъ и одобрены со стороны педагогической исторіи. Съ этой цѣлью у насъ на ряду съ методикой русскаго языка и другихъ предметовъ преподается и педагогика. Но мы не изучаемъ педагогику по параграфамъ и исторію ея по отрывкамъ сочиненій разныхъ педагоговъ. Лучше, чѣмъ знать изъ педагогики кое что и кое какъ,—лучше твердо знать хорошую систему хорошаго мыслителя одного, но въ цѣломъ видѣ. Богатое наслѣдство одного великаго ума гораздо цѣннѣе ничтожныхъ копеекъ всѣхъ существующихъ богачей мысли. Руководствуясь этимъ соображеніемъ, мы долгое время изучали педагогику по знаменитой „Великой Дидактикѣ“ Амоса

Коменскаго, штудирова подлинный ея текстъ въ классныхъ занятіяхъ въ качествѣ обязательнаго учебнаго матеріала, а затѣмъ по системѣ самобытнаго русскаго педагога-философа П. Д. Юркевича.

Чуваши—недавніе язычники фетишисты. Христіанствомъ просвѣщаютъ ихъ давно, но христіанство прививается къ нимъ туго. Ученики моей школы должны были быть не только учителями среди чувашъ, но и миссіонерами для нихъ. Понятно, поэтому, что широкое мѣсто отводилось въ нашей школьной программѣ и религіи. Для меня ясно, что религія—дѣло не столько разсудка, сколько сердца и воли. Религія—это нѣжный, благоухающій цвѣтокъ, который не терпитъ холода неволи или принужденія. Религія требуетъ самаго чуткаго и тонкаго обращенія и осторожнаго возгрѣванія. Поэтому мы не насаждали въ школѣ религіи суровыми предписаніями, сухими формулами учебниковъ и даже строгими тезисами катехизиса, хотя мы придавали свое значеніе и этимъ средствамъ религіознаго воспитанія. Но въ общемъ мы не столько учили религіи, сколько учились ей изъ наблюденія тайнъ природы, изъ интимнаго общенія съ Богомъ въ молитвѣ, которой придавалось особо важное значеніе, изъ чтенія священнаго Писанія, твореній отцовъ Церкви, художественныхъ произведеній на религіозныя темы и т. под. Изъ нашей школы вышло не мало священниковъ и много лицъ, искренно и самоотверженно преданныхъ вѣрѣ и Церкви. И этимъ школа наша могла бы особенно гордиться. Нѣжный ростокъ духа, религія, преломляясь въ условіяхъ быта и жизни, вырастаетъ въ могучее, широколиственное дерево, обращается въ стальные скрѣпы, которыми разнообразныя элементы жизни и явленія ея стягиваются въ одно стройное и нерушимое цѣлое. Прилагаясь къ жизни, духовное религіозное начало становится фундаментомъ, на которомъ только и могутъ построиться различныя формы человѣческихъ отношеній: политическихъ, соціальныхъ, научныхъ, эстетическихъ и т. дал. Нѣтъ будущаго для народа, если въ сердцѣ его

нѣтъ религіи. Наоборотъ, великъ тотъ народъ, который умѣетъ вѣрить. Такъ всегда было, такъ будетъ. Россія велика, но лишь до тѣхъ поръ, пока она является страной богоносцевъ. Поколеблется тысячелѣтняя вѣра народная, и гдѣ ты дѣвалася „мощь высокая, сила гордая, доблесть царская?“ Но не нужно говорить о томъ, чего нѣтъ и быть не можетъ. Для святой Руси Церковь и живущій въ ней духъ—это ея атмосфера, ея родная стихія, воздухъ, пища и питіе, отъ чего она никогда не можетъ отказаться за все то время, пока будетъ существовать. Въ виду огромнаго значенія религіи въ жизни и въ виду ближайшей миссіонерской задачи школы мы и смотрѣли на религію, какъ цементирующее начало по отношенію ко всей нашей школьной работѣ, и если бы меня спросили, на какихъ китахъ стояла ваша школа въ теченіе 40 лѣтъ, то я сказалъ бы:

— *И на религіи.*

Занимаясь русскимъ языкомъ, педагогикой и Закономъ Божіимъ, мы не забывали и того, чѣмъ живетъ свѣтское общество даннаго момента, но не для того, чтобы подлаживаться къ обществу или полемизировать съ нимъ, а для того, чтобы лучше выполнять наше прямое дѣло. Для меня слишкомъ ясно, что если человѣкъ весь преданъ своему дѣлу, если дѣлаетъ онъ его наилучшимъ и наивѣрнѣйшимъ способомъ, если добрые результаты его дѣла на лицо, то зачѣмъ и къ чему ему прилаживаться? съ кѣмъ полемизировать? Тутъ все предъ глазами: „пріиди и виждь“. Такъ мы изучали и художественную литературу, но не для того, чтобы быть въ курсѣ дѣла и стоять съ вѣкомъ наравнѣ и непременно знать то, что въ данный моментъ появляется на книжномъ рынкѣ. Нѣтъ. Мы процѣживали литературу сквозь самый недовѣрчивый фильтръ. Наша задача заключалась въ томъ, чтобы въ грубой и темной народной средѣ насадить больше человѣчности и религіозности, а потому изъ литературы мы брали лишь положительные, свѣтлые и религіозно-настроенные характеры и изучали лишь высокіе и благородные идеалы. Зла

безобразья и всякой низости такъ много въ самой жизни. Грязь и пошлость повседневности извѣстны всѣмъ и каждому по непосредственной близости къ неприглядной житейской обстановкѣ. Зачѣмъ же еще это возведеніе будничной грязи въ безобразный, но художественный апоѳеозъ, и зачѣмъ созерцаніе этого апоѳеоза? Мы не читали всей литературы, а выбирали лишь лучшее изъ нея и идущее къ нашей цѣли. Мы были прямолинейны и не позволяли колебаній изъ стороны въ сторону. Цѣль наша была намъ ясна. Были ясны и средства. Тѣмъ, кто съ нами не соглашался, мы не запрещали уходить отъ насъ, отпадать. Но такихъ не было, вѣроятно, и потому, что, заставляя дѣлать лишь то, что нужно было для нашей цѣли, мы не насильствовали чужой воли, а вступали съ ней, такъ сказать, въ обоюдное соглашеніе. Чтобы ученикъ не могъ заниматься тѣмъ, что не отвѣчаетъ задачамъ школы, мы не запрещали ему, напр., читать тѣхъ или другихъ книгъ, не составляли своихъ индексовъ: мы просто требовали знанія того, что нужно было на нашъ взглядъ. Этого нужнаго было такъ много, что у ученика самого времени не доставало для занятія сторонними пустяками. Создавъ школу почти изъ ничего, вырастивъ ее своими почти единоличными трудами, я не могъ допустить, чтобы школа была не тѣмъ, для чего она создана, и обращалась въ игрушку какихъ либо модныхъ и легкомысленныхъ теченій. Цѣль моей школы была настолько серьезна и высока, она была такъ идеальна, что временная мода—по моему убѣжденію—всегда должна была быть ниже ея и потому я никогда не гнался за модой и не дорожилъ общественнымъ мнѣніемъ нынѣшняго дня. Я искалъ дѣла, а не популярности. И нужны мнѣ были работники, а не вертопрахи съ фаршированными мозгами.

Школа наша готовила и готовить учителей и миссіонеровъ въ деревню, для среды темной и невѣжественной, для обстановки убогой и во всякомъ случаѣ незатѣливой. Наши учителя и миссіонеры готовятся пойти на то поле, гдѣ рабо-

чіе работаютъ съ израненными руками и ногами, гдѣ они часто одѣты въ лохмотья, гдѣ на всемъ почти лежитъ отпечатокъ недостатка и горя. Было бы нелѣпо, если бы въ эту среду пришли миссіонеры или учителя избѣженныя, капризные, съ модными манерами, въ щеголеватомъ платьѣ, съ непривычкой и даже отвращеніемъ къ физическому труду. Такіе учителя и миссіонеры были бы не культурнымъ и культивирующимъ началомъ въ народной средѣ, они не объединяли бы вокругъ себя народной массы и не поднимали бы ее до уровня своего собственнаго развитія, а лишь раздражали бы и оскорбляли бы ее. Поэтому мои ученики жили въ чистотѣ, опрятности, теплѣ и сытости, но отнюдь не въ роскоши, не въ комфортѣ, не въ нѣгѣ. Все, что нужно было дѣлать по школьному хозяйству, они дѣлали сами. Сами рубили дрова, носили воду, мыли полы, рубили капусту, лѣтомъ работали на школьной фермѣ на опытныхъ поляхъ. Это—и внутренняя дисциплина, это—и навыкъ въ сельскохозяйственныхъ работахъ, въ культурѣ и болѣе цѣлесообразной постановкѣ которыхъ такъ нуждается наша полудикая деревня.

Какъ видите, мы работали не мало. Пожалуй, можно даже подумать, что мы отдыха и развлеченій и не знали совсѣмъ. Но нѣтъ, это было бы несправедливо. Мы отдыхали, хотя и не за картами, не за попойками, не въ театрахъ и не за чтеніемъ пустыхъ романовъ. Карты и все такое—это удѣлъ не созидателей жизни, а прожигателей и разорителей ея. Театръ же и романы—это предметъ любовныхъ попеченій опять—таки не людей труда и подлиннаго прогресса, а всякаго рода праздныхъ мечтателей, лѣнивыхъ фантазеровъ, разнокалиберныхъ Маниловыхъ. Театръ и романъ, какъ созданія искусства, какъ плодъ фантазіи, дѣйствуютъ прежде всего на фантазію же, на чувство и развиваютъ чувствительность, мечтательность, капризную причудливость, лѣнь и ложь. Не всегда такъ, а очень часто. Особено же тогда, когда превышаютъ значеніе театра и искусства, что—къ сожа-

лѣпнiю—наблюдается у насъ. Театръ, притягивающій къ себѣ вниманiе народа болѣе, чѣмъ положительный практическiй трудъ, не закаляетъ народной воли, а распатываетъ ее и „разбалываетъ“ народъ, давая слишкомъ много Маниловыхъ, Обломовыхъ и всякихъ другихъ паразитовъ. Мы же хотѣли не паразитствовать, а работать, а поэтому мы фантазiей своею не хотѣли разбрасываться ни по сторонамъ, ни по заоблочнымъ туманностямъ, мы не хотѣли уходить отъ дѣла, которое у насъ подъ руками и которое такъ настойчиво требуетъ приложенiя активныхъ силъ. Временемъ нашего отдыха были религиозные праздники, и лучшимъ наслажденiемъ была молитва, которая для всякаго вѣрующаго труженика даетъ столь прочный миръ, какого не можетъ дать даже лучшее произведенiе истинно-художественнаго творчества, не говоря уже о тѣхъ беззастѣнчивыхъ поддѣлкахъ подъ искусство, которыми такъ многiе восхищаются въ наши дни. Кромѣ того, мы находили отдыхъ въ томъ, что одно дѣло смѣняли другимъ, отъ практическаго дѣла переходили къ теоретическому и отъ умственной работы къ физической.

Вотъ программа моей школы и устои, на которыхъ она жила и работала въ теченiе сорока лѣтъ. Школа моя многимъ можетъ не нравиться. Но—повторяю—я и не искалъ популяриности. Я желалъ только дѣлать дѣло, нужда въ которомъ для моихъ сородичей была внѣ всякаго сомнѣнiя. Что я сдѣлалъ—судить не мнѣ, но для меня въ концѣ моихъ трудовъ такъ же, какъ и въ началѣ ихъ, совершенно ясно, что для успѣха дѣла нужно опредѣленно представлять цѣль его и избирать средства прямые и вѣрныя. Гдѣ нѣтъ знанiя цѣли, тамъ нѣтъ одушевленiя, нѣтъ увѣренности въ работѣ, тамъ недовольство собой, горькiй разъѣдающiй самоанализъ, слабОВОлiе и раздражающее увязанiе въ сѣтяхъ всякихъ недоразумѣнiй и непредвидѣнностей. Тамъ же, гдѣ есть цѣль, но нѣтъ вѣрныхъ средствъ, тамъ получается то же, что у врача, который знаетъ болѣзнь, но не знаетъ медикаментовъ, и который, употребляя для извѣстной ему цѣли

негодныя средства, не служить дѣлу, а губить его, не лечить больного, а убиваетъ его. Нѣтъ, гдѣ отсутствуетъ ясная цѣль, гдѣ нѣтъ въ распоряженіи опредѣленныхъ средствъ, тамъ нѣтъ работы, тамъ губительный туманъ и опасная ложь.

И. Колосовъ.

Постыдная кончина.

Это—противоположность той *непостыдной* христіанской кончинѣ, о которой мы молимъ Бога въ просительной эктениі. Нѣтъ на свѣтѣ несчастія и горя людского, равнаго *постыдной* кончинѣ человѣка. Всякая бѣда, какъ бы она ни была велика, если даже и непоправима, всетаки не отнимаетъ у человѣка всецѣло надежды на перемѣну къ лучшему. Надеждою на лучшее будущее преимущественно и живетъ человѣкъ; она даетъ ему энергію и силу переносить самыя тяжкія испытанія въ жизни и преодолевать наитруднѣйшія препятствія. Надежда порождаетъ геройство. Но отнимите надежду у человѣка, — и онъ станетъ самымъ жалкимъ, несчастнымъ существомъ, обреченнымъ на полное отчаяніе. Постыдная кончина и есть то безнадежное состояніе человѣка, та грань его жизни, за которою безповоротно слѣдуютъ—*плачъ, рыданіе и горе*. Много есть разной меньшей нашей братіи, къ которой мы должны проявлять заповѣданную намъ Спасителемъ братскую любовь; но въ этой любви нашей особенно нуждаются усоншіе *постыдною* кончиною и, въ частности, лишенные жизни на эшафотѣ.

Насъ поражаетъ встрѣчающееся въ жизни противорѣчіе по примѣненію послѣдняго христіанскаго напутствованія погребеніемъ: *сознательныхъ* самоубійць обычно удостоиваютъ христіанскаго погребенія, а казенныхъ преступниковъ лишаютъ. Не смотря на строгія запрещенія церковныхъ законовъ, тѣла усоншихъ первой категоріи почти невозбранно предаются погребенію. Судебно-медицинское дознаніе во всѣхъ

случаяхъ самоубійствъ совершается такъ поверхностно, экспертиза относится къ самоубійцамъ такъ сочувственно и покровительственно, что во всѣхъ самыхъ достовѣрныхъ случаяхъ сознательнаго и обдуманнаго самоубійства она готова видѣть признаки невѣроятности. Насильственно обрываетъ свою жизнь образованный человѣкъ высокой среды, оставляя записку никого не винить въ его смерти, послѣдовавшей отъ нежеланія переносить, напр., тяжкую болѣзнь: лишаетъ себя жизни 15-лѣтняя гимназистка (примѣры изъ тысячи аналогичныхъ случаевъ нашего времени), наканунѣ объявивъ своимъ подругамъ о замышляемомъ самоубійствѣ, наканунѣ же смерти снявшись у фотографа на память и на память же подаривъ своимъ подругамъ разные лоскутки материн, а отцу оставивъ письмо — никого не винить въ ея смерти,—и ихъ удостоиваютъ христіанскаго погребенія съ возложеніемъ даже вѣнковъ. Истинно жаль этихъ и подобныхъ имъ усопшихъ, и пусть бы эта жалость проявлялась въ частной молитвѣ за нихъ! Но зачѣмъ же Св. Церкви открыто и торжественно брать подъ свою какъ бы защиту и покровительство этотъ *грѣхъ къ смерти*? Если сознательные самоубійцы, по церковнымъ правиламъ, лишаются церковныхъ молитвъ, признаваемыхъ для нихъ бесполезными, то погребальный актъ рѣшительно не приличествуетъ имъ: для самихъ усопшихъ онъ бесполезенъ въ религіозномъ отношеніи, а живымъ вѣрующимъ людямъ онъ можетъ подать соблазнъ. Да и вообще безразличнымъ отношеніемъ со стороны Св. Церкви къ умершимъ христіанскою непостыдною кончиною и покончившимъ съ собою постыднымъ самоубійствомъ ослабляется у живыхъ членовъ Церкви страхъ къ смерти и загробной участи и подается нетвердымъ въ вѣрѣ христіанамъ преувеличенная надежда на милосердіе Божіе къ тяжкимъ грѣшникамъ-самоубійцамъ по молитвамъ Св. Церкви. Если бы не практиковалось указаннаго безразличія, то, можно предполагать, уменьшились бы печальные случаи самоубійствъ изъ страха потерять надежду на помилованіе по молитвамъ Св. Церкви и

изъ нежеланія причинить скорбь и огорченіе своимъ близкимъ лишеніемъ христіанскаго погребенія. Мы рѣшительно стоимъ за лишеніе христіанскаго погребенія *сознательныхъ самоубійцъ*: этого требуетъ и Слово Божіе, и наша любовь къ ближнимъ живымъ.

Но для насъ представляется непонятнымъ лишеніе христіанскаго погребенія казненныхъ преступниковъ. Нисколько не оправдывая этихъ преступниковъ за ихъ тяжкія злодѣянія и не думая возражать противъ примѣняемой къ нимъ гражданскимъ закономъ кары, мы всетаки считаемъ за этими несчастными больше правъ на христіанское погребеніе и поминовеніе церковное, чѣмъ за сознательными самоубійцами. Въ своемъ сужденіи мы выходимъ изъ такихъ соображеній. Рѣшаясь на преступленія, едва ли не каждый преступникъ питаетъ надежду укрыться отъ земного правосудія и тѣмъ сохранить свою жизнь. Такихъ злодѣевъ, которые явно и сознательно шли бы на вѣрную смерть (что равносильно сознательному самоубійству) при совершеніи или за совершеніе преступленія, едва ли найдется много; такихъ ничтожный процентъ, и не о нихъ наша рѣчь. Вообще же преступникъ любитъ свою жизнь, хотя и по своему, конечно, бережетъ ее, и несомнѣнно считаетъ ее, хотя, быть можетъ, и безсознательно, однимъ изъ высшихъ даровъ Божіихъ.

Не рѣдко бываютъ примѣры, когда преступники въ минуты духовнаго отрешенія сознаютъ ужасъ и мерзость своей постыдной жизни и задаются желаніемъ впоследствии принести раскаяніе и исправиться. Значитъ, люди эти, попадающіе на эшафотъ, не могли считаться совершенно безнадежными для религіозно-нравственнаго исправленія.

Быть можетъ, время и обстоятельства измѣнили бы ихъ къ лучшему до неузнаваемости. Но главное—что чаще всего можетъ быть и бываетъ,—это искреннее предсмертное раскаяніе преступниковъ. Обыкновенно о предсмертномъ духовномъ состояніи преступниковъ судятъ по ихъ внѣшнему виду. Есть преступники, съ холоднымъ ледянымъ спокойствіемъ на

лицѣ встрѣчающіе смерть: они какъ бы бравируютъ своимъ положеніемъ и бросаютъ дерзкій вызовъ окружающей средѣ; но большинство осужденныхъ являются съ отпечаткомъ на своемъ лицѣ всѣхъ ужасовъ душевной тоски и смертнаго страха. Впрочемъ, по этимъ внѣшнимъ признакамъ нельзя еще судить о предсмертномъ религіозно-нравственномъ настроеніи осужденныхъ. Каково религіозное предсмертное состояніе дѣйствительныхъ преступниковъ, судить со стороны весьма трудно. Возможно, что предсмертное равнодушіе и кажущаяся холодность нѣкоторыхъ изъ нихъ можетъ скрывать за собою чувства глубокой религіозной сосредоточенности и сердечнаго раскаянія, близкихъ къ чувствамъ благоразумнаго разбойника; кажущееся малодушіе другихъ можетъ свидѣтельствовать — если только преступникъ не утратилъ еще вѣры во Христа, — о той жестокой бурѣ душевныхъ страданій, какую они переживаютъ въ данный моментъ; можетъ быть, что у нихъ совершается въ душѣ такое глубокое раскаяніе въ протекшей грѣховной жизни и такая проявляется надежда на милосердіе Божіе, которыя рѣдко бываютъ и у нормальнаго человѣка при исповѣданіи имъ своихъ грѣховъ предъ Богомъ. Есть тяжкіе, закоренѣлые преступники, но есть и легкомысленно увлекшіеся на погибельный путь (особенно въ переживаемое нами время всякихъ увлеченій) изъ среды людей, отличавшихся раньше нравственною порядочностью. Не въ конецъ еще испорченная душа такихъ людей, быть можетъ, и способна бываетъ, при помощи благодати Божіей, во единый предсмертный часъ загладить свою вину предъ Богомъ искреннимъ раскаяніемъ, что по существу дѣлаетъ такого преступника достойнымъ христіанскаго погребенія и церковныхъ таинствъ.

Тюремные священники, нацутствующие преступниковъ въ жизнь вѣчную, должны бы быть первыми ходатаями за своихъ случайныхъ духовныхъ чадъ въ рѣшеніи вопроса, кого изъ нихъ слѣдовало бы удостоить христіанскаго погребенія. Кому же больше и извѣстно можетъ быть религіозно-

правственное состояніе осужденныхъ на смерть христіанъ, какъ не тюремному пастырю, который, поэтому, долженъ быть безпристрастнымъ судьей относительно отданія послѣдняго христіанскаго долга преступнику. Если послѣдній упорно отвергаетъ предсмертное напутствованіе свв. таинствами покаянія и причащенія Тѣла и Крови Христовой, то о христіанскомъ погребеніи такового не можетъ быть и рѣчи. Но какъ отказать въ обрядѣ погребенія тому осужденному, который предъ казнью удостоенъ несравненно большаго—св. таинства причащенія? Вѣдь это оказывается какимъ то необъяснимымъ противорѣчіемъ.

За послѣдніе годы намъ не разъ приходилось видѣть горькія слезы и слышать безнадежно-скорбныя вопросы о томъ, можно-ли поминать казненныхъ родственниковъ и будетъ-ли принята Богомъ молитва за нихъ? Хотя намъ, какъ и вопрошающимъ, къ несчастію, неизвѣстно было предсмертное религіозно-правственное состояніе казненныхъ, но, на основаніи вышеизложеннаго, мы не обинуясь давали отвѣтъ въ положительномъ смыслѣ. Усопшимъ съ покаяніемъ и въ мирѣ съ Церковью, хотя бъ то были преступники, казненные за тяжкія вины, мы готовы оказывать предпочтеніе въ церковномъ поминовеніи предъ сознательными самоубійцами.

Иерей.

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Отъ Кіевского Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Кіевъ, 4 августа 1909 года.

Цензоръ проф. Академіи, священникъ *Александръ Глаголевъ.*

Кіевъ Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго

ГОДЪ

Л

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на шестъ
ПЯТЬ руб., съ перебылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 34.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1909-го года августа 23-го дня.

Содержаніе: I. Матеріаль къ рѣшенію вопроса о равенствѣ голосовъ на собраніяхъ и сѣздахъ духовенства. II. — II. О будущемъ пастырства. Н. Колосовъ. — III. Современная мученица. Свящ. А. Веселичкій.

**Матеріаль къ рѣшенію вопроса о равенствѣ го-
голосовъ на собраніяхъ и сѣздахъ духовенства.**

На страницахъ „Р. д. с. п.“ мы имѣли случай замѣ-
тить, что проектируемое нѣкоторыми епархіальными дѣяте-
лями пресловутое равноправіе священниковъ, діаконовъ и
псаломщиковъ при подачѣ голосовъ на сѣздахъ и пастыр-
скихъ собраніяхъ неминуемо должно вести къ подавленію
или даже совершенному уничтоженію священническихъ го-
лосовъ, такъ какъ, при наличныхъ штатахъ, голосу священ-
ника всегда можетъ быть противопоставленъ голосъ псалом-
щика, а иногда и голосъ діакона, если извѣстная церковь
имѣетъ полный штатъ клириковъ; въ послѣднемъ случаѣ
получается уже два голоса противъ одного.

Такимъ образомъ, чѣй же голосъ будетъ раздаваться на сѣздахъ и собраніяхъ духовенства при осуществленіи проектируемаго равноправія?—Отнюдь не пастырскій, говорили мы, а діаконскій и псаломщическій ¹⁾).

Эти теоретическія соображенія совершенно оправдываются дѣйствительностью. Вотъ свѣжій фактъ, передаваемый Астраханскими епархіальными Вѣдомостями ²⁾. Въ с. З. собрался окружный сѣздъ духовенства для выбора депутатовъ на епархіальный сѣздъ. На окружномъ сѣздѣ присутствовало 20 священниковъ, 8 діаконѡвъ и 14 псаломщиковъ; на двадцать священническихъ голосѡвъ приходилось, такимъ образомъ, двадцать два голоса низшихъ членѡвъ причта. „Какъ извѣстно“, пишетъ корреспондентъ, „низшіе члены причта при коллективномъ рѣшеніи вопросовъ, по многимъ причинамъ, болѣе склонны къ стадности, чѣмъ священники. Здѣсь не принимаются во вниманіе ни доводы разумнаго свойства, ни мнѣніе опытныхъ и авторитетныхъ лицъ,—нѣтъ, тутъ дѣло устраивается опытными агитаторами, обладающими надежными голосовыми средствами, сильно развитыми говорильными аппаратами, и знающими слабыя струнки этой плотной массы“. Съ самаго начала окружный сѣздъ подпалъ вліянію низшихъ членѡвъ причта. Наиболѣе догадливые священники скоро оцѣнили положеніе дѣла и еще до открытія сѣзда начали вступать въ „задушевныя“ бесѣды съ „оппозиціей“. Трогательно было смотрѣть, иронизируетъ корреспондентъ, какъ іерей, у котораго дома псаломщикъ не переступаетъ порога передней, дружески теперь бесѣдовалъ съ нимъ и его собратіями!.. Предъ выборами, въ средѣ священниковъ произошелъ расколъ: двѣнадцать изъ двадцати настойчиво проводили мысль о недопустимости преобладанія псаломщиковъ надъ священниками, и этимъ поспособствовали ббольшей сплоченности оппозиціи, къ которой при баллоти-

¹⁾ См. 1908 г. т. III, с. 305—306; 1909 г. т. II, с. 127—128.

²⁾ См. „Священники депутатовъ не избираютъ...“ въ №№ 14—15.

ровкѣ примкнуло еще три—пять голосовъ изъ среды священниковъ. Результатъ баллотировки получился, разумѣется, желательный для „оппозиціи“: въ депутаты сѣзда были избраны получившіе 25—27 голосовъ *за* при 12—15 *противъ*, и тѣмъ же числомъ преобладающихъ голосовъ были забаллотированы конкуренты напередъ намѣченныхъ избранниковъ.

Не ясно ли, что въ данномъ случаѣ депутатовъ на епархіальный сѣздъ избрали псаломщики и діаконы, а священники сыграли роль только *присутствующихъ* при избраніи угодныхъ низшему причту округа лицъ, которыя, въ благодарность за избраніе, должны будутъ, конечно, на епархіальномъ сѣздѣ творить волю пославшихъ ихъ... II.

О будущемъ пастырства.

(Изъ незаписываемыхъ думъ).

Обыкновенно въ тѣхъ случаяхъ, когда хотятъ сказать, что либо о роли нашего духовенства въ дѣлѣ духовнаго обогащенія нашей родины, въ дѣлѣ культурнаго ея роста, указываютъ на такъ называемыя „историческія“ заслуги духовенства, вспоминаютъ монаховъ-лѣтописцевъ, монаховъ-колонистовъ, митрополита Алексія, Пересвѣта и Ослябу, Авраамія Палицына, Никона, Прокоповича и др. И несомнѣнно „историческія“ заслуги нашего духовенства предъ отечествомъ говорятъ многое за него. Но никакъ не простительно упускать въ данномъ случаѣ изъ виду и тотъ историческій же фактъ, что если сознанію почти каждаго изъ полутора милліоновъ насельниковъ нашей земли ясно предстоить Христосъ съ ярко раскрытою Божескою Своєю волею, если святымъ Христовымъ закономъ руководимся всѣ мы не только въ отношеніяхъ широкой общественной жизни, но и во всѣхъ мельчайшихъ случаяхъ жизни частной, домашней, будничной, если христіанская идея облекла собою все наше бытіе, какъ

бы растворившись въ самомъ окружающемъ насъ воздухѣ,— то въ этомъ повинно почти исключительно наше духовенство, ибо почти никто, кромѣ него, не проповѣдывалъ намъ Христа и Его евангелія. Идея просвѣтить страну Христовымъ свѣтомъ принадлежала великому князю, но выполненіе идеи и все дѣло просвѣщенія должно было нести на себѣ духовенство, и оно несло его съ успѣхомъ. За короткое время мы по интенсивности и могучести вѣры не только сравнивались съ издревле-христіанскими народами,—но, можетъ быть, и превзошли ихъ. Едва ли безъ основанія такіе вдумчивые и искренніе наблюдатели русской жизни, какъ, напр., К. С. Аксаковъ, могли называть русскій народъ „наихристіаннѣйшимъ“. Что-то глубоко-вѣрное и великое таить въ себѣ и это простодушное на видъ наименованіе Руси „святою“. Кажется, за богатое накопленіе въ нашей странѣ религіозной энергіи достаточно можетъ говорить и то обстоятельство, что за всю длинную пору до-петровской Руси духовная жизнь наша вращалась исключительно вокругъ вопросовъ вѣры, около церкви, церковнаго благолѣпія, церковной уставности, церковнаго благочинія. Вся древняя русская литература, гдѣ вѣриѣ всего отображается народный духъ, носитъ на себѣ удивительно четкій отпечатокъ религіозности. Собственно говоря, здѣсь все, начиная съ поученія Луки Жидяты и кончая повѣстью о Горѣ-злосчастьѣ, представляетъ собою церковную проповѣдь во имя Бога Отца и ради жизни будущаго вѣка. И послѣ Петра, когда русская духовная жизнь отъ религіозныхъ интересовъ стала отливаться къ интересамъ чисто культурнымъ, въ подпочвенной сферѣ народнаго духа производилась прежняя работа религіозная. Въ то время, какъ образованное русское общество черезъ прорубленное окно переговаривалось съ Европою, заимствуя оттуда коллегіи, ремесла, искусства, науки, мундиры и парики, низшій слой населенія попрежнему былъ занятъ своимъ богоискательствомъ и вмѣсто того, чтобы идти въ разные „бурги“, шелъ въ наиболѣе дремучіе и глухіе лѣса, растекался по монастырямъ и скитамъ, универ-

ситетской наукѣ предпочитая науку разныхъ старцевъ, „благословенныхъ“ отцевъ, всевозможныхъ „христовъ“ и истинно-христіанскихъ подвижниковъ. Да и само образованное общество при видимомъ разрывѣ съ вѣковой народной жизнью по глубинѣ своего духа оставалось народно-религіознымъ. Это выражалось и въ той чисто религіозной страстности, съ какою оно отдавалось на служеніе идеямъ, то заимствованнымъ изъ христіанства и лишь узко или превратно понятымъ, каковы идеи братства, равенства и свободы, то не только заимствованнымъ изъ христіанства, но и правильно выраженнымъ. Здѣсь необходимо остановиться на той чертѣ въ нашей художественной литературѣ, которая наиболѣе часто упускается изъ вниманія. Имѣемъ въ виду то обстоятельство, что въ новой нашей литературѣ, создавшейся въ пору наибольшаго отъединенія высшаго общества отъ низшаго, не было почти ни одного сколько-нибудь крупнаго писателя, который въ своемъ творествѣ не подходилъ бы къ рѣшенію религіозныхъ, вѣчныхъ темъ. Карамзинъ, Жуковский, Кольцовъ, Пушкинъ, Гоголь, Толстой, Достоевскій, другой Толстой, Тютчевъ, Майковъ и т. д.—всѣ эти корифеи нашего словеснаго искусства оставили намъ дивныя по глубинѣ мысли и по художественности красокъ страницы, гдѣ мы видимъ и слышимъ муки той же алчущей и жаждущей вѣчной правды народной души, которая выражалась въ древнихъ твореніяхъ Иларіоновъ, Сильвестровъ, Полоцкихъ и Славянецкихъ. Замѣчательно, что даже такіе богоборные наши поэты, какъ демоническій Лермонтовъ, словно невѣдомой какой силой влеклись къ созиданію художественныхъ перловъ нѣжнѣйшей религіозной окраски („Молитва“, „Когда волнуется желтѣющая нива“, „Ангель“...), наиболѣе же чуткіе въ религіозномъ отношеніи наши художники, каковы, напр, титанически-великій Достоевскій, умѣли такъ близко подойти къ религіознымъ и моральнымъ проблемамъ и такъ тонко, умно и религіозно коснуться ихъ въ своемъ обсужденіи, что, кажется иной разъ, передъ нашими глазами стоитъ не

поэтъ и даже не религіозный мыслитель, а призванный и убѣжденный служитель Церкви, въ которую вѣруетъ народъ.

Такъ христіанство проникло во всѣ поры русской жизни, объединило въ ней самые разнородные элементы, сгладило углы и округлило рѣзкости. Если по-религіозному живетъ нашъ народъ, то и наша „интеллигенція“ по-религіозному чувствуетъ и по-религіозному стремится. Она только не всегда религіозно мыслить. Но наблюдаемый въ настоящее время переломъ въ сознаниі русской интеллигенціи („Вѣхи“) не сблизитъ ли ее съ народомъ и по этой линіи? Въ виду общей религіозности русскаго народа во всѣхъ его частяхъ, нѣкоторые изъ лучшихъ русскихъ людей и вѣрили въ великую его міровую миссію, и утверждали, что ничто грубое, низкое и животное никогда не прирастетъ къ благородной русской душѣ, что она всегда будетъ молиться небу и духу и никогда кумиромъ своимъ не объявитъ одно земное благосостояніе или одни интересы желудка. Тѣмъ болѣе никогда русскій человѣкъ не пойдетъ на безчеловѣчную борьбу за эти интересы, на разбой, на кровь, на революцію. „Революція невозможна въ русской землѣ“, утверждалъ К. С. Аксаковъ. Повидимому, необходимо уже сказать, что въ этомъ слишкомъ оптимистическомъ взглядѣ на русскаго человека есть значительная доля идеализаціи. Но едва ли можетъ подлежать сомнѣнію то, что дѣйствительно во всѣхъ случаяхъ сколько-нибудь рѣзкихъ потрясеній русской жизни народная вѣра, подобно пружинѣ, замедлитъ и смягчитъ дѣйствіе всякаго принятаго народомъ толчка, а потомъ скоро и рѣшительно отброситъ этотъ толчокъ и совсѣмъ прочь. Такъ было всегда въ русской исторіи, это наблюдалось въ эпоху послѣдняго освободительнаго движенія, то же должно быть и въ дальнѣйшемъ будущемъ. Русскій народъ — вѣрующій народъ. Душа его настроена на возвышенный ладъ. Преклоняется онъ лишь предъ подлинными, а не фальшивыми цѣнностями. Вотъ какими чертами можно еще пока характеризовать нашъ народъ, и справедливость требуетъ сказать, что

причина сравнительно высокой духовной культуры русского человека при низкомъ уровнѣ его умственнаго развитія, причина этого лежитъ и въ томъ великомъ, хотя и безвѣстномъ подвигѣ нашихъ батюшекъ, который вотъ уже многія сотни лѣтъ совершается посреди пустынь, лѣсовъ и болотъ необъятной Россіи, часто въ вопіющей нуждѣ, въ холодѣ, въ голодѣ, въ нищетѣ и нерѣдко въ обидѣ. Эти батюшки упорной и непрестающей своей работой умножали въ землѣ нашей Христову благодать, укрѣпляли вѣру, возгрѣвали любовь, растили силу надежды и душевной твердости. И вотъ здѣсь-то, по нашему мнѣнію, и нужно видѣть главную заслугу нашего духовенства передъ родиною.

Много сдѣлало наше духовенство для родного прошлаго, усердно работаетъ оно и для настоящаго. Но должно сказать, что параллельно усердію духовенства всегда шло его безправіе, моральная приниженность, матеріальная скудость. Эти въ высшей степени неблагоприятныя условія для дѣятельности священника всегда сильно тормозили ее, иногда грозя совершенно ее парализовать. И только силою своего бодратаго духа нашъ священникъ превозмогалъ и почти превозмогъ неумолимый напоръ тяжелыхъ обстоятельствъ. Теперь съ внѣшней стороны положеніе священника значительно улучшилось, но совнутри его гложетъ теперь новый недугъ, можетъ быть, болѣе тяжкій, чѣмъ всѣ прежніе. Само собою разумѣется, что всякій дѣятель непременно заинтересованъ въ будущей судьбѣ своего дѣла. Далеко не безразлично, напр., для ученаго, работающаго надъ какимъ-нибудь научнымъ изобрѣтеніемъ или научной доктриной, будутъ ли его доктрина или изобрѣтеніе жить и послѣ него, или же онѣ скоро будутъ отброшены, какъ что-то бесполезное и гипотетическое. И всякій хозяинъ, частный ли, или общественный, въ томъ только случаѣ съ увлеченіемъ можетъ работать надъ ростомъ и продуктивнымъ приложеніемъ тѣхъ или другихъ экономическихъ цѣнностей, когда онъ знаетъ, что хозяйство его будетъ продолжаться и послѣ него, а не будетъ пущено

его легкомысленными преемниками въ „трубу“. Даже для самаго „механическаго“ чиновника-канцеляриста должно быть важно знаніе того, работаетъ ли онъ надъ дѣломъ, имѣющимъ постоянное значеніе, или же онъ надуваетъ только мыльные пузыри. Что имѣетъ большое значеніе для всякаго вообще дѣятеля, то для священника имѣетъ значеніе огромное до исключительности. Для христіанскаго пастырства вопросъ о будущемъ его — это своего рода „быть или не быть“. Въдѣ въ дѣлѣ пастырства все основывается на „*преемствѣ*“ божественной благодати и всей полноты священническаго служенія, на духовно-наслѣдственной передачѣ ихъ отъ одного поколѣнія къ другому. Христосъ таинственную власть іерейства далъ ученикамъ Своимъ, ученики преподали ее своимъ избранныкамъ, тѣ—своимъ и такъ далѣе до нашихъ дней, буквально и непреложно. Особая, священная и плѣнительная сладость должна таиться въ сознаніи, что нить преемства при всѣхъ историческихъ пертурбаціяхъ, при всѣхъ волненіяхъ, какія колебали жизнь въ теченіе цѣлыхъ двухъ тысячелѣтій, не порвалось ни разу, и каждый служитель Христова алтаря непремѣнно связанъ съ Самимъ Великимъ Архіереемъ Христомъ нитью длинной, но единой. А отсюда и особое вниманіе, и особое благоговѣніе пастырства къ тайнѣ преемства. Гдѣ есть эта тайна, тамъ есть и пастырство, какъ бы низки сами по себѣ ни были отдѣльные пастыри по духовнымъ своимъ качествамъ. Наоборотъ, нѣтъ пастырства—и нѣтъ церкви тамъ, гдѣ не сохранилось преемства. И кто не знаетъ, что цѣлое новое солнце для нашихъ „австрійцевъ“ открылъ бы тотъ, кто съ очевидной убѣдительностью сумѣлъ бы доказать, что ихъ священство органическою связью связано съ священствомъ Христовымъ! Въ виду необычайно важнаго значенія въ пастырскомъ служеніи связи одной генерации пастырей съ другою, и все наше современное русское православное пастырство не можетъ не волноваться вопросомъ, кому оно передастъ свое великое дѣло, найдетъ ли для него достойныхъ, убѣжденныхъ, искреннихъ и стойкихъ

преемниковъ, можетъ ли оно сойти съ арены дѣятельности спокойнымъ за будущее тайны священства? При современномъ положеніи вещей этотъ вопросъ не можетъ не наводить наше пастырство не на грустные только размышленія, а на скорбныя и до болѣзненности тяжелыя думы. И въ тяжести этихъ именно думъ о будущемъ и кроется тотъ злой внутренній недугъ, о которомъ мы говорили выше и который, несомнѣнно, мѣшаетъ нашему пастырству со спокойнымъ сердцемъ сосредоточить всю свою энергію на своей работѣ для настоящаго момента.

Какъ-то такъ случилось, что у насъ уже съ давнихъ поръ наша духовная школа, эта расадница нашего пастырства, почти совсѣмъ оторвалась отъ церкви и даже отъ строго церковной среды и закружилась по своей собственной орбитѣ. Ни для кого не секретъ, что отъ нашей профессиональной школы едва ли не совсѣмъ отлетѣлъ духъ церковности, отдавъ ее во власть всякихъ другихъ духовъ. Предъ сознаниемъ духовно-школьныхъ дѣятелей значительно затемнилась и прямая цѣль ихъ дѣланія; она предносится имъ лишь окутанная туманомъ, далекая, полузабытая. Вслѣдствіе этого нѣтъ у нихъ и опредѣленной программы, какъ извѣстной скалы тѣхъ средствъ, которыя ведутъ къ осуществленію задачи. Потерявши ясное сознание цѣли своей работы и утративши ее программу, наши духовно-школьные дѣятели выполняютъ не то, что нужно, а то, что, такъ сказать, попадаетъ подъ руку. Поэтому теперешнія семинаріи представляютъ что-то въ родѣ складочнаго мѣста, гдѣ преподаются какія угодно науки, готовятся работники чуть ли не на всѣ существующія жизненные поприща, культивируются самые разнообразныя таланты и способности: богослѣвскіе, философскіе, литературные, математическіе, артистическіе, техническіе и т. дал. Конечно, никого нельзя винить только за то, что онъ хочетъ услужить всѣмъ и каждому, но извѣстно также и то, что для хорошей и полезной услуги нужно свое хорошее же умѣнье. Берущійся за немногое, но твердо, можетъ сдѣлать гораздо

больше, чѣмъ тотъ, кто касается всего, но слегка. Прочное знаніе специалиста мы всегда предпочтемъ поверхностной хватанности диллетанта. Между тѣмъ не чисто ли диллетантскій характеръ принимаетъ семинарія, ставя предъ собой задачу научить своихъ питомцевъ и богословію, и математикѣ, и французскому языку, и еврейскому, и тригонометріи, и живописи, и ремесламъ? Но если еще сколько-нибудь терпимъ диллетантъ-математикъ или диллетантъ-столяръ, то диллетантъ-богословъ, а тѣмъ болѣе диллетантъ-пастыръ представляетъ собою явленіе уже уродливое и глубоко печальное. Было бы лучше поэтому, если бы семинарія, отказавшись отъ соблазнительной репутаціи мастерицы на всѣ руки, отграничила общее образованіе отъ спеціальнаго, и разные виды образовательнаго дѣла ввѣрила различнымъ учрежденіямъ и лицамъ. Въ духовной школѣ былого времени не наблюдалось такого явнаго и почти безразличнаго смѣшенія спеціальностей, какъ теперь: преподавая многое, прежняя семинарія, въ виду ясно еще сознаваемой своей цѣли, умѣла отдавать перевѣсъ одному—мысли о пастырствѣ. Старая духовная школа разнообразіе своей программы умѣла синтезировать центральной своей идеей, а потому она давала семинариста широкообразованнаго, но строго церковнаго, съ церковнымъ складомъ мыслей, съ церковнымъ строемъ всего его духа, съ церковными традиціями, даже съ церковными оборотами въ обычной рѣчи. Повторяемъ, что теперешнюю семинарію нельзя винить только за одну широту ея программы. Но въ томъ ошибка современной духовной школы, что широту программы она распространила и на свою цѣль, сдѣлавъ ее до необъятности широкой же и опасно расплывчатой. Переживъ отъ старой школы доброе желаніе знать многое, почти все, новая школа не усвоила ея искусства подчинять второстепенное главному и разнообразіе предметовъ сводить къ высшему единству. Въ силу этого, если старая семинарія поставляла семинариста много-знающаго, но вмѣстѣ и глубоко-церковнаго, то теперешній семинаристъ и малосвѣдущъ и

не церковень ¹⁾. Питомецъ нашей духовной школы просто какъ-то выщѣль, полиняль, обезличился, утративъ тотъ специфическій характеръ, который въ прежнюю пору такъ выгодно выдѣляль его изъ рядовъ всей другой учащейся молодежи. Неуясненность школьной задачи, программная вермишель, а также всѣ эти спектакли въ театрѣ и даже у себя дома, концерты, танцевальныя вечера, участіе во всѣхъ мѣстахъ общественныхъ гуляній, катаній, спортсменскихъ состязаній и т. дал.—эти условія привели яь тому, что нѣтъ теперь у насъ прежняго пытливаго, ищущаго, серьезнаго и такого неподдающаго на легкомысленныя удовольствія семинариста, а есть таковой же щеголеватый и даже такой же капризный франтикъ въ семинарской фуражкѣ, какіе раньше ходили въ фуражкахъ гимназическихъ и разныхъ другихъ. Нельзя что-либо имѣть противъ свѣтскости, какъ свѣтскости, и ничего нельзя возразить противъ посѣщенія семинаристами спектаклей, концертовъ, вечеровъ и т. под., какъ инвѣстнаго эстетическаго развлечения. Наоборотъ, можно только привѣтствовать, что семинаристъ, вращаясь въ свѣтской сферѣ, теряетъ историческую свою грубоватость и пріобрѣтаетъ тотъ внѣшній видъ, который необходимъ для всякаго, кто не хочетъ, чтобы отъ него отдалялись только ради его костюма, манеръ, выговора и т. дал. „По одежкѣ встрѣчаютъ“... Эта древняя пословица долго еще, повидимому, будетъ оправдываться и въ наше новое время. И долго еще; повидимому, отъ изящества ботинокъ, отъ чистоты ногтей, отъ умѣнья кланяться будетъ—въ той или другой степени зависѣть и успѣхъ человѣка въ извѣстной средѣ, а также и такое его положеніе въ ней, когда среда невидимымъ, но сильнымъ давленіемъ выдавливаетъ его изъ себя, какъ нагрѣтый сосудъ пробку. Было въ высшей степени досадно и жалко, что прежній семинаристъ при

¹⁾ Во всей этой статьѣ мы говоримъ о семинаристахъ вообще, а не одной какой-либо семинаріи, к не по личнымъ своимъ наблюденіямъ, а по общимъ сужденіямъ о нихъ. Н. К.

всей своей серьезности и дѣловитости за грубоватость свою и аляповатость пользовался въ обществѣ обидной репуціей и вмѣсто того, чтобы занимать въ жизни позиціи ближе къ аванпостамъ ея, долженъ былъ робко тѣсниться назадъ. Поэтому нельзя не радоваться, что начался процессъ наружной шлифовки семинариста и сглаживанія въ немъ острыхъ угловъ бурсацизма. Но въ данномъ случаѣ очень важно, чтобы, получая внѣшнюю шлифовку, семинаристъ не терялъ прежнихъ внутреннихъ своихъ достоинствъ. Ничего, кромѣ симпатіи, не вызываетъ семинаристъ, который утромъ исполняетъ въ церкви обязанности чтеца, пѣвца или прислужника, днемъ работаетъ надъ какимъ-нибудь философскимъ трактатомъ, а вечеромъ смотритъ въ театрѣ хорошую пьесу; на слѣдующій же день опять аккуратно является въ классъ, въ свое время приходитъ въ церковь и т. дал. Въ данномъ случаѣ важно такое сочетаніе дѣлового съ изящнымъ, такой синтезъ пріятнаго съ полезнымъ, въ которомъ предпочтеніе отдается не праздности и удовольствію, а труду и выполненію обязанности. Но бѣда въ томъ, что такого синтеза въ работѣ и отдыхѣ семинариста почти не бываетъ. По большей части онъ, при подвижности своего молодого темперамента, смотритъ на спектакли, на концерты и на танцы не какъ на способъ освѣжить себя въ своей работѣ перемѣной точки вниманія, а чуть ли не какъ на коренное свое назначеніе и на цѣль своего пребыванія въ стѣнахъ семинаріи. Питомецъ духовной школы не только посѣщаетъ театръ, но до страстности увлекается имъ; не только бываетъ на общественныхъ балахъ, но танцуетъ до упаду, до головной боли, до полной неспособности на другой день послѣ бала идти въ классъ. Многіе изъ духовно-школьныхъ дѣятелей жалуются на необычайно быстрый ростъ среди нашего юношества увлеченій то сценой, то танцами, то музыкой, то журналистикой. Въ пору увлеченія рѣдкіе умѣютъ владѣть собою. Нѣкоторые же доходятъ почти до болѣзненной маніи, которая рисуетъ воображенію юноши, что онъ то великій актеръ, то знаменитый

композиторъ, то будущій Леонидъ Андреевъ и т. дал. По чертежамъ воспаленной фантазіи юноша построяетъ всю свою школьную жизнь, и, понятно, учеба въ такой постройкѣ вгоняется въ самый далекій и темный уголь. Здѣсь уже не синтезъ семинарскаго дѣла со свѣтскимъ изяществомъ, а своего рода жертвоприношеніе, гдѣ кумиромъ является свѣтскость, а жертвеннымъ матеріаломъ—семинарское дѣло. Ясно, что такое положеніе вещей означаетъ уже не менѣе, какъ рѣшительное отступленіе духовной школы отъ своей задачи, а потому и не можетъ считаться нормальнымъ. И тѣмъ болѣе ненормаленъ и нежелателенъ уклонъ духовной школы отъ собственныхъ ея идеаловъ и отъ церковныхъ традицій къ свѣтскости, къ сліянію съ міромъ свѣтской молодежи въ ея идеалахъ, въ ея формахъ жизни, что по наблюденіямъ людей, близко стоящихъ къ свѣтской молодежи, въ ея средѣ такъ мало въ послѣднее время чего-либо хорошаго, свѣтлаго, бодрого и возвышающаго на подражаніе.

Не такъ давно одинъ изъ нашихъ публицистовъ въ остроумной своей статьѣ о русскомъ юношествѣ раздѣлилъ всѣхъ людей на двѣ категоріи: любопытныхъ и нелюбопытныхъ. Первые ищутъ того, что выше матеріальной обыденности жизни, что глубже фактовъ дѣйствительности. Они хотятъ знать и понимать тайну жизни, хотятъ проникнуть въ высшій и сокровенный смыслъ ея и потому они думаютъ, работаютъ, стремятся, жертвуютъ собой. Другіе же, нелюбопытные, инертны, пассивны, упорно смотрятъ внизъ, въ землю и живутъ на ней исключительно интересами желудка и пола. Ко второй малопочтенной категоріи человѣческаго рода публицистъ склоненъ отнести и современное русское юношество за его легкомысліе, за желаніе жить простотою естественной, почти животной жизни, за возведеніе въ апофеозъ грубыхъ человѣческихъ инстинктовъ, за узость идеаловъ, за общую распущенность, за лица „цвѣта хаки“, за тусклые глаза, въ которыхъ „отражаются будущіе Мукденъ и Цусима“... Хотѣлось бы спорить со слишкомъ, казалось бы, педантичнымъ

и опрометчивымъ на языкъ публицистомъ, но, къ глубочайшему огорченію, его острая характеристика нашей молодежи яркое подтвержденіе для себя находить въ наблюденіяхъ п другихъ лучшихъ представителей общества. Такъ А. С. Изгоевъ въ своей статьѣ въ „Вѣхахъ“ объ интеллигентной молодежи совершенно согласно съ вышецитованнымъ публицистомъ констатируетъ фактъ крайней половой распущенности нашего свѣтскаго юношества. Этотъ прискорбный фактъ достаточно убѣдительно иллюстрируется данными анкеты, произведенной приватъ-доцентомъ Членовымъ. Оказывается, что „изъ 967 студентовъ, указавшихъ точное время своихъ первыхъ половыхъ сношеній, 61% юношей начали ихъ не позднѣе 17 лѣтъ, причемъ 53 мальчика начали ихъ въ возрастѣ до 12 лѣтъ, 152 ребенка въ возрастѣ до 14 лѣтъ“. „Когда, пишетъ по поводу этой своего рода морально панамы А. С. Изгоевъ, въ одномъ журналѣ появились рассказы, описывавшіе „паденіе“ восьми-деяти-лѣтнихъ мальчиковъ, въ печати нашей пронесся крикъ негодованія. Негодававшіе были справедливы, поскольку авторы рассказовъ смаковали передаваемые ими подробности гибели дѣтей, поскольку они гнались только за сенсацией, за модной, щекочущей темой. Но въ этомъ негодованіи слышалось и позорное лицемѣріе. Иные критики спрашивали: съ кого они портреты пишутъ! Съ кого! Къ несчастію, съ дѣтей русскаго общества, и къ сугубому несчастію, съ дѣтей *интеллигентскаго прогрессивнаго общества*“¹⁾. „Вѣнцемъ познанія“ для многихъ изъ современной

¹⁾ Если за развѣнчаніе почти неприкосновенной до сихъ поръ интеллигенціи на авторовъ сборника „Вѣхи“ обрушилась значительная часть нашей печати и общества, то многіе изъ лучшихъ русскихъ давно уже держались образа мыслей, объявленнаго вѣховцами. Фактъ, заслуживающій примѣчанія: въ одномъ изъ своихъ писемъ, только что собранныхъ и изданныхъ Бочкаревымъ (цѣна 1 руб.), А. П. Чеховъ пишетъ: „я не вѣрю въ вашу интеллигенцію, лицемѣрную, фальшивую, истерическую, невоспитанную, лѣнивую, не вѣрю даже тогда, когда она страдаетъ и жалуется, ибо ея притѣснители выходятъ изъ ея же нѣдръ; я вѣрю въ от-

молодежи являются по Изгоеву такія творенія, какъ „Санинъ“ Арцыбашева или „Поль и характеръ“ Вейнингера, фактъ, который не заставляетъ радоваться. Удѣляя огромную сумму энергіи и вниманія предметамъ низшаго порядкз, юношество наше работаетъ поразительно мало. На гимназію современный ребенокъ смотритъ лишь какъ на неизбѣжное зло, которое „нужно претерпѣть съ возможно меньшимъ для себя ущербомъ: надо получить наилучшія отмѣтки, но отдать школѣ возможно меньше труда и глубоко спрятать отъ нея свою душу“. Въ цѣляхъ полученія хорошихъ отмѣтокъ молодежь объявляетъ законными всѣ средства: обманъ, хитрость, притворное униженіе“. . Не работая надлежащимъ образомъ въ гимназіи, наше юношество отказывается дѣлать что-либо и въ университетѣ. „Студенты, точно гимназисты, читаютъ на лекціяхъ постороннія книги, газеты, переговариваются и проч. и проч. Само посѣщеніе лекцій происходитъ черезъ пень-колоду, случайно, больше для регистраціи. Откровенно говоря, русское посѣщеніе лекцій не можетъ быть признано за работу, и въ огромномъ большинствѣ случаевъ студентъ въ университетѣ, за исключеніемъ практическихъ занятій, *вовсе не работаетъ*. Онъ „работаетъ“, и при томъ лихорадочно, у себя дома предъ экзаменами или репетиціями, зубря до одуренія краткіе, приспособленные къ программѣ учебники или размножившіеся компендіумы“... Однимъ словомъ, по рѣшительному заявленію г. Изгоева, русская молодежь *мало и плохо учится*, и всякій разъ, кто ее искренно любитъ, обязанъ ей постоянно говорить это въ лицо, а не пѣть ей дифирамбы, не объяснять возвышенными мотивами соціально-политическаго характера того, что сплошь и рядомъ объясняется слабой культурой ума и воли, нравственнымъ разгильдяйствомъ и привычкой къ фразерству“. Обучаясь въ шко-

дѣльныхъ людей, я вижу спасеніе въ отдѣльныхъ личностяхъ, разбросанныхъ по всей Россіи тамъ и сямъ; интеллигенты они или мужики,—въ нихъ сила, хоть ихъ и мало“.

лѣ, русское юношество презрительно относится къ наукѣ, считаетъ ее „буржуазной“, и въ результатѣ этого является то, что, окончивъ университетъ, русскій юноша не умѣетъ „толково излагать свои мысли, не знаетъ азбуки физическихъ наукъ, не знаетъ географіи своей родины, основныхъ фактовъ русской исторіи“... Можетъ быть, спрашиваетъ г. Изгоевъ, университетъ служить для юноши по крайней мѣрѣ подготовительной школой для общественной жизни! Вѣдь здѣсь—эти постоянныя сходки, здѣсь свои кассы, общества. Но нѣтъ, и въ общественномъ отношеніи университетъ не prepares молодежь къ жизни. Университетскія общества, кассы и сходки—это не школа общественности, а лишь „простое кипѣніе“, которое, отнимая у студента все его время, не даетъ ему ничего, кромѣ „видимости содержанія“. На своихъ сходкахъ студенты не научаются даже настоящему искусству говорить. „Наша студенческая толпа, пишетъ г. Изгоевъ, стадна и нетерпима; ея сужденія упрощены и болѣе опираются на страсть, чѣмъ на разумъ. Популярныя ораторы студенческихъ сходокъ всегда поражаютъ убожествомъ мыслей, безобразностью своей рѣчи. Они исходятъ изъ опредѣленнаго канона, говорятъ афоризмами и догматическими положеніями“. Но какъ ни низкопробна наша молодежь въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, она еще находитъ въ себѣ достаточно отваги для того, чтобы считать себя „мыслящей“, „передовой“ и чуть ли не героической. Въ кабакахъ и въ мѣстахъ похуже передовые студенты любятъ пѣть „Дубинушку“ и „Укажи мнѣ такую обитель“. Самое тягостное впечатлѣніе, говоритъ г. Изгоевъ, производитъ „эта невозможная смѣсь разврата и пьянства съ красивыми словами о несчастномъ народѣ, о борьбѣ съ произволомъ“. Но не лучшее впечатлѣніе производитъ наша молодежь и въ обычномъ теченіи своей жизни, когда она, сама отказываясь отъ всякаго серьезнаго и отвѣтственнаго дѣла, позволяетъ себѣ высокомерное и непочтительное отношеніе къ окружающему обществу: бойкотируетъ иногда лучшихъ профессо-

ровъ (здѣсь Изгоевъ вспоминаетъ исторіи съ профф. Введенскимъ, Иванюковымъ, Мануиловымъ), презираетъ родителей, отрицаетъ товарищей, которые не успѣли еще подняться до высоты санинскихъ идей.

Если такова дѣйствительно свѣтская молодежь, какой представляютъ ее близко знакомые съ ней люди, то утѣшительно ли, что семинаристъ, этотъ, кроткій, дѣловитый и серьезно настроенный до сихъ поръ юноша, лучшимъ своимъ идеаломъ счичаетъ быть ничѣмъ неотличнымъ отъ гимназиста и высшимъ счастьемъ—быть облеченнымъ въ студенческую тужурку по формѣ и духу? Явно, что здѣсь полнота прежней духовной жизни семинариста идетъ на убыль, грозя ему въ будущемъ духовнымъ измельчаніемъ, умственной, а также и физической дряблостью и непригодностью для энергической работы въ жизни. А потому-то и не можетъ наше пастырство не беспокоиться за свое будущее, потому-то, неувѣренное въ завтрашнемъ днѣ своего дѣла, оно и не можетъ не страдать острымъ внутреннимъ страданіемъ. Это какъ будто понялъ посторонній свѣтскій человекъ, и вотъ онъ идетъ къ нашему духовенству на помощь. Онъ какъ бы хотеть предупредить духовное юношество отъ его мало продуманнаго увлеченія свѣткостью, свѣтскими идеалами, свѣтскимъ бытомъ. Мрачными красками нарисовавъ образъ современнаго свѣтскаго юношества, г. Изгоевъ замѣчаетъ: *„въ Россіи самая крѣпкая физически часть націи, духовенство, пройдя черезъ интеллигенцію, мельчаетъ и вырождается, даетъ хилое, золотушное, близорукое потомство“*.

Итакъ, что же? Духовное юношество непременно хотеть пройти черезъ свѣткость? Оно непременно хотеть стать хилымъ, золотушнымъ, близорукимъ и физически и духовно выродиться?

Здѣсь стоитъ остановиться и серьезно подумать...

Н. Колосовъ.

Современная мученица ¹⁾.

Повесть из міра сектантства.

I.

Супруги Гричуки нѣсколько мѣсяцевъ назадъ перемѣнили свою вѣру: были и считали себя коренными православными, а теперь стали „евангельскими христіанами“. Какъ произошла съ ними такая перемѣна, эти полутемные, огрубѣлые въ трудовой борьбѣ съ жизнью люди едва ли сумѣли бы и сами себѣ объяснить основательно. Сомнѣваться въ истинахъ православія, сознательно предпочесть ему сектантство ни мужъ, ни жена не могли по той простой причинѣ, что даже обыкновенныя мысли о Богѣ, о вѣрѣ, о жизни побожьи рѣдко посѣщали ихъ практическія головы и еще рѣже тревожили сердца.

До послѣдней поры некогда было объ этомъ подумать: жизнь сполна уходила на трудъ, на заботы о достаткѣ, о подроставшихъ дѣтяхъ. Гричуки оба на-диво сходились характерами, оба съ молодыхъ лѣтъ выгнаны были нуждой изъ родныхъ деревень въ этотъ большой южный городъ и закалились здѣсь въ борьбѣ за право на жизнь. Здоровыя деревенскія натуры-крѣпыши не поддались городскимъ соблазнамъ и упорнымъ нелегкимъ трудомъ завоевывали себѣ это право. Теперь, въ сорокъ лѣтъ, Петръ Гричукъ имѣлъ прочный хорошій заработокъ легкового извозчика, у него былъ давно свой собственный красивый выѣздъ парой и блестящій экипажъ на шинахъ.

Анна, жена Петра, тоже хорошо зарабатывала торговлей на базарѣ съѣстными припасами и овощами. Еще дѣвушкой, живя по прислугамъ, она проявила свой крѣпкій скопидомный характеръ и практическій смыслъ, ухитрившись скопить

¹⁾ Въ основѣ повѣсти — дѣйствительный фактъ, имѣвшій мѣсто въ г. Симферополѣ. „Таврич. ц. о. Вѣстникъ“ № 16-й, 1909 г. *Авторъ.*

по книжкѣ чуть не триста рублей. Когда подвернулось знакомство съ Петромъ, тогда наемнымъ извозчикомъ, Анна сразу угадала въ немъ сродную натуру и надежнаго мужа, повернула дѣло на бракъ и безъ опаски ввѣрила ему свой капиталъ, на который Гричукъ сейчасъ же завелъ собственный выѣздъ, сталъ на свои ноги. Прошло съ того времени цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ совмѣстной супружеской жизни; Гричуки умножали достатокъ и съ головой ушли въ практическіе планы и расчеты, делѣя мечту въ близкомъ будущемъ купить даже собственный домъ и тогда ужъ зажить по настоящему, выйти въ люди изъ „чернаго тѣла“.

Вмѣстѣ съ увеличеніемъ достатка, съ сознаниемъ прочности своего положенія мысль супруговъ, особенно Анны Капитоновны, какъ начинали ее теперь величать знакомыя женщины, стала замѣтно освобождаться отъ узкихъ тѣсныхъ рамокъ матеріальнаго расчета и порой заносилась довольно дерзновенно въ свѣтлыя, новыя для нихъ области. Иногда торговку Капитоновну за базарнымъ прилавкомъ, заваленнымъ овощами и другими съѣдобными продуктами, навѣщали совсѣмъ необычныя мечтанія, захватывающія особеннымъ умилительнымъ томленіемъ грубое и жесткое сердце. Наряду съ яркими представленіями о своемъ будущемъ домикѣ на окраинѣ города, о собственномъ хозяйствѣ во главѣ съ молочной коровой и курами, рисовалась ей личная жизнь съ мужемъ въ другомъ, измѣненномъ видѣ. Но перемѣна эта представлялась не въ одной внѣшности, вродѣ одежды и прочаго. Одежда—что!—размышляла Анна,—и теперь въ праздникъ одѣнется ея Петро—пожалуй отъ барина не отличишь, и у самой есть платья хорошія. Нѣтъ, Аннѣ мечталось о другомъ: тогда душой они будутъ другими—чище, лучше, добрѣе, Бога вспомнить, жить будутъ по людскому, по хорошему. Не все же, и въ самомъ дѣлѣ, биться изъ-за достатка, какъ вотъ теперь, не различая ни будня ни праздника, надо же и душѣ отдыхъ дать, о Богѣ, о доброй жизни подумать... Правда, смутны, неопредѣленны были у Анны

такія мечты, но въ нихъ сказывалось сладостное томленіе подавленной гнетомъ житейскимъ души въ предчувствіи возможности стряхнуть эту тяготу, свободно вздохнуть, взглянуть на небо. Въ простомъ, грубо-практическомъ умѣ торговли зашевелились, пробудились въ смутной, но неотступной формѣ тѣ вѣчные, неумирающіе запросы духа, отъ которыхъ трудно уйти человѣку.

Иногда эти запросы, вмѣсто неясной мечты о какой-то хорошей чистой и свѣтлой жизни, будили въ ней тревожное чувство недовольства настоящимъ, сказывались безпричинной тоской. Петръ замѣчалъ въ женѣ перемѣну и порой грубо ворчалъ на ея невольно срывающіеся вздохи.

— Да что съ тобой, Анна, какая нелегкая мучить? ходитъ—вздыхаетъ, охаетъ, словно потеряла что! Слова не добьешься... Чего тебѣ еще не хватаетъ, живемъ, слава Богу, достатокъ прибываетъ, здоровы. Погляди-ка на себя, вишь, какъ разнесло, чай пудовъ семь будешь. А все—охъ, да охъ... Не люблю я этого,—чтобы не было... Глядѣть тошно.

— Живемъ-то, живемъ мы съ тобой, Петро, и давно живемъ, вонъ и ребятъ народили,—большіе, почитай, стають, и достатокъ скопили, вѣрно ты говоришь, да ладно ли живемъ только,—такъ ли, какъ добрые люди живутъ?—уныло и опять съ ненавистнымъ для мужа вздохомъ возражала жена.—День изо дня, съ утра до вечера на умѣ у обоихъ: ты—о своемъ, я—о своемъ; а души то въ загонѣ, а Богъ то забыть... Вотъ и ноетъ, болитъ сердце по-неволю... И о добрѣ хорошемъ стоскуешься, подумай-ка самъ...

— Да откуда у тебя такое взялось?—не понималъ Петръ душевной тревоги жены: — пустое говоришь, и думы твои напрасныя. Ну, чѣмъ хуже людей живемъ: честно, работой, ни кого не ограбили, худа не сдѣлали... Пожалуй, вѣрно, что Бога рѣдко помнимъ, такъ, вѣдь, изъ-за труда же,—некогда. На то монахи и попы есть—они и должны постоянно помнить, молиться. На то существуютъ. Да и тебѣ кто мѣ-

шаешь: ходи въ церковь по праздникамъ, не много, чай, въ торговлѣ потеряешь. Я не заручаюсь... Твоя воля...

Анна мучилась отъ такихъ рѣчей мужа; она видѣла, что онъ не такъ ее понимаетъ, что душа у нея просить, ищетъ совсѣмъ другого, болѣе глубокаго удовлетворенія, а въ чемъ оно должно состоять, это было не ясно и ей самой. Вѣрнѣе всего, въ Аннѣ начинало пробуждаться то, давно-давно позабытое, подавленное въ конецъ двадцатилѣтнимъ всевозможнымъ городскимъ мытарствомъ, чистое нравственное и вмѣстѣ религіозное самочувствіе, которое когда-то жило въ деревенской дѣвушкѣ, вмѣстѣ со всѣмъ народомъ, съ семьей доставляя ей внутреннее удовлетвореніе и стихійную радость, и которому суждено было замереть въ городѣ. Тамъ оно органически питалось простой вѣрой, посѣщеніемъ церкви, праздниками; но теперь искать удовлетворенія пробудившемуся исканію въ томъ же источникѣ Аннѣ совершенно не приходило на мысль. Городская жизнь отучила отъ этого и ее и ея мужа роковымъ образомъ. Обычное регулярное удовлетвореніе религіозныхъ потребностей, привязанность къ храму, близкія отношенія къ духовнымъ лицамъ—вся эта жизненная когда-то область вѣры давно перестала занимать въ жизни супруговъ должное мѣсто. Соблюдать посты, говѣть каждый годъ, ходить въ церковь, тѣмъ болѣе близко знать духовнаго батюшку,—развѣ доступно и осуществимо все это въ городѣ для какой-нибудь кухарки, или наемнаго извозчика, живущаго у хозяина на биржѣ? Если же за долгое время трудовой жизни здѣсь и выпадали для бѣдныхъ людей нечастые случаи личнаго обращенія къ этой, раньше родной и близкой, а теперь мало доступной области вѣры, то всѣ подобныя, чаще всего вынужденные случаи непосредственныхъ сношеній съ церковію и ея служителями не приносили ихъ сердцу и уму отрады и свѣта, а скорѣе будили горькія, обидныя чувства неудовлетворенности, еще большаго отчужденія.

Съ горечью помнились Петру и Аннѣ ихъ предбрачныя мытарства, соединенныя съ массою расходовъ, очень чувствительныхъ, неуступчивость причта. Два-три случая говѣнья, выпавшіе по счастію за все время подневольнаго труда у хозяевъ, не дали свѣтлаго удовлетворенія грѣшнымъ душамъ: и молиться удавалось спѣшно и мало, и самая исповѣдь предъ утомленнымъ чужимъ священникомъ, торопливая, небрежная оставляла на душѣ только досадный осадокъ разочарованія. Съ неизбежными требами, вродѣ крещенія дѣтей, выходило у нихъ тоже не мало затрудненій: то не застануть батюшки, то сторожъ церковный прямо отошлетъ въ другую церковь,—не нашего, молъ, прихода у насъ не крестятъ. Такъ то въ послѣдній разъ, годовъ пять назадъ, изъ-за отсутствія въ одной церкви батюшки, изъ-за отказа—въ другой, не пришлось покрестить даже чуть живого ребенка: въ третью церковь кумовья не успѣли донести младенца живымъ. Бывали огорченія и мельче, но не менѣе чувствительныя для обидчивыхъ людей. Вздумала, было, Анна въ прошлую пасху принять батюшку съ крестомъ,—слава Богу, было теперь отъ чего; приготовилась заранѣе и даже черезъ псаломщика просила причтъ посѣтить ихъ квартиру. Причтъ цѣлымъ поѣздомъ двигался по ихъ улицѣ и уже остановился у калитки, псаломщикъ говорилъ что-то солидному батюшкѣ въ камлавкѣ и крестѣ, но батюшка сдѣлалъ отрицательный жестъ, и поѣздъ двинулся дальше.

— Не удостоили!—зло подсмѣивался Петръ послѣ того надъ обиженной Анной:—и чудакъ же ты, баба, у меня! экъ разлетѣлась, думаетъ для нея и есть городскіе попы. Есть, милая, у нихъ поважнѣе и побогаче насъ съ тобой. Станутъ они изъ-за извозчика, либо торговки этакое горячее время терять.

Такъ сама собою готовилась для Гричуковъ благоприятная почва для перехода въ сектантство, и, кто знаетъ, не въ подобныхъ ли условіяхъ религіозной одичалости, заброшенности, въ которыхъ проживаетъ у насъ по большимъ го-

родамъ масса пришлаго изъ деревень православнаго рабочаго, ремесленнаго люда, надобно искать причинъ процвѣтанія за послѣднее время всевозможнаго сектантства. Какъ бы то ни было, Аннѣ совѣты мужа—ходить въ церковь по праздникамъ—показались завѣдомой, злой насмѣшкой: она смутно предчувствовала по горькому опыту, что не найдетъ тамъ того, о чемъ затосковала душа. Тутъ и подвернулся ей какъ разъ соблазнительный случай смѣнять свою вѣру. О какихъ-то „новыхъ христіанахъ“ она уже раньше кое-что слышала; была у ней и знакомая одна, тоже торговка, которая приняла уже больше года ихъ вѣру и очень расхваливала.

— И—и, мать моя, ужъ какое сравненіе: наша вѣра, или православная, напѣвала въ уши Аннѣ пріятельница—Карповна въ свободное время за кофеемъ;—про себя скажу: что я была? истуканъ-истуканомъ; ни Христа-то истиннаго, ни любви этой, ни чистоты душевной, ничего-то не понимала, не чувствовала. Что у васъ? Попы, да кадило, да иконы, да деньги за все подавай, колокола звонять, кресты да поклоны, ахватишься—на душѣ хоть бы что! Темно и пусто... Теперь только свѣтъ увидала, узнала, чего Христу нужно, какъ надо жить. Вонъ и мужъ другимъ, небойсь, сталъ. Дрался, пилъ, а теперь человѣкъ-человѣкомъ. Упирался сначала, не шель со мной въ новую вѣру, а теперь самъ благодарить.

— Да ты чего сомнѣваешься,—замѣчая колебанія Анны, продолжала настойчиво ретивая сектантка:—сходи уже со мной, присмотришь, какъ и что у насъ на собраніяхъ бываетъ, оттого тебя не убудеть, а тамъ—твоя воля.

И воля Анны оказалась податливой. Посѣщенія собраній „христіанъ“ кончились переходомъ. За женой пошелъ туда же и мужъ, надоѣли ему приставанія жены, ея нытье. Флегматичный хохоль, исключительно занятый своимъ дѣломъ, равнодушно смотрѣлъ на „дурь“ женки и для семейнаго спокойствія скоро рѣшилъ: „нехай, будь ино по тво-ему. На то же и не гроши тратить, хоть не съ попами дѣло

водить“... Новые сектанты были готовы. Совсѣмъ глупо и необдуманно, подѣ влияніемъ простыхъ непріятныхъ случайностей, легкомысленно было утрачено темными людьми самое дорогое вѣчное сокровище души и сердца, вѣра отцевъ, и смѣнено на сомнительную обманчивую мишуру узкаго убогаго сектантства.

Но для бѣдной, начинавшей пробуждаться души грубой торговки, для ограниченнаго ума это страшное дѣло ломки, утраты, добровольнаго отказа отъ своей исконной, по существу единственно истинной и жизненной вѣры представлялось совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ. Анна переживала глубоко по своему иллюзію какого-то духовнаго возрожденія, испытывала за все это время религіозный подъемъ и небывалое удовлетвореніе. Она стала какъ будто иная, загорѣлась внутреннимъ огнемъ, но огонь этотъ былъ не свѣтлый огонь кроткой Христовой любви, а огонь фанатизма, который ловко поддерживали вожаки секты и который питался обильно общимъ настроеніемъ сектантовъ. Въ душѣ Анны находили гармоническій отзвукъ ихъ обычныя нападки на обрядовую сторону православія, на духовенство: для этого была создана благопріятная почва различными мелочными случаями городской жизни, о которыхъ всегда съ недовольствомъ вспоминали Гричуки. Это же являлось въ глазахъ ихъ оправданіемъ и извиненіемъ въ ихъ взмѣнѣ православію, что не могло все же не отзываться тайной тревогой и глухими укорами совѣсти. Скоро сказалось печальными результатами это самообольщеніе Анны на собственныхъ дѣтяхъ, извративъ даже естественное материнское чувство. Слѣпой фанатизмъ въ новой вѣрѣ вооружилъ ее противъ собственныхъ дѣтей. Невинной жертвой его оказалась маленькая дочь Гричуковъ, десятилѣтняя Маша.

Свящ. *Аванасій Веселуцкій.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 18-го августа 1909 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

Л.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

№№ 35 — 36.

1909-го года 30 августа—6 сентября.

Содержаніе: I. Новыя правила о наградахъ духовенству. Н. Пальмовъ.—
II. Современная мученица. (Продолженіе). Свящ. А. Веселичкій.—
III. Грѣхи школьной педагогич. Терея—IV. Мои воспоминанія.
(Продолженіе). Проф. В. Цѣвницкій — V. Замѣтки. Первая росій-
ская Сергіевская школа трезвости. Іоанниты ждутъ антихриста.

Новыя правила о наградахъ духовенству.

Опубликованъ новый порядокъ представленія къ наградамъ лицъ духовнаго сана.

Очевидно, какъ сильно ни возразали бы нѣкоторые вообще противъ наградъ духовенству, какія бы красивыя слова ни говорили на тему, что пастырскій авторитетъ не нуждается въ внѣшнемъ его утвержденіи и укрѣпленіи посредствомъ знаковъ отличій, и что можно быть авторитетнымъ пастыремъ, не имѣя ни одного ордена, такъ же, какъ можно не имѣть авторитета, хотя грудь преизобильно украшена лентами и крестами, все-таки, не смотря на значительную

долю справедливости въ доводахъ, представляемыхъ къ выясненію слабыхъ сторонъ вопроса о наградахъ духовенству, самыя эти награды не могутъ не сохранить бытія и значенія, разъ онѣ являются внѣшнимъ выраженіемъ и нагляднымъ показаніемъ *признанныхъ* заслугъ.

Признаніе заслугъ—дѣло естественное, и совершается ли оно отдѣльнымъ лицомъ, группою ли лицъ, цѣлымъ ли обществомъ, или правительствомъ, все равно въ каждомъ актѣ признанія сказывается стремленіе такъ или иначе внѣшне отмѣтить заслуги выдающагося дѣятеля. Съ признаніемъ заслугъ связано и уваженіе, а равно и тотъ внѣшній почетъ, на который имѣетъ право всякій, чьи заслуги официально признаны предрержащею властью.

Получаемые пастыремъ знаки отличія могутъ побудить его къ вящей ревности въ служеніи. Опираясь на официальное признаніе своихъ заслугъ, пастырь смѣлѣе можетъ возвысить голосъ въ защиту правды, когда она угнетается сильными землями, и, конечно, въ устахъ заслуженнаго пастыря слово вразумленія, обращенное къ нарушителямъ закона, возымѣетъ бѣольшую силу, чѣмъ слово зауряднаго проповѣдника правды. Успѣхъ пастырскаго дѣла во многомъ зависитъ отъ личности пастыря. Чѣмъ пастырь авторитетнѣе, чѣмъ онъ заслуженнѣе, тѣмъ легче и вѣрнѣе достигаются самыя цѣли пастырства... Впрочемъ, все, что мы говоримъ,—избитая истина, повторяетъ которую приходится развѣ только потому, что предубѣжденіе противъ защищаемаго нами положенія нельзя считать окончательно разсѣяннымъ. Многіе возстаютъ противъ наградъ духовенству потому, что не рѣдко замѣчаютъ отсутствіе справедливости въ распредѣленіи ихъ. Конечно, какъ не согласиться съ тѣмъ, что при награжденіи должно строго сообразоваться съ справедливостью и отмѣчать наградою дѣйствительную заслугу: „милость къ незаслужившимъ ее есть несправедливость и обида достойнымъ“, выразился однажды м. московскій Филаретъ; какъ не признать, что въ такомъ важномъ дѣлѣ, каково присужденіе на-

градъ, положительно нетерпимы личныя пристрастія начальниковъ; что, наконецъ, присужденіе наградъ необходимо должно быть обставлено самою строгою законностью, и заслуги каждаго кандидата на извѣстный знакъ отличія должны быть всесторонне разсмотрѣны и по достоинству оцѣнены компетентными судьями. Но къ чему же возставать противъ самыхъ наградъ и требовать ихъ уничтоженія? Непорядки въ любомъ дѣлѣ указываютъ на нужду въ ихъ исправленіи, но отнюдь не вызываютъ упраздненія дѣла, если оно само въ себѣ ничего дурнаго не содержитъ ¹⁾...

¹⁾ Противъ наградъ духовенству (какъ и противъ наказаній) возстаетъ въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ (въ одномъ изъ іюльскихъ номеровъ) г. Павелъ Левитовъ. Но въ его аргументахъ мы не нашли ничего большаго въ сравненіи съ тѣмъ, что ранѣе говорилось противъ наградъ духовенству, и по поводу чего мы имѣли уже случай не такъ давно отзываться въ „Р. д. с. п.“. См. 1906 г. т. II, стр. 77—90: *О наградахъ духовнымъ лицамъ*.

Кромѣ отрицательнаго отношенія къ наградамъ духовенству, можетъ быть отношеніе еще, такъ сказать, полуотрицательное. Иногда возстаетъ не противъ наградъ вообще, но противъ награжденій орденовыми знаками. И на недавнемъ монашескомъ съѣздѣ въ Троице-Сергіевой Лаврѣ было постановлено просить высшее начальство отмѣнить награжденіе монаховъ орденами въ виду того, что этого рода награды развиваютъ честолюбіе. Неосновательность отрицательнаго взгляда на ордена была выясняема на монашескомъ съѣздѣ преосв. епископомъ Митрофаномъ, однимъ изъ видныхъ участниковъ съѣзда, но слова преосвященнаго не возымѣли надлежащаго воздѣйствія на направленіе мыслей большинства. Послѣ преосв. Митрофанъ печатно высказалъ то, что излагалъ устно на съѣздѣ въ защиту орденовъ. Вотъ его слова, съ справедливостью которыхъ нельзя, кажется, не согласиться. „Представляется мало согласнымъ съ духомъ патріотизма отказываться отъ Монаршей милости, которая для каждаго вѣрноподданнаго послѣ милостей Божіихъ есть самый высокій драгоцѣнный даръ. Если это постановленіе (объ отмѣнѣ награжденія орденовыми знаками) хотѣли принять изъ желанія отнять поводы и искушенія къ честолюбію, то нужно быть послѣдовательными и отъ наградъ царскихъ перейти ко всѣмъ вообще отличіямъ и ихъ также уничтожить. Тогда пришлось бы уничтожить не только всѣ духовныя награды, но, пожалуй, и всѣ должности монастырскія, ибо и онѣ могутъ подать поводъ къ тщеславію и честолюбію. Право, „наставительно“ прибавляетъ преосв.

Новый порядокъ представленія къ наградамъ духовныхъ лицъ замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что открываетъ бѣлому духовенству доступъ къ такимъ высокимъ отличіямъ, какія прежде составляли привилегіи епископовъ и архимандритовъ. Правда, знаки ордена св. Анны первой степени и, затѣмъ митру изъ бѣлаго духовенства получаютъ лишь „знатнѣйшія лица“ и не иначе, какъ въ результатахъ весьма продолжительной и особенно плодотворной службы и дѣятельности на пользу Церкви и духовнаго просвѣщенія, такъ что анненская звѣзда и драгоценная митра составляютъ достояніе немногихъ маститыхъ старцевъ протоіереевъ и то послѣ длиннаго ряда восхожденій по ступенямъ наградной лѣстницы, но, во всякомъ случаѣ, новый Высочайше утвержденный порядокъ награжденія является отраднымъ показателемъ признанія Верховною Властью *большого значенія* за службою бѣлаго духовенства и приносить, вслѣдствіе этого, великое утѣшеніе пастырямъ труженикамъ на нивѣ церковной.

Не далеко ушло то время, когда знатнѣйшія лица изъ среды бѣлаго духовенства, получивъ всѣ доступныя для нихъ знаки отличій, не могли переступить завѣтнаго порога и присоединиться къ величавому сонму звѣздноносцевъ и митроносцевъ. Послѣ на долю бѣлаго духовенства уже стали выпадать анненскія звѣзды; по епархіямъ онѣ жаловались виднымъ протоіереямъ въ ознаменованіе пятидесятилѣтней лично-усердной пастырской службы. Но такъ какъ даже въ пятидесятилѣтній юбилей далеко не всѣ знатнѣйшіе протоіереи сопрічислялись къ ордену св. Анны 1 ст.,—иные жаловались золотымъ наперснымъ крестомъ изъ кабинета Е. И. В., иные и совсѣмъ оставлялись безъ награжденія,—то въ общей массѣ знатнѣйшаго епархіальнаго духовенства прото-

Митрофанъ, „это постановленіе въ пору „обновленцамъ“ и заключаетъ въ себѣ то смиреніе, которое хуже гордости и которое именно и не должно быть среди смиренныхъ иноковъ“. См. „Колоколь“ за 22 іюля т. г. (№ 1011): „Итоги иноческаго съѣзда“.

іерей—звѣздоносцы составляли и составляютъ рѣдкое и, слѣдуетъ добавить, *счастливое* исключеніе. О митрѣ провинціальныя протоіерей не могли даже мечтать, какія бы крупныя заслуги ни числились за ними.

И вотъ теперь, когда бѣлое духовенство получило доступъ къ высшимъ знакамъ отличія, остается варазить сочувствіе къ его радости и высказать пожеланіе, чтобы Господь укрѣпилъ здравіе маститыхъ представителей епархіальнаго духовенства, да видятъ духовная чада украшенными и преукрашенными Монаршею милостію своихъ о Господѣ отцовъ и да возрадуются о нихъ свѣтлою радостію.

II.

Новыя правила о наградахъ лицамъ духовнаго сана даютъ намъ поводъ поставить нѣсколько вопросовъ, окончательное рѣшеніе которыхъ должно принадлежать, разумѣется, высшей церковной власти.

а) Изъ числа наградъ новыя правила исключаютъ набедренникъ и скуфью,—безъ сомнѣнія, потому, что правила перечисляютъ только тѣ награды, которыя испрашиваются у Св. Синода или чрезъ Св. Синодъ,— между тѣмъ какъ набедренникъ и скуфья въ настоящее время являются наградами, выдаваемыми отъ епархіальнаго начальства. Выдаваемые епархіальнымъ начальствомъ, а не высшею церковною властью, эти награды не могли не утратить, въ глазахъ духовенства, того значенія, какое онѣ имѣли до обращенія ихъ въ распоряженіе епархіальной власти. Онѣ низошли въ разрядъ наградъ маловажныхъ, и хотя законъ прилагаетъ къ скуфьямъ тотъ же трехлѣтній срокъ, что и къ другимъ наградамъ въ отношеніи къ предыдущему и послѣдующему удостоенію¹⁾, но законъ этотъ по епархіямъ все рѣже и рѣже соблюдается въ полной его силѣ.

¹⁾ Опред. Св. Синода отъ 12—22 марта 1896 г. № 818; „Церк. Вѣд.“ за 1896 г. № 14.

Археологическія изслѣдованія достаточно уже, кажется, выяснили, что набедренникъ и палица въ сущности одно и то же; различіе между ними установилось въ Русской Церкви по случайнымъ причинамъ и—не такъ давно (съ конца XVI в.), и что, главное, греко-восточная Церковь доселѣ не знаетъ различія между набедренникомъ и палицею.

Въ виду вышеизложеннаго, является вопросъ: не пришло ли время изъять набедренникъ изъ числа наградъ, и не слѣдуетъ ли набедреннику усвоить знаменованія какой-либо начальственной должности, въ родѣ, напр., благочиннаго или протоіерея-настоятеля уѣзднаго собора? Значеніе показателя начальственной должности набедреннику (собственно: епигонатію) даетъ, какъ извѣстно, нашъ теперешній служебникъ, гдѣ сказано, что отличіе это возлагаетъ на себя священникъ въ томъ случаѣ, „аще (онъ) есть протосиггелъ Великія Церкви, или инъ кто, имѣяй достоинство нѣкое“.

Скуфья фіолетоваго бархата въ греческой Церкви съ древнѣйшихъ временъ составляла неотъемлемую принадлежность священнаго сана, а камилавка и доселѣ дается тамъ при хиротоніи. Почему бы и Русской Церкви въ этомъ отношеніи не послѣдовать за Церковью греческою и не предоставить право священникамъ безпрепятственно носить (хотя бы одну) скуфью¹⁾, которая при нашемъ суровомъ климатѣ прекрасно предохранитъ голову отъ простуды, когда въ ненастную погоду приходится совершать длинныя передвиженія (сопровождая, напр., на кладбище покойника), или отправлять требы на открытомъ воздухѣ? Конечно, въ этомъ случаѣ скуфья должна уже совершенно потерять значеніе награды, но скорбѣть по этому поводу, кажется, не приходится, такъ какъ и по новымъ правиламъ общее число наградъ остается весьма почтеннымъ, и до крупныхъ наградъ протоіерею не такъ-то скоро можно дослужиться даже и теперь.

¹⁾ Камилавка уже вошла въ санкціонированный Высочайшею волею поречень наградъ духовенству.

б) Древняя Церковь строго наблюдала порядокъ субординаціи при размѣщеніи священнослужителей, если на богослуженіе собирался цѣлый ихъ сонмъ, съ епископомъ во главѣ. Въ церкви и въ алтарѣ каждый занималъ определенное, болѣе или менѣе почетное мѣсто, соответственно съ служебнымъ положеніемъ и заслугами. Ближе къ предстоятелю становились, конечно, наиболѣе сановитые священнослужители. Теперь, когда протоіереи могутъ получать и звѣзды и митры, возникаетъ вопросъ: какіе же ступени на іерархической лѣстницѣ должны быть предоставлены протоіереямъ звѣздоносцамъ и митроносцамъ?—Что касается до первыхъ, то, намъ думается, они должны занять мѣсто непосредственно послѣ каѳедральнаго протоіерея и ректора семинаріи—протоіерея, поставленныхъ во главѣ бѣлаго духовенства въ виду исключительно высокаго служебнаго положенія обоихъ. Члены консисторіи и благочинные должны безропотно уступить мѣсто звѣздоносцамъ (если, конечно, никто изъ этихъ должностныхъ лицъ не имѣетъ самъ звѣзды), въ уваженіе къ ихъ заслугамъ.

Протоіерею митрофорному, по нашему мнѣнію, принадлежитъ первое мѣсто среди лицъ пресвитерскаго сана. На архіерейскомъ богослуженіи митрофорный протоіерей долженъ стоять сейчасъ же послѣ епископа, выше архимандритовъ—настоятелей монастырей даже первоклассныхъ, если, конечно, ни у одного изъ архимандритовъ нѣтъ высшихъ знаковъ отличій. То обстоятельство, что до сихъ поръ митрофорные протоіереи становятся ниже архимандритовъ, говоритъ скорѣе о скромности „знатнѣйшихъ“ представителей бѣлаго духовенства, чѣмъ свидѣтельствуетъ о нормальномъ положеніи вещей. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ превосходить архимандритъ митрофорнаго протоіерея—настоятеля, напр., приходской церкви?—Іерархическія дарованія у нихъ одинаковы; оба подчинены на одинаковыхъ началахъ консисторіи и епархіальному архіерею; оба, наконецъ, носятъ одинаковыя богослужебныя отличія. Что же? Остается подсчитать, у кого больше

наградъ, и тому отдать преимущество чести. Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, это будетъ протоіерей.

Съ особенною настойчивостью надо говорить о преимуществѣ чести митрофорнаго протоіерея, когда сопоставляется съ архимандритомъ не простой приходскій протоіерей, а протоіерей каѳедральный. Каѳедральный протоіерей—лицо привилегированное въ средѣ епархіального духовенства, и въ параллель ему можно ставить изъ архимандритовъ развѣ одного только намѣстника лавры, пользующагося также привилегированнымъ положеніемъ среди прочихъ архимандритовъ. Каѳедральный протоіерей—*первый* между протоіереями, намѣстникъ лавры—*первый* между архимандритами. Увѣнчанный митрой и занимающій начальственный постъ въ главномъ храмѣ всей епархіи, каѳедральный протоіерей долженъ стоять впереди всѣхъ пресвитеровъ, даже и митроносцевъ, во время соборнаго богослуженія. Но когда въ богослуженіи принимаетъ участіе и намѣстникъ лавры, то, по долгу справедливости, митрофорный каѳедральный протоіерей долженъ уступить первенство намѣстнику, хотя бы онъ былъ и моложе лѣтами и менѣ заслужить, чѣмъ каѳедральный протоіерей. Надо имѣть въ виду, что намѣстникъ занимаетъ начальственное положеніе въ лаврѣ, которая сосредоточиваетъ на себѣ благовѣйные взоры цѣлой православной *Россіи*, а это обстоятельство поднимаетъ служебный рангъ намѣстника выше каѳедрального протоіерея, который начальствуетъ только въ главномъ храмѣ *епархіи*.

Н. Пальмовъ.

Современная мученица

(Продолженіе 1).

II.

Изъ десятка родившихся у Гричуковъ за время супружества дѣтей въ живыхъ оставалось лишь двое—мальчикъ Сеня, тринадцати лѣтъ, и дѣвочка Маша, на три года моложе. Какъ водится въ такихъ трудовыхъ семьяхъ, дѣти росли безъ особеннаго призора подъ преобладающимъ вліяніемъ улицы, и Сеня являлъ уже плоды воспитанія,—былъ порядочный сорванецъ, способный въ компаніи съ уличными товарищами на всякую штуку. Попадало за проказы мальчику отъ отца и матери, но это не портило веселаго бойкаго нрава ребенка и не отталкивало отъ родителей. Былъ онъ и ласковъ и услужливъ, помогалъ, гдѣ нужно и можно, отцу въ уходѣ за лошадьми, таскалъ иногда и матери корзины на базаръ.—„Парень славный растеть выростеть, дастъ Богъ, себя въ обиду не дастъ и въ люди выбьется. Ничего себѣ—добрый извозчикъ будетъ, любить ужъ и теперь отцовское дѣло“. Такъ думали и говорили между собой родители о сынѣ, вполне довольные мальчикомъ.

Совсѣмъ по-другому относились они къ своей дѣвочкѣ, особенно мать. Странное недовольство, какое-то нерасположеніе къ бѣдному ребенку обнаруживала Анна, сама не замѣчая вопіющей несправедливости и обиды, отъ которыхъ страдала внутренне дѣвочка. Вотъ уже не къ мѣсту и не къ дѣлу уродилось дите,—огорченію и вслухъ при ребенкѣ роптала мать:—въ барской семьѣ, на шелковыхъ подушкахъ расти бы ей, а не у насъ, ни здоровья-то, ни виду—тростинка какая-то. И въ кого бы?—недоумѣнно оглядывала Анна, какъ бы сравнивая съ ребенкомъ, свою толстую фигуру и здоровяка мужа:—ни услуги, ни ласковаго слова отъ нея не

¹⁾ См. № 34-й за 1909-й г.

добьешься, молчить себѣ, будто чѣмъ обидѣлъ. Охъ, душеньку она мнѣ всю вымотала!“ И, въ самомъ дѣлѣ, Маша не могла приходиться по душѣ этимъ простымъ, грубымъ и здоровымъ людямъ ни видомъ, ни характеромъ.

Это былъ странный ребенокъ, какъ будто случайно брошенный въ семью извозчика. Худое, угловатое, вытянувшееся не по годамъ тѣлцо Маши напоминало былинку и явно обнаруживало природную слабость, недостатокъ здоровья; на безкровномъ, матовомъ лицѣ съ безкровными губами никогда не появлялось ни румянца, ни загара въ лѣтнюю пору. Оживляли дѣтское лицо только глаза—большіе сѣрые, казавшіеся отъ глубокой посадки и худобы почти черными; смотрѣли они на міръ Божій серьезно, какъ у взрослой, и словно пытались проникнуть въ душу человѣка. Порой въ этихъ глазахъ, когда они устремлялись на мать, свѣтилась нѣмая мольба и укоръ и затаенная нѣжная ласка. Не замѣчая этой ласки, Анна смущалась взглядомъ ребенка и всегда говорила: „ну, что опять уставилась на меня, словно вѣкъ не видала родной матери, не узоры на мнѣ написаны“. И взглядъ Маши робко опускался книзу послѣ такихъ непривѣтливыхъ словъ, и молча, смущенно, отходила она куда-нибудь въ сторону, еще больше раздражая тѣмъ мать...

Физическая, тѣлесная слабость сказывалась въ ребенкѣ недостаткомъ развитія внѣшней жизни: тяготили ее игры, знакомства съ уличными бойкими сверстницами, ей легче, пріятнѣе были неподвижность, покой, одиночество; но зато не по годамъ углублялась и развѣтывалась въ ней внутренняя душевная жизнь, дѣтская мысль и чувство дѣлали свою работу и незримо ткали въ душѣ Маши нѣжные, прихотливые, мечтательныя ткани, созидали дивный, святой, дѣтски-чистый, возвышенный міръ. И въ этомъ мірѣ, за недостаткомъ реальныхъ впечатлѣній, а, можетъ быть, и по противоположности съ грубой дѣйствительностью, преобладали, господствовали религіозные, небесные образы, сіявшіе правдой и нѣжной любовью, которой не находило въ семьѣ ея дѣт-

ское одинокое сердце. Когда всѣ покидали квартиру, — Сеня уходилъ въ школу, родители — по дѣламъ, — Маша оставалась съ шести лѣтъ одна, въ качествѣ домовницы, и это было для нея самое пріятное время: она могла, не боясь окриковъ матери, отдаваться мечтамъ.

Любила она смотрѣть по долгу на двѣ вѣнчальныя родительскія иконы, украшавшія уголь чистой комнатки ихъ тѣсной и грязной квартиры. Чаще привлекалъ ее образъ Богоматери. Юная, красивая, съ лаской склоняетъ она голову къ Своему Младенцу, ласково, любовно смотритъ на Него, а Онъ протягиваетъ ручки и нѣжно обнимаетъ Ея шею. Мать прижимаетъ Дитя къ груди крѣпко, крѣпко. И дѣвочка чувствуя всю бездну любви, материнской нѣжности и теплой дѣтской привязанности, которыя вмѣстѣ и сразу такъ ярко представлены на иконѣ. Сильно, сильно забьется сердце Маши, и понятно ей счастье этого Младенца и счастье Матери: что если бы и съ ней было то же, такъ же бы приласкала мать, такъ же бы сама она могла обнять ее! Но этого нѣтъ — мама ее не любитъ, и все кругомъ такое грубое, всѣ — точно злы на что-то, чувство, близкое къ зависти, волнуется ребенка, ея сиротливое сердце; но нѣтъ, это — не зависть, а просто желаніе чистое и святое — то же бы пережить, испытать и ей, что, видитъ она, такъ живо счастливо переживаютъ Матерь Божія со Своимъ Сыномъ! А вотъ, на другой иконѣ, рядомъ Онъ уже большой, прекрасный, и съ какой лаской и любовью смотритъ Онъ на нее, бѣдную дѣвочку; Онъ всѣхъ любитъ, жалѣетъ, Ею Мать научила этому, Онъ видитъ и жалѣетъ и ее, Машу. И падаетъ Маша предъ иконами и проситъ вслухъ Сына и Мать, какъ живыхъ, чтобы пожалѣли ее и сдѣлали такъ, чтобы и ея мать стала доброй и ласковой къ ней, и чтобы все, все было во-кругъ также свѣтло, хорошо, какъ у Нихъ тамъ, на небѣ.

Предъ вѣнчальными иконами висѣла лампадка, а для нея стоялъ на окнѣ въ бутылкѣ елей. У Гричуковъ, не смотря на холодность къ вѣрѣ, все же держался обычай за-

жигать лампадку въ канунъ праздниковъ и въ самые праздники. Машѣ всегда нравилось, когда зажигалась предъ иконами лампадка: близкія сердцу, живыя для дѣтскаго воображенія лица Матери Божіей, Ея Сына—Дитяти и, на другой иконѣ, уже прекраснаго Мужа оживали тогда особенно ярко, унося ея мечту въ свѣтлый міръ небесныхъ радостныхъ переживаній. Пользуясь свободой одиночества, дѣвочка научилась сама зажигать лампадку и, наслаждаясь ея мерцаніемъ, съ упоеніемъ смотрѣла, какъ при ея свѣтѣ трепетали жизнью любимыя лица, изображенныя на иконахъ. Иногда забывалъ ребенокъ погасить лампадку предъ приходомъ матери, или она замѣчала убыль масла, и тогда неминуемая гроза обрушивалась на безотвѣтную Машину голову. Но брань матери искупалась съ избыткомъ тѣмъ наслажденіемъ, какое получалъ ребенокъ, созерцая святыя лики при свѣтѣ безъ позволенія заженной лампадки.

— „Ты что это, негодница, опять жгла масло?—Бранилась мать, возвращаясь съ базара, измученная торговымъ мелочнымъ мытарствомъ: — даромъ его даютъ, поди? Есть, чай, на то праздники. Вишь, пошла опять въ уголь, молчитъ себѣ, а свое дѣлаетъ. Эхъ, вотъ оно—Божье то наказаніе!“ Горько, горько было Машѣ слушать грубые упреки, но на будущій разъ не могла она опять никакъ удержаться, чтобъ не зажечь лампадки и не помечтать, не помолиться своей чистой, дѣтской молитвой предъ дорогими, сросшимися съ ея душой, образами.

Правда, дѣтски-просты, наивны были въ то время всѣ религіозныя представленія Маши о Богѣ, объ Иисусѣ Христѣ Матери Божіей, можетъ быть даже ошибочны, зато жива, тепла и свѣтла была сердечная вѣра, спасавшая покинутую дѣвочку отъ окружающаго семейнаго мрака и холода. Пробовала она спрашивать Сеню, давно уже посѣщавшаго школу, однако разсѣянный братъ не могъ да и не хотѣлъ удовлетворить ея любознательность. Про мать и отца говорить было нечего: нелюбимый ребенокъ не осмѣливался на-

доѣдать имъ своими разспросами, да и что могли они ей сообщить?.. Но вотъ открылся, наконецъ, выходъ для ея религіозной пытливости. Машу восьми лѣтъ отдали въ ту же приходскую школу, куда ходилъ и Семень. Боже, съ какой жадностію, съ радостнымъ замираніемъ сердца ловила она здѣсь каждое слово, выслушивала каждый новый урокъ законоучителя, съ довѣріемъ привязываясь все болѣе и болѣе къ благодушному старику-батюшкѣ. Когда о. Павелъ, объясняя молитвы, просто рассказывалъ въ классѣ про Дѣву-Марію, про Иисуса Христа, говорилъ имъ о Богѣ—Отцѣ Небесномъ, онъ казался Машѣ необыкновеннымъ, счастливымъ избранникомъ, который „такъ близко и хорошо знаетъ все, все и про Божію Матерь и про Ея чуднаго Сына и какъ онъ, вѣрно, любитъ ихъ и умѣетъ молиться. О, и она теперь будетъ еще больше любить Ихъ и станетъ долго, долго молиться тѣми молитвами, какимъ учить батюшка“. И дѣвочка, по мѣрѣ расширенія религіознаго кругозора, стала еще горячѣе и дольше молиться дома предъ своими завѣтными иконами, которымъ привыкла еще раньше повѣрять свое глухое горе, свои дѣтскія думы и желанія. Посѣщеніе церкви по воскресеньямъ и праздникамъ, куда должны были ходить дѣти-школьники, и гдѣ служилъ тотъ же любимый батюшка-законоучитель, оживляло и расширяло религіозный кругозоръ и набожность Маши.

Черезъ два года ученья дѣвочку, этого десятилѣтняго ребенка, можно было считать вполне сознательной, пламенно-вѣрующей христіанкой, и это было такъ естественно. Вѣдь, при несчастномъ сиротствѣ души и сердца, не знавшихъ тепла и свѣта родительской любовной ласки, эта чудная область вѣры Христовой была для дѣвочки единственнымъ, радостнымъ міромъ, полнымъ кроткихъ любящихъ, отзывчивыхъ на ея горе образовъ, гдѣ она могла жить полною духовною жизнію и забываться въ свѣтлыхъ святыхъ мечтаніяхъ. И Маша ушла въ этотъ міръ незримо, незамѣтно для равнодушныхъ къ ней родныхъ, продолжая оставаться въ ихъ гла-

захъ тѣмъ же, что раньше, нелюдимымъ, нелюбимымъ, робкимъ, молчаливымъ ребенкомъ.

Какъ-разъ въ это время Гричуки, ея родители, переходили въ новую вѣру, готовя дѣвочкѣ, а отчасти и сыну жестокой душевный ударъ. Задуманное родителями тайно отъ дѣтей недоброе дѣло не могло отъ нихъ долго укрыться. Чуткая, наблюдательная Маша стала замѣчать что-то странное въ ихъ разговорахъ и поступкахъ, измѣнилась особенно мать,—сдѣлалась еще грубѣе и раздражительнѣе, нетерпимѣе къ нелюбимому дѣтищу. Отецъ и мать много разъ уже уходили куда-то вмѣстѣ и таинственно возвращались часа черезъ два, не сказывая дѣтямъ на ихъ робкіе вопросы, гдѣ они были:— „не ваше, молъ, ребячье дѣло все знать“. Съ ужасомъ слышала иногда Маша страшныя, хульныя рѣчи матери въ разговорѣ съ отцомъ о самыхъ святыхъ, дорогихъ ей вещахъ и предметахъ: мать бранила поповъ, называла святыхъ иконы ненужными идолами и еще говорила много страшныхъ безбожныхъ словъ про церковь, про крестъ Господень. Дѣти замѣчали, что родители совсѣмъ перестали молиться и не крестились даже, садясь за столъ. Какъ-то Маша хотѣла затеплить на праздникъ лампадку, но мать такъ изступленно закричала на бѣдную, какъ раньше она и не слышала:—это еще что выдумала? Не смѣть чтобы... Вотъ ужъ убрать надо съ глазъ этихъ идоловъ,—сберусь какънибудь!“ Не отпускала теперь дѣвочку Анна и въ церковь:— Нечего тамъ дѣлать тебѣ, дома хоть матери что поможешь. Теперь ученья въ школѣ нѣтъ—никто съ тебя не взыщетъ!“... И ребенокъ насильно оставался дома, глотая горькія слезы обиды.

Наконецъ, тайна странной переменѣны съ родителями разъяснилась для бѣдныхъ дѣтей. Въ нее посвятилъ Сеню его школьный и уличный другъ Степа Пинчукъ.

—Маня! а знаешь, что я тебѣ скажу?—заговорилъ какъ-то таинственно братъ съ сестрой, выбравъ удобную пору, когда не было дома ни отца, ни матери: „Наша-то мама

вмѣстѣ съ отцемъ, слышь, давно „штундовать“ начали, въ новую вѣру ушли! Ей Богу! Вѣрное слово,—мнѣ сегодня Степка Пинчукъ сказывалъ. Самъ онъ видалъ, какъ они въ штундовскую молельню ходили. Бѣда намъ будетъ, потащутъ скоро и насъ съ тобой туда же... А страшно: слышь, крестъ снять заставятъ, на святые иконы плевать... Ты какъ, Маня,—пойдешь, аль нѣтъ?—Сестру Машу въ школѣ, по примѣру ласковой учительницы, всѣ звали Маней; также привыкъ называть ее и братъ.

— Нѣтъ, не пойду!—твердо и рѣшительно отвѣтила сестра. Потомъ, подумавъ, еще повторила: Нѣтъ, Сеня, ни за что не пойду! Этого нельзя сдѣлать, страшный грѣхъ, и Богъ накажетъ,—лучше ужъ умереть... А ты? Неужели пойдешь ты?

— Не знаю еще...—съ колебаніемъ сказалъ Сеня.— Можетъ, и я не пойду. Только боюсь я, Маня, бить отецъ будетъ. Тебѣ ладно, тебя, хоть не любить, да ни разу не били, а я знаю, какъ это больно. Не стерплю, пожалуй...

Разговоръ дѣтей прервали вошедшіе Гричуки. Съ унылыми лицами разошлись братъ и сестра, предчувствуя близкую бѣду и насиліе и сознавая свою беззащитность... Долго въ эту ночь не спала Маня, тревожно билось маленькое сердце, порой замирая отъ ужаса предъ чѣмъ-то невыразимо страшнымъ, что ждало ее, можетъ быть, завтра. Мысли толпились нестройно въ мозгу: думала она о матери и отцѣ, о себѣ и братѣ, приходили на мысль святые мученицы, мученики... Вдругъ появилась надежда на чудо, отъ котораго образуются родители, и Богъ проститъ ихъ грѣхъ, и все будетъ хорошо. Ворочаясь на жесткой постели, дѣвочка принималась молиться, мысленно обращалась въ темнотѣ къ своимъ любимымъ, завѣтнымъ образамъ... „Господи Іисусе Христе, ради Пречистой Твоей Матери, и Ты, Пресвятая Мать Божія, умилосердитесь надо мной, надъ мамой и отцомъ, вразумите, обратите ихъ, сотворите чудо“...—шептали страстно, пламенно уста ребенка, а встающія въ умѣ воспо-

минанія о спасенныхъ грѣшникахъ и блудницахъ, о разбой-
никѣ благоразумномъ укрѣпляли ея вѣру, надежду.

Только предъ самымъ утромъ заснула Маня тревожнымъ,
мучительнымъ сномъ. Свящ. *Аѳанасій Веселицкій*.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Грѣхи школьной педагогіи.

(Дневникъ іерея).

Такъ какъ послѣ семи школа считается самымъ вѣрнымъ факторомъ въ дѣлѣ воспитанія юнаго поколѣнія, то къ ней предъявляются и требованія большія. Къ сожалѣнію, современная школа, по условіямъ своей жизни, слишкомъ далека отъ совершенства. Но какъ-то легче приходится мириться съ разными отрицательными сторонами школьной жизни, когда видишь, что онѣ являются результатомъ сторонняго, внѣшкольнаго вліянія. Гораздо больнѣе становится наблюдать школьные недостатки, а иногда и прямо вредное вліяніе, происходящее отъ своихъ же людей — школьныхъ дѣятелей.— Намъ пришлось быть невольнымъ свидѣтелемъ табакокуренія г. инспекторомъ народныхъ училищъ на выпускномъ экзаменѣ по Закону Божію въ городскомъ училищѣ, гдѣ онъ занималъ мѣсто предсѣдателя экзаменаціонной комиссіи. Если воспитанные люди не рѣшаются курить табакъ въ приличныхъ домахъ безъ дозволенія присутствующихъ; если въ сѣрой деревенской школѣ порядочный учитель не позволить себѣ табакокуренія при обычныхъ занятіяхъ съ учениками по свѣтскимъ предметамъ; если тѣмъ болѣе не допустимо табакокуреніе во время занятій и во всякой другой школѣ средняго типа, — то не дикостію ли должно считаться табакокуреніе передоваго школьнаго дѣятеля не на обычныхъ даже занятіяхъ съ учениками, а на экзаменѣ и вдобавокъ по Закону Божію. Мы уже не говоримъ объ от-

существованіи въ данномъ случаѣ деликатности и приличія, присутствующихъ культурному челоуѣку: превращать школу въ клубъ и курильню, обкуривать двухъ іереевъ (изъ коихъ одинъ протоіерей) съ двумя преподавателями и предстоящихъ предъ экзаменаціоннымъ столикомъ учениковъ — куда какъ неприлично! Но сугубо возмутительно, что неприличіе это продѣлывается на экзаменѣ по Закону Божію. Такимъ безтактнымъ поведеніемъ выражается безмолвное небреженіе къ христіанской релігіи и явная демонстрація противъ тѣхъ благихъ сѣмянъ, какія законоучитель старался внѣдрять въ душахъ учащихся въ теченіе всего года. *Никто* изъ людей *не чистъ отъ скверны*; всѣмъ намъ присущи такіе или иные недостатки., но зачѣмъ этими недостатками намѣренно бравировать предъ низшею средою, на соблазнъ юнаго поколѣнія? Никакія школьныя инструкціи съ словесными воздѣйствіями не помогутъ упорядоченію школы, если она не будетъ свободна отъ дурныхъ примѣровъ воспитателей: примѣръ и факты всегда дѣйствуютъ сильнѣе всякихъ внушеній и теорій. И самой блестящій дидаскаль долженъ считаться бесполезнымъ для школы, если онъ плохой педагогъ.—Кстати—нужно бы лучше выяснить роль депутата отъ духовенства въ городскихъ училищахъ и другихъ частныхъ среднеучебныхъ заведеніяхъ. Думается, что всего умѣстнѣе предсѣдательствованіе въ экзаменаціонной комиссіи по З. Божію оставить за депутатомъ, какъ челоуѣкомъ въ данномъ случаѣ независимымъ. Тогда бы, между прочимъ, экзаменаціонная обстановка едва ли могла принять клубную фізіономію.

Едва ли могутъ быть оправданы педагогическими соображеніями слѣдующіе, допускаемые нѣкоторыми экзаменаторами въ широкихъ размѣрахъ, приемы—это спрашиваніе экзаменуемыхъ по З. Божію внѣ объема даннаго билета (когда производятся экзамены по билетамъ) и вмѣшательство оо. законоучителей въ отвѣты экзаменуемыхъ. Нѣкоторѣе свѣтскіе экзаменаторы, подъ видомъ якобы желанія испытать развитость ученика и общій уровень его знанія, имѣютъ

обыкновеніе засыпать экзаменуемаго вопросами по З. Божію, не имѣющими тѣсной связи съ программнымъ содержаніемъ извѣстнаго билета. Правда, З. Божій состоитъ изъ столь близкихъ и однородныхъ по своему существу предметовъ и отдѣловъ, что всё они, въ силу генетической между собою связи, составляютъ какъ бы нѣчто одно цѣлое. Но если дать волю увлеченію экзаменатора, то одинъ какой-нибудь рассказъ изъ св. исторіи, напр., В. Завѣта незамѣтно можетъ заставить не только пройти по всей исторіи В. и Новаго Завѣта, но онъ заведетъ насъ и въ тайны вѣроученія, а потомъ и нравоученія христіанскаго. Короче сказать: однимъ вопросомъ по З. Божію, чрезъ постепенное нанизываніе другихъ вопросовъ, можно повторить весь З. Божій, коснуться всѣхъ частностей домостроительства нашего спасенія. Но такой пріемъ сулитъ пользу призрачную, а вредъ приноситъ несомнѣнный, именно: экзаменаціонное время неравномѣрно респредѣляется, а вмѣстѣ съ тѣмъ неправильно является и оцѣнка познаній. Потраченное на спрашиваніе по широкой программѣ какихъ-нибудь 5 учениковъ время поневолѣ экономится до послѣдняго мінімума въ дальнѣйшемъ примѣненіи къ цѣлымъ десяткамъ учениковъ; отъ того вторая половина экзамена обыкновенно проходитъ кое-какъ, спѣшно, на скорую руку, почему нельзя бываетъ сдѣлать справедливой оцѣнки успѣховъ. Но съ другой стороны, произвольное уклоненіе отъ программнаго объема билета способно произвести растерянность въ экзаменуемомъ и сбить его съ толку. Просматривая свой билетъ по программѣ, ученикъ обыкновенно сосредоточиваетъ все свое вниманіе на предполагаемыхъ отвѣтахъ, которые, быть можетъ, уже подобраны и приведены въ систему, — но вотъ вдругъ его начинаютъ осаждать сторонними вопросами. Естественно въ это время потеряться, смѣшаться и не только не удовлетворить любопытствующаго экзаменатора, но и подготовленные отвѣты передать вяло и сбивчиво. По нашему убѣжденію, не слѣдуетъ нападать на экзаменуемыхъ съ вопросами, не имѣющими непосредствен-

наго отношенія къ данному предмету. Для этого болѣе подходящимъ временемъ могутъ быть учебные часы въ теченіе учебнаго года. На экзаменѣ же, если время будетъ дозволять, сверхпрограммные вопросы можно предлагать только послѣ законченности экзаменуемымъ отвѣтовъ по содержанію даннаго билета.

Такъ какъ на экзамены нужно смотрѣть, какъ на повѣрку годовичныхъ успѣховъ, то, само собою, въ это время неумѣстнымъ должно считаться „выручаніе“ учениковъ въ отвѣтахъ, на которое очень щедры бываютъ нѣкоторые оо. законоучители. Усиленная помощь учащимся, въ видѣ наведенія на отвѣтъ и подсказыванія, должна считаться вредною и во время обычныхъ классныхъ занятій: она способствуетъ къ ослабленію сообразительности, памяти и вообще понижаетъ степень духовной самодѣятельности ученика, приучая его жить чужимъ умомъ. На экзаменѣ же эта помощь сугубо неумѣстна, особенно когда она проявляется черезчуръ беззастѣнчиво: не успѣетъ ученикъ схватить заданный вопросъ, какъ самъ же вопрошающій услужливо спѣшитъ съ своимъ отвѣтомъ, такъ что экзаменуемому приходится иногда отъ себя вставить только нѣсколько безсвязно выраженныхъ словъ. И вотъ, когда приходится по такимъ отвѣтамъ дѣлать оцѣнку успѣхамъ по З. Божію, то удовлетворительный баллъ ставится противъ фамиліи экзаменуемаго прямо таки за счетъ усерднаго помощника—о. законоучителя. Педагогическая погрѣшность эта едва ли, впрочемъ, замѣчается самими виновниками: въ силу привычки они, пожалуй, мнятъ ея *приносити службу* близкимъ—питомцамъ школы. Грустное недоразумѣніе, печальное явленіе, каковому не должно быть мѣста въ школѣ!

Герей.

Мои воспоминанія.

(Продолженіе ¹⁾).

Чему и какъ насъ учили въ семинаріи.

Система семинарскаго образованія, предначертанная проектомъ устава 1808—1814 года, отличалась большою стройностію и широтою. Эта система твердо держалась до сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Въ началѣ сороковыхъ годовъ при Протасовѣ, по уничтоженіи Комиссіи духовныхъ училищъ и образованіи духовно-учебнаго Управленія, въ ней сдѣланы были нѣкоторыя измѣненія, чрезъ добавленіе нѣкоторыхъ новыхъ наукъ. Но въ существенномъ она осталась та же самая, и подверглась коренному преобразованію въ 1867 году, будучи смѣнена Толстовскимъ уставомъ, просуществовавшимъ немного болѣе пятнадцати лѣтъ.

Курсъ семинарскаго образованія рассчитанъ былъ на шесть лѣтъ, и раздѣлялся на три отдѣленія, — низшее, среднее и высшее. Для прохожденія наукъ каждаго отдѣленія назначалось два года.

Въ каждомъ отдѣленіи былъ одинъ главный предметъ, или одинъ средоточный пунктъ, на который обращено было вниманіе учащихся. Къ этому главному предмету присоединялось нѣсколько побочныхъ или второстепенныхъ предметовъ. Но этимъ побочнымъ предметамъ, какъ и назывались они въ семинаріяхъ, не удѣляли такого же вниманія, какъ главному предмету отдѣленія, и успѣхи учениковъ оцѣнивались собственно потому, какъ они учились и успѣвали по главному предмету.

По главному предмету, господствующему въ отдѣленіи, отдѣленія назывались: одно низшее—словесностію или риторикою, среднее—философіею, высшее—богословіемъ.

¹⁾ См. №№ 28—29-й за 1909-й г.

Въ низшее отдѣленіе семинаріи поступали или принимались ученики, успѣшно прошедшіе курсъ духовнаго училища, гдѣ главнымъ образомъ они изучали классическіе языки. Теперь въ семинаріи классическіе языки отступаютъ на задній планъ, и ими почти совсѣмъ не занимаются. Главный предметъ, на которомъ прежде всего и болѣе всего сосредоточивается вниманіе учениковъ, поступившихъ въ семинарію, риторика или словесность. А главная задача, которая преслѣдуется при изученіи риторики,—пріученіе воспитанниковъ къ писанію сочиненій или къ письменному изложенію своихъ мыслей.

Какъ же велось то и другое дѣло? Въ чемъ состояла теоретическая часть риторики? И какъ практически пріучали воспитанниковъ къ сочиненіямъ?

Печатнаго руководства по риторикѣ не было. Прежде, когда преподавали и изучали науки въ семинаріи по-латыни; признаннымъ руководствомъ была риторика Бургія, а въ половинѣ сороковыхъ годовъ преподаваніе велось уже на русскомъ языкѣ, а Бургія оставили. Пользовались риторикою Кошанскаго, но она не имѣла значенія руководства. Наставники сами составляли записки по словесности и выдавали ихъ ученикамъ. Во время моего обученія въ семинаріи въ словесности было четыре параллельныхъ отдѣленія, и наставники этихъ отдѣленій не выдавали каждый своихъ особыхъ записокъ, а они раздѣляли трудъ составленія записокъ между собою на четыре части. Одинъ наставникъ, по предварительному соглашенію съ сослуживцами, составлялъ записки по одному отдѣлу системы, другой по другому, третій по третьему, и четвертый по четвертому. Прежде выдачи записокъ ученикамъ, наставникъ представлялъ записки на просмотръ ректору. Каждый наставникъ волею былъ дѣлать нѣкоторыя сокращенія, дополненія и измѣненія въ запискахъ по отдѣлу, не имъ обработанному. Но программа, по которой составлялись записки, въ главныхъ частяхъ своихъ была утверждена и оставалась неизмѣнною.

По этой программѣ риторика раздѣлялась на общую и частную. Въ общей риторикѣ три главные части: 1) объ изобрѣтеніи, 2) расположеніи и 3) выраженіи мыслей. Въ трактатѣ объ изобрѣтеніи мыслей главный отдѣлъ былъ о періодахъ, которыхъ насчитывалось до десяти видовъ. Въ трактатѣ о расположеніи мыслей самое видное мѣсто занимало изложеніе ученія о хрїяхъ, въ которыхъ указывался прототипъ или схема, по какой могутъ быть составляемы всякія сочиненія, и силлогизмахъ. Въ трактатѣ о выраженіи мыслей излагалось ученіе о слогѣ и его свойствахъ, о слогѣ простомъ, среднемъ и возвышенномъ, о достоинствахъ и недостаткахъ слова и о разныхъ родахъ украшенія рѣчи,—о тропяхъ и фигурахъ. Троповъ указывалось только пять: метафора, метонимія, синекдоха, иронія и гиперболоа. А фигуръ, или фигуральныхъ способовъ выраженія, насчитывалось около сорока, и онѣ раздѣлялись на фигуры словъ и фигуры мыслей. На каждую фигуру приводились болѣе или мѣнѣе длинные примѣры, которые нужно было заучивать наизусть.—Въ частной риторикѣ говорилось о разныхъ родахъ и видахъ сочиненій,—описаніяхъ, повѣствованіяхъ, письмахъ, разговорахъ (какъ особый видъ сочиненія указывался разговоръ въ царствѣ мертвыхъ между историческими лицами), разсужденіяхъ и ораторскихъ рѣчахъ—духовныхъ и свѣтскихъ...

Къ риторикѣ присоединялась піитика, которая проходила въ второй годъ курса низшаго отдѣленія. Но ей не придавалось такого же значенія, какъ риторикѣ, между прочимъ потому, что писаніе стиховъ не было обязательнымъ, такъ какъ поэтическій даръ считался принадлежностію немногихъ. Въ піитикѣ сообщались свѣдѣнія о родахъ стихосложенія,—стихосложеніи метрическомъ, силлабическомъ и тоническомъ. При изложеніи ученія о стихосложеніи тоническомъ, господствующемъ въ русской поэзіи, изъяснялось, что такое ямбъ, хорей, дактиль, анапестъ, амфибрахій. Подробно излагался трактатъ о родахъ поэзіи, поэзіи эпической, лирической, драматической; къ этимъ тремъ главнымъ ро-

дамъ поэзіи причислялась еще поэзія дидактическая и поэзія описательная. Въ поэзіи эпической, какъ виды, указывались поэма, повѣсть, романъ, баллада, въ поэзіи лирической первѣе всего ода, въ примѣръ которой приводилась ода Державина: *Богъ*, которую мы всѣ должны были выучить наизусть, пѣснь, элегія, мадригалъ, сонетъ..., въ поэзіи драматической трагедія, комедія, драма, водевиль, опера, въ поэзіи дидактической поэма дидактическая, сатира, эпиграмма, басня, въ поэзіи описательной идиллія, эклога, краткія стихотворныя описанія.

Система риторики, а за нею и шітики, излагалась сухо, теоретично. Существенный недостатокъ при преподаваніи словесности въ старыхъ семинаріяхъ состоялъ въ томъ, что ограничивалось одною теоріею, и не обращали вниманія на исторію литературы. Исторія литературы не входила въ курсъ словесности. Съ писателями и главными произведеніями литературы насъ не знакомили. Приводились отрывки изъ классическихъ произведеній, какъ примѣры въ подтвержденіе или поясненіе тѣхъ или другихъ правилъ теоріи. Но эти краткіе отрывки не могли давать цѣльнаго представленія о произведеніи и его писателѣ. Если у учениковъ было какое-либо знакомство съ изящною литературою и ея извѣстными представителями, то оно было случайное, и получалось не отъ уроковъ наставника, а отъ собственнаго усердія учениковъ.

Главная задача, возлагавшаяся на наставника словесности, состояла въ томъ, чтобы пріучить воспитанниковъ къ письменному изложенію своихъ мыслей, и къ этой цѣли направлены были прежде всего наши заботы и усилія. Сочиненіями занимали насъ очень много и не оставляли представляемыхъ нами сочиненій безъ просмотра и болѣе или менѣе тщательнаго исправленія.

Заслуживаютъ вниманія и тѣ методы какими пользовались, пріучая насъ къ составленію сочиненій, о какихъ забыла и какихъ не цѣнитъ нынѣшняя практика. Въ первое

полугодіе, отъ вакаціи до Рождества, насъ упражняли въ писаніи періодовъ. Писали періодовъ мы очень много: каждую недѣлю непременно мы должны представлять, по крайней мѣрѣ, по одному періоду. Это была домашняя заказная работа. Но кромѣ этой домашней работы насъ нерѣдко заставляли писать періоды въ классѣ; нерѣдко во время урока заставляли экспромтомъ составлять такой или другой періодъ на заданную тему, вызывая для этого одного или другого ученика, и если вызываемый не справляется съ задачею, приглашали другого восполнить и исправить его экспромтную работу.

Процессъ писанія или составленія сочиненій начинался съ періода простаго. Написать простой періодъ дѣло, повидимому, очень легкое. Но юная слабая мысль, еще не начавшая авторской практики, которой притомъ всякое сочиненіе казалось дѣломъ мудренымъ, въ недоумѣніи могла останавливаться предъ задачею составить полный періодъ изъ сухаго предложенія, состоящаго изъ двухъ словъ. Въ пособіе ей указывались такъ называемыя циркумстанціи (*circumstantiae*), или обстоятельства. Этими циркумстанціями (техническое слово въ старой риторикѣ) намѣчались и ставились предъ мыслию начинающаго сочинителя пункты или вопросы, держась которыхъ онъ безъ особаго затрудненія сухое голое предложеніе могъ развить и округлить до полного періода. Эти циркумстанціи означались слѣдующими семью вопросами: *Quis? Quid? Quare? Quomodo? Quando? Ubi? Quibus auxiliis?* Конечно, на каждый пунктъ, указываемый этими вопросами, непременно нужно было включать въ полный періодъ, при его составленіи. Сообразительности самаго ученика предоставлялось рѣшать, какіе пункты, по характеру его темы, удобны и нужны для него, и какіе могутъ быть оставляемы.

Послѣ краткой практики съ простыми періодами, насъ много и долго упражняли въ писаніи и устномъ составленіи періодовъ сложныхъ. Періодовъ сложныхъ было нѣсколько видовъ: причинный—самый главный, противоположный, усту-

пительный, условный, сравнительный, раздѣлительный, относительный, изъяснительный. Виды періодовъ были не что иное, какъ готовыя данныя формулы, опираясь на которыя работала юная, еще не твердая, мысль, пріобрѣтая чрезъ то гибкость и изворотливость. Писаніемъ этихъ періодовъ занимали насъ до Рождества. Наставнику словесности много труда доставляли эти періоды. Каждую недѣлю нужно было подавать по одному письменному упражненію. Кромѣ домашнихъ упражненій были еще упражненія классическія. А въ классѣ у наставника было болѣе шестидесяти человѣкъ. Набирались у него кучи тетрадей, которыя одинъ наставникъ, любившій гиперболическія выраженія, измѣрялъ саженими. Нужно было ихъ пересмотрѣть, пожалуй, исправить, и потомъ нѣкоторыя изъ нихъ разобрать и покритиковать въ классѣ, и при этомъ давать руководственныя указанія касательно наилучшаго способа веденія писательскаго дѣла. Нужно замѣтить, что многіе наставники, занимавшіе кафедрю словесности, которымъ по задачѣ этой кафедры поручалось руководство новичковъ семинаристовъ въ писаніи сочиненій, вели дѣло съ усердіемъ и съ немалою пользою для внимательныхъ учениковъ.

Для облегченія ихъ, часть тетрадей, подаваемыхъ имъ учениками, передавалась на просмотръ и рецензію наставникамъ побочныхъ предметовъ, по распоряженію ректора семинаріи. Эти наставники побочныхъ предметовъ не имѣли непосредственныхъ отношеній къ ученикамъ по писательскому дѣлу, часто были изъ преподавателей другихъ отдѣленій, совершенно не знавшіе учениковъ, которыхъ тетради давались имъ для просмотра и рецензіи. Они смотрѣли на возлагаемую на нихъ рецензію ученическихъ сочиненій, какъ на чужую работу, не входящую въ прямой кругъ ихъ обязанностей, и относились къ ней невнимательно. А иные, тяготясь скучною работою, сами не просматривали переданныхъ имъ ученическихъ задачъ, а передавали ихъ цѣликомъ на просмотръ и рецензію ученикамъ высшаго отдѣленія семинаріи, и они писали рецензіи на сочиненіяхъ учениковъ

низшихъ отдѣленій, часто не по оцѣнкѣ достоинства ихъ, а по личнымъ отношеніямъ къ тѣмъ или другимъ ученикамъ. Такое порученіе ученикамъ высшихъ отдѣленій рецензировать сочиненія словесниковъ, какъ незаконное, дѣлалось секретно. Но этотъ секретъ не могъ скрыться отъ семинаристовъ, и отъ этого происходили неудовольствія на наставниковъ, дозволявшихъ себѣ такіе поступки, и на тѣхъ богослововъ, которые не по праву брались не за свое дѣло, и нерѣдко являлись неумѣлыми и несправедливыми цѣнителями работъ своихъ младшихъ товарищей. Случалось, что такія порученія давались богословамъ далеко не лучшимъ, которые сами не могли похвалиться писаніемъ хорошихъ сочиненій. Такую вольность,—уклоненіе отъ чтенія ученическихъ сочиненій, имъ переданныхъ, въ мое время позволяли себѣ наставники естественной исторіи и сельскаго хозяйства. Наставники побочныхъ предметовъ, читавшіе ученическія сочиненія, на сочиненіяхъ и по поводу сочиненій не писали и не дѣлали никакихъ замѣчаній, а ограничивались сухими голыми рецензіями похвального или отрицательнаго качества, и по прочтеніи сочиненій передавали ихъ наставнику главнаго предмета, который давалъ темы для сочиненія, и всѣ сочиненія ученики получали изъ рукъ этого наставника, причемъ иной разъ высказывались заявленія отъ учениковъ, что имъ несправедливо подписана плохая рецензія. Въ особенности такія заявленія дѣлались учителю, когда извѣстно было, что вмѣсто учителя семинаріи сочиненія просматривалъ и похвалы подписывалъ какой-либо богословъ.

Вводныя замѣчанія о рецензіи ученическихъ сочиненій нѣсколько уклонили меня отъ послѣдовательнаго изложенія тѣхъ занятій сочинительскимъ дѣломъ, какими насъ упражняли въ низшемъ отдѣленіи семинаріи, или въ словесности. До Рождества, сказалъ я, мы писали періоды, сначала простые, потомъ сложные. Послѣ Рождества насъ заставляли писать хриі, а послѣ нихъ другіе роды сочиненій. Хриі и другіе роды сочиненій были несравненно болѣе обширны, и

требовали отъ сочинителя болѣе напряженія и усидчивости, и потому онѣ задавались на болѣе продолжительный срокъ, чѣмъ періоды, — дней на десять или недѣли на двѣ.

Хрію я назвалъ прототиномъ или образчикомъ, по какому могли составляться разныя сочиненія, и вниманіе къ нимъ или ихъ составленію было большое какъ со стороны учениковъ, такъ и со стороны учителя.

Хріи были двухъ родовъ: хрія простая и хрія превращенная. Сначала мы писали хріи простыя, а послѣ нихъ переходили къ составленію хрій превращенныхъ. Простая хрія состояла изъ слѣдующихъ частей, содержаніе которыхъ указывается ихъ названіемъ: приступа, предложенія, причины, противнаго, сравненія, примѣра, свидѣтельства и заключенія. По этимъ рубрикамъ нужно было проводить развитіе данной темы. Самое большее значеніе придавалось той части хріи, гдѣ излагалась причина; и эта часть принимала иногда очень широкіе размѣры, и въ хріи она не должна быть опускаема. Другія части могли быть опускаемы. Не требовалось непременно, чтобы въ хріи всѣ указанныя части или рубрики были наполнены.

Особый видъ простой хріи была хрія авфосіанская, названная такъ по имени своего изобрѣтателя Авфосія. Она имѣла только ту особенность, что въ приступѣ ея излагалась похвала писателю, изъ котораго взята данная тема сочиненія, или изъ котораго приводилось изреченіе, служащее основною мыслию для всего сочиненія. А прочія части ставились въ ней тѣ же, что и въ простой обыкновенной хріи.

Хрія превращенная, къ которой переходили послѣ довольнаго упражненія въ писаніи хріи простой, была двухъ родовъ: одна чрезъ предыдущее и послѣдующее, а другая чрезъ положеніе и приложеніе. Въ ней было меньше частей, чѣмъ въ хріи простой. но составленіе ея считалось дѣломъ болѣе труднымъ, чѣмъ составленіе хріи простой.

Отличіе ея отъ хріи простой состояло въ томъ, что въ хріи простой ставилось сначала предложеніе, или высказыва-

лась главная основная мысль, которая потомъ доказывалась и развивалась. А въ хріи превращенной не ставилось въ началѣ главное предложеніе, а напередъ (въ хріи чрезъ предыдущее и послѣдующее) приводились и развивались мысли, служащія причинами или доказательствами, и послѣ ихъ достаточнаго раскрытія главное предложеніе выводилось какъ слѣдствіе. Въ хріи чрезъ положеніе и приложеніе въ началѣ, вмѣсто причинъ и доказательствъ теоретическаго характера, приводился примѣръ, сравненіе или свидѣтельство, заимствованное изъ какого-либо авторитетнаго писателя, и въ приложеніи высказывается главная мысль, какъ выводъ,— то, что авторъ хотѣлъ подтвердить или разъяснить приведеннымъ примѣромъ или сравненіемъ. Въ примѣръ превращенной хріи чрезъ положеніе и приложеніе въ риторикахъ, нами изучаемыхъ, приводилось извѣстное краткое слово Иннокентія Херсонскаго въ Великую пятницу: „Одному благочестивому пустынноику надлежало сказать что-либо братіи, ожидавшей отъ него наставленій. Проникнутый глубокимъ чувствомъ бѣдности человѣческой, старецъ вмѣсто всякаго наставленія воскликнулъ: Братіе! Давайте плакать“. И всѣ пали на землю и пролили слезы!.. Изъ этого примѣра повѣдникъ выводитъ соотвѣтственное приложеніе.

Я много распространился о періодахъ и хріяхъ, желая дать понятіе о тѣхъ приемахъ, какими первоначально приучали насъ къ составленію сочиненій. Нынѣ такіе приемы вышли изъ употребленія; но они не лишены были практической пользы и сопровождались добрыми результатами. Формалистики, и частію излишней, много было при этомъ; но совершенно безъ нея трудно было и обойтись, чтобы неопытнаго и мало развитого новичка приучить къ необычному ему дѣлу, котораго онъ страшился, какъ дѣла труднаго.

Послѣ длинныхъ упражненій въ указанныхъ вводныхъ родахъ сочиненій, насъ заставляли писать настоящія сочиненія,— описанія, повѣствованія, разсужденія, переходя отъ болѣе легкаго къ болѣе трудному. Помню, послѣ хрій намъ

задано было описать „Утро въ деревнѣ“. Для написанія повѣствованія намъ дана была тема „Воскресеніе Христово“. Предлагали легкіе вопросы теоретическаго свойства для составленія разсужденій.

Писаніе сочиненій было главнымъ нашимъ занятіемъ, и въ этомъ дѣлѣ мы упражнялись очень усердно. Нѣкоторые изъ учениковъ не довольствовались тѣмъ, чтобы писать сочиненія на темы, данныя учителемъ, но сами добровольно, сверхъ заданныхъ сочиненій, писали что-либо свое, по своему вкусу и выбору, и эти сверхдолжные труды представляли наставнику, желая засвидѣтельствовать предъ ними свое усердіе и свои авторскія способности.

При преподаваніи піитики не обязывали всѣхъ писать стихотворенія. Но наставники приглашали желающихъ и чувствующихъ въ себѣ зародыши поэтическихъ дарованій попробовать себя въ опытахъ стихотворныхъ поэтическихъ произведеній. На это приглашеніе отзывались иные. На это приглашеніе я вызвался написать стихотвореніе на тему: „Ночь на свѣтлое Христово Воскресеніе“, которое до сихъ поръ у меня сохраняется. Мой первый опытъ въ стихосложеніи заслужилъ похвалу наставника: на немъ поставлена высшая отмѣтка (1); но оно было и послѣднимъ. Болѣе я не писалъ стиховъ, не чувствуя въ себѣ поэтическаго таланта. Но находились таланты, хорошо владѣвшіе стихомъ и представлявшіе наставникамъ поэтическія произведенія, годныя для печати. Когда я учился въ словесности, у насъ ходили по рукамъ поэтическія произведенія, написанныя учениками прежнихъ курсовъ,—Протопоповымъ и Потѣхинымъ. Одно изъ нихъ „Аэндорская волшебница“ прочитано было на публичномъ экзаменѣ, и всѣ, слышавшіе его, признали несомнѣнный поэтическій талантъ автора.

При изложеніи піитики намъ давали темы для сочиненія, относящіяся къ предмету этой науки. Нашъ наставникъ, излагая піитику, предложилъ для сочиненія рѣшить вопросъ: что легче написать,—комедію или трагедію? Во-

прось остался нерѣшеннымъ: одни писали, что легче написать комедію, а другіе—трагедію.

Русскими сочиненіями не довольствовались, а по старому обычаю, когда латынь господствовала въ семинаріяхъ, насъ заставляли писать сочиненія на латинскомъ языкѣ. Но учителя замѣтно тяготились этимъ обычаемъ, не признавая полезнымъ писаніе сочиненій на мертвомъ языкѣ, и въ то же время находя эту работу болѣе затруднительной; такъ какъ латинскимъ языкомъ ученики не владѣли въ совершенствѣ и не могли на немъ такъ свободно излагать свои мысли, какъ на своемъ природномъ языкѣ. Отъ того и сочиненія, писанныя на латинскомъ языкѣ, бывали и короче и скуднѣе по содержанію. Учителя какъ бы нехотя давали ихъ въ исполненіе уставнаго обычая, узаконеннаго въ семинаріяхъ. Но потомъ, во время моего обученія въ семинаріи, послѣдовало нѣкоторое облегченіе въ этомъ отношеніи для учениковъ: въ первые три года семинарскаго курса велѣно было вмѣсто латинскихъ сочиненій на заданныя темы заставлять писать переводы съ русскаго языка на латинскій какихъ-либо отдѣловъ изъ сочиненій русскихъ писателей.

Проф. *Василій Пльвицкій*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКИ.

Первая російская Сергіевская школа трезвости.

Въ русскомъ обществѣ охраненіи народнаго здравія на дняхъ іеромонахъ Павелъ сдѣлалъ сообщеніе о дѣятельности общества „Первая російская Сергіевская школа трезвости“. Въ 1904 году при Сергіевской пустыни близъ С.-Петербурга среди монашествующихъ возникла мысль объ организациі систематической борьбы съ пьянствомъ. Первоначально алко-голики, въ большинствѣ изъ простонародья, являлись въ пустынь и давали обѣтъ воздержанія отъ спиртныхъ напитковъ.

Черезъ годъ трудами іером. Павла, свящ. Миртова, мѣстной учительницы Павловой и купца Кукунина, въ поселкѣ при Сергіевской пустыни возникла школа для дѣтей обоего пола, которая поставила своей прямой задачей вкоренить въ дѣтяхъ сознательное отвращеніе къ пьянству, опираясь на духовно-нравственное ихъ воспитаніе. Первые шаги на этомъ пути были весьма трудны, такъ какъ школа была открыта безъ всякихъ средствъ и на единственное пожертвованіе въ десять рублей; дѣтямъ приходилось заниматься сидя на доскахъ, положенныхъ на полѣнья. Но уже въ 1906 г., благодаря содѣйствію Министерства Финансовъ, главнаго управленія земледѣлія и землеустройства, отпустившаго безвозмездно лѣса, и денежнымъ вспоможеніямъ со стороны училищнаго совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ и пот. гражд. Баранова, былъ построенъ спеціальныи домъ трезвости, со школой на три отдѣленія и мастерскими какъ для взрослыхъ, такъ и для дѣтей. Съ каждымъ годомъ эти учрежденія крѣпли и расширялись, и къ 1 января 1909 г. ихъ имущество уже опредѣлялось свыше 35 тыс. рублей. При домѣ трезвости устроена также столовая, отпускающая обѣды при условіи работы взрослыхъ въ домѣ трезвости и въ его мастерскихъ. За время своего существованія это учрежденіе обучило 287 дѣтей и отпустило свыше 30 тыс. обѣдовъ. Черезъ это общество—школу трезвости за четыре года прошло до 300 алкоголиковъ, преимущественно бѣднѣйшаго населенія, около 10% изъ нихъ совершенно оставили употребленіе спиртныхъ напитковъ. Подъ вліяніемъ той же школы и по ходатайству Сергіевскаго слободскаго населенія, въ слободѣ были закрыты въ 1907 году винныя лавки. Въ ближайшее время Сергіевское общество трезвости намѣрено устроить при школѣ примѣрное сельское хозяйство. Въ послѣдовавшемъ затѣмъ обсужденіи доклада присутствовавшими врачами терапевтами и психіатрами было высказано общее мнѣніе, что примѣръ монашествующихъ Сергіевской пустыни имѣетъ большое значеніе, и для охраненія здоровья и благосостоянія русскаго

народа является необходимымъ, чтобы дѣятельность духовенства въ борьбѣ съ пьянствомъ приняла широкіе размѣры и находилась въ постоянномъ общеніи съ различными обществами трезвости какъ городскими, такъ и сельскими. („Прав. В.“).

Іоанниты ждуть антихриста.

Кончина о. Іоанна и погребеніе его въ Іоанновскомъ монастырѣ вдохнули въ нелѣпную секту іоаннитовъ новыя силы. Іоанниты увѣряютъ легковѣрныхъ петербуржцевъ, что съ кончиной пастыря близится и пришествіе антихриста. Извѣстный іоаннитскій вождь, кощунственно называющій себя „Архангеломъ Михаиломъ“, повѣдалъ кругу своихъ единомышленниковъ, будто за недѣлю до кончины самъ о. Іоаннъ сообщилъ ему о близкомъ пришествіи антихриста. По словамъ ловкаго и наглаго мистификатора, о. Іоаннъ неоднократно вопрошалъ небеса о томъ, когда явится антихристъ и въ чемъ образѣ подобаеъ его видѣть? И вотъ было о. Іоанну ночное видѣніе. Это произошло по словамъ „Архангела Михаила“, въ Вауловскомъ монастырѣ, лѣтомъ 1907 г. Небеса рѣшили не омрачать жизни о. Іоанна, и потому появленіе антихриста было отложено до кончины его. Іоанниты увѣряютъ, что болѣе полныя свѣдѣнія о близкомъ пришествіи антихриста извѣстны всѣмъ монахинямъ Вауловскаго и Іоанновскаго монастырей. Чтобы не оскорблять памяти почившаго протоіерея, мы не приводимъ ссылокъ, которыя іоаннитскій пророкъ дѣлаеъ на проповѣди о. Іоанна и на будто бы сказанныя имъ слова.

Всѣ эти нелѣпости не стоило бы и оглашать, какъ и другія бредни іоаннитской секты, но сдѣлать это, пожалуй, необходимо, такъ какъ іоанниты рѣшили эксплуатировать довѣрчивую публику и готовятъ къ печати брошюру о видѣніи о. Іоанна, а пока распространяютъ устно свою приспособленную къ случаю легенду („Бирж. В.“).

Редакторъ, Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 31-го августа 1909 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.